

Современное международное право цивилизованных народов

Том I

Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах. Том 1 (под редакцией и с биографическим очерком доктора юридических наук, профессора В. А. Томсинова) - М.: "Зерцало", 2008 г. - 209 с.

Содержание

Федор Федорович (Фридрих Фромгольд) Мартенс (1845-1909) Биографический очерк	4
Предисловие	8
Предисловие к первому изданию	9
Введение	10
I. Основание международного права	10
II. Определение понятия международного права	18
III. История международных отношений и права	22
Период первый. С древности до Вестфальского мира	26
А. Древние времена	26
В. Средние века	44
Период второй. С Вестфальского мира до Венского конгресса 1815 г.	55
А. Международные отношения с Вестфальского мира до первой французской революции	55
В. О международных отношениях со времени Французской революции 1789 г. до Венского конгресса 1815 г.	68
Период третий. С Венского конгресса до настоящего времени	75
А. Международные отношения с Венского конгресса 1815 г. до Парижского мира 1856 г.	75
В. Международные отношения с Парижского мира 1856 г. до новейшего времени ..	80
IV. Развитие науки международного права	87
А. Период господства естественного права	88
В. Период преобладания положительного направления	92
С. Период соединения философских начал с положительными элементами международного права	95
V. Задача и цель науки современного международного права	99
VI. Основные черты системы	100
VII. Пространство действия международного права	101
VIII. Отношения международного права к другим юридическим и политическим наукам	103
IX. Источники международного права	104
X. Кодификация начала международного права	107
Часть общая	108
Глава первая. Право международного общения	109
I. Понятие и определение права международного общения	109
II. Развитие идеи международного общения	110
III. Основные начала права международного общения	112

IV. Основные задачи международного общения.....	112
A. В области взаимных государственных отношений.....	113
a) В сфере законодательства.....	113
b) В сфере администрации.....	114
c) В области судебной власти.....	116
B. В области общественных интересов.....	116
C. В области отношений отдельных подданных.....	117
V. Организация международного общения.....	118
VI. Органы международного общения: конгрессы и конференции.....	122
a) Понятие о конгрессе и конференции.....	122
b) Различие между конгрессами и конференциями.....	122
c) Делопроизводство конгрессов и конференций.....	123
Глава вторая. Субъекты международного права и международных отношений.....	125
I. Общие замечания.....	125
II. Государство как международная личность.....	125
III. Разделение государств.....	127
A. Простые государства.....	128
B. Сложные государства.....	128
a) Союз государств.....	128
b) Соединенные государства.....	129
IV. Условия существования государств, как международных личностей.....	129
A. Признание новых государств.....	130
B. Влияние внутренних государственных переворотов.....	131
C. Значение территориальных изменений государства.....	133
V. Международные свойства государства.....	138
VI. Основные международные права государств.....	142
VII. Государи, как субъекты прав в международных отношениях.....	149
VIII. Международное положение членов семейства и свиты государей.....	153
IX. Общественные классы, как субъекты прав в области международных сообщений.....	154
X. Частные лица, как субъекты прав в области международных сообщений.....	155
A. Права человека в международных отношениях.....	155
B. О правах государства в отношении подданных и иностранцев.....	160
Глава третья. Государственная территория и пути международных сообщений.....	164
I. О государственной территории вообще.....	164
II. Границы территории.....	165
III. О способах приобретения территориальных владений.....	167
IV. О способах отчуждения и утраты территории.....	173
V. Ограничения права территориальности.....	173
VI. Об открытом море.....	177
VII. О Береговом или территориальном море.....	180
VIII. О проливах.....	183
IX. О реках.....	184
Глава четвертая. Международные договоры.....	184
I. О международных договорах.....	185
II. Условия заключения и юридической силы трактатов.....	187
A) Субъективные условия.....	187
B. Объективные условия.....	192
III. Об участии третьих держав в договорах.....	193
IV. О внешней форме международных договоров.....	194
V. Виды международных договоров.....	195
VI. Исполнение международных договоров.....	197

VII. Международные способы обеспечения договоров	198
VIII. О толковании международных договоров	201
IX. Прекращение действия и обязательности международных договоров	202
X. Прибавление: международные обязательства из дозволенных и недозволенных действий.....	203

**Федор Федорович
(Фридрих Фромгольд) Мартенс
(1845-1909)
Биографический очерк**

Федор Федорович Мартенс родился в 1845 году в г. Пернове Лифляндской губернии (в настоящее время г. Пярну в Эстонии). Свой день рождения он отмечал 15 августа, именно эта дата была указана в "Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета", вышедшем при его жизни*(1). Однако никаких документов, подтверждающих ее, не существует. Эстонский историк права Л.Я. Лесмент, специально занимавшийся в 60-е годы XX века тайной происхождения Ф.Ф. Мартенса, пришел к выводу о том, что дата его рождения должна быть отнесена на апрель названного года. В церковной книге Елизаветинской церкви г. Пярну он обнаружил запись о том, что "4/16 апреля 1845 г. в половине десятого утра в подвале Пярнуской ратуши, в бедности, родился вторым из близнецов мальчик Фридрих. Мать ребенка была домохозяйкой, по имени Мадли, отец же - кальфактор ратуши - Юри сын Юри. Свидетелями при крещении были кучер Фриц (Frits) Юргенс, приказчик Антон Таумер и девица Катарина Тийдемманн"*(2). По мнению Лесмента, в приведенной записи говорится о рождении Ф.Ф. Мартенса - он, как известно, звался с детства Фридрихом, и его родителями были простые люди. Если Мадли и Юри действительно являлись его матерью и отцом, то первоначальная его фамилия звучала как Амм или Хамм - под этой фамилией они были записаны в церковную книгу. Известно далее, что родители ученого умерли в то время, когда он был еще ребенком, и его взяли на воспитание родственники, носившие фамилию Мартенс. Кем они являлись, трудно сказать из-за полного отсутствия каких-либо сведений о них, но, по всей видимости, были они людьми не слишком большого достатка.

Имя Федор Федорович Мартенс принял на себя уже в зрелом возрасте. Но и после этого он продолжал именовать себя за границей первоначальным именем - как Фридрих фон Мартенс (на немецком языке) или Фредерик де Мартенс (на французском языке). Полное же свое родовое имя он представлял как Фридрих Фромгольд или "Фромгольд, Федоров сын"*(3).

Правовед Антон Иванович (Антс) Пийп, являвшийся в 1917 году приват-доцентом Петроградского университета по кафедре международного права, а с 1919 года - профессором Тартуского университета по той же кафедре*(4), считал Ф.Ф. Мартенса эстонцем по происхождению*(5). Подобного мнения придерживался и Л.Я. Лесмент. "Будь Ф.Ф. Мартенс, например, остзейцем, - писал он, - то его биография была бы давно исследована. Но тот факт, что он не включен в немецкие и остзейские библиографические издания, позволяет сделать вывод, что Мартенс таковым не был"*(6). В доказательство эстонского происхождения ученого Лесмент привел и тот факт, что он разговаривал по-эстонски, когда приезжал в свой родной город.

Однако в детстве Мартенс не знал эстонского языка и выучил его, пребывая уже в солидном возрасте. По словам О.Б. Коха, "Ф.Ф. Мартенс происходил из прибалтийских немцев. Родным языком его был немецкий... В приемной семье Мартенсов (носил их фамилию) также говорили по-немецки"*(7). Данная точка зрения на происхождение Ф.Ф. Мартенса представляется мне более обоснованной*(8), нежели мнения эстонских правоведов. Но как бы то ни было, очевидным является то, что он был человеком русской культуры - русским по духу ученым.

В девятилетнем возрасте Фридрих Мартенс был привезен в Санкт-Петербург.

В январе 1855 года он был помещен в Сиротский дом при Евангелическо-лютеранской церкви Святого Петра. Курс гимназического обучения мальчик проходил в Главном немецком училище Святого Петра. По завершении в 1863 году учебы в гимназии он поступил на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета.

Кандидатское сочинение студента Мартенса было написано по теме "Об отношениях между Россией и Оттоманской империей в царствование императрицы Екатерины II". Оно получило высокую оценку со стороны преподавателей, что скорее всего и решило судьбу способного студента. Окончив в 1867 году университетский курс обучения, Фридрих Мартенс подал декану юридического факультета Санкт-Петербургского университета профессору И.И. Ивановскому прошение об оставлении его при университете для подготовки к профессорскому званию. На вопрос декана - по какой специальности он хотел бы проходить подготовку, Фридрих ответил, что желал бы остаться по кафедре уголовного права. Однако Игнатий Иакинфович, занимавший в то время только что созданную в российских университетах кафедру международного права, предложил ему заняться именно этой наукой. "Тогда у нас будет наш собственный Мартенс", - сказал он при этом, намекая на двух немецких ученых с такой же фамилией, специалистов по международному праву*(9). Фридрих согласился. Так начался его путь в науке, которая находилась в то время еще в стадии становления.

Уже в конце 1868 года молодой ученый представил в Совет юридического факультета свою магистерскую диссертацию. Она была посвящена вопросу неприкосновенности права частной собственности во время войны. 5 мая 1869 года Совет одобрил ее и разрешил публикацию, необходимую для защиты*(10). После этого Фридрих Мартенс сдал магистерские экзамены.

6 октября 1869 года он успешно защитил **диссертацию** "О праве частной собственности во время войны", представленную для получения магистерской степени, и вскоре после этого отправился для совершенствования своих познаний в юриспруденции за границу. В течение года Мартенс слушал лекции в университетах Вены, Гейдельберга и Лейпцига. Особенно большое впечатление произвели на него лекции и работы профессора Венского университета Лоренца фон Штейна (1815-1890) и профессора Гейдельбергского университета Иоганна Каспара Блюнчли (1808-1881).

Осенью 1870 года из-за избрания на новый срок Советом юридического факультета Санкт-Петербургского университета И.И. Ивановского освободилась кафедра международного права, которая была предложена Ф.Ф. Мартенсу. Федор Федорович вынужден был в связи с этим прервать заграничную командировку и возвратиться в Россию. В начале 1871 года он был утвержден попечителем Санкт-Петербургского учебного округа в звании штатного доцента Санкт-Петербургского университета по кафедре международного права. 28 января того же года доцент Мартенс прочитал студентам юридического факультета свою первую лекцию, названную им "О задачах современного международного права"*(11).

В этой лекции он охарактеризовал состояние науки международного права, дав ему негативную в целом оценку, и наметил пути его преодоления. Молодой ученый выразил здесь, в частности, мысль о том, что успешное развитие этой науки возможно только на основе истории международных отношений.

В 1873 году Ф.Ф. Мартенс защитил докторскую диссертацию "О консулах и консульской экспедиции на Востоке"*(12) и был назначен на должность экстраординарного профессора Санкт-Петербургского университета по кафедре международного права. Спустя три года он стал ординарным профессором по занимаемой кафедре.

5 декабря 1873 года государственный канцлер князь А.М. Горчаков подал

императору Александру II доклад, в котором обосновал необходимость составления сборника всех международных актов, заключенных Россией с иностранными державами. Государь одобрил это предложение. Составление "Собрания трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами" было поручено Ф.Ф. Мартенсу, который с 6 января 1869 года числился на службе в Министерстве иностранных дел. Федор Федорович занимался этим делом до самой своей смерти и сумел подготовить к изданию и выпустить в свет пятнадцать томов "Собрания". Первые четыре его тома включали в себя документы, отражающие отношения России с Австрией с 1648 по 1877 год, тома с пятого по восьмой состояли из документов, зафиксировавших отношения России с Германией (1656-1888 гг.), тома с девятого по двенадцатый охватывали документы об отношениях России с Англией в 1710-1895 годах, последние три тома - с тринадцатого по пятнадцатый - были посвящены отношениям России с Францией в 1717-1906 годах.

Публикацию международно-правовых документов Мартенс предварял историческими введениями, которые писались им на основе архивных материалов, хранившихся в Министерстве иностранных дел России. М.А. Таубе писал, характеризуя данный труд ученого: "Вместо обычной сухой коллекции договорных текстов Ф[едор] Федорович] предложил дать нашему и заграничному читающему миру, практикам и теоретикам международного права, дипломатам и историкам, профессорам и публицистам - и прежде всего самому русскому Министерству иностранных дел - живую историю русских договорных отношений с иностранными державами с середины XVII века". Говоря о значении созданного Ф.Ф. Мартенсом "неоценимого - и не имеющего себе подобного ни в одном государстве - историко-дипломатического сборника", М.А. Таубе подчеркивал энциклопедический характер данного произведения. По его словам, "Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами" стало настоящей "историко-дипломатической энциклопедией русских внешних сношений"*(13).

В 1874 году, когда вышел первый том указанного "Собрания", Мартенс принял участие в качестве официального представителя России (вместе с бароном А.Г. Жомини и генерал-майором Г.А. Леером) в Брюссельской конференции по кодификации законов и обычаев сухопутной войны, созванной по инициативе российского императора Александра II. Федор Федорович являлся одним из разработчиков проекта декларации, представленной для обсуждения на конференции со стороны России*(14).

В 1879 году Ф.Ф. Мартенс, пребывавший уже в чине статского советника, был назначен чиновником по особым поручениям при князе А.М. Горчакове. В 1881 году он стал членом Совета при министре иностранных дел. Сам по себе этот орган почти никакого влияния на принятие решений министром не оказывал. И роль Мартенса как советника обуславливалась не столько членством его в этом Совете (которое было скорее чисто формальным), сколько личным его авторитетом*(15).

В 1888 году Федор Федорович участвовал в качестве представителя российского правительства в работе Брюссельского конгресса по морскому и торговому праву.

В 1889 году он был назначен вторым уполномоченным императора Александра III на созванной опять-таки в Брюсселе (по инициативе Англии и Бельгии) дипломатической конференции по делам Африки и для установления общих мероприятий против торговли неграми. Мартенс был автором большей части постановлений принятого конференцией "Генерального акта" и сыграл огромную роль в качестве примирителя. Английская королева Виктория и бельгийский король Леопольд высоко оценили работу русского ученого и дипломата, выразив российскому государю особенную благодарность за назначение его на эту конференцию.

В 1893 и 1894 годах Ф.Ф. Мартенс принимал участие как делегат российского правительства в работе Гаагской конференции, созванной по инициативе Нидерландов для определения важнейших принципов международного частного права.

В числе главных достижений Ф.Ф. Мартенса как участника международных конференций обыкновенно упоминают оговорку, введенную им в международное право во время Гаагской Конференции мира, состоявшейся в 1899 году*(16). Суть этой оговорки, известной с тех пор в качестве "оговорки Мартенса", заключается в следующем положении: "Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие договаривающиеся стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие стороны остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания".

Плодотворное участие русского ученого в межгосударственных конференциях укрепляло его авторитет как общепризнанного специалиста в области международного права. Мартенс неоднократно приглашался на роль третейского судьи в спорах между различными государствами*(17). Его называли "главным судьей христианского мира".

С 1874 года Ф.Ф. Мартенс являлся членом созданного годом ранее в Генте Института международного права, в 1885 году он стал его вице-президентом. О международной известности Мартенса и признании его заслуг в области науки международного права свидетельствует избрание его почетным доктором права Эдинбургского (в 1884 г.) и Кэмбриджского (в 1895 г.) университетов, почетным членом Новороссийского университета в Одессе (в 1895 г.), членом-корреспондентом Петербургской Академии наук (в 1908 г.). В 1884 году юридический факультет Венского университета предлагал ему занять кафедру международного права.

Авторитет Ф.Ф. Мартенса как глубокого знатока проблем международного права выросал и укреплялся главным образом на основе его плодотворной научной и преподавательской деятельности. Лекции по международному праву на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета он читал три с половиной десятилетия - до 1905 года. Кроме того, с 1871 года и до самой смерти Федор Федорович преподавал международное право в Императорском Училище Правоведения, а также в Александровском лицее.

В 1882-1883 годах вышли в свет два тома его учебника "Современное международное право цивилизованных народов". В 1887-1888 годах появилось второе издание данного учебника. В 1895-1896 годах - третье, в 1898-1900 годах - четвертое, в 1904-1905 годах - пятое и последнее, прижизненное издание.

В предисловии к первому изданию своего учебника Федор Федорович писал: "Русской литературы по международному праву, собственно говоря, не существует, и до сих пор нет ни одного систематического руководства по этой науке, оставленного русским ученым. Между тем потребность в таком руководстве, которое дало бы возможность ориентироваться в ежедневно возникающих международных вопросах, чувствуется не только юристами, но и всеми образованными русскими людьми, интересующимися внешнею политикою и следящими за развитием общей культурной жизни цивилизованных народов. С целью восполнить этот пробел, мы издаем настоящий труд, два тома которого обнимут всю область международного права, как во время мира, так и войны".

Изучение истории международных отношений позволило Мартенсу прийти к мысли о том, что "степень развития социальных интересов и внутреннего строя

государства определяет меру его участия в международной жизни". Отсюда он сделал вывод, что "все значение международных отношений и вся сила международного права основывается именно на общности социальных, культурных и правовых интересов, соединяющих цивилизованные народы".

Под международным правом Ф.Ф. Мартенс понимал, как он отмечал во введении к учебнику, "совокупность юридических норм, определяющих условия достижения народами своих жизненных целей в сфере взаимных их отношений". Основанием его учений считал "фактические, реальные, жизненные отношения, в которых народы в данное время состоят между собой". По его словам, "с этой точки зрения, каждый международный закон имеет настолько разумное основание и право на существование, насколько соответствует действительным, разумным жизненным отношениям между народами". В связи с этим, подчеркивал Мартенс, "наука международного права имеет своей задачей постоянно следить за изменением этих отношений. Она только тогда будет стоять на высоте своего призвания, когда начала, ею провозглашенные, не будут насилем над законными потребностями народов, когда развитие их не будет отставать от прогресса международной жизни, словом, когда эта жизнь и международное право будут в полнейшем согласии друг с другом".

Вплоть до 1917 года **книга** Ф.Ф. Мартенса "Современное международное право цивилизованных народов" являлась самым авторитетным учебником для всех изучавших международное право. По нему учились студенты юридических вузов, его изучал Николай II в то время, когда был еще только наследником императорского престола, его штудировали государственные деятели императорской и Советской России.

В течение 1883-1887 годов учебник Ф.Ф. Мартенса по международному праву вышел в свет на немецком и французском языках. В 1895 году в Мадриде был издан его перевод на испанский язык. Кроме того, он издавался на китайском, персидском, сербском, японском и других языках. В конце XIX - в первой половине XX веков **учебник** Ф.Ф. Мартенса "Современное международное право цивилизованных народов" был одной из самых известных в мире книг по международному праву. Он воспринимался не только в качестве учебного пособия для подготовки юристов, но и как выражение мнений по различным международно-правовым вопросам авторитетного правоведа.

В последние годы своей жизни Ф.Ф. Мартенс испытывал невыносимые душевные страдания: на его глазах шел процесс разложения русского государства. "Внутренние дела России продолжают в прежнем состоянии нравственного маразма, умственного ничтожества и государственного неурейства"*(18), - записывал он в своем дневнике. Поражение России в войне с Японией Мартенс воспринял как личную свою трагедию. Терзавшая его душу тревога за судьбу родины, по всей видимости, и стала главной причиной, сократившей его жизнь. Федор Федорович умер от разрыва сердца 7 июня 1909 года.

В.А. Томсинов,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
истории государства и права юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Предисловие

Настоящее пятое издание первого тома моего Курса международного права значительно дополнено новыми фактами из области международной жизни и науки

международного права.

В этом отношении настоящее издание существенным образом отличается от переводов моего Курса на главнейшие европейские и азиатские языки, появившихся в настоящее время.

Ф. Мартенс
С.-Петербург Декабрь 1903 г.

Предисловие к первому изданию

С того самого времени, когда мощною волею Петра Великого Россия была введена в семью западноевропейских цивилизованных народов, она до настоящей минуты не переставала принимать непосредственное участие в международной жизни и в ее развитии. Но одним участием не ограничивалась роль России. Нет, по мере того как русский народ шел вперед по пути развития гражданственности и внутреннего своего строя, Россия выступает в области международных отношений великой и могущественной державой, которая особенно чутко относится ко всем вопросам, выдвигаемым на первый план стремлениями европейских народов к устойчивости международного порядка в видах необходимости его для всестороннего внутреннего, общественного и культурного, их развития. Великий ум императрицы Екатерины II нашел в созданном ею союзе "вооруженного нейтралитета" лучшее средство для охраны законных прав бессильных нейтральных народов. По великодушному почину Царя-Освободителя была созвана в 1874 г. Брюссельская конференция для определения обязательных обычаев и законов войны, с целью смягчить ее бедствия и страдания. Но замечательно, если Россия, в качестве великой державы, принимает самое деятельное участие в разрешении международных вопросов, то, с другой стороны, наука международного права тугο пускает корни в русскую почву. Русской литературы по международному праву, собственно говоря, совсем не существует, и до сих пор нет ни одного систематического руководства по этой науке, оставленного русским ученым. Между тем потребность в таком руководстве, которое дало бы возможность ориентироваться в ежедневно возникающих международных вопросах, чувствуется не только юристами, но и всеми образованными русскими людьми, интересующимися внешнею политикою и следящими за развитием общей культурной жизни цивилизованных народов.

С целью восполнить этот пробел, мы издаем настоящий труд, два тома которого обнимут всю область международного права, как во время мира, так и войны.

Относительно этого первого тома позволено будет нам сказать несколько слов. Система, в которой мы излагаем науку международного права, существенным образом отличается от других в богатой западноевропейской литературе по международному праву научных систем. Насколько она состоятельна, можно будет судить только по выходу в свет второго тома. В настоящее время мы позволяем себе только заметить, что в продолжение одиннадцати лет нашей преподавательской деятельности, эта система была и остается, по нашему крайнему разумению, тем порядком, который наилучше соответствует сущности и степени развития современных международных отношений.

В этой системе занимает выдающееся место история международных отношений, которая выясняет мысль, легшую в основание всего этого труда. Мысль эта может быть выражена коротко в следующем положении: степень развития социальных интересов и внутреннего строя государства определяет меру его

участия в международной жизни.

Действительно, изучение истории международных отношений вообще и участие в них России в особенности привело нас к непоколебимому убеждению в том, что внутренняя жизнь и порядок государства обнаруживают роковым образом свое действие на его международные отношения и политику. Международные отношения всегда представляют зеркало, точно отражающее внутреннее состояние государственных обществ в известную эпоху их существования, равно и принципов, которые лежат в основании социального и политического их строя. Чем более правительства сознают свои обязанности в отношении всех своих подданных, чем более они относятся с уважением к их правам и законным интересам, тем устойчивее внутренний государственный порядок и тем лучше обеспечено мирное и правомерное течение международной жизни. Поэтому стоит только определить крепость внутреннего государственного порядка и степень общественного развития данного народа, чтобы определить, помимо его внешней физической силы, степень его влияния и значения в области международных отношений. Сумма политического могущества государства в различные моменты его жизни может, на первый взгляд, оставаться совершенно неизменной, но внутренняя и действительная сила самого государства и международное его влияние будут положительно различны, если нарушается связь общих социальных его интересов с интересами других народов и расшатываются основы внутреннего в нем порядка и власти.

По нашему глубокому убеждению, все значение международных отношений и вся сила международного права основывается именно на общности социальных, культурных и правовых интересов, соединяющих цивилизованные народы. Мы сделали попытку раскрыть эту связь между общественной жизнью народов и взаимными внешними их отношениями через всю историю международных отношений, начиная с древности и до настоящего времени, и мы пришли к убеждению, что если в государстве человеческая личность, как таковая, признается источником гражданских и политических прав, то и международная жизнь представляет высокую степень развития порядка и права. Наоборот, с государством, в котором человеческая личность никакими правами не пользуется, где она бесправна и угнетается, международные отношения не могут ни развиваться, ни установиться на прочных основаниях. Самобытность же народа, в смысле культурной индивидуальности, может развиваться и окрепнуть только в области международных отношений, при условии взаимного уважения и при дружном стремлении народов к достижению общих культурных идеалов.

Таковы основная идея и выводы настоящего труда. Они основаны не на предвзятых мыслях, но на добросовестном изучении истории международных отношений и, в особенности, развития русской международной политики по источникам из наших архивов. Многие факты, относящиеся до дипломатических отношений России, обнародуются здесь в первый раз.

За высказанные в этой книге мысли и положения мы стоим всей силой наших личных убеждений и всей совокупностью приведенных нами положительных фактов.

Светлое Воскресенье, 1882 г.

Введение

I. Основание международного права

§ 1. Предмет науки международного права есть совокупность жизненных

отношений, существующих между народами. Отношения эти вызываются различными интересами и стремлениями как целых народов, так и отдельных их членов, подданных различных государств, к удовлетворению, посредством международного обмена, своих физических и духовных потребностей. Следовательно, наука международного права имеет своим основанием международную жизнь и служит выражением правового общения цивилизованных народов. При современном развитии международных отношений она должна представлять, очевидно, большой практический интерес и жизненную важность.

Однако не все юристы согласны в своих взглядах на значение науки международного права. Если такой замечательный публицист, как Лоренц фон Штейн, относит ее к высшей области юридико-политических наук, то другие представители юриспруденции и преимущественно юристы-практики не находят возможным даже считать международное право за отрасль права, или, - как Лассон, - доказывают, что единственным его предметом является осуществление в международных отношениях грубой физической силы.

Эта отрицательная точка зрения на науку международного права объясняется причинами двоякого рода: во-первых, преобладавшим до последнего времени характером юридического образования на Западе Европы; во-вторых, новейшим реалистическим направлением исторической науки и отчасти правоведения.

В Западной Европе, и в особенности в германских университетах, изучение римского права и пандектов до самого последнего времени составляло почти исключительный предмет образования юристов. Это преобладающее господство римского права не только замедлило развитие других отделов права, но и утвердило тот ложный взгляд на юридическую науку, что только та система законов заслуживает названия науки права, которая непосредственно применяется к жизни, служит средством борьбы за повседневные интересы лица, охраняется принудительной силой, - словом - может быть основана на римском праве. Построенное на началах, римским юристам неизвестных, часто нарушаемое на практике и в большинстве случаев имеющее лишь отдаленный интерес для частных лиц, международное право, в глазах цивилиста, не было частью правоведения, и потому он не находил возможным посвятить ему свои труды. Но от этого воззрения теперь отказываются даже в Германии. Современные юристы и политические деятели все более убеждаются, что при существующем строе общественной жизни, когда народ, путем избрания своих представителей, призывается к участию в законодательстве и к управлению страной, знакомство с одним *Corpus juris* представляется далеко не достаточным. Свод римского права не дает никакого ответа на многие жизненные вопросы, от которых зависит в настоящее время всестороннее социальное развитие народов. Вот почему возникают новые политико-юридические науки, как наука об общественном праве (*Gesellschaftsrecht*), учение об управлении (*Verwaltungslehre*), и вот почему рядом с ними достигает высокой степени развития наука международного права.

Вместе с тем римское право постепенно сходит с того пьедестала, на который оно было поставлено в Германии силой обстоятельств прошлого времени. Было бы напрасным трудом пытаться определить международные отношения современных народов на основании принципов этого права. Римляне остаются неподражаемыми мастерами в формулировании положений гражданского права и в приложении юридического анализа, с которым каждый юрист должен относиться к изучению права вообще. В этом отношении римское право дает науке международного права тот практический метод, те орудия анализа, посредством которых могут быть выяснены юридические нормы или законы. Но в нем нельзя искать юридического определения отношений, существующих между современными народами, потому что Римляне не знали международных отношений в том смысле, какой придается им

в настоящее время. В своих сношениях с другими народами они исходили из принципа, прямо противоположного современному: мирные международные сношения, в которые Рим вынужден был вступать, они признавали нарушением законного порядка отношений, в которых Римляне должны находиться к другим народам; тогда как теперь международная жизнь, в мирных ее проявлениях, считается нормальным порядком вещей, вызванным законными потребностями государств и их граждан.

Что касается второй причины, которая приводит к отрицанию международного права, то она заключается, как сказано выше, в реализме, господствующем ныне не только в науке истории, но также и в различных областях юриспруденции. Нисколько не оспаривая заслуги реалистической школы перед наукой, нельзя, однако, обойти молчанием и ее увлечения и недостатки. Наиболее замечательный и последовательный выразитель этого направления, Ипполит Тэн, следующим образом определяет метод, которым реалисты могут разрешить поставленную себе задачу. "Природа и история, - говорит он, - для нас сделали выбор"; они определили уже вперед весь ход нашей жизни, все отношения, в которые люди могут становиться, равно как и результаты деятельности, к которым они в конце концов придут. Следовательно, только на основании изучения исторических фактов и обстоятельств могут быть выяснены те законы прогрессивного развития, под влиянием которых находилось и живет данное общество или народ. Всякая инициатива, всякий произвол, всякая случайность и всякая свобода воли отрицаются реалистическим направлением. Прилагая этот метод к области международных отношений, реальная школа юристов совершенно последовательно пришла к убеждению, что господство физической силы составляет единственный закон международных отношений; ибо не доказывает ли исторический опыт, что именно она определяла отношения между государствами, была тем фактором, который почти всегда торжествовал над правом? Отсюда следующие афоризмы, при помощи которых представители реального направления решают вопросы международного права: "la force prime le droit", "право без силы - мечта".

Но возможно ли сводить международные отношения к преобладанию грубой силы, как их верховному началу? Возможно ли доказать положительными фактами, что в области международных отношений должна господствовать и господствует одна грубая сила и произвол? Если необходимо изучить обстоятельства и факты, среди которых складывалась международная жизнь, то следует ли из этого, что свобода человеческой воли не имела решительно никакого влияния на создание этих условий? - Конечно, нет. В основании всех правовых отношений, частных и публичных, государственных и международных, без сомнения, лежит сама жизнь и ее условия. Но те реальные обстоятельства, под действием которых зарождались и получают определенную форму те или другие юридические нормы и права, суть сами произведения разнообразных причин, часто случая и нередко - гениального ума, воли и деятельности человека. В этом отношении наука международного права представляет много примеров, как известные начала, выставленные каким-либо замечательным государственным деятелем, писателем или юристом, усваивались другими юристами и писателями, применялись самими государствами и, таким образом, получали значение обычных начал, освященных опытом и практикой целых поколений. В международном праве существуют многие обычные начала и правила, которые выработались цивилизованной жизнью народов, которые уважаются и применяются, независимо от международных трактатов и законов, единственно в силу внутренней их разумности и практической пользы. Таковы, например, права и привилегии, которыми пользуются дипломатические агенты, находясь на иностранной территории, их неподсудность в делах гражданских и уголовных суду того государства, при котором они аккредитованы, и т.д. Все эти и многие другие

явления международной жизни не имеют ничего общего с господством физической силы. Они необъяснимы с точки зрения реалистического направления и могут быть оправданы только здравым смыслом, разумом, сознанием их действительной пользы, идеей правды и справедливости, которая должна составлять высший критерий всякого права.

Если мы оставим теоретические соображения и обратимся к практике международных отношений в том виде, в каком они существуют в настоящее время, то и здесь встретим множество фактов, опровергающих писателей-юристов, которые полагают, что международного права нет и что в сфере международных отношений царят исключительно произвол и насилие. Мы увидим, что между современными образованными народами установился правильный и непрерывный обмен их экономической, промышленной и хозяйственной деятельности. Торговые отношения, связывающие современные государства, приняли в настоящее время такие размеры, о которых прежде не существовало никакого понятия. Вместе с тем, они сделались предметом определения огромного количества международных конвенций, договоров торговли и мореплавания, предусматривающих условия, при которых эти отношения должны продолжаться, и содержать в себе правила, на основании которых они должны происходить. Но не одни экономические интересы сближают современные народы и устанавливают между ними правовые отношения.

Существует очень много и других потребностей и интересов, которые преследуются со стороны подданных различных государств не в пределах своего отечества, но в области международных сношений. В настоящее время каждое лицо, не находящее средств для своего существования или для развития своих способностей и сил в своей стране, может свободно переселиться в другое государство, где оно, даже помимо трактатов, найдет полную охрану личных и имущественных прав. Мало того, каждое лицо, поселившееся на иностранной территории, может, в силу акта натурализации, получить права гражданства в месте своего пребывания, и такой натурализованный гражданин будет признаваться иноземцем даже в пределах своей родины.

Затем, современные народы находят необходимым установить известный порядок, регулируемый правом, также в области духовных своих интересов. В отношении умственной и художественной деятельности почти все западноевропейские народы составляют теперь одно международное общество, в пределах которого всякий литератор, ученый, художник, артист или композитор пользуются одинаковым правом на защиту суда и закона в случае нарушения их литературной и художественной собственности.

Равным образом охраняются международными средствами общие всем цивилизованным народам интересы правосудия. При современном развитии международных сообщений преступнику легко, посредством побега, ускользнуть от законной ответственности перед судьей места совершения преступления, и скрыться за границей. Ввиду такой возможности избежать заслуженного наказания, государства заключают между собой картельные конвенции, определяющие порядок выдачи преступников, совершивших общие преступления. Повсеместное господство гражданских и торговых законов обеспечивается признанием равноправности между судами различных государств, приговоры которых, на основании существующих договоров об исполнении решений иностранных судов, или по началу взаимности, считаются действительными за пределами их территориальной юрисдикции.

Не менее убедительным доказательством не только фактического существования, но и юридического определения международных отношений служат многочисленные конгрессы и конференции представителей различных государств, происходившие в прошлом и нынешнем столетии. Они указывают на осознанную самими государствами недостаточность одного внутреннего законодательства, без

международных соглашений и мер, для полного обеспечения законных интересов своих подданных. Ввиду этого государства вступают в союзы, задачей которых служат социальные интересы народов. Так, например, Бернский конгресс 1874 г. привел к устройству Всемирного почтового союза, члены которого подчиняются совершенно одинаковым правилам относительно эксплуатации почтовой связи. Телеграфные конференции выработали однообразные правила для пользования в пределах всех приступивших к телеграфному союзу государств телеграфными сношениями, и т.д. Даже во время войны современные образованные народы признают себя связанными известными обычными и договорными правилами, определяющими их взаимные отношения. Парижская декларация 1856 г. определила права нейтральной торговли. Женевская конвенция 1864 г. установила для воюющих государств одинаковые правила относительно ухода за ранеными и больными неприятельскими лицами. На основании этого международного акта всякий больной или раненый во время сражения воин имеет такое же право на охрану и попечение со стороны противника, как и собственные подданные последнего. Петербургская декларация 1868 г. запрещает употребление во время войны разрывных пуль, весом менее определенного размера. В 1874 г., по инициативе покойного Государя Императора Александра II, была созвана Брюссельская конференция для определения вообще всех законов и обычаев сухопутной войны. Следовательно, и во время неприязненных отношений современные государства отказываются от принципа неограниченного господства физической силы, считая обязательными для себя известные обычаи и соглашения, стесняющие произвол. Вообще говоря, история международных отношений есть собственно непрерывный ряд фактов, доказывающих необходимость известного порядка во взаимных отношениях народов. Идея так называемого "политического равновесия" доказывает, что и в области политических отношений народы считали необходимым установить известный порядок, определить свои отношения известными правилами.

На основании приведенных фактов нельзя не прийти к тому заключению, что существующие международные отношения определяются как обычаями, так и формальными международными актами и юридическими началами, т.е. рядом норм, законов, которые должны быть соблюдаемы со стороны заинтересованных государств. Другими словами, насколько необходима международная жизнь, настолько необходимо право, ее регулирующее, и отрицать это право значило бы то же самое, что отрицать те отношения, которые существуют фактически между народами и которые вызваны законными их потребностями.

§ 2. Независимо от общего направления реальной школы, отрицающего существование или практическое значение науки международного права, в литературе и обществе весьма распространены еще специально юридические возражения против возможности осуществления и определения правовых начал и законов в области международных отношений. Возражения эти основываются главным образом на отсутствии принудительного характера положений международного права и, в частности, на недостатке законодательной власти и суда, общих всему союзу государств.

Во главе современных юристов, видящих существенный признак права в принуждении или силе, стоит знаменитый германский юрист Иеринг, посвятивший несколько сочинений специально выяснению сущности права. В одном из своих трудов немецкий ученый прямо говорит, что "понятие права не есть понятие логическое, но чистое понятие о силе". "Сила, - замечает он в другом месте, - не есть только средство для осуществления права, но она становится органической частью самого понятия о праве". Иеринг доказывает, наконец, что сила представляет такой необходимый элемент права, что при ее отсутствии самое право

немыслимо, что те отношения, как, например, международные, в которых принуждение не находит места, будут отношения моральные, а не юридические. Мнение это имеет много сторонников и среди других представителей теоретической и практической юриспруденции.

Мы не можем, однако, согласиться, чтобы силе принадлежала такая исключительная роль в определении характера жизненных отношений. Дело в том, что понятие права, выставленное Иерингом, опровергается им же самим в дальнейшем развитии его теории. Хотя знаменитый романист и признает, что сила есть существенная составная часть права, тем не менее он доказывает, что сильнейший, из уважения к собственным интересам, ограничивает свою силу, не продолжает вечно борьбу с противником; он заключает мир, а мир, говорит Иеринг, есть основание всякого порядка и права. Поэтому право основывается на соглашении (*auf dem Vertrage*).

Никто не будет утверждать, чтобы эта точка зрения не могла быть применена к международным отношениям. И здесь сильнейшее государство весьма часто, из уважения к собственной пользе, должно ограничивать свою силу. Охраняя свои интересы, оно входит в соглашение с другими слабейшими народами, чтобы установить порядок, который всегда основывается на соблюдении известных юридических норм или законов. Таким образом, если право гражданское, уголовное и государственное есть вообще последствие соглашений между данными сторонами, то и международный порядок или право также являются результатом соглашения, в котором участвуют государства различной силы и могущества.

Аналогия идет еще далее. Все социальные отношения, по мнению Иеринга, имеют своим основанием соединение личной цели с пользой или интересом другого. Так, в государстве правительственная власть уважает права своих подданных ввиду обеспечения собственного блага или интереса. Но то же самое мы видим и в области международных сношений. Международная жизнь представляет ряд политических союзов государств, союзов социальных, для выдачи преступников, для охранения литературной собственности и т.д., и каждый из них может быть рассматриваем как соединение народов, заключенное ради достижения пользы каждого путем уважения интересов других договорившихся сторон. Международное право также основывается на компромиссе интересов государств, входящих в международное общение. Всякое же общение людей, признающее известный порядок общежития, есть общежитие правовое.

Следовательно, на основании теории самого Иеринга невозможно оспаривать существование порядка и права в международных отношениях. Но, кроме того, неверно и самое исходное положение этой теории. Учение, согласно которому физическая сила и принуждение составляют существенную принадлежность права, смешивает две различные вещи: самое право и принудительный порядок его осуществления. Последний имеет применение обыкновенно в том случае, когда право и закон нарушаются. Поэтому сила есть более элемент неправды, чем права, которое в нормальном его существовании никогда не вызывает насильственного осуществления. Право перестает существовать с того момента, когда оно перестало быть побудительной причиной и мотивом людских действий, когда оно более не сознается. Вот почему распространение сознания права есть лучшее средство для того, чтобы обеспечить его осуществление. Отсюда ясно, насколько лучшее применение и уважение начал международного права стоит в прямой зависимости от знания его со стороны тех, которые призваны быть его исполнителями и истолкователями.

Второе юридическое возражение, направленное против международного права, заключается в положении, что в международных отношениях нет законодательства. Если международная жизнь не знает законодательной власти, -

говорят защитники этого возражения, - то не может быть речи о международном праве, как совокупности законов, определяющих международные отношения. Нельзя не видеть, что это возражение основывается на совершенно неправильном понимании цели и задач законодательства. По мнению его защитников, закон, изданный установленной властью, есть единственный источник права и обязательной силы. С этой точки зрения, задача законодателя будет состоять в том, чтобы издать, или даже изобрести, как можно более законов и одарить ими подданных, которые без этого останутся вечно в бесправном состоянии. С другой стороны, никакие ни личные, ни имущественные блага граждан, ни обязательственное, ни семейное право не найдут охраны и уважения, если, как полагают приверженцы рассматриваемого взгляда, не будет существовать специальных законов, оберегающих жизнь, честь и прочие права человека.

Ни с теми, ни с другими нельзя согласиться. Правильно понимаемая задача законодателя состоит не в изобретении прав, но в добросовестном изучении и формулировании тех жизненных отношений и взаимных интересов людей, которые лежат в основании всякого права. Эти права вытекают из человеческой природы и окружающих ее условий и потому не могут быть созданы законодательством. Они существуют сами по себе. Люди вступали в брак, владели вещами и заключали обязательства раньше, чем гражданские законы стали определять условия брака, права собственника и отношения между контрагентами. Каждый человек имеет право на уважение своей личности, на неприкосновенность собственности и семьи, независимо от того, признает их закон или нет. Напротив, тот закон, который отрицал бы право лица на жизнь, честь и свободу, не имел бы права на существование, был бы противоречием здравому смыслу и справедливости.

Если законодательная власть не есть первоначальный источник права в гражданском и государственном быту, то и в области международных отношений отсутствие ее никак не может служить доказательством, что здесь не существует никаких обязательных юридических норм. Фактически установившийся в этом отношении порядок вещей допускает только один вывод, что современные народы не дошли еще до такой степени развития, чтобы учредить над собой определенный орган законодательства, постановления которого имели бы обязательную силу для всех народов. Насколько возможно и желательно устройство общей верховной власти над государствами при настоящих условиях международных отношений - это другой вопрос. Хотя Блюнчли называет "прекрасной мечтой идеалистов" осуществление такого порядка, когда все народы будут находиться под общей законодательной властью, но он не отрицает возможности существования "всемирного государства" (Weltstaat). Мне кажется, что при современном состоянии международной жизни - это неосуществимая утопия. Но это обстоятельство нисколько не устраняет факта, что и в настоящее время международные отношения все-таки знают определенный порядок и, следовательно, право, их регулирующее. Те законы, которыми определяются существующие ныне отношения народов, суть произведение не законодательной власти, но соглашения между отдельными государствами. Действующий в этом отношении порядок напоминает феодальное время. Как в средние века все так называемые "coutumes" и "usages", феодальное частное и государственное право, основывались почти исключительно на компромиссе между сюзереном с одной и вассалами с другой стороны, между королем и средневековыми муниципиями, так в настоящее время путь соглашения, взаимных уступок между договаривающимися государствами представляется нормальным способом для установления международных законов.

Наконец, последнее возражение, которое приводят юристы против господства права в отношениях между народами, основывается на недостатке постоянного и правильно организованного международного суда, который призывал бы к ответу

нарушителей международного права. Отсутствие такого трибунала служит, по их мнению, неопровержимым доказательством, что то, что выдается за международное право, в действительности лишено всякой гарантии и, следовательно, не может быть названо правом в юридическом смысле этого слова. Это возражение, как и предыдущее, грешит, прежде всего, ошибочным пониманием назначения, которое имеет суд в каждом цивилизованном государстве. Оно опирается на убеждение, что суд, восстанавливая нарушенный юридический порядок, не только утверждает право, но и создает его; поэтому где нет суда, там не может быть и права. Но и всякий суд, гражданский или уголовный, разрешает, собственно, одну задачу: он выясняет существующие правовые отношения, ставшие не вполне определенными, благодаря ли злой воле человека, или разным другим обстоятельствам; единственная цель судьи заключается в том, чтобы выяснить, посредством юридического анализа, все условия, в зависимости от которых находится спорное или нарушенное право, и на этом основании решить, на чьей стороне находится последнее, на стороне истца или ответчика, и нарушено ли оно обвиняемым лицом, если дело идет о преступлении. Но можно представить себе даже такой суд, который в решениях своих будет насмехаться над всякими законами, божескими и человеческими. Следовательно, как одно существование суда не в состоянии еще обеспечить законность, так и его отсутствие не доказывает непременно отсутствие всякого права. Другими словами: право существует раньше суда и не от суда зависит его бытие.

Прилагая эту точку зрения к международным отношениям, мы легко поймем несостоятельность того взгляда, по которому недостаток общей судебной власти для всех народов приводится как свидетельство, что и само международное право не существует. Этот недостаток доказывает только, что согласие, которое лежит в основании международного права, не развилось еще до такой степени, чтобы установить постоянную судебную власть для разрешения всех споров, которые возникают между государствами. Для этого необходимо существенное изменение современных международных отношений, а в особенности большее согласие, более взаимных уступок со стороны государств, чем замечалось до настоящего времени. Впрочем, развитие в нынешнем столетии третейского разбирательства международных споров показывает, что современные государства часто находили более выгодным для себя учреждение именно суда для прекращения своих несогласий, чем другие насильственные средства их разрешения. Из таких судов особенно замечателен Женевский третейский трибунал, учрежденный в 1871 г., на основании соглашения между Англией и Северо-Американскими Соединенными Штатами, по делу Алабамы: он присудил Англию к уплате огромной суммы убытков за те незаконные действия, которые эта держава допустила в пределах своих вод во время междоусобной войны в Северной Америке. Еще больше внимания заслуживает третейское разбирательство спора между Англией и Соединенными Штатами относительно Берингова моря, оконченное в 1893 г. подтверждением принципа свободы открытого моря. Наконец, в 1897 г. учрежден был международный третейский трибунал, под председательством автора этой книги, для решения пресловутого пограничного спора между Великобританией и Соединенными Штатами Венесуэлы. Однако не третейское разбирательство, но война остается до настоящего времени обыкновенным способом для разрешения международных споров. Но доказывает ли этот факт отсутствие международного права? Нисколько. История судопроизводства показывает нам, что в основании древнейшего судебного процесса лежат те самые начала, которые господствуют ныне в спорах между государствами. При неразвитом состоянии общественной жизни в древнейшее время каждое лицо собственной своей силой охраняло свое право. Господство самосуда доказывает, конечно, некультурное состояние общества; но отсюда было

бы несправедливо заключать, что члены этого общества не знали никакого права, не соблюдали ни обычаев, ни законов. В средние века существует уже суд, установленный верховной властью. Однако подданные государства продолжают обращаться к поединку, как к способу решения своих несогласий. В некоторой степени таким же судебным поединком является в настоящее время международная война. Сходство между ними заключается не только в том, что в обоих случаях решение принадлежит силе, но и в существовании известных правил, которые соблюдаются при применении этой силы. Таким образом, война не есть отрицание права; напротив, она сама подчиняется известным законам, которые освящены обычаем и международными соглашениями. Итак, существуют международные отношения, требующие необходимости юридического определения, и существует совокупность норм, законов, составляющих международное право. Источниками правил, которые должны господствовать в области международных отношений, служат как соглашения между государствами, так и обычные начала и, наконец, юридический порядок, который установился силой жизненных потребностей. Первоначальное же основание международного права коренится в общем источнике всех юридических и политических наук, о котором говорит английский мыслитель Бэкон в следующих прекрасных словах: "В природе, - говорит он, - есть известный источник правды и справедливости, из которого истекают все законы гражданского общества, и подобно тому, как вода принимает цвет и вкус разнородных слоев почвы, чрез которые она протекает, точно так же и законы гражданского общества различаются по местностям и государствам, в которых они насаждены, хотя все они имеют один и тот же источник".

Несмотря на все разнообразие политических учреждений, гражданских и уголовных законов современных цивилизованных государств, в основании их права и законодательства лежит один и тот же источник - идея правды и справедливости, присущая человеческой природе. Международное право имеет тот же источник, из которого истекают все другие отделы права. Но различие между последними и международным правом заключается в том, что тогда как международное право развивается главным образом путем соглашения между государствами, как членами международного общения, право государственное, гражданское и уголовное есть результат жизни, культуры, политики каждого отдельного народа. Различие географического положения, экономического состояния, культурных условий, в которых находятся народы, обнаруживает свое действие на развитие внутреннего их строя и права; и если несмотря на это, в основе права различных народов лежат одни и те же юридические и нравственные начала, то отсюда следует, что и международное право, насколько оно обязательно для этих народов, имеет одинаковые с их правом основания. Другими словами: оно может быть осуществляемо только со стороны народов, которые находятся на более или менее равной ступени развития гражданской и государственной жизни: только у этих народов правосознание существенно одинаковое.

II. Определение понятия международного права

§ 3. Литература международного права, весьма богатая, до настоящего времени не знает точного и общепринятого определения предмета, которым она занимается. Существующие определения международного права отличаются крайним разнообразием, и не только не сходятся между собой, но часто противоречат друг другу. Неясность, различия и противоречия, замечаемые в этом отношении, могут быть объяснены как общими причинами, так и обстоятельствами, специально относящимися к международному праву.

Когда, в XVI столетии, юристы стали впервые заниматься международным правом, они старались найти какие-либо положительные юридические основания для новой науки. Под влиянием направления, отличавшего то время, они приняли за источник ее положений и правил римское право. Последнее служило основой гражданских законов европейских государств; на нем выросла королевская власть и сложился государственный строй Западной Европы; оно всесторонне изучалось в существующих тогда университетах; словом, везде господствовало римское право. Естественно, что первые представители науки международного права обратились к нему, чтобы его бесспорным авторитетом освятить положения своей науки. Они заимствовали от него название международного права и учили, что *jus gentium* есть международное право.

Но на самом деле это определение представляет полнейшее смешение разнородных понятий. *Jus gentium* есть совокупность философских начал, общих гражданским законам различных стран. Предмет его составляют бытовые, частные отношения между отдельными лицами в сфере их личного, вещного, обязательственного и семейного права. Но очевидно, что предметом международного права являются не эти отношения, а отношения между независимыми государствами.

Мало-помалу писатели международного права убедились, однако, что римское *jus gentium* не соответствует понятию международного права. Английский ученый Зёч первый выяснил точным образом, что международное право есть, собственно, не право народов - *jus gentium*, - но право между народами - *jus inter gentes*, и отсюда постепенно произошли современные наименования международного права. На французском языке оно называется в настоящее время *droit international****(19)**, на английском - *International Law*, на немецком - *Volkerrecht* или *Internationales Recht*. У нас, по уставу университетов 1835 г., оно известно было под именем общенародного права; но теперь называется правом международным.

Под международным правом мы разумеем совокупность юридических норм, определяющих условия достижения народами своих жизненных целей в сфере взаимных их отношений.

Международное право, будучи совокупностью юридических норм, имеет своим предметом право, а не моральные или религиозные законы, которыми руководствуются или руководствовались народы во взаимных своих сношениях в различные эпохи своей жизни. Нравственные принципы и религиозные воззрения, без сомнения, и теперь еще оказывают свое действие на международную жизнь, но не они составляют предмет изучения науки международного права.

Международное право, вместе с тем, определяет условия, при которых народы могут достигнуть известных поставленных себе жизненных целей. Другими словами: составляющие международное право законы, обычаи, трактаты международные, которые существуют в данное время, суть условия, соблюдение которых необходимо для того, чтобы народы могли удовлетворить, посредством международного обмена, свои потребности. Поэтому они должны быть уважаемы со стороны народов. Но затем сами эти условия или законы, очевидно, находятся в зависимости от тех целей, которые преследуются народами, и, следовательно, должны изменяться сообразно изменению этих целей. Следовательно, в основании международного права лежат фактические, реальные, жизненные отношения, в которых народы в данное время состоят между собой, и, с этой точки зрения, каждый международный закон имеет настолько разумное основание и право на существование, насколько соответствует действительным, разумным жизненным отношениям между народами.

Если это положение основательно, то из него могут быть сделаны следующие важные для уразумения международного права выводы.

Если основание международного права составляют данные жизненные отношения народов, то необходимо признать, что наука международного права имеет своей задачей постоянно следить за изменением этих отношений. Она только тогда будет стоять на высоте своего призвания, когда начала, ею провозглашенные, не будут насилем над законными потребностями народов, когда развитие их не будет отставать от прогресса международной жизни, словом, когда эта жизнь и международное право будут в полнейшем согласии друг с другом. Далее, если жизнь всегда остается критерием действующих международных правил и законов, если положения, выставляемые в науке международного права, должны постоянно освещать и нормировать фактический порядок вещей, господствующий в области международных отношений, то этот порядок и будет давать содержание международному праву. Наконец, отсюда следует также, что система науки международного права определяется не только теми правилами и законами, которые выработались и приняты государствами или юристами, но также жизненными отношениями, которые фактически установились между народами.

Задачи и цели, преследуемые государствами во взаимных своих сношениях, весьма разнообразны. Они могут быть выяснены только анализом существующих международных отношений. История и современная жизнь указывают, однако, некоторые общие, основные причины, которые сближают народы, заставляют их отказываться от взаимной вражды и замкнутости и соединяют в стремлении к общечеловеческим, культурным и политическим целям.

К таким элементарным силам, соединяющим народы, без сомнения, принадлежат одинаковые религиозные верования и идеи, которые часто примиряли враждующие государства, заставляли народы прислушиваться к голосу человеческой совести и признавать чувство правды и справедливости и потому побуждали их входить в соглашения для достижения соединенными силами общих культурных интересов.

Общие интеллектуальные и нравственные стремления соединяют народы в уважении к тем высшим благам, обладание которыми есть первое условие для духовного развития человека и общественного прогресса народа. Сознание данными народами общности своего племенного происхождения также всегда служило основанием для лучшего взаимного понимания и более тесного сближения.

Но особенно заметную роль в международной жизни издавна играли экономические интересы и торговые сношения народов. Благодаря преимущественно этим сношениям и интересам смягчались те неприязненные отношения и изолированность государств, которые долгое время поддерживались как законодательными и правительственными мерами, так и мировоззрением народов. Наконец, сознание общности политических интересов вызывает соединение государств в стремлении их к одинаковым международным целям.

Таковы главнейшие факторы, определяющие международные отношения. Все они служат выражением одной общей силы, с могуществом которой не в состоянии бороться ни враждебное международным сношениям законодательство, ни закостенелые предрассудки, ни дикие понятия и варварские привычки народов. Эта сила заключается в сознании народами своих потребностей, духовных и материальных, удовлетворение которых они не находят собственными средствами, в пределах своих территорий. Как только народы приходят к такому сознанию, как только их стремления и интересы превышают средства, даваемые их страной, они необходимо должны искать удовлетворения их за пределами своего государства, они должны вступать в сношения с другими народами. Можно сказать вообще, что развитие сознания со стороны данного народа своих потребностей есть мерило для участия их в международных оборотах, и обратно: большее или меньшее разнообразие и сложность международных сношений государства представляют

наилучшее доказательство степени его культуры и цивилизации.

§ 4. Согласно вышеизложенному определению международного права, деятелями в сфере международных отношений являются политически организованные народы или государства. Они преследуют во взаимных своих сношениях те самые жизненные интересы, которые определяют и внутреннюю их деятельность. В этом отношении международная жизнь находится в самой тесной, органической связи с жизнью государственной.

Действительно, задача каждого государства заключается в том, чтобы предоставить своим подданным все средства для возможно полного развития их духовных и физических способностей и сил. Так определяют разумную цель существования государства все представители науки государственного права. Из этой верховной цели государства естественно вытекает обязанность для всякой государственной власти, если она не в состоянии собственными силами и в пределах своей территории создать условия, при которых ее подданные могли бы удовлетворить свои материальные и нравственные интересы, искать эти средства и условия вне своей территории, в пределах других государств. Но в настоящее время нет ни одного образованного народа, который находил бы все средства для своего существования и развития исключительно в своем государстве. Вот почему все современные народы, понимающие свои жизненные задачи, поддерживают сношения между собой и входят в отношения, чтобы установить взаимно такие условия, при которых они действительно могли бы находить удовлетворение всем своим потребностям.

Отсюда возникает международная деятельность (управление международное) государств - законодательная, административная и судебная, - направленная на обеспечение означенных условий, на создание покровительства иностранцам путем закона и суда, признание личной и имущественной неприкосновенности представителей иностранных держав и т.п. Как разрешают государства эти различные свои задачи в области международных отношений, мы увидим впоследствии. Теперь заметим, что чем более они сознают свои обязанности в отношении своих подданных, чем более относятся с уважением к их правам и законным интересам, тем менее будет произвола и во взаимных отношениях государств, тем лучше будет обеспечено мирное и правомерное течение международной жизни. Недостатки и пробелы, присущие современному международному праву, объясняются в значительной степени отсутствием законности внутри самих государств и неудовлетворительностью господствующих в них порядков.

По существу международное право может быть делимо: на публичное международное право и частноуголовное международное право. Первое имеет своим предметом определение юридическими нормами непосредственных отношений государств друг к другу в области международных оборотов; второе определяет правосостояния подданных в области международных сношений, вызванных частноправовыми интересами и необходимостью их уголовной охраны.

§ 5. Рядом с государствами, которым принадлежит верховное направление международных сношений, существуют различного рода общественные кружки, социальные группы, общества, товарищества, компании, которые принимают деятельное участие в международной жизни и находятся в постоянных сношениях между собой, несмотря на территориальные границы, разделяющие государства. Наконец, отдельные частные лица играют видную роль в международных сношениях, и история представляет много примеров, что они нередко давали этим сношениям определенное направление, даже вопреки намерениям и желаниям государственной власти.

Значение всех этих деятелей в области международных отношений может

быть определено общим положением, что чем более развиваются социальные интересы внутри государства, чем с большим уважением относится государственная власть к разумным потребностям общества, тем больше сближаются народы и тем роскошнее развивается международная жизнь. Степенью развития социальных интересов внутри государства определяется степень его участия в международной жизни.

Широкое развитие современных международных сношений и сообщений объясняется необыкновенной силой, которую имеют в настоящее время социальные интересы и те стремления, которыми проникнуты различные общественные кружки в современных государствах. Для них территориальные границы являются лишь тормозом, препятствующим сближению народов. С другой стороны, если именно социальные интересы по преимуществу соединяют народы в стремлении к общим культурным целям, если от них зависит развитие между ними сношений, то надо признать, что развитие это мыслимо только между народами, которые стоят приблизительно на одинаковой ступени культурного и общественного развития. Там, где значение общественных сил и интересов ничтожно, не может быть и развитых международных отношений; там правительство не будет находиться под влиянием общественных классов, но и не будет обращать никакого внимания на разумные интересы и стремления общества и его представителей. С другой стороны, где общество неограниченно господствует над государством, где государство поглощается обществом и верховная власть есть слепое орудие в руках какого-нибудь отдельного общественного класса, вроде индийской касты или современной клики, там международные обороты могут быть только или запрещены под угрозой жестоких наказаний, или эксплуатируемы для чисто эгоистических сословных или корыстолюбивых целей.

Наоборот, при правильной постановке отношений общества к государству, когда государственная власть содействует нормальному развитию общественных интересов в пределах, ею поставленных, социальные стремления теряют в области международных отношений ту национальную резкость, тот узкий антагонизм, который им свойствен внутри государства. Другими словами, социальные международные сношения значительно содействуют тому, что народы вообще перестают относиться друг к другу с презрением, с тем чувством пренебрежительного высокомерия, которое господствует в отношениях между народами некультурными, неразвитыми в общественном смысле. Не самодовольная замкнутость и похвальба национальной самобытностью свидетельствуют о культурном быте и цивилизации народа, но, напротив, сознание собственных недостатков и потребностей и понимание великого значения, которое имеют, для удовлетворения их, международный обмен мыслей, продуктов хозяйственной и промышленной деятельности, вообще сношения с другими народами.

III. История международных отношений и права

§ 6. Задача предстоящего очерка развития международных отношений и права заключается не в изложении голых фактов и явлений международной жизни, не в перечислении всех войн, дипломатических переговоров, трактатов, имевших место между различными народами, начиная с древности до настоящего времени, но в характере идей, которые господствовали в данное время и определяли собой форму и содержание отношений между государствами и права, которое к ним применялось. Факты, по природе своей, преходящи и изменчивы; они часто являются результатом произвола или случая. Напротив, идеи, которые проникают известную историческую эпоху, которые лежат в основании всех фактов, ее

наполняющих, дают возможность разобраться, найтись в огромной массе частных условий и обстоятельств, в которых развивалась жизнь как отдельного народа, так и всех народов в совокупности, принимавших участие в европейской политической системе. В этом отношении идеи играют роль таких же двигателей, рычагов права, действующего в международных отношениях в различные эпохи и периоды его существования, какими служат принципы, в смысле Монтескье, по отношению к формам и порядкам государственной жизни.

Внутренний быт и политическое устройство государств имеют, как сказано выше (§§ 3-5), могущественное влияние на характер международных отношений. Только зная внутреннюю жизнь страны и ее государственные учреждения, можно понять начала и правила, которыми она руководствуется в отношениях с другими народами. Настоящий очерк предполагает известными эти учреждения и эту жизнь. Но он указывает и постоянно имеет в виду неразрывную связь, которая существует между ними и взаимными отношениями народов во все эпохи их истории.

Наконец, основным законом всей истории международного права, выдающиеся черты которой будут представлены ниже, служит закон прогрессивного развития международных отношений. Он дает нам возможность связать и понять, как одно целое, отдельные явления, которые встречаются в ту или иную эпоху международной жизни, и самые эти эпохи и периоды, на которые мы разделяем ее историю. Ближайшим и непосредственным выражением этого закона является одно начало, которое проходит через всю историческую жизнь народов, именно - начало уважения человеческой личности. Степень признания, которое находит человек сам по себе, всегда определяет меру развития международных отношений и права в известное время. Если уважение это велико, если человеческая личность, как таковая, признается источником гражданских и политических прав человека, то и международная жизнь представит высокую степень развития порядка и права. И наоборот, мы не найдем во взаимных отношениях государств ни юридического порядка, ни уважения к законности, если господствующая в государствах жизнь будет отрицанием присущих человеку неотъемлемых прав.

Справедливость этого положения подтверждается вполне историей международных отношений. Как мы увидим ниже, в древности, на Востоке, в греческих государствах и в Риме, уважения к человеческой личности совершенно не существовало. Соответственно этому и международные сношения древнего мира были вовсе не развиты; по общему правилу, государства находились тогда во враждебных отношениях друг к другу и вели между собой нескончаемые истребительные войны.

В средние века мы видим господство кулачного права, насилий и произвола. Но средневековые народы внесли в международные отношения принцип личности, провозглашая ее источником индивидуальной и политической свободы. Таким образом, в эту эпоху мы должны искать первоначальные зародыши международного права. Кроме того, благодаря распространению христианства, в средние века получает силу новое учение, что не подданическая связь лица с государством устанавливает известные личные и имущественные его права, а принадлежность человека к католической церкви. Наконец, мало-помалу учение это распространяется на всех вообще христиан, без различия вероисповеданий, и в новейшее время, в эпоху небывалого развития международных сношений, делается аксиомой, что всякий вообще иностранец, какого бы он ни был вероисповедания, и независимо от заключенных на этот счет трактатов, должен признаваться в каждой образованной стране субъектом известных личных и имущественных прав.

§ 7. История международных отношений и права обыкновенно делится на периоды, представляющие собой как бы ступени прогрессивного движения международной жизни и определяющих ее юридических норм. На основании

выдающихся фактов, принимаемых за рубежи, отделяющие одну эпоху от другой, история международных отношений делится разными писателями то на семь периодов, то на четыре, то на три и т.д. Но этот способ деления не вполне выдерживает научную критику. Правда, история международных отношений представляет множество замечательных фактов и событий, но не ими определяются различные ее эпохи. В основание правильного деления истории международных отношений должны быть положены не отдельные факты, как бы значительны они ни были, не крупные события, как бы влиятельны ни были их последствия, не важные международные акты, как бы многозначаче ни было их содержание. В истории международных отношений рубежи различных эпох или периодов отмечаются сменой одних руководящих идей другими.

С точки зрения идей, характеризующих собой различные эпохи развития международных отношений, история международного права может быть разделена на три периода. Мы вкратце укажем отличительные признаки каждого из них и время их продолжения.

Первый период обнимает древний мир, средние века и новое время до половины XVII столетия или до Вестфальского мирного конгресса 1648 г. В продолжение этого долгого времени отношения между государствами определялись по преимуществу началом полнейшей разобщенности народов и господства между ними физической силы. Не только народы древнего Востока, но и греки и римляне были проникнуты той идеей, что они представляют совершенно замкнутые и самобытные государства, которые не нуждаются в международных сношениях, потому что находят в пределах своих территорий все средства для удовлетворения своих потребностей. Поэтому всякий другой народ, даже ближайшие соседи, рассматривался как естественный враг, который должен быть завоеван, поработан или уничтожен.

Высшего своего развития идея физической силы достигает в средние века. В это время мы видим полное, неограниченное и повсеместное господство самоуправства и кулачного права. Можно сказать, вся средневековая жизнь есть не что иное, как непрерывный ряд войн, которые велись не только между государствами, но и внутри их, между различными частями территории и между отдельными подданными. При этих условиях, конечно, не могло быть и речи о международном юридическом порядке или сознании народами взаимных прав и обязанностей.

Однако, несмотря на указанный общий характер средневековых международных отношений, в средние века начинают зарождаться новые принципы и направления, которые, развиваясь мало-помалу, приводят к новым идеям в области международных отношений. По общему своему началу, средние века ничем не отличаются от древности; но в продолжение их возникли такие новые факторы общественной и государственной жизни, которые не могли не проявить свое действие за пределами государств, в отношениях международных. Такое значение имели, прежде всего, христианская религия и церковь, сменившие древний политеизм и распространившиеся во всей Западной Европе. Христианство и церковь оказали самое благотворное влияние как на общественные, так и на государственные и международные отношения. Средневековые народы, правда, находятся в постоянной вражде друг с другом, но вместе с тем сознают, что они братья по вере, что они одинаково подчиняются авторитету римско-католической церкви - папе и что их соединяет в одно духовное общество солидарность религиозных верований и общность нравственного мирозерцания. Вот почему они нередко вступают в союзы между собой, чтобы соединенными силами вести защиту против общих опасностей, и в особенности для охраны интересов церкви и религии. Крестовые походы и борьба с Арабами и Турками показывают, что между

средневековыми народами вырабатывается сознание известного духовного общения. Будучи членами одной церкви, признавая над собой духовный авторитет римского первосвященника, государства естественно сглаживали взаимную свою ненависть, и борьба между ними умеряется под влиянием примирительного действия церкви. В этом отношении средние века составляют переходную ступень ко второму периоду.

Время, наполняющее собой второй период развития международных отношений и права, начинается с 1648 г. и продолжается до начала нынешнего столетия, или до Венского конгресса 1815 г. В течение этого времени господство физической силы и изолированность между народами уступают место новому принципу - идее политического равновесия.

Вестфальский конгресс, положивший конец разорительной Тридцатилетней войне, представил невиданный до того времени пример соединения почти всех западноевропейских народов в одно общее мирное собрание для обсуждения не только взаимных своих отношений, но даже внутреннего устройства отдельных стран. Факт такого собрания, очевидно, доказывал, что европейские государства силой самих вещей пришли, наконец, к сознанию необходимости покончить гибельные для них войны и установить какой-либо порядок в международных отношениях.

Действительно, Вестфальский трактат определил начала, на основании которых должна была устроиться новая международная жизнь. Начала эти заключались в так называемой системе политического равновесия государств. В основание нового порядка международных отношений было положено начало, в силу которого самостоятельность и независимость каждого отдельного народа не должна была подвергаться ни малейшей опасности со стороны других народов.

В конце второго периода - именно со времени "великой французской революции" 1789 г. до мирного конгресса в Вене 1815 г. - система политического равновесия если и не теряет вообще своей силы, как принцип международных отношений, то значительно бледнеет перед новыми идеями, провозглашенными революцией и распространенными по всей Европе наполеоновскими войнами. Значительно изменив внутреннее состояние цивилизованных народов, их общественный быт и государственные учреждения, основные начала французской революции получают в нынешнем столетии значение ходячей монеты и служат рычагом в области современных международных отношений. Таким образом, время от 1789 по 1815 г. есть переходное от второго к третьему и последнему периоду международной жизни.

Третий период продолжается с 1815 г. до настоящего времени. В течение этой эпохи провозглашается и применяется, как новое руководящее начало международных отношений, принцип национальности. Согласно этому началу, люди одного племенного происхождения, говорящие на одном языке, имеющие одинаковые нравы и общее историческое прошлое, исповедующие общую религию, должны составлять одно государство и один народ.

Кроме того, этот период характеризует необыкновенный подъем торговых и экономических отношений между народами и соответствующее ему развитие путей и средств международных сообщений, как-то: почт, телеграфов, железных дорог и т.д.

Эти и подобные им проявления развитой международной жизни достигли настоящего цветущего их состояния благодаря господству порядка и законности, все более и более упрочивающихся внутри современных государств, а также долговому внешнему миру, которым пользовались народы после кровопролитных войн французской революции и первой империи.

Крымская кампания 1854-1856 гг. снова нарушила мир и опять поставила на

очередь разные политические вопросы, которые касались всей системы европейской, установленной на Венском конгрессе 1815 г. Поэтому Парижский мирный трактат 1856 г., которым закончилась Крымская война, образует перелом в третьем периоде и разделяет его на два отдела, из которых второй начинается с 1856 г. и продолжается до наших дней. Время это полно замечательными историческими событиями, изменившими существенно и внутренние порядки и, в особенности, международное положение различных государств Западной Европы и России, и должно открывать новую эпоху в истории международных отношений.

Какая идея будет служить руководящим началом международных отношений в новый, грядущий период их развития - это вопрос будущего, предрешать которое не представляется возможным. Но для всякого юриста и государственного деятеля, которые уяснят себе разумное назначение международных отношений и поймут правильным образом задачи и цели государств, господствующим принципом будущего может быть только - идея права в самом обширном смысле этого слова.

Ни идея разобщенности, ни идея преклонения пред физической силой, ни идея политического равновесия, ни, наконец, принцип национальности не могут быть признаны руководящими началами правильно устроенной международной жизни. Ее руководящее начало - идея права.

Период первый. С древности до Вестфальского мира

А. Древние времена

§ 8. Мы начнем изложение международных сношений в древности с общей характеристики сношений, в которые вступали различные народы древнего мира, и затем рассмотрим отдельно, как развивались эти сношения и какие понятия соединялись с ними на древнем Востоке, в Греции и Риме.

В литературе существует мнение, что международное право возникло с того времени, когда начались международные сношения. Защитники этого взгляда утверждают, что все народы, которые войдут в какие-либо фактические сношения друг с другом, вместе с тем должны сознавать необходимость определения их известными юридическими нормами или законом. В пользу своего мнения они приводят различные факты, заимствованные как из истории древних народов, так и из жизни современных нам диких или полудиких племен, которые действительно поддерживают торговые сношения между собой и с иностранцами, соблюдая при этом известные формальности, часто не начинают войны без предварительного ее объявления и исполнения разных обрядов и т.п.

Как мы увидим ниже, исторические факты не подтверждают справедливости приведенного взгляда ни по отношению к первобытным народам, ни даже к Грекам и Римлянам.

Но с мнением, что варварские и древние народы знают международное право, нельзя согласиться и по теоретическим, чисто априорным соображениям. Стоит только проанализировать те понятия и чувства, которые преобладают у народов, только что начинающих историю, и о которых мы имеем вполне достоверные сведения, чтобы убедиться в совершенной невозможности предполагать у этих народов какое бы то ни было сознание необходимости права, известного порядка в сфере взаимных своих отношений.

Народ первобытный, не знающий еще ни собственных сил, ни намерений других народов, должен остерегаться всяких внешних сношений. Такой народ всегда

поставит первоначальной задачей своего существования не международные отношения, но такое устройство внутренней своей жизни, общественной и государственной, которое отвечало бы собственным его понятиям и стремлениям, было бы самобытно, с исключением всякого вмешательства чуждых элементов.

Исторические факты подтверждают эту психологическую черту первобытной жизни всех народов, и по отношению к ней даже такие высокообразованные и политически развитые народы, как Греки и Римляне, не составляют исключения.

Лучшие греческие писатели и мыслители - Фукидид, Аристотель, Дионисий Галикарнасский - постоянно проводят в своих сочинениях идею о самобытности греческого народа. По мнению их, Греки совершенно особенный народ, избранники божества, которые вправе и должны относиться с презрением к другим народам. Как известно, Демосфен доказывал, что не греки, а варвары самой природой предназначены быть рабами Эллинов. Следовательно, в политическом и в международно-правовом смысле только Греки считались лицом, имеющим известные человеческие права.

Таким образом, замкнутость и неприязненные отношения народов, а не мир и не международные сношения характеризуют древнюю жизнь. Эти отличительные ее черты являются естественным последствием исключительности и нетерпимости, общих всем древним народам. С этой точки зрения, Греки были совершенно последовательны, когда представляли себе золотой век как такое время, когда каждый народ жил совершенно изолированно, не нуждаясь ни в каких сношениях с чужеземцами.

Однако рядом с разобщенностью и враждебностью народов мы встречаем в древние века факты иного рода. Древнему миру были известны торговые сношения, переселения и колонии. Первобытные народы признавали обязанность гостеприимства. В некоторых государствах древности права иностранцев были обеспечены даже законом. Не противоречат ли эти факты только что приведенным основным стремлениям древних народов? По-видимому, да. Ниже мы укажем истинное значение этого противоречия. Теперь заметим, что факты, подобные означенным, составляют одну из тех счастливых непоследовательностей, которыми вообще богата история и которыми культура и цивилизация человечества значительно обязаны своим развитием.

Замкнутость была преобладающим состоянием всех народов древности; но во многих случаях она фактически нарушалась. Так, во-первых, война, которая, по сознанию философов и **de facto**, представляла нормальный порядок международных отношений древних государств, в то же время служила могущественным средством для сближения народов. Во время войны победитель вторгался на территорию противника, уводил к себе доставшихся ему пленников и уже этим уничтожал свою и его изолированность. Кроме того, война являлась орудием, при помощи которого народы ознакомились друг с другом и, по заключении мира, завязывали мирные сношения и распространяли плоды своей образованности в чужих землях. Почти до знаменитых Медийских войн Греки знали Персов только по имени; победив их, они завязали с ними правильные торговые сношения. Походы Александра Македонского и войны Римлян внесли зачатки европейской культуры в отдаленные части Азии и Африки.

Такое же значение имели переселения и колонизация, весьма распространенные в древнем мире и вызывавшиеся различными причинами. Финикияне и Карфагеняне заводили поселения в Африке, Галлии и Испании ради торговых интересов. Греки выселялись в Италию и Малую Азию обыкновенно вследствие политических смут, борьбы аристократов и демократов внутри их муниципий. Для Римлян колонизация служила средством административного объединения завоеванных земель с Римом.

Войны и колонизация способствовали развитию мирных, особенно торговых, сношений между древними государствами. В свою очередь, эти сношения расширяли умственный и политический горизонт народов и вызвали между ними такие обычаи и учреждения, которые противоречили общему духу древнего мира. Торговые и иные международные сношения необходимо предполагают отречение от нетерпимости к иностранцам, признание за ними известных прав, по крайней мере права на жизнь и собственность. Между тем, древние государства вообще смотрели на чужеземца как на врага и отказывали ему в защите и покровительстве закона.

Взамен этой защиты среди общества выработался институт гостеприимства, который в некоторых государствах был возведен даже на степень публичного учреждения.

Какой же вывод можно сделать из приведенных фактов? Можно ли говорить о международном праве древних народов? Мы полагаем, что нельзя. Несомненные исторические свидетельства убеждают нас, что в древнем мире действительно существуют международные сношения, даже обычаи, которыми они охранялись. Но мы не имеем ни одного факта, который доказывал бы, что древние народы сознавали необходимость правильных взаимных сношений и обеспечивающего их права. Право же всегда основывается на сознании его необходимости.

§ 9. Международные отношения древнего Востока запечатлены характером, общим всему древнему миру. Мы встречаем здесь ту же замкнутость и взаимную вражду народов, а также те фактически существующие торговые и другие мирные сношения, которые видим и у народов, более к нам близким, - Греков и Римлян. Но в одном отношении народы Востока представляют особенность. Указанные выше черты международной жизни в древние века видоизменяются на Востоке тем специфическим государственным устройством входящих в него стран, именно - устройством теократическим и кастовым, которого не знала Европа. Мы рассмотрим руководящие начала отношений, в которых находились народы древнего Востока между собою и с другими народами, преимущественно с этой точки зрения.

Из всех государств, составлявших древний Восток, Индия представляет наиболее типичные черты, отличающие древние теократии. Вместе с тем страна, которую она занимала, необыкновенно одарена природой. Богатства Индии постоянно служили предметом алчности завоевателей и целью торговых предприятий. Благодаря этому обстоятельству здесь, так сказать, концентрировалась вся международная жизнь дальнего Востока - мирная и воинственная. Поэтому древняя Индия может быть принята за образец восточных государств вообще и международных их отношений в частности.

Общественный и государственный порядок Индии установился соответственно религиозным требованиям браминизма и затем буддизма. Религия ввела в эту страну разделение на касты, из которых одна - браминов - имела исключительное господство над всеми другими. Огромное же большинство побежденного народонаселения находилось вне каст и никакими человеческими, гражданскими или политическими правами не пользовалось. Это были парии (чандалы), общественное положение которых было унижительно в высшей степени. Такое кастовое устройство, конечно, не могло не оказать самого существенного влияния на все международные отношения Индии: оно дает впервые нам доказательство того значения, которое имеют для международной жизни общественные элементы, действующие вне страны.

При кастовом устройстве государства та каста, которая имеет главенство над остальным населением, всегда сосредоточивает в себе всю полноту государственной власти. Следовательно, в каждом теократическом государстве известный общественный класс, подобно браминам Индии, является политически господствующим, есть суверен по отношению ко всему народу. Естественно, что эта

высшая каста будет пользоваться всеми средствами, чтобы сохранить в целостности свои права, чтобы другие касты не имели и мысли о разделении ее прав между ними: она должна поддерживать всеми силами неподвижность существующего порядка вещей. Но международные сношения, знакомство с порядками, существующими в других государствах, могут легко подорвать значение и авторитет господствующего класса. Поэтому все внешние сношения воспрещаются в кастовом государстве, объявляются нарушением основных законов страны.

Постановления священных законов Ману, на основании которых управлялась Индия, действительно запрещают, под страхом жестоких наказаний, всякие сношения с иностранцами (млетча). Древняя Индия, подобно Греции и Италии, распадалась на множество отдельных государств, из которых каждое было вполне изолировано. Сношения между ними могли существовать только как преступление, как нарушение установленного законами порядка, фактически, но не по праву. С другой стороны, иностранцы, по закону, состояли в одинаковом положении с париями; в пределах Индии они считались врагами, у которых не было прав и соприкосновение с которыми оскверняло Индуса.

Но бывали случаи, когда государства Индии входили между собой в формальные соглашения. Обыкновенно такие договоры заключались ввиду и на время общей опасности, угрожавшей от какого-либо внешнего врага. С прекращением опасности уничтожались и сами соглашения. Таким же образом устанавливались торговые отношения с Индией. Финикияне, Иудеи, Персы, по большей части силою оружия и хитростью, добивались того, что государства Индии открывали свои города и принимали варваров для занятия торговлей. Фактов, которые доказывали бы желание со стороны Индусов или сознание необходимости международного обмена, мы никаких не имеем.

Запрещая внешние сношения, законы Ману содержат, однако, целый ряд наставлений и предписаний, относящихся к этим сношениям. Одной из обязанностей браминов они признают гостеприимство и предписывают им оказывать чужеземцу гостеприимство, даже забывая отчасти кастовое различие. Далее, брамины поддерживали сношения с соседними индусскими народами при помощи посольств. Сам образ действия посланников очерчивается довольно подробно. Они обязаны, по возможности, узнавать намерения государя, к которому отправлены с поручением; подкупать его министров, а если подкупить нельзя, то отравить; должны пользоваться неудовольствиями, существующими в стране, чтобы вызвать бунт против местного правительства, и т.д. Подобного рода наставления также не опровергают общего положения, что Индия не сознавала необходимости правильных международных сношений. Они доказывают только, что сила известных обстоятельств заставляла даже Индию нарушать свою разобщенность. Так, посольства имели главной целью предупреждение войны, т.е. охранение безопасности государства. Что касается гостеприимства, то оно имело практическое значение только по отношению к членам каст, но не иностранцам в собственном смысле. Наконец, во время войны допускались всевозможные зверства и насилия в отношении неприятеля и в завоеванной стране.

Другие народы древнего Востока - Персы, Иудеи, Финикияне - руководствовались в международных отношениях теми же понятиями, как и Индусы. Все они были убеждены, что являются единственными представителями божества на земле, что поэтому они выше других народов, сношения с которыми могут только оскорбить богов. Особенно крайними взглядами отличались Египтяне: законы их запрещали путешествия, не допускали никаких иностранных обычаев в Египте, даже не признавали гостеприимства. Только в относительно поздний период своей истории, на основании договоров со своими победителями, Египет вступает в сношения с иностранцами.

§ 10. Если благодаря своему теократическому устройству восточные государства не могли содействовать развитию международных отношений, то, напротив, Древняя Греция представляла столько благоприятных для того условий, что, казалось бы, должна была сделаться колыбелью сознания о необходимости права, определяющего сношения народов.

Во-первых, географическое положение Древней Греции и природа ее страны были очень выгодны для внешних сношений. Удобная для морских сообщений береговая линия, изрезанная множеством пригодных для стоянки кораблей заливов и бухт, положение на Средиземном море, вблизи таких стран, как Египет, Палестина, Малая Азия, бывших в древности главными пунктами, в которых сосредоточивалась торговля Финикиян и других коммерческих народов, наконец, естественные богатства Греции и способности, отличавшие ее население, - все это должно было способствовать стремлению к международному обмену и сношениям с иностранцами.

Затем, среди самих государств, на которые разделялся греческий народ, существовало много благоприятных социальных условий для того, чтобы греческие муниципии и колонии находились в постоянных и правильных сношениях друг с другом. Народы Греции связывались общностью племенного происхождения, говорили на одном языке, имели более или менее сходные религиозные воззрения и учреждения, одинаковые умственные потребности и пр. Ввиду этого, можно было бы думать, что если не вне, то внутри Греции разовьются широкие международные сношения, торговые, экономические, литературные и др., что Греки войдут в самый тесный союз между собой и установят такой порядок международный, который обеспечивал бы интересы каждого отдельного греческого государства.

Но на самом деле мы видим совершенно противоположное.

Греция, в отличие от восточных теократий, не знала кастового разделения народа: все граждане греческих муниципий по закону были равны между собою. Но как ни велик прогресс, который в этом отношении осуществила Греция, она не могла отказаться от другого источника неравенства между людьми в древние века, - от того взгляда, что гражданство, а не человеческая личность, есть основание права каждого лица. Рабство было возведено на степень необходимого государственного учреждения. Не признавая за человеком известные неотъемлемые его права, независимо от национального его происхождения и принадлежности к тому или другому государству, Греки не могли иметь и сознания, что в сфере взаимных отношений народов должно господствовать полное равенство. Напротив, каждое греческое государство, как бы ни было оно незначительно по объему и населению, было проникнуто убеждением в неизмеримом своем превосходстве над прочими народами и государствами. Подобно восточным народам, греки преклонялись перед самими собой, считали себя одаренными высшими силами и способностями и относились с ненавистью ко всем народам неэллинского происхождения, которых они называли презрительным именем варваров (*βαρβαροι*). Как и в восточных государствах, последние не пользовались в Греции никакими правами, на них смотрели как на врагов. Этот взгляд на иностранцев, господствовавший в древности, делал немыслимым для Греции обеспечение мира и какого-либо порядка в области внешних сношений.

Обращаясь к внутреннему строю греческих государств, к их общественной и политической жизни, мы не находим в них ни такого родства социальных интересов, которое объединяло бы их в политическом отношении, делало из Греции одно государство, ни достаточного внимания со стороны правительств к общественным нуждам народа, которое всегда является условием развития международных отношений.

Греки не знали единства внутри своих республик. Через всю их историю идет нескончаемая борьба между двумя общественными классами: между бедными и богатыми. Первые составляли собственно туземное население общин, завоеванное пришельцами из других частей Греции; вторые были победители, завладевшие имуществом побежденных и вместе правительственной властью. Обстоятельство это особенно ожесточало борьбу: к фактическому неравенству сторон оно присоединяло еще естественную ненависть побежденных к завоевателям, которые располагали всеми средствами государственной власти для угнетения своих противников.

Исход борьбы определял устройство государства. Поэтому в Греции мы встречаем в разное время и у различных народов неодинаковую форму правления: одни государства представляли аристократическое устройство, другие организовывались в виде демократий; были также государства, монархически устроенные, как, например, Спарта. Но во всех одинаково шла ожесточенная борьба общественных классов из-за политической власти.

Определяя собой форму правления государств, эта борьба переходила и в область международных отношений: аристократическая партия одного государства готова была помогать всеми средствами аристократам другого в борьбе их с демократами, и обратно. Таким образом, ни внутри греческих государств, ни в их взаимных отношениях не существовало никакого единства. Рознь была до того присуща греческому народу, что в самые критические минуты его жизни, когда ему грозила опасность порабощения, только при невероятных усилиях можно было заставить его соединиться для защиты против общего врага. При такой прирожденной раздельности Греков понятно, что попытки Афин и Спарты объединить греческие государства под своею гегемонией должны были окончиться неудачей: успехи, одержанные то Афинами, то Спартой, могли иметь только преходящее значение.

Но из того несомненного факта, что древние греки ни в общественном, ни в политическом отношении не достигли единства, вовсе не следует, чтобы они не знали международных сношений. Дух разделения и борьбы, которым были запечатлены все проявления греческой жизни, в сфере международных отношений не выдерживался Греками во всей его строгости. Последовательному и крайнему проведению его в этой области ставило неодолимую преграду то обстоятельство, что при основном различии социальных стремлений, которое разделяло общественные классы внутри греческих республик и эти последние во внешних их отношениях, существовало очень много общих жизненных и культурных интересов, которые соединяли греческие народы друг с другом, заставляли их отказываться от взаимной вражды и поддерживали между ними самые тесные связи.

Международные сношения Греков особенно развиваются после Дорийского нашествия. В это время среди населения Древней Греции впервые пробудилось сознание, что, несмотря на свою политическую раздробленность, оно все-таки составляет одну нацию, по языку, религии, правам, умственным стремлениям совершенно отличную от варваров. Затем, свободное политическое устройство, которое приняли греческие республики после вторжения Дорян, чрезвычайно способствовало общественному и индивидуальному развитию греческих граждан, которое отразилось на международных отношениях. С расширением умственного кругозора Греков, с нарастанием их материальных и духовных интересов, пределы и средства муниципальной жизни оказались уже недостаточными для удовлетворения новых потребностей. Развивающиеся общественные стремления и нужды настоятельно требовали международного обмена и взаимных сношений греческих народов, которые и устанавливаются, сначала фактически, но затем признаются законодателями и делаются предметом соглашения самих государств.

Первое место между греческими республиками, которые принимали деятельное участие в международных оборотах, принадлежало Афинам. По степени своего просвещения и культуры свободное афинское население стояло выше всех других народов Греции. Вместе с тем правители и законодатели Афин хорошо понимали общественные нужды своего народа и относились к ним с полным уважением. Поэтому нет ничего удивительного, что эта образованная республика более других греческих государств сознавала всю несправедливость и невыгоды своей изолированности и скорее их пришла к убеждению в необходимости международных сношений и терпимости к чужим народам. В этом отношении Афины представляли полнейшую противоположность аристократической Спарте и всем тем дорическим республикам, которые находились под ее влиянием. Между тем, как последние законодательными и правительственными мерами старались удержать старый порядок вещей, препятствовали всеми силами международным сношениям своих граждан, изгоняли из своей страны всех иноземцев, - Афиняне следовали иной политике: они видели основание своего могущества в морских сношениях и торговле; они открывали свою территорию для всех иностранцев и гордились тем, что под охраной афинских законов находили убежище и защиту все гонимые и преследуемые в других землях. И в том, и в другом случае неодинаковый общественный и государственный строй народа обнаруживал различным образом свое влияние на условия международной жизни.

Из отдельных социальных причин, которые содействовали смягчению розни между греческими народами и служили основаниями для их сближения, укажем на следующие.

Сознание общего национального происхождения всегда является одним из тех связующих элементов в международной жизни, который пробуждает в народах чувство родства и солидарности стремлений и интересов. В Греках оно зародилось не ранее Дорийского завоевания; по крайней мере, до этого времени они не имели общего имени, которое отличало бы их от всех других народов. Напротив, теперь все население Греции, какому бы государству - дорическому или ионическому - оно ни принадлежало, называется Эллинами. Понятно само собой, что это убеждение в национальном единстве Греции должно было сильно умерять взаимную их ненависть и вражду. Если прежде каждое незначительное греческое поселение, организованное в виде самостоятельного государства, только себя считало избранным народом, центром, к которому должны были тяготеть все другие народы, то с развитием сознания об общности происхождения Греков это воззрение переносится уже на весь греческий народ: он выше всех других народов, а не отдельные его части. На этом основании подданные различных греческих государств хотя и продолжают вне своего города считаться иностранцами, но в пределах родственных греческих муниципий везде находят некоторое признание своих прав. Во всяком случае, они отличались от варваров, под именем которых Греки разумели только подданных негреческих государств и которые до конца греческой истории остаются в пределах Греции лишенными всяких прав.

Влияние религии в древнем мире, при господстве политеизма, было вообще одним из тех условий, которые разъединяли народы. Однако в Греции, когда Доряне подчинили своей политической власти первоначальные ее племена и наложили на них свой особенный религиозный культ, мало-помалу вырабатываются во всех государствах общие и одинаковые вероисповедные воззрения и обряды, которые получили значение факторов, сглаживающих отчужденность и неприязнь, которыми разделялись греческие народы. Особенно сильное влияние в этом смысле оказывала религия на всю греческую жизнь через посредство двух своих могущественных органов, пользовавшихся всеобщим уважением в Древней Греции - оракула в Дельфах и Олимпийских игр. Религиозное благоговение, с которым

относились Греки к тому и другому учреждению, имело самые благотворные последствия для их международных отношений. В празднествах в честь Юпитера, происходивших в Олимпии, разделенная и враждующая Греция находила единство и мир; что касается Дельфийского оракула, то его советы часто соединяли Греков в один народ для общих предприятий, смягчали варварство международных войн, наконец, содействовали распространению в Греции гостеприимства и вообще уважения к выходцам из чужих государств.

Одну из отличительнейших черт всего греческого народа составляла цивилизация и культура, в самом широком значении этих выражений. Она охватывала собою все части Греции и была, конечно, тем элементом общественной жизни Греков, который в особенности соединял их в одно целое. Все греческие государства гордились своими поэтами, философами, ораторами, художниками, и эти лица пользовались почетом не только у народа, среди которого они родились или жили, но во всей стране, куда только доходили известия об их гении, уме, трудах, деятельности. Такое повсеместное преклонение перед представителями знания и искусства служило несомненным доказательством общности культурных стремлений и интересов греческих народов, сознание которой представляло прочное основание для взаимных их связей и уважения.

Наконец, между социальными факторами, которые определяли международные отношения Греков, важную роль играла торговля. Первоначально коммерческая и промышленная деятельность не находила в Греции всех условий, которые благоприятствовали бы ее развитию. Во-первых, Греки видели в этого рода занятиях нечто унижительное, недостойное высокого звания гражданина свободной республики, и поэтому предоставляли экономические и торговые обороты исключительно низшему, порабощенному классу населения, известному под именем метеков и перизков, которые политическими правами не пользовались. Во-вторых, по мнению древних Греков, единственный законный путь для торговых сношений представляла земля; напротив, море они считали естественной преградой, которую воздвигло само божество с целью предупредить всякое соприкосновение между народами. На этом основании они долгое время чувствовали неодолимое отвращение к морским сообщениям, и торговля их зародилась не в приморских городах, но на сухопутных границах с другими государствами. Несмотря, однако, на такие стесняющие торговые сношения предрассудки, торговля Греков, к концу их истории, пришла в цветущее состояние. Прогрессирующий рост потребностей и природное корыстолюбие оказались могущественнее всех предубеждений: они склонили греческих граждан предаться всеми своими силами увеличению имущественных своих средств именно путем морской торговли, которая, при отсутствии в древности искусственных путей сообщения, была наилучшим способом сношений с отдаленными землями.

В тесной связи с торговыми оборотами не только Греков, но вообще всех коммерческих народов древнего мира находится морская разбой или пиратство. Этот факт подтверждает общее положение, что данные международные отношения всегда представляют зеркало, точно отражающее внутреннее состояние обществ в известную эпоху их существования, равно и принципов, которые лежат в основании социального и политического их строя. В древние времена руководящим принципом общественных и государственных отношений была сила. Как всеобщее начало, сила тесно связывалась также с международными торговыми сношениями, существовавшими в древности, и мы видим, что Греки, подобно другим древним народам, признают торговлю не только орудием сближения с другими народами и мирным способом приобретения богатств, но и средством ограбления слабого, нисколько не предосудительным ни с точки зрения нравственности, ни закона.

Широкое развитие пиратства в Древней Греции, к которому нередко

обращалась сама государственная власть даже такой высокообразованной и гуманной республики, как Афинская, дает нам право сказать, что если торговые интересы и вообще социальные потребности греческих народов действительно служили основанием для соединения их друг с другом, то греческие государства не находили нужным ни признавать законности этих стремлений, ни считать себя обязанными содействовать их развитию и обеспечению путем закона. Самое большее, что делала государственная власть в Греции в их пользу, - это относилась к ним с терпимостью, вынуждаемая к тому непреодолимой силой реально существующих потребностей как самого государства, так и его граждан.

Если отношение греческих государств к законным и разумным стремлениям своих народов было фактическое, определяющееся не убеждением в их правомерности и государственной пользе, но непреложною силой данных обстоятельств, то будет совершенно понятно настоящее значение тех соглашений, трактатов, которые иногда заключались между отдельными греческими республиками по предмету взаимных их сношений. Так, на основании договоров, специально называвшихся *συμβολα*, подданные различных союзных и дружественных греческих государств пользовались правом свободного пребывания в пределах территорий договаривающихся сторон, и споры, которые возникли бы между этими людьми и туземцами, разрешались в порядке, установленном теми договорами. Подобного рода трактатов известно весьма небольшое число. Еще меньше было число трактатов, в силу которых договаривающиеся греческие республики предоставляли взаимно своим гражданам пользоваться на чужой территории не только всеми гражданскими, но, по мнению Лорана, даже политическими правами. Такой союз назывался изополитиею. Без всякого сомнения, все эти международные обязательства не имели в виду удовлетворить общественные интересы, потребность в сношениях частных лиц, принадлежащих к различным государствам, но являлись последствием только нужды, с которой не в силах была бороться государственная власть, а не сознание о необходимости вообще международного порядка и права.

В этом же смысле древние греческие государства содействовали международным сношениям своих граждан и иным образом. Мы знаем уже, что вообще тяжелое положение иностранцев в древнем мире породило обычай гостеприимства, которым положение это до известной степени смягчалось. Гостеприимство существовало и в Древней Греции: Греки признавали своей обязанностью охранять неприкосновенность жизни и собственности тех иностранцев, которые просили их о покровительстве. Но, в отличие от восточных государств, частное гостеприимство получает в Греции характер публичного института, - обычая, охраняемого государственной властью. Мало того, с целью обеспечения прав иностранцев в греческих государствах учреждается особый разряд должностных лиц, которые назывались проксенами. Это были лица, которые избирались первоначально инициативой самих заинтересованных, впоследствии же правительствами, для оказания покровительства и защиты не только известному гостю, но и вообще всем подданным иностранного государства, которые находятся на отечественной территории.

Наконец, орудием распространения мирных международных сношений Древней Греции служила также греческая колонизация.

Многочисленные колонии Греков, учрежденные в Европе, Азии и Африке, были обязаны своим возникновением преимущественно нашествию Дорян на Пелопонез и тем внутренним раздорам и политической борьбе, которые происходили между различными партиями во всех греческих республиках и которые делали неудобным или даже невозможным для побежденной стороны оставаться в

пределах родины. В политическом отношении такие колонии были вполне самостоятельны; но выселяясь из отечества, колонисты переносили в чужую страну культурные понятия своей родины, ее просвещение, богов и вводили обыкновенно здесь те самые государственные учреждения, за которые боролись в Греции. Население греческих колоний сохраняло постоянно самые близкие связи с метрополией и, согласно с этим, не только распространяло начала греческой культуры и цивилизации между народами, но и поддерживало мирные отношения между самими греческими государствами.

Приведенные основания и условия, которые побуждали народы Древней Греции не только отказываться от своей замкнутости и вражды, но и изыскивать средства для поддержания взаимных мирных сношений, сами собой ставят вопрос: не уважали ли древние Греки известные общие принципы права во взаимных отношениях; не знали ли они международного права в смысле совокупности юридических норм, законов, определяющих порядок международных отношений? В науке этот вопрос до настоящего времени остается спорным. Но несмотря на доказательства, которые приводят некоторые ученые в пользу утвердительного его решения, большинство современных писателей поддерживают то мнение, что международное право в истинном значении этого слова не было известно ни древнему миру вообще, ни в частности Грекам.

Нельзя не согласиться со справедливостью такого заключения: во-первых, только что изложенный очерк международных отношений древних Греков убеждает, что сношения греческих народов существовали только в виде исключения из общего, нормального порядка вещей; во-вторых, те доводы, на которые опираются защитники противоположного взгляда, не выдерживают серьезной критики.

Остановимся на главных аргументах, приводимых в пользу существования международного права в Древней Греции.

Некоторые писатели прошлого и нынешнего столетия увлекались так называемыми Амфикионионами, которые устраивались между греческими народами и которые, как полагали эти писатели, были политическими союзами, имевшими важное международное значение. Но действительная роль подобного рода союзов была вовсе не такова. Возникновение Амфикионий в Греции объясняется исключительно религиозными причинами. Так назывались союзы соседних городов и государств греческих, которые на общие средства строили храм в честь того или другого божества, избирали из среды своих граждан общий совет для надзора за его постройкой и отправления в нем богослужения и взаимно обязывались охранять сокровища его и привилегии, часто весьма значительные, против всех других народов, которые посягнули бы на них. Отсюда видно, что как основание Амфикиониона союза, так и назначение избираемого им совета заключались единственно в интересах веры, но не политики и права; самый совет, управлявший имуществом храма, произносил свои решения не во имя союзных государств, но божества, которому храм был посвящен. С точки зрения истории международных отношений Амфикионий имеют разве только то значение, что указывают влияние, неизбежно проявляемое религиозными воззрениями и интересами на взаимные отношения государств, ибо нельзя отрицать, что хотя эти союзы и были вызваны специально религиозными целями, но оказывали свое действие вообще на сношения между греческими государствами: подобно другим социальным факторам, они сближали народы и смягчали их замкнутость.

Другое доказательство, что древние греки знали международное право, усматривают некоторые писатели в том, что будто уже древнегреческие народы устраивали взаимные свои отношения на началах порядка, известного в новое время под именем системы политического равновесия государств. В подтверждение этого мнения ссылаются на различные факты, представляемые историей Греции.

Так, между прочим, утверждают, что во время борьбы из-за гегемонии, которая происходила между Фивами и Спартой, Афиняне заключили союз с Фиванцами, будучи убеждены, что они слабая сторона, нуждавшаяся в помощи, но когда Эпаминонд разбил своих противников под Левктрами, те же Афиняне увидели опасность для равновесия греческих государств в могуществе Фив, и потому вышли из союза. Однако этот факт, равно и другие факты, заимствованные из истории древней Греции, едва ли убедительны и доказывают, что греческие народы сознавали необходимость уравнивания взаимных сил для поддержания международного порядка. Очевидно, что союз Афин с Фивами имел своей причиной не это сознание, но был вызван силою самих обстоятельств: они ясно показывали, что если Афиняне не помогут соседним Фиванцам и последние будут побеждены, то политической независимости самих Афин будет грозить неминуемая опасность со стороны исконного их врага - Спарты. Лучшее опровержение противного взгляда представляет другой факт из греческой истории: поведение Спарты и Афин во время войны Греков с македонским царем Филиппом. Как известно, эта борьба окончилась решительной победой македонян, благодаря совершенному отсутствию в греческих народах понимания общих политических интересов.

Если основания, на которые опираются приверженцы существования международного права в Древней Греции, ошибочны и если факторы, действительно заставлявшие греческие народы входить в сношения между собой, действовали на государства только естественной своей силой, без всякого сознания со стороны последних о необходимости этих сношений и их порядка, то мы должны сказать, что древние Греки не имели международного права.

§ 11. Древний Рим и особенно римское право играли выдающуюся роль в области международных отношений. Еще и теперь некоторые ученые видят в римском праве первоначальный источник всего современного международного права. Но ближайшее рассмотрение международной жизни Римлян и анализ их юридических понятий об отношениях, долженствовавших существовать между народами, покажут, насколько правилен этот взгляд.

Сравнивая Древний Рим и Древнюю Грецию, Римлян и Греков друг с другом, невольно поражаешься глубоким различием как исторической роли и судьбы двух народов, так и начал, которым они следовали в международных отношениях. Уже само географическое и топографическое положение обеих стран неодинаково: если Греция изрезана бесчисленным множеством заливов и бухт, которые вызывали на торговые и международные сношения, то Рим вовсе не имеет непосредственного соприкосновения с морем. Но еще более бросается в глаза полнейшая противоположность стремлений и наклонностей культурных и политических, которые отличали древних Римлян и Греков. Греки, по самой своей природе, стремились к розни во всех сторонах своей жизни; они боялись и избегали всякого соединения под общей властью. Зато разделение греческих племен давало им возможность самого широкого развития своих умственных, нравственных, вообще духовных способностей и сил: оно служило условием того разнообразия и богатства литературы, поэзии, художеств, которые обессмертили Греков. Не то в Риме. Древний римский народ был до того проникнут идеей политического единства, что стремился провести его даже в международных отношениях. Этот политический идеал Рима наложил свою печать на всю его историческую судьбу. Если историческая задача греческой жизни заключалась в обогащении духовной сокровищницы человечества, то в Римском государстве собственно о духовной стороне индивидуальной и общественной жизни не было и речи: в этом отношении Рим лишь воспользовался результатами деятельности народов, уже сошедших со сцены всемирной истории. Но римский народ вполне осуществил иное историческое назначение, к которому был призван: он внес начало единства в древний мир,

соединив все существующие тогда государства под своей верховной властью.

Тот основной принцип, которым должны были руководствоваться древние Римляне, исполняя свое историческое призвание, ясно выступает, так сказать, с первого же дня их существования. Известная сказка о том, что основатель Рима родился от Марса, бога войны, и был вскормлен волчицей, скрывает в себе глубокий смысл. Она показывает, что первый представитель Рима был представителем грубой физической силы, того начала, перед которым должны были преклониться все народы древности и которое Римляне проводили с неуклонной последовательностью во всех своих отношениях, как в частной и государственной, так и в международной жизни. Действительно, если копье - *hasta* служило для Римлян символом права собственности, если на основании законов XII таблиц *nexum* приводило к рабству неоплатного должника своему кредитору, если в семейном быту *pater-familias* был неограниченным властелином над домочадцами, если, наконец, иностранец не пользовался никакими гражданскими правами в пределах Рима и одно выражение *hostis* обозначало у Римлян врага и иноземца, то все это было лишь частным выражением основного начала римского *jus civile* - права силы*(20). В государственном быту Рима то же самое начало выражалось в понятии *majestas Populi Romani* - безусловной власти римского народа. Согласно с этим и в международных отношениях сила была единственным мерилем для определения прав и обязанностей римлян к другим народам.

Строгое проведение одного начала, выражение его в безусловных, не допускающих никаких отступлений юридических формулах составляло, конечно, одно из достоинств римского *jus civile*, но вместе с тем было и великим его недостатком. Оно делало из римского права настоящее воплощение идеи физической силы, придавало ему тот суровый формализм и ту беспощадную логику, которые решительно не допускали усвоения его другими народами. Гражданское право Римлян должно было значительно смягчиться, чтобы получить всемирное значение, чтобы другие народы могли воспользоваться богатыми плодами римской юридической жизни, и своим изменением в этом смысле оно обязано исключительно силе международных отношений, в которые вступал Рим и которые заставили его отказаться от первоначальных, хотя и последовательных, но узких юридических воззрений.

Международные отношения древних Римлян, как и других народов, не могут быть поняты правильным образом без уяснения и определения внутренних порядков, господствовавших в общественной и государственной их жизни. Дружеские и враждебные сношения, которые существовали между "вечным городом" и другими народами, всегда находились под заметным влиянием этих порядков. В этом отношении политическая история римского народа представляет две существенно различные эпохи - время республиканского управления и период империи, которые не сходны между собой не только государственным учреждением, но также в социальном своем характере, в свою очередь отразившемся на международных отношениях Рима. Каждый из этих периодов мы рассмотрим отдельно.

§ 12. В эпоху Римской республики могущественное влияние на политику сената и на все отношения римлян к другим народам оказывала происходившая в Риме упорная борьба между патрициями и плебеями, между бедными и богатыми классами римского населения. Здесь не место разрешать вопрос, откуда явились плебеи и чем была вызвана их оппозиция сословию патрициев. Можно согласиться с новейшими романистами, что класс плебеев в большинстве состоял из потомков тех побежденных Римлянами народов, которые силою оружия были вынуждены сделаться частью римского государства. Такое происхождение плебеев поставило их в тяжелое, бесправное и подчиненное в отношении патрициев положение.

Выходом из него могла быть только настойчивая и непрерывная борьба, к которой и обратились плебеи, домогаясь политической и гражданской равноправности с господствующим классом. Борьба эта проходит различные фазы. Руководимые сознанием своего личного интереса, патриции мало-помалу уступали законным требованиям своих противников и, наконец, согласились на полное уравнение прав плебеев со своими привилегиями.

Последовательные уступки, которые делали патриции в пользу плебейского сословия, находятся в тесной связи с постепенным изменением отношения Римлян к другим народам. По мере того как в Риме смягчался антогонизм между борющимися общественными классами, по мере того как Римское государство становилось все более и более единым по социальному своему строю и общественным интересам, усиливается и политическое могущество Римской республики, а вместе с тем растут и успехи ее завоевательной политики не только в Италии, но и далеко за ее пределами. Слияние патрициев с плебеями приводит к тому, что Рим достигает полного внутреннего своего развития, делается владыкой целого мира, и, до сих пор замкнутый и нетерпимый к другим народам, является в полном смысле слова космополитическим в области международных отношений. Республиканский Рим позднейшего времени представляет нам полное единство в государстве главнейших общественных стремлений и классов. Падение международного могущества Рима начинается с момента разложения римского общества.

Историческая задача, которую предстояло разрешить Римлянам, сама по себе устраняла возможность мирных международных сношений, и была отрицанием международного права. Она предполагала нескончаемые враждебные столкновения Рима со всеми народами, которые не хотели преклониться перед его могуществом и признать его власть. Согласно с этим, история международных отношений римлян, в эпоху республики, представляет, собственно, один ряд войн, предпринятых ими с завоевательными целями, сначала в Италии, а затем и за ее пределами. Войны эти, можно сказать, не прерывались миром. Те так называемые мирные трактаты, которые в это время заключал сенат, в действительности были перемирия, служившие для Рима переходной ступенью к окончательному порабощению своих противников.

В последовательном ходе этих завоеваний Римляне руководились неодинаковой политикой по отношению ко всем народам: одни подчинялись безусловно суровому закону победителя, с полным уничтожением их независимости и прав; напротив, другие и по завоевании сохраняли известные преимущества и скорее соединялись с Римом, нежели испытывали тяжелую судьбу побежденных. К первым принадлежали преимущественно народы, отдаленные от Рима, жившие вне Италии, ко вторым - население Итальянского полуострова.

Политика римского сената в отношении итальянских народов вообще отличалась благоразумной осторожностью и умеренностью. Этого требовал, прежде всего, собственный интерес Римлян: если они хотели продолжать свои завоевания, то, конечно, должны были озаботиться безопасностью ближайших своих границ и не окружать себя врагами, которые при первой же неудаче Рима восстали бы против него. Кроме того, различные социальные причины содействовали тому, что народы Италии, сравнительно с неитальянским населением, заняли привилегированное положение под римской властью: Латиняне, Самнитяне и другие племена, населявшие Италию, были одного происхождения с Римлянами, имели общий с ними язык, сходные религиозные воззрения, нравы и обычаи. Эти условия склонили Рим к уступчивости в пользу непосредственных своих соседей и соплеменников. На этом основании итальянские города, покоренные Римлянами, получили от своих победителей права муниципий (*jus municipii*). Жители муниципальных городов могли свободно прибывать в Рим, заниматься здесь безопасно промыслами и торговлей, и

вообще пользоваться определенными правами (*jus connubii* и *jus commercii*) наравне с римскими гражданами.

Однако муниципальные права итальянских городов недолго сохраняли свое значение привилегий. По мере усиления внутреннего могущества Рима и распространения римского владычества вне Италии эти права жаловались также жителям различных римских провинций; с другой стороны, все народы, которые вначале находились под властью Рима на договорных условиях, впоследствии подчинились его закону, воле римского сената.

С окончательным завоеванием итальянских государств международные отношения Римской республики расширились: она приступила к завоеванию тех отдаленных от Рима земель, которые получили название римских провинций. Рассматривая те начала, которыми руководился римский народ по отношению к государствам и племенам, занимавшим эти области, легко заметить коренную перемену в его политике, заключающуюся в том, что международные его отношения определяются теперь исключительно сознанием политической его силы и превосходства над всеми другими народами, и согласно с этим побежденные становятся к нему в положение совершенно бесправное, подчиненное неограниченному произволу завоевателя. Это изменение римской политики отразилось на международных трактатах и актах, в которые вступал римский сенат с иностранными государствами, как не подчиненными римской власти, так и завоеванными.

§ 13. С точки зрения международного права наиболее важное значение имеют те соглашения Римлян с другими народами, которые заключались в началах равенства и взаимности (*foedera aequa*). Трактаты этого рода совершались или с вполне независимым народом, дружбой которого интересовался Рим, или с противником, которого он не в силах был окончательно победить и сделать для себя безопасным. С такими народами Римляне заключали договоры союза, мира, дружбы и гостеприимства, на основании которых подданные той или другой стороны имели в пределах территории союзника известные права, дававшие возможность мирного пребывания и деятельности в дружественной иноземной стране. Но трактаты, по названию равные, далеко не всегда действительно отличались этим характером. Таковы были заключаемые Римлянами союзные трактаты, которые обыкновенно предписывали обязанности и права только в пользу Римлян без всяких соответственных обязательств с их стороны. При этом замечательно следующее явление: по мере успехов римского оружия, по мере возрастания силы Рима, число таких неравных договоров (*foedera non aequa*) увеличивается, и, обратно, все реже и реже встречаются трактаты мира, дружбы и гостеприимства. Явление это объясняется тем, что все более и более расширявшиеся пределы римского владычества в том же размере сокращали международные отношения Рима; с другой стороны, его сила и могущество постепенно возросли до того, что уже не находили более соперников, которые могли бы с ним бороться. Поэтому к концу республиканского времени все означенные договоры уступают место римскому закону, который предписывается другим народам и который не допускает ни сделок, ни соглашения: закон один определяет положение, права и обязанности народов, завоеванных римским оружием. Таков результат международной политики республиканского Рима.

§ 14. Отсюда видно, что Римляне времен республики, в принципе, не должны допускать ни мирных международных сношений, ни тем более порядка и права, которое бы их регулировало. Но было бы ошибочно думать, что они в действительности не имели подобных сношений; что они признавали права только за собой и исключали иностранцев от пользования защитой и покровительством своих законов и суда, что, словом, каждый иностранец в пределах Рима был

действительно враг. Нет, подобно всему древнему миру, и римский народ не был последователен в области международных отношений. Сила обстоятельств и потребностей, стоявших выше его воли, заставляла его не только отказываться от вражды к другим народам, но и признавать за ними известные права, создавать в пользу их подданных особые учреждения, наконец, ввиду международных сношений, даже изменить свое строгое гражданское право.

Суровые юридические отношения Римлян к иностранцам, как они были определены в законах XII таблиц, с течением времени значительно смягчились под влиянием следующих главных условий.

Благодаря разнообразным сношениям, оборотам и сделкам, которые происходили между частными лицами, римскими гражданами и подданными других государств, в Риме скоро возникла потребность найти какой-либо выход из того формального юридического порядка, установленного строгим римским правом, согласно которому все такие сношения и сделки стояли вне закона. Ближайшим исходом из этого ненормального положения вещей явилось частное гостеприимство, на основании которого каждый иностранец, находящийся в Риме, мог выбрать из среды римских граждан патрона, который был по отношению к гостю покровителем и защитником всех его прав. С развитием сношений с иностранцами, и особенно с распространением знакомства с греческой культурой и цивилизацией, в римском обществе складывается взгляд, что гостеприимство есть высшая добродетель, какой только может гордиться каждый образованный гражданин. От общества и отдельных лиц это высокое понятие о гостеприимстве не замедлило перейти к правительству и, наконец, получило свою санкцию в законе.

Римское право формулировало ряд положений, определявших обязанности уже государства по отношению к подданным тех народов, которые имели титул "друзей римского народа" (*amici populi Romani*). На основании *jus hospitii* каждый член такого дружественного народа считался гостем Римского государства: он жил за счет государственной казны и пользовался особыми почестями, предписываемыми законом. Но это особенное покровительство жаловалось только тем народностям, которые жили в Италии или в пределах римских провинций: Рим никогда не входил в подобные сношения с варварами.

Укоренившийся в обществе и признанный законом институт гостеприимства вызвал дальнейшее обеспечение прав и интересов иностранцев, которые находились в Риме. Обеспечивая личную и имущественную неприкосновенность гостя, он не давал, однако, средств для судебной охраны его интересов. Споры, возникавшие между иностранцами друг с другом и между ними и римскими гражданами, не подлежали ведению городского претора (*praetor urbanus*), потому что **de jure** он не знал иностранцев, и *jus civile* не давало ему никаких правил для разрешения их тяжб. Патрон, в качестве покровителя гостя, получал право иска (*legisactio*) в римских судах в пользу иностранца. Наконец, благодаря усилившимся мирным сношениям Рима с другими народами, в нем была учреждена особая должность - *praetor qui inter peregrinos jus dicit* - специально для разбирательства тяжб, в которых были замешаны интересы иностранных подданных.

Если иностранцы находили покровительство в обеспечении своих прав в пределах Рима, стоявшие в резком противоречии со всеми основными принципами римского государственного строя и законодательства, то потому только, что римляне нуждались в сношениях с другими народами. Развивающиеся потребности общества, материальные и духовные, не находили более удовлетворения ни в стенах "вечного города" с его окрестностями, ни даже в пределах итальянских земель: они вызывали деятельные мирные и торговые сношения Рима с провинциями и даже с отдаленным Востоком. В этом отношении войны и завоевания Римлян служили орудием не только порабощения других народов, но и сближения с

ними, ознакомления с их культурой и цивилизацией, продуктами их умственной и промышленной деятельности, которые переходили в Рим и становились здесь предметами потребностей и жизненного обихода граждан.

Был ли римский народ по преимуществу земледельческим, как утверждают одни писатели, или торговым, как полагают другие, - для нас не важно. Но на основании несомненных исторических данных можно утверждать, что Римляне относились с презрением ко всем торговым сделкам и предприятиям, боялись судоходства и мореплавания и разделяли взгляд, господствовавший в древности, что море есть преграда, воздвигнутая между народами самой природой. Но не принимая активного участия в торговых сношениях, они вполне сознавали необходимость их для Рима: торговля обеспечивала продовольствие римского населения и давала возможность поддерживать тот комфорт и изысканную роскошь, которые высоко ценились римскими аристократами уже в республиканское время. Эти причины побудили Римлян если не отказаться от своих предрассудков по отношению к торговой деятельности, то покровительствовать ее развитию путем обеспечения прав коммерсантов в самом Риме и оказывать им помощь за его пределами. Так, чтобы очистить Средиземное море от морских разбойников, часто прекращавших всякое сообщение столицы с провинциями, Рим предпринимал неоднократно войны против пиратов, и ему удалось значительно ограничить развитие морского разбоя, процветавшего в древности.

Наконец, нельзя не указать еще на один из тех многих фактов, которые выводили Рим из его уединения и побуждали к мирным сношениям с другими народами, - устройство колоний. Римские колонии значительно отличались от греческих. Они обязаны своим возникновением не политическим смутам внутри государства, как греческие, но соображениям административным, видам лучшего управления отдаленных от Рима и только что завоеванных им областей. С этой целью сюда посылались римские легионы и граждане, которые получали в собственность часть земли покоренного народа и обязаны были наблюдать за миром в своем округе. Таким образом, состав и назначение римских колоний были военные: колонии служили "оплотом римскому могуществу", как выражается о них Цицерон. Но в действительности, подобно колониям Греции, они имели также большое культурное и образовательное значение: они распространяли среди завоеванных народов римское просвещение, язык, политические и особенно юридические воззрения Римлян, обычаи, нравы и проч.

§ 15. Период императорского самодержавия существенно отличается как во внутренних, так и международных отношениях от эпохи республиканского Рима. Когда императорская власть сменила республику, римский народ уже разрешил свою историческую задачу. Почти весь *orbis terrarum* подчинялся его власти, и "вечный город" озабочивали теперь более междоусобия внутри его владений, чем новые завоевания. Вместе с тем порядок внутренней его жизни запечатлен таким широким космополитическим взглядом на отношения между народами, входящими в его состав, который не встречается ни в какой другой период древности, ни в средние века, и который снова получает право гражданства только в новейшее время.

В эпоху империи завершилось то общественное и государственное объединение различных подчиненных Риму земель, начало которому было положено еще во время республики. Благодаря высокой культуре и цивилизации римского народа, его язык, образование, политические и правовые воззрения быстро усваивались в провинциях, и в императорское время, в культурном и социальном отношении, провинциалы уже ничем не отличались от Римлян и Итальянцев. Единственное отличие, которое продолжало еще их разделять, заключалось в политическом неравенстве, которое упорно отстаивала

патрициальная знать. Однако римские императоры и преимущественно те из них, которые вышли из среды демократов, мало-помалу стерли и это последнее различие между победителями и побежденными; один за другим они распространяли права гражданства, принадлежащие римскому и итальянскому населению, на отдельные провинциальные города и области. Наконец, конституция Антонина Каракаллы совершенно уравнила в политических правах все без исключения римское население.

Таким образом, в результате императорский Рим представляет одно внутренне сплоченное и политически организованное тело, все части которого подчинялись однообразным законам, суду и администрации. Поэтому о международных отношениях внутри Римской империи, собственно, не может быть более речи: все сношения, которые совершались между отдельными ее частями, в границах ее территории, происходили теперь не между членами различных народов, но подданными одного государства. Что касается сношений ее с европейскими варварами и азиатскими народами, Риму не подчиненными, то они имели отрывочный, случайный и исключительный характер.

В заключение очерка международных отношений древних Римлян остается решить вопрос: знали ли они международное право, права и обязанности, которые должны быть уважаемы во взаимных сношениях между государствами? Решение этого вопроса не представляет исключительно исторический или чисто научный интерес, но имеет и большую практическую важность, потому что до настоящего времени многие писатели по международному праву находят возможным искать у римских юристов основания для разрешения не только различных юридических вопросов, которые возникают в сфере гражданского оборота между частными лицами, подданными различных государств, но и недоразумений и споров между самими государствами, в их взаимных отношениях.

Мы рассмотрим главнейшие доводы, приводимые в пользу того, что римский народ и его юристы имели понятие о международном праве в современном смысле этого слова.

Во время республики, и еще раньше, в Риме была известна особая отрасль права, так называемое *jus feciale*, содержание которого составляли различные формулы и обряды, применяемые, в случае объявления римским сенатом войны или заключения трактатов, особым классом жрецов-фециалов, которые играли роль представителей Римлян в их международных сношениях. На этом основании некоторые ученые полагали, что отношения древних Римлян к другим народам определялись началами права, что вмешательство фециалов предупреждало несправедливые войны и обеспечивало соблюдение договоров. По мнению защитников этого взгляда, фециалы были не только посредниками в переговорах своего государства с другими народами, но и решали вопросы войны и мира.

Однако этого высокого мнения о фециалах источники не подтверждают; они не дают ни одного примера, чтобы фециалы когда-либо отказывались от исполнения предписаний, данных им сенатом или консулами; напротив, они всегда соглашались с ними. Отсюда мы должны заключить, что или все войны Римлян с другими народами были справедливы и разумны, или что фециалы всегда были убеждены в совершенной законности этих войн и согласии их с правом. Но трудно допустить как то, так и другое; по крайней мере история показывает, что далеко не все римские войны основывались на правде и справедливости. Поэтому должно согласиться с другим взглядом, именно - что фециалы исполняли в известных случаях торжественные обряды, предписываемые фециальным правом, как должностные лица, без всякой оценки причин и мотивов, их вызывавших, и что, следовательно, само применение фециального права было лишь пустою обрядностью, свидетельствующей о крайнем формализме римского народа, но никак не о

сознании им необходимости права и порядка в международных отношениях. Нисколько также не убедительны заключения, выводимые из существования у Римлян известных понятий относительно неприкосновенности личности посланников (*legati*). Римляне сами отправляли и принимали у себя посольства от иностранных государств. Но они сознавали их личную неприкосновенность настолько, насколько сознают ее все народы, даже полудикие племена внутренней Африки.

В темных известиях, дошедших до нас о древних международных третейских судьях, называемых *recuperatores*, точно так же нельзя видеть доказательства, что Римляне знали международное право. Под именем *recuperatores* разумелись лица, избираемые римским народом и другим, с которым он вступал в договор, для решения как вообще споров, которые возникли бы между подданными этих народов, так и недоразумений между самими государствами, порожденных исполнением договора. Впрочем, и права, и обязанности, и самое назначение таких судей представляются, на основании источников, крайне неопределенными. Несомненно одно, что они утверждались не иначе, как на основании и по поводу заключения трактатов и, следовательно, если и допустить, что случаи их назначения действительно имели место, то вызывались исключительными обстоятельствами и бывали редко. В качестве судей между подданными различных государств *recuperatores* сделались излишними, когда стал развивать свою судебную деятельность *praetor peregrinus*, разбиравший все тяжбы, в которых участвовали иностранцы.

По-видимому, наиболее убедительным доводом в пользу того, что Римляне знали международное право, служит римское *jus gentium*. Действительно, существование этого "права народов" дает основание даже весьма компетентным современным писателям поддерживать мнение, что *jus gentium* древних Римлян есть современное международное право цивилизованных народов. Но на самом деле смысл и значение *jus gentium* совершенно другие.

Как известно, первоначальные юридические воззрения Римлян, их строгое *jus civile* отличались духом крайней исключительности и варварства, которые не давали возможности ни применять римские законы к иностранцам, ни распространить их среди других народов, которые подчинились Риму. Однако мало-помалу, под влиянием развивающихся международных сношений, эти воззрения изменялись, и узконациональное римское гражданское право все более и более принимало универсальный характер. По мере того как римляне распространяли свое владычество и приходили в соприкосновение с другими народами, с их политическими учреждениями, законами и обычаями, римские юристы все более убеждались, что те правовые начала, которые они считали исключительно своими, существуют также у других народов, с которыми Римляне никаких сношений не имели, которых они презирали и против которых вели беспощадную войну. На основании этого опыта они увидели, что кроме гражданского права, свойственного определенному народу, существуют еще общие принципы этого права, определяющие семейные, имущественные и обязательственные отношения существенно одинаково у всех народов, - право народов, *jus gentium****(21)**. Такое общенародное право имеет своим источником, очевидно, не законодательную власть, но естественный разум (*naturalis ratio*), т.е. человеческую природу, ее законные интересы и потребности. Понятно само собой, что чем более римские юристы проникались сознанием общности правовых понятий у всех народов, тем более в применении своего *jus civile* они отказывались от старого, формального истолкования, тем более голос справедливости (*aequitas*) получал перевес над строгим правом (*jus strictum*). Отсюда следует, что *jus gentium* играло огромную роль в истории развития римского права. Приняв в себя общечеловеческие начала, лежащие в основании права всех народов, оно распространилось не только в

древнем мире, но и сделалось источником гражданско-правовых законов и всего юридического образования современных образованных народов. Но *jus gentium* имеет своим предметом не международные отношения, но совокупность основных правовых принципов, определяющих отношения между частными лицами и общих всем народам. Поэтому оно не может служить ни доказательством существования международного права в древнем мире, ни тем более источником, из которого могли бы быть почерпнуты начала для определения современных международных отношений.

В. Средние века

§ 16. Историю народов древнего мира и международные их отношения можно проследить с момента появления этих народов до самой их смерти. Несравненно труднее определить основания господствовавших в средние века международных порядков, когда зародились ныне существующие цивилизованные государства и возникли начала современной международной системы.

В V столетии Западная Римская империя пала, и место ее заняли варвары, пришедшие с Севера Европы. Участь, которая постигла могущественнейшую из монархий древности, была неизбежным последствием внутреннего ее упадка. Подчинив своей власти весь древний мир, народ-завоеватель остановился в своем общественном и государственном развитии и не мог сохранить то международное значение, которое ему принадлежало в предшествующую эпоху.

Императорский Рим во многих отношениях стоял ниже Рима республиканского. Тот мир, которым, по-видимому, наслаждалась империя, в действительности был процессом ее разложения и признаком наступающей смерти. Римская империя сама давала доказательства полнейшего своего бессилия нравственного, экономического и политического. Уже в республиканское время между римскими гражданами стало заметно утомление военной службой и отвращение к ней. Юлий Цезарь был вынужден обращаться к своим врагам - варварам, чтобы из них устраивать свои легионы (*laeti*). Мало того, деморализация и вымирание римского населения дошли в империи до таких размеров, что не оказалось достаточно рук для обработки земли, и императорское правительство не находило другого средства поддерживать падавшее земледелие, как помощь тех же варваров: оно вызывало из их среды колонистов для заселения и возделывания пустынных римских земель (*coloni*). Таким образом, в пределах Западной империи, в самом центре ее, сосредоточивались все большие и большие массы бывших ее врагов, которые, сделавшись фактически распорядителями Римского государства, не замедлили уничтожить само звание римского императора и поделить его власть между своими королями.

Падение Западной Римской империи и окончательное разделение Римской империи имело своим результатом разделение древнего цивилизованного мира на две половины, историческая судьба и международная роль которых существенно различались. Восточная или Византийская империя, в особенности после отделения греческой церкви от римской, совершенно изолировалась от западноевропейских народов и нашла поприще для достижения самостоятельных политических целей в Восточной Европе и Малой Азии. Завоевание в XV столетии Константинополя Турками еще более раздвинуло пропасть, отделявшую жизнь народов юго-восточной Европы от государственных и международных порядков, выработавшихся в Западной Европе.

Кто были те народы, которые заняли на Западе Европы место цивилизованных Римлян и которые известны в истории под общим именем

варваров? Характеристика этих народов даст нам ключ к уразумению социального и политического устройства средневековых государств, равно как и международных их отношений.

Варвары, уничтожившие Западную Римскую империю и поселившиеся в ее пределах, принадлежали к германскому племени. Подобно всем первобытным народам, они отличались безграничным уважением к физической силе и видели в ней источник всякого права и основание частных и общественных отношений. По понятиям древних Германцев, право на существование мог иметь только тот, кто был в состоянии охранять его собственными силами. Уважение к силе отражалось и на порядке правосудия варваров: спорные имущественные дела разрешались у них судебным поединком: преступление было исключительно нарушением интересов потерпевшего лица и ближайших к нему лиц. Неограниченное господство силы, характеризующее древний быт германских народов, вполне отразилось на феодальном порядке. Другая выдающаяся особенность варваров заключалась в стремлении к индивидуальной свободе. Готы, Франки, Вандалы и другие германские племена были проникнуты идеей, которая не находила признания в древнем мире, но которая лежит в основании современной цивилизации и культуры, - идеей личности и ее права. Если народы античного мира присваивали права только гражданину и если в древности человек исчезал в государстве, то среди варваров, напротив, каждый свободный человек считал себя лицом, которому принадлежали известные права. Человек сам по себе был субъектом прав и носил с собой эти права, куда бы ни явился. Последние определялись началом личности, но не местными или территориальными законами. В последовательном своем проведении начало личности уничтожает государство. С точки зрения безусловной индивидуальной свободы, которая составляла идеал варваров, общественный и государственный порядок должен был рассматриваться как преграда, окова, стесняющая человеческую личность. Для варваров - человек, его личная свобода, его права были все; государство - ничто. Этот принцип индивидуализма породил те центробежные в общественном и государственном отношении стремления средневековых народов, которые наложили свой отпечаток на всю феодальную жизнь Западной Европы. Но если преобладание личного начала заставляло исчезать в средние века социальный порядок и государственную власть, то, с другой стороны, в признании и осуществлении этого начала нельзя не видеть огромного прогресса как для общественной и государственной жизни, так и для международных отношений. Уважение к личности, ее интересам и правам должно необходимо лежать в основании всякого порядка. Задача исторической жизни западноевропейских народов - установление правильных взаимных отношений между личностью и общественной властью - могла получить разрешение только благодаря варварам, впервые внесшим это начало в европейскую жизнь.

Наконец, третий фактор, под действием которого выработывался общественный и государственный быт средневековых народов и которым определялись взаимные их отношения, была христианская религия. В отличие от религиозных верований древнего мира, которые сами по себе никогда не служили ни элементом, смягчающим человеческие отношения, ни условием, уничтожающим разделение и вражду народов, христианство, распространившееся между варварами и мирной проповедью и силой оружия, соединило западноевропейские народы в одно церковное общество и заставило их проникнуться одинаковыми религиозными воззрениями и верованиями, послужившими первоначальным и общим источником духовного их развития, интеллектуальной жизни и нравственных понятий. Культурное влияние христианства, без всякого сомнения, умерило суровый характер общественной и государственной жизни Западной Европы и смягчало средневековые международные отношения, которые складывались на основе чисто

германских начал, указанных выше. С постепенным соединением всех народов Запада в одно духовно-религиозное общество и с развитием власти главы римско-католической церкви все более укрепляется сознание общих культурных, социальных и политических задач, которые лежат на всех христианских государствах. Эти задачи разрешались под сильным давлением римской курии: ее каноническое право должно было служить образцом для гражданских и уголовных законов средневековых народов; она вмешивалась во внутренние дела государств, наконец, присвоила себе право быть верховной решительницей столкновений и споров, возникавших между различными народами.

§ 17. Имея в виду указанные общие элементы средневековой жизни, нетрудно определить, к каким результатам социальным и политическим они привели и как устроились международные отношения западноевропейских государств в рассматриваемую эпоху.

Между фактическими условиями, среди которых действовали означенные элементы, важную роль играло отношение варваров к покоренным народам, входящим в состав Западной Римской империи. Варвары не могли и не считали нужным ни изменять, ни тем более уничтожить культуру, общественный строй, политические учреждения и законы, которые существовали в занятых ими римских владениях. Германские конунги ограничились тем, что подчинили население этих земель своей государственной власти, обложили его податями и взяли часть его земель для раздачи, на известных условиях, своим сподвижникам. Но это не все. Варвары сами подпали неизбежному влиянию развитой культуры и гражданственности, которые они нашли в завоеванных ими провинциях; они постепенно усвоили порядки и право, здесь господствовавшие, и сделались преемниками Римлян в их культуре и просвещении, которые, в свою очередь, передали новому времени.

В связи с вторжением германских народов в пределы Италии, Галлии и других римских областей находится развитие городских поселений, вызванное нашествием на Южную Европу варваров. Последнее, как известно, сопровождалось зверствами и опустошениями, которые, естественно, заставляли мирное население искать убежища в укрепленных городах, служивших некоторой защитой против хищничества диких завоевателей. Таким образом, кладется богатый зародыш городской жизни, развитие которой так сильно содействовало впоследствии возвышению королевской власти и устройству ныне существующих государств.

Из тех народов, которые выступили на сцены всемирной истории во время нашествия варваров, одни - подобно Готам и Лангобардам - имели мимолетное политическое и международное значение: напротив, другие обогатили европейскую культурную жизнь новыми началами и в течение средних веков играли руководящую роль в области международных сношений. К числу последних принадлежат Франки. Сделавшись оседлым и господствующим населением в Галлии, они мало-помалу установили здесь такой порядок общественной и государственной жизни, из которого развились начала социального и политического строя новейшей Франции. Не менее замечательно международное положение франкской монархии. Оно определялось особенным отношением Франков к римско-католической церкви и ее представителю. Кловис, приняв христианскую веру, сделался ревностным распространителем христианства среди других германских народов и усердным защитником интересов римского католицизма. За свое усердие в деле веры он получил от папы почетный титул "первороденного сына церкви" (*filius primogenitus ecclesiae*). Этот титул перешел к французским королям.

Тесный союз между франкским народом и римско-католической церковью содействовал как повышению власти римского первосвященника, так и распространению на Запад Европы идей античного Рима, которыми была

проникнута римская курия.

На этом союзе основалась империя Карла Великого, который, получив из рук папы римскую корону в 800 году, торжественным образом был провозглашен главой всех христианских народов Западной Европы. Вновь возникшая империя должна была явиться центром всей политической и международной жизни и воскресить то единство цивилизованного мира, которое было разрушено варварами. Во времена Карла Великого империя его действительно имела это значение. Новый император хорошо сознавал свое назначение в качестве первородного сына католической церкви: он непрерывно воевал с германскими и славянскими язычниками, окружавшими его империю, и силой оружия водворял между ними христианство и основания общественного порядка и права. В переговорах с византийским императором Карл Великий поддерживал международную самостоятельность западноевропейского мира и свой авторитет в качестве его представителя. В сношениях с халифом Гаруном-аль-Рашидом он провозглашал превосходство христианского мирозерцания над религиозными предрассудками мусульманских народов.

Единство Карловингской империи находило единственную опору в гениальной личности первого ее представителя. После сильных раздоров и междоусобной войны, которые происходили при внуках Карла Великого, франкская империя окончательно распалась на Францию, Германию и Италию (843 г.), уже более никогда не соединявшиеся на продолжительное время.

§ 18. После разделения империи Карла Великого во всех государствах, на которые она распалась, обнаружилось неудержимое стремление к разложению и локализации верховной государственной власти. Во Франции, в которой уже в X столетии насчитывалось свыше 55 различных провинций, пользовавшихся значительной независимостью от центрального правительства, разделение государственной территории все более усиливалось. То же самое замечается в Италии, где процесс обособления отдельных частей государства привел к образованию большого числа самостоятельных городских республик. Но ни в одной стране политическое раздробление не приняло таких размеров, как в Германии: здесь не только провинции и города сделались суверенными, но и каждый замок, каждый барон стремился уйти от подчинения общей государственной власти и получить независимое политическое существование.

Под влиянием этих центробежных стремлений на Западе Европы вырабатывается феодальный порядок. В основании его лежит то начало, что каждое лицо, обладающее достаточными материальными силами, чтобы поддерживать свои права, есть вместе с тем представитель политической власти, - государь, которому должны подчиняться все другие лица, такими силами не располагающие. Личная зависимость слабых от сильных составляет отличительную черту всего феодального строя. Мера этой зависимости определяла общественное положение и права человека, не находившего защиты в авторитете правительства, которого не существовало в феодальное время. Таким образом, каждое лицо должно было рассчитывать только на себя и свои силы. Только в своем доме, замке, семье и в кругу близких сподвижников была обеспеченность прав и интересов. Все отношения становятся в эту эпоху личными, непосредственными, вассальными. Вассал был обязан в отношении своего сюзерена и знал только его. Основание же вассальности - владение землей и вытекающие отсюда отношения подчиненности.

Во главе феодального общества стояла военная и земледельческая аристократия, члены которой присвоили себе все прерогативы верховной государственной власти. Каждый феодальный сеньор пользовался в пределах своих владений исключительным правом издания законов и сбора податей; ему принадлежали судебная власть и монетная регалия; он по своему усмотрению

объявлял войну и заключал мир. Остальное население западноевропейских государств составляли в значительном числе лица, номинально свободные, но фактически лишенные возможности осуществлять свои права, и преобладающее по своему многолюдству сословие крепостных, которыми неограниченно распоряжались феодальные владельцы.

При таких обстоятельствах аристократия феодалов, благодаря отсутствию твердой центральной государственной власти, сделалась в рассматриваемую эпоху правительствующим классом, в зависимости от которого находились все другие сословия, исключая только отчасти сословия духовенства. Нетрудно понять, какие внутренние порядки установились в Западной Европе под влиянием этого обстоятельства. Имея своим основанием силу, господство феодалов было отрицанием всякой устроенной государственной жизни, юридического порядка и законности. Ни один феодал не обращался к верховной власти, чтобы получить удовлетворение за причиненную ему обиду, но вел на собственный страх войну и входил в соглашение со своим обидчиком. Вся история государственной жизни в средние века есть непрерывный ряд частных войн, которые предпринимали феодалы друг против друга не только для разрешения взаимных недоразумений и споров, но и для удовлетворения страсти к войне.

Право частной войны, которое принадлежало в средние века каждому физическому и юридическому лицу, вносило анархию во внутреннюю жизнь западноевропейских народов и должно было привести к огрублению нравов, к царству кулачного права (*Faustrecht, droit du poing*), которое явилось высшим выражением господствовавшего в феодальное время принципа личности, индивидуальной силы, возведенного в право и закон. Крайнее развитие этого начала имело то благотворное последствие для средневековых общественных отношений, что убедило те лица, которые не видели в кулаке основания права или, по недостатку силы, не могли рассчитывать на это средство самообороны, в необходимости соглашения и союза друг с другом, чтобы общими силами преследовать свои интересы и обеспечивать свои права. По мере распространения в обществе сознания солидарности духовных и материальных интересов отдельных лиц и необходимости защиты их против феодалов соединенными силами всех заинтересованных, средневековые государства разделяются на множество отдельных социальных групп: на городские общины, корпорации, гильдии, цехи, связанные одинаковыми имущественными интересами участников, общими целями промышленности или торговли.

Общественный и государственный строй западноевропейских народов феодальной эпохи оказал существенное влияние на международные отношения в средние века. Если феодальный быт в Западной Европе характеризует упадок правительственной власти и обособление различных общественных классов и групп в самостоятельные враждебные друг другу политические организмы, то и средневековые международные сношения как отдельных лиц, так и независимых общин и государств запечатлены отсутствием порядка и законности и преобладающим значением грубой физической силы.

Как и внутри феодальных государств, между средневековыми народами шла непрерывная война. Мирные их сношения составляли редкое исключение, и если поддерживались, то благодаря почину и заботам отдельных частных лиц или общественных классов, но не покровительству государственной власти. Торговым сношениям в это время препятствовали столько же войны, которые вели феодальные господа, сколько и разбойничество рыцарей, для защиты от которых торговые люди должны были составлять из себя вооруженные отряды или нанимать войска.

Необеспеченность мирных международных сношений в средние века видна,

между прочим, из того тяжелого положения, в котором находились иностранцы в феодальной Европе: их жизнь и свобода вполне зависели от усмотрения тех владетелей, на земле которых они находились. По средневековым обычаям, феодальный господин считался единственным наследником всего имущества умершего иностранца, которое оставалось на территории феодала. Это право, известное под именем *droit d'aubaine*, просуществовало в Западной Европе, впрочем, в значительно смягченном виде, до XIX столетия.

Варварству феодального быта западноевропейские государства были обязаны и другим бесчеловечным обычаем, долго сохранявшим свою силу, - береговым правом (*droit de naufrage*).

По общему убеждению, господствовавшему в средние века, все, что выбрасывало море на землю прибрежных владельцев, составляло законную их добычу. Поэтому мореходцы, потерпевшие кораблекрушение, захватывались местными сеньорами и не только лишались остатков своей собственности, но часто теряли свободу и жизнь. Такое вопиющее злоупотребление силой вызывало протесты уже в средние века. Несмотря на запрещения пап и соборов, равно как и распоряжения правительства, береговое право **de facto** осуществлялось еще в XVIII в. и уничтожилось только тогда, когда в морских государствах установился твердый правительственный порядок, обеспечивавший точное соблюдение законов.

Произвол и насилия, отличавшие средневековую частную и общественную жизнь, особенно резко проявлялись во время войн, которые в этот период непрерывно вели между собой как частные лица, владельцы замков, так и государства. Войны, происходившие в средние века, представляют ряд всевозможных жестокостей и зверств, которые объясняются не только варварством феодалов, страстью необразованных и воинственных людей к пролитию крови и разрушению, но и самим характером феодальных столкновений: обыкновенно это были пограничные столкновения, которые вызывались личными счетами и соперничеством соседей, ожесточавшими борьбу и придававшими ей оттенок личной мести. Феодальное рыцарство не останавливалось ни перед какими насилиями во время своих распрей и не признавало никаких законов и обычаев, которые ограничивали бы применение силы; оно не считало даже обязанностью точное исполнение данного врагу слова: вероломство было одним из употребительнейших средств ведения борьбы, к которому нередко прибегали сами государи.

§ 19. Начала, на которых основывается европейское международное право, зародились и развились под влиянием общих условий социальной жизни средневековых западноевропейских народов. Несмотря на то, что феодальные государства Западной Европы распались на множество независимых замков, общин, провинций, население этих земель и участков связывали одинаковые социальные потребности и стремления. Общественный строй средневековых государств, в основаниях своих, представлялся более или менее одинаковым. Во всех феодальных землях мы видим те же самые сословия, общины, корпорации, внутренняя жизнь, стремления и интересы которых были одни и те же, как на европейском континенте, так и в Англии.

Господствующим классом во всех средневековых государствах Западной Европы была феодальная земледельческая и военная аристократия. По своему характеру она не напоминала ни индийской касты, ни римского патрициата. Организация ее имела основанием личную связь вассала со своим сюзереном. Следовательно, принадлежность к высшему сословию в средние века зависела не столько от рождения или национального происхождения, сколько от личных способностей и достоинства человека. Благодаря началу личной службы, лежащему в основании всего феодального строя, во-первых, между аристократами и членами

других сословий не было такой непроходимой пропасти, как в древних восточных государствах или в Риме. История представляет много примеров, что германские императоры и различные короли феодальных европейских государств жаловали высшие титулы и должности лицам самого низкого происхождения. В этом отношении большое влияние на смягчение аристократического духа феодальных государств оказывала римская церковь, иерархия которой опиралась единственно на личные способности с исключением начала рождения или происхождения.

С другой стороны, одинаковая организация средневековой европейской аристократии служила связью между феодальными аристократами различных европейских государств. Вассал французской короны не чувствовал себя чужим в пределах Германской империи или итальянских владений; личные доблести уравнивали его с феодалами этих земель; он и здесь оставался членом высшего средневекового европейского сословия, имеющего общие интересы - охранять свой авторитет, свои привилегии и независимость от посягательств королевской власти.

Космополитизм феодальной аристократии нашел свое высшее выражение в общем для всех средневековых западноевропейских народов институте рыцарства. Возникновение его объясняется указанным выше началом личной службы.

Создавая высокое общественное положение феодалов, отправление должности, службы само собой приводило к образованию в средневековых европейских государствах аристократии ума, добродетели, вообще личных способностей и сил человека. Такую аристократию составляли рыцари, сделавшие своей обязанностью охрану церкви, защиту слабых и угнетенных, вдов и сирот повсюду, где бы ни привелось находиться рыцарю. Эта общая цель делала всех рыцарей братьями друг друга, какого бы рождения или национального происхождения они ни были; рыцари не знали территориальных границ и были первыми провозгласителями идеи правды и справедливости в области международных сношений*(22).

Другой общественный класс, существовавший в средние века, - торговое и промышленное сословие - сосредоточился во всех западноевропейских государствах в укрепленных городах или коммунах, которые защищались наемными силами или собственным оружием горожан. При повсеместном господстве кулачного права и слабости правительственной власти городские общины Германии, Франции, Италии взяли управление внутренними своими делами и внешними сношениями в свои руки. Подобно феодальным аристократам, они имели право объявлять войну, заключать мир, входить в переговоры и соглашения с другими автономными общинами и отдельными лицами.

Пользуясь этим правом, города вступали в союзы друг с другом для борьбы с теми элементами средневековой общественной жизни, которые отрицали необходимость мирных международных сношений, и для достижения соединенными силами общих своих промышленных и торговых целей.

На общности социальных интересов городских жителей основался в средние века знаменитый Ганзейский союз, к которому принадлежали все главнейшие торговые центры Западной Европы. Города, составлявшие этот союз, установили самостоятельное правительство, имели свое войско, свой флот и не только охраняли свои коммерческие сношения от нападения отдельных феодалов, но и вели войны с государствами, нисколько не справляясь с мнением, интересами и желаниями подлежащих правительств*(23).

Что касается крестьянского сословия, то положение его в средние века в Западной Европе также было везде, по существу, одинаковое: крестьяне находились в крепостной зависимости от тех феодальных господ, на земле которых они жили, и если уходили с этой земли и переселялись в другое государство, то и здесь не получали свободы, но становились в крепостные отношения к новым

землевладельцам. Только города мало-помалу изменили свой взгляд на крепостных и стали разрешать сельским жителям поселяться в пределах коммуны, признавая за ними полную личную свободу.

Кроме указанных общественных элементов, мирному развитию средневековых народов и установлению между ними близких культурных связей весьма содействовали римско-католическая церковь и ее представители - папы. Крестовые походы были вызваны и поддерживались духовным авторитетом церкви и ее первосвященников. Папы неоднократно брали на себя роль третейских судей и разрешали споры между различными европейскими королями, между германским императором и имперскими городами и чинами, между вассалами с их сюзеренами. Они созывали церковные соборы и вместе с ними много раз издавали и подтверждали постановления о Божьем мире (*Treuga Dei*), с целью ограничить феодальные раздоры и самоуправство. Зародыши новых лучших международных порядков видны и в тех повелениях соборов и пап, которые отменяли пользование береговым правом.

Наконец, неограниченное господство самоуправства внутри феодальных владений и постоянные войны и грабительства феодальных господ заставляли частные лица и общества прибегать к взаимным соглашениям, с целью лучшего обеспечения своих прав и законных интересов. На основании договоров отдельные лица и городские общины обязывались не пользоваться силой в случае возникновения между ними каких-либо недоразумений, но обращаться к третейским судьям для мирного улаживания спора. Частные обязательства заменяли отсутствующую правительственную власть и до некоторой степени обеспечивали порядок. В такие соглашения иногда вступали, под давлением внешних обстоятельств, целые народы или части государства; так, например, города и владения, входившие в состав Германской империи, ввиду опасности завоевания Турками, на время отказались в XV столетии от права частных войн и признали за германским императором известную власть в пределах своих территорий.

Но ни зародившиеся в средние века общественные интересы и стремления, ни духовный авторитет католической церкви, ни частные договоры и временные соглашения государств не в силах были обеспечить прочный мир и порядок во взаимных сношениях средневековых европейских народов. Необходимыми условиями правильных и мирных международных оборотов являлись единая и твердая правительственная власть и организованный юридический порядок внутри государств, гарантирующие безопасность и господство закона в пределах государственной территории. Эти условия пока не существовали на Западе Европы. Правда, королевская власть во Франции уже в XIV столетии принимала различные меры, чтобы прекратить господство кулачного права. Так, Филипп Красивый, в 1303 г., запретил всякое самоуправство со стороны французских граждан, но этот закон мог получить обязательную силу только с уничтожением феодализма во французском королевстве. В Германии кулачный порядок господствовал до XVI столетия, когда судебный поединок служил еще средством для решения гражданских и уголовных правонарушений. Только в Англии сравнительно рано установилось то правило, что король есть верховный покровитель мира и закона во всей стране и что тот, кто нарушает юридический порядок, есть оскорбитель королевского величества.

§ 20. Если в средние века не существовало государственной власти в современном значении этого выражения, то не могло быть и международных отношений, как они понимаются ныне. Средневековые международные сношения происходили между частными лицами, между городами, между независимыми частями отдельных феодальных земель, но не государствами, которые являются субъектами современного международного права. Отсюда проистекало то

преобладающее значение грубой силы и та анархия среди западноевропейских народов, которые составляют отличительные особенности средних веков.

Международные отношения средневековья переходят в другой период и организуются на началах порядка и права под влиянием падающего феодализма и зарождающейся в Западной Европе королевской власти.

В разрушении феодального строя западноевропейских государств принимали участие многие силы. Без всякого сомнения, одной из причин, ускоривших падение феодального порядка, были крестовые походы.

Общий характер средневековых международных отношений, только что нами представленный, показывает, что все сношения, которые происходили между европейскими народами в средние века, имели своим руководящим принципом силу, т.е. то начало, которое в форме самоуправства и кулачного права безусловно царило во внутренней жизни феодальных государств. О господстве права и юридического порядка в области международных сношений этого времени, очевидно, не может быть и речи. Тем не менее, как мы сказали выше, в средние века зародились те новые элементы общественной и государственной жизни, которые, постепенно развиваясь, привели к порядку и праву, действующему в отношениях между современными образованными народами. Международные отношения в эту эпоху вполне подтверждают положение, высказанное Гизо, что не столько грубая сила, сколько идеи и нравственные силы, скрывающиеся в проявлениях физической силы, управляют человеческими обществами. Это положение в особенности доказывается крестовыми походами.

Всеобщее движение западноевропейских народов на Восток, с целью освобождения гроба Господня из рук неверных, вывело эти народы из той замкнутости, в которой они находились до того времени, сблизило их общностью религиозной цели, наконец, ознакомило с жизнью и произведениями восточных стран, с которыми они вступили в длительные торговые сношения. В этом отношении крестовые походы служили залогом развития мирной международной жизни на Европейском Западе. Но они оказали сильное влияние также на внутренний строй феодальных государств, политический и общественный. Феодальный порядок разлагал государственное и социальное единство европейских народов, создавая государство в государстве, ставя в положение правительственной власти военную аристократию и оставляя другие общественные классы в бесправном состоянии. Крестовые походы, напротив, заставили сблизиться все средневековые сословия в сознании христианского братства людей и общих религиозных интересов. Одним словом, они уравнивали средневековые общественные классы, создавали то внутреннее единство государств, которое является необходимым условием порядка в международных отношениях.

Еще более подорвали политический авторитет вассальства средневековые юристы - легисты, которые вступили на службу королей и усердно боролись за права и единство государственной власти. Воспитанные на римском праве, они явились непримиримыми врагами привилегий феодальной аристократии и твердо установили то начало, что в пределах государственной территории должен господствовать один закон, изданный королевской властью, и что применение этого закона должно лежать на обязанности только королевских судов, с полным исключением юрисдикции феодалов. Но более всего содействовал окончательной отмене феодализма союз королей с городскими коммунами, заключенный для общей борьбы против своеволия и насилия феодалов.

Городские общины играли важную роль как в делах установления государственного единства на Западе Европы, так и в развитии начал, служащих основанием современного международного права. Действительно, если в средние века можно найти какое-нибудь сознание о необходимости государственного

порядка и осуществление принципа государственности, то, конечно, не в Германской империи, разделившейся на несколько сот отдельных владений, и не во Франции, в которой могущественные вассалы, герцоги, графы отнимали у короля всякое политическое значение. Начало правительственной цивилизации, отношения власти и подданства, обеспечение порядка устроенным правосудием признаются прежде всего в средневековых коммунах и из этих тесных пределов распространяются уже на государства.

В области международного права городские общины имели не менее заслуг. Так как они принимали деятельное и независимое участие в международных торговых оборотах, то силою вещей поставлены были в необходимость точно определить те обычаи, которые постепенно вырабатывались в области морских торговых сношений и совокупность которых составляет морское международное право. Ввиду этого муниципалитеты различных средневековых западноевропейских торговых городов издавали, под разными названиями, сборники морских торговых обычаев.

Союз королевской власти с городскими коммунами оправдывался как общностью их политических интересов в борьбе с феодалами, так и теми богатыми материальными средствами, которые могли доставить королям торговые города. Но если означенный союз привел повсеместно в Европе к возвышению королевского авторитета и учреждению нового политического порядка, то в различных западноевропейских государствах эта реформа обнаружила свое действие неодинаковым образом.

Во Франции сознание национального единства становится на твердых основаниях, благодаря в особенности вековой войне, которую выдержал французский народ, отстаивая свою политическую независимость от посягательства английских королей. Эта борьба заставила Французов соединить свои силы, искать общий центр в единой национальной власти и видеть идеал государственного устройства в абсолютной политической централизации. Поэтому французские короли, после упорной борьбы с феодальной аристократией, могли основать в своем государстве такую сильную монархическую власть, другого примера которой не представляла Европа. Прочное национальное единство дало возможность французской монархии в течение с лишком трех столетий играть первенствующую роль в области международных отношений.

Иначе организовалась государственная власть в Англии. Ни в одной стране феодализм не пустил таких глубоких корней и не оставил столько следов до настоящего времени, как в английском королевстве. Но здесь он имел совершенно другой характер, нежели на европейском континенте. После завоевания Англии Норманнами Вильгельм Завоеватель не принес сюда, в чистом виде, те феодальные порядки, которые установились во Франции. Он хорошо понимал, что порядки эти уничтожают государственное единство и делают королевскую власть призрачной. На этом основании он роздал английские земли своим сподвижникам на условиях вассальной зависимости исключительно от него одного, как верховного покровителя мира и порядка во всей стране. Таким образом, в Англии король оставался действительной главой всего государства; с другой стороны, феодальные землевладельцы уравнивались в своем подчинении королю, становились в разряд его подданных. Результатом такого порядка феодальных отношений в Англии явилось развитие сознания в английском народе солидарности его интересов по отношению к власти короля, и когда Иоанн Безземельный дозволил себе вопиющие нарушения вольностей королевства, все сословия выступили против него и заставили подписать *Magna Charta libertatum*.

Вот почему, если во Франции единство государственное развилось в смысле абсолютной власти ее государя, то английский государственный порядок сложился в

смысле общности интересов короля и народа, в смысле уважения со стороны правительства законных прав и стремлений своих подданных. Этим объясняется различие и международной политики обоих государств: если французские короли находили возможным преследовать в международных отношениях свои династические интересы и личные взгляды и жертвовать для них как имуществом, так и кровью своего народа, то в Англии ни о чем подобном не могло быть и речи. Английское правительство, силою политического своего устройства, вынуждалось ставить единственной целью международных своих сношений пользы и нужды английского народа. Ввиду островного положения Англии, предприимчивости и энергии ее жителей, торговые и промышленные сношения сделались тем особенным поприщем для международных оборотов английской нации, ради которых она выдержала целый ряд кровопролитных и продолжительных войн с другими народами.

В Германии феодализм принял самые крайние формы и процветал вплоть до XVI столетия. Германские императоры, отвлекаемые упорной борьбой с папской властью, не могли положить предела раздроблению своего государства и мало-помалу сделались лишь номинальными представителями Германской империи, бессильной и раздираемой внутренними несогласиями и международными войнами. Не имея силы поддерживать внутренний порядок в стране, императоры отдали Германию в жертву всевозможным проидам, международным войнам и замешательствам, которыми пользовались, ради своих интересов, другие европейские державы.

Италия была страной, в которой феодальный порядок выразился первоначально в образовании различных коммерческих республик, как Пиза, Амальфи, Генуя, Венеция и др., которые, при помощи торговых оборотов, достигли замечательного богатства и могущества. Но внутри этих муниципий шла непримиримая борьба между партиями аристократической и народной, истощившая цветущие города и отдавшая их в жертву завоевателям. Поэтому большая часть итальянских республик исчезла, и только Венеция и Генуя сохранили свою независимость до конца XVIII столетия. После того Италия представляла множество независимых и слабых государств, которые служили приманкой и полем битв для разных иностранных завоевателей, окончательно и надолго ослабивших итальянский народ.

Что касается Испании, то до XV столетия большая часть ее территории находилась под властью мавров, которые управляли страной на началах, совершенно несогласных с общей европейской цивилизацией и культурой.

Независимо от приведенных причин, большое влияние на внутренний быт и международные отношения европейских государств имела эпоха возрождения, когда на Западе Европы распространилось знакомство с научными и художественными произведениями классической древности, на основе которых сложилась общая умственная жизнь западных народов и развился обмен продуктов их интеллектуальной деятельности. Кроме того, изобретение книгопечатания, пороха, компаса, введение постоянных войск и различные открытия в области географии также содействовали изменению средневекового строя и образованию в Западной Европе новых общественных, государственных и международных порядков.

Оканчивая изложение международных отношений, как в древности, так и в средние века, нам остается только заключить, что в первом периоде право физической силы действительно является руководящим принципом всех международных сношений.

Период второй. С Вестфальского мира до Венского конгресса 1815 г.

А. Международные отношения с Вестфальского мира до первой французской революции

§ 21. После падения феодальной системы Западная Европа представляла общество независимых государств, в которых средневековое безначалие и кулачное право уступили место уважению к закону и господству единой королевской власти.

В XVI столетии мирная жизнь этих государств была потрясена реформационным движением, которое возникло сначала в Германии, но скоро охватило весь север и запад Европы. Реформация имела огромное международное значение. Она разделила европейские народы на два враждебных лагеря, которые выдержали упорную и долгую борьбу между собой. На одной стороне стояли германский император и папа, защищавшие интересы католической церкви; то религиозное единство западных народов, которое существовало в течение столетий; напротив, протестанты требовали признания своей религиозной свободы и своего права быть самостоятельным обществом верующих, вне всякой зависимости от римского первосвященника. Эта борьба привела к кровопролитному международному столкновению, которое в продолжение тридцати лет свирепствовало в немецких областях и совершенно изменило европейскую политическую систему.

Религиозная, по своему происхождению, Тридцатилетняя война была богата последствиями чисто политического свойства. По мере ее продолжения международные стремления различных государств все более выступали на первый план. Государства, которые по историческим своим преданиям, по вероисповеданию своих монархов и подданных, должны были бы явиться непримиримыми врагами реформации, - ввиду своих мирских интересов стали в ряды противников римско-католической церкви. Князь церкви, кардинал Ришелье, от имени "первороденного сына римско-католической церкви", заключает союз со шведским королем, Густавом-Адольфом, который взял под свое покровительство протестантское движение в Германии. Этот факт показывает, какая резкая перемена произошла в отношениях между государством и церковью в новое время, сравнительно со средними веками. Во время и после Тридцатилетней войны религия была сведена на второстепенное место, и направление международной политики отныне стало определяться исключительно государственными целями.

Тридцатилетняя война окончилась Вестфальским мирным трактатом, заключенным 24 октября 1648 года. Как сам порядок заключения этого акта, так и прелиминарные переговоры, ему предшествовавшие, вполне выражают сознание со стороны государств и их представителей новизны предпринятого ими дела и необычайности своего положения.

Действительно, переговоры о мире начались уже в 1634 г.; прелиминарные условия его были приняты сторонами в 1645 г. Правительства и государи, принимавшие участие в Тридцатилетней войне, хорошо сознавали губительные результаты, к которым она привела и размеры которых могли только увеличиться с дальнейшим ее продолжением. Сила обстоятельств вынуждала их покончить с кровопролитием и так или иначе войти в соглашение друг с другом. Но мир можно было заключить только с общего согласия сторон и на условиях, отвечавших как действительному положению вещей, так и стремлениям, которые одушевляли воюющих. Новый порядок, долженствовавший установиться в области международных отношений, представляется для них неясным, противоречит всем их

понятиям и историческим преданиям. В предшествующей жизни европейских народов, ни в средние века, ни в древности, не было ни одного прецедента, чтобы представители разных государств сообща обсуждали свои дела и устанавливали порядки, обязательные для всех народов. Поэтому все совещания и обмен мыслей, которые происходили между уполномоченными европейских правительств до созыва Вестфальского конгресса и на самом конгрессе, носили характер неопытности, сомнения, ребяческих опасений унижить свою честь и достоинство представляемых государств*(24).

После долгих переговоров уполномоченные почти всех европейских держав, за исключением России, Польши и Англии, собрались, наконец, на конгресс, заседания которого происходили в двух городах, близких друг от друга, в Оснабрюке и Мюнстере. Необходимость этого разделения на два собрания вытекала из невозможности соединить за одним столом представителей Швеции с уполномоченным папской курии. Поэтому в Оснабрюке находились уполномоченные Швеции, Германской империи и различных других протестантских государств; в Мюнстере - представители папской курии, Венеции, германского императора, Франции и др.

Главнейшие постановления мирного Вестфальского трактата могут быть выражены в следующих положениях:

1) Взаимное отношение двух христианских церквей - протестантской и римско-католической - должно было определяться тем положением, в котором находились церковные общества 1 января 1624 г. Обязательная сила Аугсбургского мирного трактата 1555 г. подтверждалась. Вместе с тем была узаконена известная дискреционная власть каждого государя в отношении тех церковных обществ, которые существовали в пределах его территории, ибо основное правило Аугсбургского мира - *cujus regio, ejus religio* - давало право государям выселять из своей страны всех иностранцев.

2) Государства, входящие в состав Германской империи, в числе 355, получили полную независимость, с одним условием - не заключать таких международных договоров, которые противоречили бы пользам других германских государств.

3) Швейцарский союз и Нидерланды, пользовавшиеся до этого времени фактической независимостью, были призваны формальным образом в качестве самостоятельных государств.

4) Территориальные приращения Франции и Швеции, как победоносных сторон, состояли в присоединении к первой - части Эльзаса, ко второй - большей части Померании и городов Висмара, Ростока и др. Кроме того, Франция получила сюзеренные права над десятью вольными имперскими городами, находившимися в пределах Эльзаса, в том числе над Страсбургом.

Общее значение Вестфальского мирного трактата для международных отношений можно резюмировать следующим образом. Во-первых, непосредственное его значение состояло в небывалом в прежнее время факте соединения европейских государств в одно международное общество, которое настолько сознает солидарность своих интересов, что считает нужным не только совещаться об общих своих делах, но даже определять внутренний порядок в государствах, входящих в состав этого общества. Во-вторых, он дал формальную санкцию тому расколу, который совершился в духовном единстве западноевропейских народов с отдалением протестантской церкви от римско-католической. В-третьих, признание политической автономии множества немецких владений надолго обеспечивало бессилие, государственное и международное, Германской империи и открывало широкий простор для вмешательства всех европейских держав во внутренние ее дела. В-четвертых, Вестфальский мир

окончательно утвердил международное главенство Франции, добившейся унижения своих вековых соперниц - Австрии и Германской империи, и выдвинул на некоторое время Швецию, которая была деятельным фактором в международных делах Европы до тех пор, пока внутренние смуты, раздоры и эгоизм партий не лишили ее всякого влияния на европейском континенте.

§ 22. Международные события во второй половине XVII столетия и в XVIII в. нельзя понять, не имея в виду государственного и общественного строя, который установился в государствах Западной Европы в это время.

Политический порядок, возникший в континентальных европейских государствах на развалинах феодальной системы, должен был привести, в естественном своем развитии, к повышению единоличной королевской власти и устройству ее на тех самых началах, которые лежали в основании политического авторитета и прав феодалов. Короли сделались преемниками всех прерогатив, которыми прежде неограниченно пользовались феодальные сеньоры в отношении как своих земель, так и населения, на ней находившегося. Если феодалы считали принадлежащие им лены своей частной собственностью, то и король, отняв феодальные участки в свою пользу, стал смотреть на государственную территорию как на свою вотчину, которой он может распоряжаться по личному усмотрению. Если население феодальных владений относилось к своему господину как к покровителю, который, взамен оказываемой защиты, требовал безусловного подчинения своей власти, то в такое же положение стало оно и по отношению к королю, воля которого сделалась единственным законом для его подданных. Так выработался на континенте Европы принцип неограниченного королевского самодержавства, применение которого в отдельных случаях, правда, прикрывалось либеральными формами, было выставляемо как требование государственного блага, интересов и нужд народа, но содержание которого было старое, средневековое. Этот порядок назывался во Франции "просвещенным деспотизмом"*(25), у германских юристов и историков он получил название "полицейского государства".

Абсолютизм королевской власти нашел прочную опору в общественном устройстве европейских государств, которое в эту эпоху было более или менее одинаковое у всех западных народов континента. Из феодальной аристократии образовалось здесь сословие дворянства, наделенное огромными привилегиями и не обязанное нести никаких повинностей в пользу страны. Рядом с ним стояло духовенство, высший слой которого, по общественному положению, правам и льготам, ничем не отличался от дворянства. Не таково было положение третьего сословия и земледельческого класса. Торговый класс, представители промышленности, знания, искусства могли бы с честью и пользой для страны принимать участие в управлении, но доступ к высшим должностям для них был закрыт. Что касается, наконец, крестьян, то они составляли податную силу, на счет которой существовало государство и поддерживали свой блеск и праздность высшие сословия; в противоположность последним, крестьяне имели одни обязанности и никаких прав.

Правительство стало на сторону дворян и высшего духовенства. Оно приблизило к престолу представителей того и другого класса, предоставляло им одним занимать высшие придворные и государственные места, окружало их всевозможными почестями и тесно связывало их интересы со своими. Опираясь на содействие и беспрекословное подчинение этих классов, королевская власть могла неограниченно преследовать внутри государства свои личные желания и династические интересы.

Социальный порядок, сложившийся в континентальных европейских государствах в XVII и XVIII вв., резко отразился на международных отношениях этого времени. Те цели, к которым стремилась абсолютная королевская власть в

пределах своего государства, руководили и ее международной политикой.

Личные и семейные интересы государей преобладали в международных отношениях XVII и XVIII вв. над всеми другими задачами государств. Общественные нужды и стремления не были в то время удовлетворяемы ни в одном континентальном европейском государстве; тем более они не могли найти уважения в области международных сношений. В глазах европейских монархов этой эпохи подданные не имели никаких прав по отношению к государственной власти, представляемой лицом государя. Неограниченная королевская власть произвольно распоряжалась собственностью и жизнью своих подчиненных. Это неуважение к праву отдельного лица во внутреннем управлении оказало существенное влияние на общий характер международных отношений в рассматриваемое время. Стремясь всеми силами осуществить свои личные эгоистические цели, государи не признавали никаких прав за иностранными народами и их государями и не разбирались средств в достижении поставленной себе задачи. Макиавеллизм был лозунгом внешней политики и масштабом для определения обязательности международных договоров.

Тем не менее, подобно тому, как внутри государств самые произвольные распоряжения правительства мотивировались соображениями пользы и блага народа, так и в международных отношениях этого времени все войны и захваты чужих владений, как бы они ни были несправедливы и бессовестны, неизменно прикрывались видом справедливости и права, торжественно провозглашаемых в королевских манифестах и декретах. Государственные люди этой эпохи с любовью цитируют в своих дипломатических актах сочинение Гуго Гроция, отца науки международного права, и ссылаются на самые возвышенные принципы нравственности и права, чтобы прикрывать ими возмутительнейшие нарушения основных прав народов.

После Вестфальского мира главную роль в международных отношениях европейских государств играла Франция. Преобладающее влияние ее на европейские дела особенно сильно сказывалось в конце XVII и начале XVIII вв., когда французский престол занимал Людовик XIV. Личная королевская политика, господствовавшая на континенте Европы в течение всего рассматриваемого периода, нашла в этом государе наиболее типичного своего представителя.

Территориальные приобретения, расширение границ своего государства за счет соседних держав - такова была задача, которую поставил себе Людовик XIV. Она разрешалась как дипломатическими переговорами, так и захватами и войнами, которые наполняют все царствование этого замечательного государя.

Обстоятельства были благоприятны для планов французского короля. Государственное устройство Франции позволяло ему бесконтрольно распоряжаться всеми силами своего народа; он располагал огромными материальными средствами, оставленными ему его предшественниками; он имел устроенные и лучшие в то время войско и флот. Напротив, другие европейские государства или были ничтожны в военном отношении, как Голландские Штаты, или представляли, подобно Германской империи, полнейшее общественное разложение и политическое бессилие. Щедро платимыми субсидиями Людовик XIV заставлял беспрекословно повиноваться себе германских государей и таким же образом поддерживал союз с правительством Карла II и Иакова II, королей английских, и со шведским королевством.

При этих условиях Людовик XIV начал первую свою войну с Испанией, которая не соглашалась уступить ему добровольно Бельгийские провинции, требуемые французским королем на том основании, что они составляют законное наследство его жены, как единственной дочери от первого брака Филиппа IV испанского (*par le droit de devolution*). Война за бельгийское наследство окончилась Аахенским миром в

1668 г., благодаря союзу и посредничеству Голландии, Англии и Швеции. На основании этого мира Людовик XIV приобрел 12 фландрских городов с их округами.

Раздраженный вмешательством Голландской республики, по инициативе которой составился вышеупомянутый тройственный союз, Людовик XIV в 1672 г. объявил ей войну, имея своими союзниками английского и шведского королей. На стороне Голландии находились: германский император, Дания, Испания и Бранденбург. По мирному Нимвегенскому трактату (1678 г.) Людовик получил Франшконтэ, показав удивительное искусство в разъединении своих противников и в подчинении каждого в отдельности своим условиям.

Удачный мир в Нимвегене поощрил французского короля к дальнейшим захватам. В 1680 г. он учредил особые судебные комиссии - *chambres de rennion*, с назначением исследовать, какие земли находились в ленной зависимости от округов, принадлежащих Франции по трактатам Вестфальскому, Аахенскому и др. Князя Германской империи и представители эльзасских и фландрских городов призывались в эти суды для доказательства законных своих прав на независимое существование, причем малейшее сомнение служило предлогом для присоединения их владений к французской территории. Этим путем Людовик XIV захватил в свою пользу значительное число городов и деревень в Германии и в испанских Нидерландах.

Напрасно испанский король и Голландские Штаты обращались к Версальскому двору с представлениями и протестами против такого вопиющего нарушения прав независимых государств: Людовик XIV оставлял их без всякого внимания. Убежденный в собственной силе и слабости других государств, он продолжал самовольно распоряжаться чужими владениями. Не объявляя войны, он осадил и занял город Люксембург; такая же судьба постигла Страсбург.

Со времени английской революции 1688 г. отношение континентальных европейских государств к Франции мало-помалу изменяется. Из всех государей того времени только штатгальтер Голландской республики, Вильгельм, принц Оранский, ясно видел общую опасность для всех государств от ненасытного честолюбия французского короля и имел мужество бороться, насколько было возможно, с его притязаниями на неограниченное господство в Европе. Лучшим средством остановить захваты Людовика XIV он считал практическое осуществление идеи политического равновесия государств посредством заключения между европейскими государствами общего союза для охраны своей самостоятельности и независимости от посягательств честолюбивого монарха. Но эти союзы мало удавались голландскому штатгальтеру, пока он не был приглашен, в 1688 г., занять вакантный английский престол.

В качестве английского короля Вильгельм Оранский располагал уже достаточным влиянием, силами и средствами, чтобы образовать общеевропейскую коалицию, которая и организовалась благодаря его стараниям, в 1689 г., во время войны Людовика XIV с Германской империей. Кроме последней и Англии, в союз вошли Голландия, Бранденбург, Швеция, Дания, Испания и Савойя. Но коалиции не удалось победить Людовика XIV. Последний опять успел разделить союзников и предписал каждому свои условия мира. Рисвикский мирный конгресс (1697 г.) утвердил за Францией владение Страсбургом и обогатил ее значительными территориальными приращениями за счет Испании.

Мир в Рисвике был торжеством для французской политики, благодаря полнейшему отсутствию единодушия в действиях союзников. Вся тяжесть войны падала на Англию и Голландские Штаты, тогда как германский император и имперские князья отличались крайней бездеятельностью и равнодушием не только к общеевропейским интересам, но и к собственной пользе. Это непонимание собственных выгод со стороны империи и ее государей до того возмутило

Вильгельма Оранского, что он решил не связывать больше интересы английского народа с их интересами. Поэтому после Рисвикского мира он изменил свою политику и в 1698 г., в Гааге, заключил с Людовиком XIV трактат о разделе испанских владений, ввиду близкой смерти бездетного Карла II. Но соглашение это не могло получить осуществления. Раздраженный проектом разделения своего королевства, Карл II, после смерти в 1699 г. баварского наследного принца, которого он первоначально назначил своим преемником, составил завещание в пользу внука Людовика XIV, Филиппа Анжуйского. Когда Карл II умер (1700 г.), Филипп Анжуйский, с согласия французского короля, был объявлен законным государем всех испанских земель, как европейских, так и за океаном.

Приняв завещание, Людовик XIV нарушил отдельный трактат, заключенный с английским королем, и возбудил опасение всех европейских государств за равновесие, так как Филипп Анжуйский и его потомство могли соединить короны испанскую и французскую, в одном лице. Поэтому против Франции снова составила коалиция, в которой участвовали: Германская империя, Англия, Голландия, Пруссия, Португалия и Савойя. Сторону французского короля приняла одна Испания.

Война за испанское наследство (1701-1713 гг.) довела Францию до полного истощения. Ряд решительных неудач французских войск заставил Людовика просить о мире, который был окончательно заключен в Утрехте в 1713 г. Победенный король все-таки достиг своей главной цели: Филипп Анжуйский был признан испанским королем. Но ради поддержания европейского равновесия Утрехтский мирный трактат определил, что Франция и Испания никогда не должны быть соединены под одной короной*(26).

Кроме того, Испания уступила в пользу Австрии Бельгийские провинции и, сверх того (Баденским трактатом 1714 г.), Ломбардию и Неаполь. Англия приобрела Гибралтар, с сохранением за испанским правительством права первой его покупки, если бы она когда-либо пожелала отказаться от владения этой крепостью. Франция уступила Англии часть своих североамериканских колоний и обязалась срыть укрепления Дюнкирхена.

После заключения Утрехтского мирного трактата в международной системе европейских государств произошли существенные перемены. В 1715 г. умер Людовик XIV, и Франция на некоторое время перестает быть угрозой европейскому миру. Швеция, возведенная гением Густава-Адольфа в степень первой европейской державы, была истощена непрерывными войнами Карла X и Карла XII, и в начале XVIII в., благодаря раздорам олигархических партий за обладание государственной властью, должна была отказаться от выдающейся роли во внешней политике. В то же время новое могущественное государство - Россия - впервые вступило в живые сношения с Западной Европой, и, победив в великой Северной войне своих исконных врагов, шведов, окончательно утвердило свое положение в семье культурных европейских народов.

§ 23. До XVIII столетия сношения России с западными государствами представляли редкое явление и носили особенный характер. Эти сношения будут понятны, если иметь в виду условия, среди которых складывалось Русское государство. Уже само географическое положение древней России в значительной степени препятствовало развитию ее сношений с западными народами. С XIII столетия к этим невыгодным условиям присоединяется нашествие Татар, которое в продолжении с лишком двух столетий разобщало Россию с Западной Европой. Когда затем Русская земля мало-помалу собралась около Москвы и образовала из себя государство под верховной властью царей, то и после того она не скоро еще могла действительно выступить в роли субъекта международных сношений. Замкнутый общественный и государственный строй Москвы и недостаточное

культурное развитие ее населения делали эти сношения невозможными и излишними. Китаизм соответствовал нравам и воззрениям русского общества, будучи в то же время лозунгом, данным ему правительством.

Со своей стороны, западные европейские государства чуждались москвитов и относились к ним неприязненно. Нельзя не видеть главную причину этой отчужденности и вражды в различии основных элементов духовной жизни тех и других. Разделение церковью греческой и римской привело к тому, что народы, исповедующие православие, благодаря влиянию католических первосвященников, перестали считаться на западе Европы христианами и полноправными членами европейского международного общества. Вот почему Киевская и первоначально Московская Россия поддерживала сношения не с латинским Западом, но почти исключительно с Византией, с которой соединяла ее общность религиозных верований, а впоследствии, когда та и другая подверглись завоеванию азиатских варваров, также и политических интересов.

Указанные неблагоприятные обстоятельства были причиной, что ни Русское государство, ни русский народ долгое время не сознавали необходимости в международных сношениях. Поэтому до XVIII столетия, когда верховная власть Московского государства пришла, наконец, к сознанию известных целей и интересов, связывающих ее с западными государствами, Россия играла в области международных сношений большею частью пассивную роль. Они возникали по инициативе иностранцев и имели предметом обыкновенно торговые выгоды, эксплуатацию русского народа и естественных богатств его страны. О действительном сближении между русскими и иноземными людьми, при отсутствии общих им культурных или политических интересов, не могло быть и речи*(27).

Такой характер носили первоначальные сношения России с Англией*(28).

Они возникли в 1553 г., когда купец Ченслер пристал к Холмогорам и отсюда отправился в Москву просить царя о позволении вести торговлю в его государстве. Получив грамоту на свободный торг, Ченслер возвратился в Англию, где устроилась "русская компания" для торговли с неведомой Московской землей. С этого времени начались частые посылки в Москву английских купцов и даже посланников и, со своей стороны, московское правительство также посылало в Англию своих представителей. Уже в начале XVII в. упоминается об английском консуле в Москве. Главным предметом этих международных сношений неизменно оставались торговые интересы Англичан, которые выговорили в свою пользу не только монопольную торговлю в пределах России, но и право транзита через Россию в Персию и Индию*(29). Не ранее XVII ст. сношения между Англией и Москвой несколько изменяют свой характер. Убедившись в могуществе и богатстве английского государства, московские цари стали обращаться к нему за помощью против злейших своих врагов - Швеции и Польши. Англия не отказывала в своих услугах, постоянно имея в виду новые торговые выгоды. Так, Столбовский мир (1617 г.) между Русскими и Шведами был заключен при посредничестве английского уполномоченного Джона Мерика, который вслед за тем заявил требование значительных привилегий для торговли Англичан в Московском государстве. В царствование Алексея Михайловича дружественные отношения к Англичанам охладились на некоторое время вследствие известия, дошедшего до царя, о казни над королем Карлом I. Алексей Михайлович издал указ, которым английские купцы "за такое злое дело" были изгнаны, вместе со своим консулом, из Москвы; впредь дозволялось им приезжать только в Архангельск и торговать здесь не иначе, как с уплатой пошлин. Дружба опять возобновилась по восстановлении на английском престоле Стюартов; но с этого времени московское правительство относится уже более осмотрительно к назойливым домогательствам Англичан насчет новых льгот в отношении торговли, наносивших ущерб как русским торговым людям, так и казне.

Сношения России с Австрией, точно так же как и с Англией, начались не по инициативе московских царей. Римский император Фридрих III отправил в 1489 г. посольство в Москву, прося для своего племянника Альбрехта, маркграфа Баденского, руки одной из дочерей великого князя Александра Васильевича, а также о воспрещении Псковитянам делать набеги на Левонию. В этом же году московский князь послал от себя в Австрию грека Траханиота с товарищами для переговоров о свободных сношениях между обоими государствами и взаимных посольствах.

Так зародились постоянные дипломатические сношения России с Австрией, которые с течением времени все более укреплялись. Дружественность отношений между двумя государствами поддерживалась, прежде всего, самим географическим их положением: они разделялись в рассматриваемое время владениями других государств, им враждебных, и потому не имели поводов вступать в пограничные столкновения, весьма естественные между соседними державами. Одной из важных причин сближения между ними было также и то, что оба государства имели одинаковых врагов и друзей. Действительно, вся история Австрии проходит в захватах и приобретениях соседних земель при помощи браков, дарений, завоеваний, которые не всегда делали счастливыми народы, этими средствами присоединяемые. Так, Бельгия и Венгрия имели много причин быть недовольными своей судьбой под австрийской властью. Постоянные смуты и заговоры, возникавшие в этих землях, открывали широкое поле для вмешательства в австрийские дела соседних государств, Польши и Турции. Последняя захватила в свою пользу большую часть Венгрии, и в силу Адрианопольского трактата 1545 г., император Фердинанд I вынужден был платить султану ежегодную дань. В подобных же неприязненных отношениях к Польше и Турции находилась Россия. Московские великие князья и цари имели основание опасаться замыслов польского народа на независимость Русской земли. Польша неоднократно вмешивалась во внутренние дела России и успела захватить многие из ее областей, западных и южных. Естественно, что московские князья были заклятыми врагами Польши и искали союза против нее с австрийскими государями. Не менее враждебно относилось московское правительство к Туркам, под властью которых находились, с одной стороны, единоверные русским народы Балканского полуострова, с другой - беспокойные крымские Татары, разорявшие Россию своими набегами. В борьбе против Оттоманской империи Россия была опять естественной союзницей Австрии*(30). Поэтому нет ничего удивительного, что в течение XVI и XVII столетий между обеими державами постоянно заключались союзные контракты, направленные против общих их врагов, Польши и Турции, и что отношения между ними остаются самыми дружелюбными.

Исключительно торговые сношения существовали между Великим Новгородом, Псковом и Смоленском с одной стороны, и германскими коммерческими городами, входившими в состав Ганзы, - с другой. Они возникли в XII столетии, по почину предприимчивых немецких торговцев, которые завели в названных русских городах свои "дворы" и жили здесь совершенно на военном положении, постоянно опасаясь нападений "северных варваров". Но нельзя сказать, чтобы Немцы не дорожили русскими рынками. Они пользовались здесь обширными торговыми правами и привилегиями, которые давали им полную возможность эксплуатировать русский народ. Все стремления немецких купцов были направлены к расширению своих вольностей за счет интересов русской торговли и сохранению за собой монополии торговых оборотов с Русскими. Затем, они нисколько не интересовались ни общественным строем, ни политическими целями Великого Новгорода или дальней Москвы и не возбуждали в самих Русских никакого желания ознакомиться с заморской жизнью. Взаимные сношения их ограничивались исключительно торговлей и не имели никакого политического значения. Они должны

были прекратиться в 1478 г., когда, по уничтожению вольностей Новгорода, немецкий двор, по приказанию великого князя, был закрыт и отменен.

Напротив, сношения между Российским государством и герцогством Прусским и Бранденбургским маркграфством, установившиеся в XVI столетии, имеют своим основанием политические интересы.

Герцогство Прусское и маркграфство Бранденбургское завоевали свое положение на востоке, говоря словами Ранке, тремя главными орудиями: мечом, плугом и крестом. Силой оружия они поработили строптивое население Пруссии, крестом распространили в этом населении христианскую веру, под покровом которой развивалась культура и цивилизация; наконец, плугом они положили начало гражданственности. Утвердив на этих основаниях свое независимое политическое существование, обе германские страны соединились под одним скипетром в XVI столетии, и в то же время Бранденбургский курфюрст убедился, что союз с Москвой представляется для него надежнейшим средством отстоять свою независимость в борьбе со своими врагами - Польшей и Швецией.

Польское королевство держало в сюзеренной зависимости от себя Пруссию; его владения разделяли Пруссию и Бранденбург. После соединения последних под властью курфюрста главной целью политики Берлинского правительства явилось освобождение от ленных отношений к Польше и к обогащению себя за счет владений этого государства. В преследовании подобных целей бранденбургские курфюрсты находили, естественно, сочувствие и союз со стороны Московского государства. Новым основанием для сближения между ними явились в XVII столетии одинаково враждебные отношения их к соседней Швеции, которая завладела Померанией и Прибалтийскими землями, впоследствии отошедшими от нее к Пруссии и России.

Таким образом, тесное сближение между Москвой и бранденбургским курфюршеством вызывалось общими жизненными условиями и политическими стремлениями обоих государств. Ввиду этого в течение XVI и XVII столетий союзные между ними отношения все более укреплялись дипломатическими сношениями и трактатами*(31).

В XVI в. начались сношения между Россией и Нидерландами. В царствование великого князя Василия Ивановича голландские купцы, благодаря подаркам, получили грамоту, обеспечивающую за ними свободу приезда и торговли в Московском государстве. Подобно Англичанам, Голландцы входили в переговоры с царями и отправляли в Москву посольства с исключительной целью выговорить в свою пользу возможно широкие торговые права и привилегии.

Сношения России с Францией, уже по причине отдаленности этих государств друг от друга, не могли получить широкого развития в московское время. Но сношения эти замечательны, как первые и единственные, возникшие по почину московского правительства*(32). По совету цезарского посла, барона Герберштейна, великий князь Василий Иванович в 1518 г. отправил к французскому королю грамоту, в которой просил о помощи против Польши. Король ответил выражением готовности оказать всякое содействие московскому государю, но на самом деле ничего не предпринял. Не имело успеха и посольство, снаряженное во Францию при царе Михаиле Федоровиче, в 1615 г., с жалобами на польские и шведские захваты и нападения. В 1629 г. в Москву прибыло первое французское посольство: оно имело целью обеспечить в пределах России торговые права Французов, но находило излишним входить в соглашение о союзе между Францией и московским царем против Поляков. По предмету этого союза московское правительство снова отправило посольство в Версаль в 1667 г., но опять без успеха, на этот раз благодаря грубости московского посла Потемкина, делавшего всевозможные затруднения французскому двору.

Сношения России с Англией, случайным образом возникшие в царствование царя Иоанна Грозного, постоянно развиваются в смысле мирного торгового обмена. Англичанам удалось обеспечить за собой в России совершенно исключительные права по торговле и мореплаванию, которыми они беспрепятственно пользовались в продолжение нескольких веков до конца прошлого столетия. Политические интересы стали выдвигаться на первый план в сношениях России с Англией только в царствование императрицы Екатерины II*(33).

Более важными и сложными представляются сношения России со Швецией. Начало этих сношений восходит к XIII столетию. Невская битва открыла собою ряд кровопролитных столкновений между двумя соседними народами, борющимися за обладание Северной Русью и берегами Балтийского моря. Можно сказать, что с XIII по XVIII столетия война являлась нормальным порядком взаимных отношений между Россией и Швецией. Поэтому все трактаты, которые были заключены между ними в течение этого времени, имеют своим содержанием условия мира или, вернее, перемирий, на короткий срок приостанавливающих войну. Союзы между обоими государствами составляли редкое исключение.

Вековые неприязненные отношения между Швецией и Россией разрешились великой Северной войной (1700-1721 гг.). На основании Ништадтского мирного трактата 1721 г. Россия приобрела Эстландию, Лифляндию, Ингрию, остров Эзель, часть Карелии и Финляндии с г. Выборгом; другие завоеванные финляндские области были возвращены Швеции. Вместе с тем правительство русское обязывалось не вмешиваться во внутренние шведские дела и подтвердило те привилегии и права, которыми пользовалось дворянство и городское население Прибалтийского края под шведской властью.

Ништадтский мир обеспечил постоянные и правильные сношения русского народа с Западной Европой. С этого времени Россия сделалась необходимым членом европейского международного общества и в течение XVIII столетия без ее участия не получал решения ни один более или менее серьезный международный вопрос.

§ 24. Другая держава, которая выдвинулась в XVIII столетии на первый план и приобрела огромное значение в области международных отношений, была Пруссия. Выше мы указали условия, содействовавшие возвышению Пруссии и Бранденбурга в XVI и XVII столетиях. Неуклонное стремление бранденбургских курфюрстов к расширению своего государства и подъему его политического значения среди других европейских держав привело Пруссию к упорной борьбе с Австрией за преобладание в Германской империи. Курфюрст Фридрих I короновался в 1701 г. собственной властью королем прусским и удержал этот титул, несмотря на первоначальные протесты германского императора. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, наступившими по смерти императора германского Карла VI (1740 г.), Фридрих II прусский увеличивает свои владения за счет Австрийского дома.

На основании Прагматической санкции, изданной Карлом VI, все земли, входившие в состав Австрийской монархии, должны были перейти в нераздельное владение старшей его дочери Марии-Терезии. Этот акт нарушал порядок престолонаследия, существовавший в Австрии, и можно было наверное ожидать, что европейские державы не преминут воспользоваться смертью последнего Габсбурга, чтобы заявить притязания на австрийское наследство. Во избежание раздела своих земель, Карл VI придал Прагматической санкции характер международного акта. С великими жертвами, денежными и уступками земель, он достиг того, что права его дочери были признаны и гарантированы всеми главнейшими европейскими государствами.

Но державы, подписавшие акты гарантии Прагматической санкции, не нашли удобным исполнить свои обещания. Как только скончался Карл VI, Бавария,

Саксония, Пруссия, Сардиния и Испания тотчас объявили свои права на различные части австрийских владений. В союзе с Францией претенденты на австрийские земли составили коалицию против Марии-Терезии и на основании трактата, заключенного в Нимфенбурге в 1741 г., согласились о разделе ее государства.

Наиболее энергично преследовал свои претензии прусский король Фридрих II. Не отрицая обязательной силы Прагматической санкции, им подтвержденной, он считал бесспорным свои права на Нижнюю Силезию и находил справедливым занять эту австрийскую область своими войсками. Так началась первая Силезская война (1740-1742 гг.), неудачная для Австрии, которая по мирному договору в Бреславле (1742 г.) согласилась на присоединение к Пруссии Силезии и графства Глацого. Эти приобретения прусского короля были подтверждены Дрезденским миром (1745 г.), окончившим вторую Силезскую войну между Австрией и Пруссией (1744-1745 гг.), благодаря вмешательству России для защиты владений ее союзника, польского короля.

В то же время Мария-Терезия вела войну с Францией, Баварией и Испанией, которые также домогались территориальных приобретений. Эта война за австрийское наследство (1741-1748 гг.), более счастливая для Австрии, нежели Силезские войны, окончилась Аахенским мирным конгрессом 1748 г., состоявшимся при участии Австрии, Англии, Голландии и Сардинии с одной стороны, и Франции и Испании - с другой. На основании Аахенского мирного трактата все завоевания, сделанные во время войны за австрийское наследство, возвращались обратно, но Австрия уступала дону Филиппу, сыну испанского короля Филиппа V и Елизаветы Фарнезе, свои итальянские владения - Парму, Пьяченцу и Гвасталлу, и сардинскому королю - часть Ломбардии; прусскому королю гарантировалось владение Силезией и Глацом.

Аахенский мир установил на Западе Европы не такой порядок вещей, который удовлетворял бы желания и интересы правительств. Австрия не могла забыть утраты Силезии; Франция, потерявшая в войне с Англичанами весь свой флот, не удержала за собой ни одной из завоеванных ею земель. Потому, после мира в Аахене, европейские государства снова приготавливаются к войне и поддерживают друг с другом оживленные переговоры по предмету заключения новых союзных трактатов.

В это время русское правительство имело много причин относиться с недоверием и опасениями к прусскому королю. Возраставшее могущество Пруссии и широкие завоевательные планы Фридриха II сильно беспокоили императрицу Елизавету Петровну и побуждали ее искать союза с врагами прусского короля. Когда последний нарушил Бреславльский мирный трактат, одной из поручительниц которого была Россия, руководитель русской политики в царствование Елизаветы Петровны, канцлер граф Бестужев-Рюмин, окончательно убедил императрицу в том мнении, что жизненные интересы Русского государства требуют положить предел захватам прусского короля, стремящегося к поколебанию европейского политического равновесия*(34). Кроме этих политических соображений, личная неприязнь императрицы к прусскому королю, оскорбившему ее женское самолюбие, значительно содействовала разрыву между Россией и Пруссией.

Ввиду этого Елизавета Петровна вступила в 1746 г. в оборонительный союз с Марией-Терезией против Пруссии, и когда, стараниями графа Кауница, австрийское правительство, изменив вековой своей политике, заключило в 1756 г. Версальский союзный трактат с Францией, к этому союзу приступила также Россия (1756 г.)*(35).

Между тем еще в 1747 г. венгро-богемская королева вошла в тайное соглашение с курфюрстом саксонским Августом III о разделе прусского королевства. Получив известия о составленной против него коалиции, Фридрих II неожиданно двинулся в августе 1756 г. в Саксонию и занял Дрезден. Бумаги Дрезденского

архива, захваченные прусскими войсками, подтвердили подозрения прусского короля.

В начавшейся, таким образом, Семилетней войне (1756-1763 гг.) принимали участие на одной стороне - Австрия, Германия, Саксония, Франция и Россия, на другой - Пруссия в союзе с Англией. Война привела Фридриха на край гибели. В конце 1761 г., вследствие полного истощения Пруссии и ряда поражений, нанесенных прусским войскам, положение его было безвыходное. Смерть Елизаветы Петровны и восшествие на русский престол Петра III (1761 г.) спасли Фридриха II. Новый русский император, преклонявшийся перед прусской военной системой и личностью Фридриха II, немедленно распорядился о прекращении военных действий со стороны России и заключил с Пруссией мирный трактат на условиях, указанных самим Фридрихом*(36).

Вследствие этого Россия вышла из счастливой по военным успехам, но крайне убыточной для нее войны без всякого вознаграждения. Воцарение императрицы Екатерины II помешало привести в исполнение союзный между Петром III и Фридрихом II договор, согласно которому русские войска присоединялись к прусским для совместного действия против Австрии и ее союзников*(37). Екатерина II ограничилась подтверждением мира, заключенного с Пруссией, но не желала поддерживать наступательный союз ни с Марией-Терезией, ни с Фридрихом II. Напротив, она приложила все усилия, чтобы примирить противников, и настояния ее увенчались успехом. В 1763 г. Австрия и Пруссия подписали Губертусбургский мирный трактат, окончательно утвердивший за Фридрихом Силезию и графство Глац. В том же году в Париже заключен мирный между Англией, Францией и Испанией трактат, по которому почти все французские колонии в Америке перешли во владение Англии.

Беспримерная борьба, с честью выдержанная Фридрихом II во время Семилетней войны, не только упрочила за Пруссией авторитет первоклассной европейской державы, но и придала ей в Германской империи значение, равнявшее ее с Австрией. С этого времени в особенности замечается постоянный антагонизм между Австрией и Пруссией в делах Германии, который заставлял и ту и другую искать союзной помощи у соседней России.

§ 25. Особенно сблизило эти три державы разделение Польши, предпринятое в первый раз в 1772 г., вторично в 1793 г. и положившее конец существованию этой республики в 1795 г.

В исторической литературе существуют различные мнения относительно вопроса, которой из трех держав принадлежит почин в разделе Польши. Но все писатели согласны в том, что главная причина, вызвавшая это событие, заключалась в "уродливом" государственном устройстве Речи Посполитой, которое делало из Польши анархическую страну и позволяло иностранным правительствам постоянно вмешиваться во внутренние ее дела*(38).

Во всяком случае, мысль о разделе Польши, осуществленная в XVIII столетии, не представляла ничего нового. Уже в 1573 г. германский император предлагал царю московскому, Ивану Васильевичу Грозному, разделить Польшу. Во второй половине прошлого столетия явный политический упадок Польской республики породил несколько проектов ее разделения. Порта предложила Австрии разделить Польшу в 1769 г. За год до этого предложения князь Кауниц выработал оригинальный план присоединения к Пруссии части Польши в обмен за отнятую от Австрии Силезию.

Осуществлению плана раздела Польши в 1772 г. содействовали следующие благоприятные политические обстоятельства. В 1768 г. Турция объявила России войну, которая была весьма удачна для Русских. По завоеванию Молдавии и Валахии в 1770 г., Екатерина предложила Турции мир, с условием признания

независимости Дунайских княжеств и крымских Татар. Ввиду заинтересованности в этом деле Австрии, Екатерина обратилась к посредничеству Венского кабинета. Но последний ответил отказом, находя, что мирные предложения Русского двора совершенно расходятся с австрийскими интересами. В действительности Венский кабинет не мог забыть, что Екатерина не возобновила союзного с ним трактата 1746 г. и сблизилась с прусским королем, заключив с ним в 1764 г. союз, по которому Фридрих II обязывался к помощи деньгами и войском в случае нападения на Россию другой державы. С целью противодействия мирным условиям, предложенным Турцией Екатериной, Австрия вступила с Портой в союз. Таким образом, война между Австрией и Россией казалась неизбежной. Прусский король должен был бы принять участие в этой войне как союзник России. Между тем Фридрих ничего так не желал, как сохранить мир, столь необходимый для его государства после ряда разорительных войн первой половины его царствования. Изыскивая средства предупредить разрыв между Австрией и Россией, он остановился на комбинации, долженствовавшей удовлетворить как собственные его интересы, так и интересы противников.

Еще в 1769 г. Фридрих сообщил графу Панину проект разделения Польши, известный под названием Линарского, который тогда был оставлен Петербургским двором без внимания. Более благосклонный прием нашли эти планы в Петербурге после того, как Австрия, в 1770 г., во время полного мира с Польшей, заняла своими войсками два польских староства и захватила соляные копи Бохнии и Велички. Фридрих II рассчитывал на то, что если Австрии будет предложено признать эти ее захваты и присоединить к ним еще несколько польских пограничных областей, то она, наверное, откажется от воинственной политики как в отношении Пруссии, так и России, и мир Русских с Портой будет обеспечен на выгодных для них условиях. Ввиду этого прусский король отправил в С.-Петербург, в 1771 г., своего брата, принца Генриха, который в личных переговорах с императрицей доказывал великую пользу предлагаемого плана.

Окончательное разрешение этого вопроса зависело от мнения, которое восторжествует при Венском дворе. Лично императрица - королева Мария-Терезия была против раздела Польши. Но руководитель австрийской политики, князь Кауниц, и молодой германский император Иосиф II находили этот раздел весьма благоприятным для Австрии. Они сильно беспокоились, что Венский кабинет останется в стороне от соглашения, уже состоявшегося по этому делу между Россией и Пруссией. Поэтому, когда в конце 1771 г. Австрийский двор был подробно ознакомлен с проектом раздела, согласие его не заставило себя долго ждать. В начале 1772 г. установилось между двумя правительствами полное единодушие, поведшее к первому разделу польских владений*(39).

Благодаря состоявшемуся соглашению относительно Польши Венский двор уже не противился более предложенным Екатериной условиям мира между Россией и Портой. На этих условиях воюющие державы заключили Кучук-Кайнарджийский мирный договор (1774 г.), обеспечивший России ту выдающуюся роль на Балканском полуострове, которую она сохранила за собой до Парижского мира 1856 г.

Счастливая война с Турцией и удачный раздел Польши возвысили Россию до того, что Петербург сделался центром, в котором соединялись нити дипломатических переговоров о всех важнейших европейских делах. Особенно должны были ухаживать за Екатериной II великие немецкие державы, боровшиеся между собой за главенство в Германской империи. Влиятельная роль русской императрицы в этой борьбе обнаружилась рельефно в 1778 г., по случаю спора между Австрией и Пруссией о баварском наследстве: Австрии удалось заключить с наследником умершего баварского курфюрста, пфальцким курфюрстом Карлом-Теодором конвенцию, по которой последний уступал Австрии значительную часть

Баварии. Немедленно после того австрийские войска заняли уступленные земли и стали распоряжаться здесь, как в собственной стране. Фридрих II твердо решил не допускать такого усиления Австрийского дома. Когда переговоры с Австрией не привели ни к чему, он двинул войска, и в 1778 г. стотысячная прусская армия направилась к Кениггрецу, в котором укрепились Австрийцы. Однако настоящая война между Пруссией и Австрией была предупреждена вмешательством России, к посредничеству которой обратились обе стороны. Ввиду своего союза с Францией, Австрия пригласила также и ее принять участие в посредничестве.

Екатерина II уладила спор. По ее предложению в Тешене, в 1779 г., собрался конгресс, выработавший несколько международных трактатов*(40). На основании главного трактата Австрия заключила с Пруссией мир, отказавшись от своих притязаний на баварские земли. Другие конвенции, присоединенные к главному акту, определили территориальный состав различных немецких государств, присоединенных к спору о баварском наследстве. По просьбе договаривающихся сторон все эти акты были гарантированы державами-посредницами. Вместе с тем Россия сделалась поручительницей Вестфальского мирного трактата и созданного им на Западе Европы порядка вещей, ибо Тешенский мир возобновлял силу этого важного трактата, равно как договоров Бреславльского, Дрезденского и Губертусбургского.

В 1774 г. в Северной Америке возникла война колоний с Англией, имевшая своим результатом образование в 1776 г. независимых Северо-Американских Штатов. Событие это отразилось на международных отношениях европейских государств. Под влиянием сильного общественного сочувствия к колониям, боровшимся за свою свободу, французский король Людовик XVI заключил союз с Американской республикой и объявил войну Англии, которая по мирному Версальскому договору 1783 г., окончившему войну, вынуждена была признать независимость отпавших от нее колоний. На основании конституции новой заатлантической державы европейское международное право было признано составной частью ее государственных законов.

В. О международных отношениях со времени Французской революции 1789 г. до Венского конгресса 1815 г.

§ 26. Неудовлетворительное международное положение, которое занимала Франция в конце XVIII столетия, было одной из причин неудовольствия и враждебного настроения французского народа против своего правительства, которые нашли свой исход в революции 1789 г.

Французский народ не мог забыть, что благодаря неспособности своих правителей он потерял первенствующее значение в Европе, которое принадлежало ему при Людовике XIV. В течение XVIII столетия Франция лишилась двух главных своих союзниц - Швеции и Польши. Французское правительство допустило, что Османская империя, в течение веков служившая опорой французского влияния на Востоке, была побеждена Россией и отдана в ее руки. Союз с Австрийскими Габсбургами и плачевная роль, которую играла Франция во время Семилетней войны, убеждали Французов в окончательной несостоятельности их правительства, в его неумелости и неспособности поддерживать славные традиции французской политики. Правда, борьба за свободу североамериканских колоний была удачна для Франции, но не возвысила кредита французского правительства в глазах народа; напротив, она показала силу французского общества и пробудила в нем надежду завоевать собственную политическую свободу, уничтоженную абсолютным режимом.

Революционное движение, охватившее Францию, с самого начала получило международное значение. Когда во Франции созвано было Национальное Собрание, и Людовик XVI был вынужден отказаться от прерогатив неограниченной королевской власти и подписать конституцию, в других государствах все более возбуждалось сомнение, можно ли относиться равнодушно к тому новому порядку вещей, который утверждался в этой стране. Наводившие европейские дворы французские эмигранты неустанно доказывали, что революционный пожар Франции угрожает всем монархическим дворам Европы. Заявления и действия самих революционеров подтверждали это значение Французской революции. Декреты революционной республики призывали европейские народы к восстанию против своих государей, в союзе и с помощью французского народа. Деятели Конвента открыто провозглашали, что трактаты, заключенные тиранами, не могут связывать суверенитет народа. Французская республика явно стремилась к тому, чтобы произвести революцию во всей Европе.

При этих обстоятельствах составилась в 1793 г. первая коалиция европейских государств против Франции. Державы, в ней участвовавшие, боялись распространения революционных идей и, вместе с тем, желали воспользоваться безначалием, господствовавшим во Франции, чтобы на счет ее расширить свои владения. Но ни остановить революционную пропаганду, ни обогатить себя добычей не удалось коалиции. Союзные державы доказали полнейшую нравственную и политическую несостоятельность в борьбе с французской республикой. Корыстолюбивые расчеты и эгоистические стремления разделяли союзников, и войска их не сражались с тем увлечением за чуждые им интересы, с которым бились Французы, защищая новые идеи и свою независимость. Ряд поражений, нанесенных союзникам, заставил распасться коалицию.

В первом общем союзе европейских государств против революции не принимала активного участия Россия. Восстание в Польше и неоконченные дела с Турцией мешали Екатерине II удовлетворить настойчивые просьбы Австрийского двора о посылке русского корпуса на Рейн. Но императрица не сочувствовала революционному движению во Франции и хорошо сознавала опасность, которой оно угрожало европейскому порядку и общим интересам монархических государств. Ввиду успехов французских войск и неудачи союзников, она решила, наконец, отправить свои войска на театр войны; но смерть помешала ей выполнить это намерение*(41).

Рознь между союзными государствами, воевавшими с республиканской Францией, наглядно проявилась в 1795 т., когда Пруссия, тайно от Австрии, вступила в переговоры с французским правительством и заключила с ним Базельский мирный трактат. В силу этого договора Пруссия отказалась от дальнейшего участия в коалиции против Франции и приняла обязанность не препятствовать, чтобы левый берег Рейна сделался границей между Францией и Германской империей.

Австрия осталась одна против победоносного французского полководца, Наполеона Бонапарта, и после тяжелых потерь должна была согласиться на условия мира, предписанные ей победителем. По миру, заключенному в Кампоформии, в 1797 г., она уступила Франции Бельгию и Ломбардию, получив взамен этих областей Венецию с Истрией и Далмацией, завоеванных Наполеоном. Сверх того, Австрия обязалась вывести свои войска из различных немецких крепостей, в том числе из Майнца, на Рейне, вследствие чего левый берег этой реки мог быть занят Французами.

Для обсуждения условий мира между Германской империей и Францией собрался в 1797 г. конгресс в Раштатте, на котором имперские чины признали уступку Франции левого берега Рейна.

Мир, заключенный между Австрией и Францией, не был продолжителен. Завоевательные планы, которые с успехом преследовали Французы в Италии, в Египте и Сирии, и республиканские порядки, которые они вводили в завоеванных землях, были причиной новой коалиционной войны против Франции, в которой принимали участие Австрия, Англия, Турция и Россия (1798-1799 гг.).

§ 27. Вступив на престол, император Павел I заявил желание поддерживать мир со всеми государствами, в том числе и с революционной Францией. Но скоро он должен был выйти из нейтрального положения по отношению к французской республике, правительство которой не только не уважало несомненные его права, но наносило ему одно оскорбление за другим. Русские войска, под начальством Суворова, были отправлены в Италию, где одержали ряд блистательных побед над Французами. Эти победы, однако, не принесли ни малейшей пользы ни России, ни ее союзникам. Достигнув, благодаря Суворову, значительных успехов в Италии, Австрийское правительство спешило ими воспользоваться, чтобы обеспечить свое вознаграждение на счет завоеванных Русскими земель. Когда же император Павел I объявил, что он не может допустить территориального приращения Австрии иначе, как с общего согласия союзников, Венский кабинет поставил себе задачей вмешиваться в распоряжения Суворова и делать ему всевозможные затруднения, чтобы парализовать военные планы фельдмаршала. Ввиду систематического противодействия Австрийского двора, русские войска, по приказанию Павла I, отделились от Австрийцев и двинулись в Швейцарию. Здесь малочисленная армия Римского-Корсакова была покинута австрийскими генералами в критический для нее момент и потерпела поражение при Цюрихе. Суворову удалось спасти остатки своей армии только благодаря своему гению и беспримерной выносливости и мужеству русского войска*(42).

Раздраженный вероломством и двусмысленным поведением Австрии, Павел I, в октябре 1799 г., решительно отказался от союза с ней и прервал дипломатические с ней сношения. Дружественные отношения между Венским и Петербургским кабинетами возобновились только со вступлением на престол императора Александра I. В замечательной инструкции от 10 сентября 1801 г., данной русскому послу в Вене, Александр I подробно изложил основные начала политической системы, которой он намерен был следовать в отношениях с иностранными государствами. "Никогда я не приму, - писал император, - ни малейшего участия во внутренних смутах, господствующих в других государствах, и какова бы ни была форма правления, избранная народами по собственному их желанию, они могут находиться с моей Империей в полнейшей согласии, если только в отношении ко мне они будут руководствоваться тем же духом справедливости"*(43).

Вследствие категорического отказа русского императора участвовать в коалиции против Франции, Австрия опять должна была примириться со своим врагом на условиях, им поставленных. Новый мир был заключен в Люневилле в 1801 г.: Австрия подтвердила условия Кампоформийского трактата и признала реки Эчь и Рейн границами Франции.

В следующем году состоялось примирение между Францией и Англией. По Амьенскому мирному трактату (1802 г.) Англия отдала обратно все завоеванные ей французские колонии, но не возвратила ни Голландцам остров Цейлон, ни Испанцам остров Тринидад.

В 1804 г. Наполеон принял титул французского императора. После того Франция изменила свою международную политику. Французская империя уже не пропагандирует революционные идеи, не ведет борьбы с монархическими порядками и остатками феодализма, но явно стремится к уничтожению в свою пользу самостоятельности всех других европейских народов. Император Александр I

горьким опытом убедился, что мысль, высказанная им в 1801 г. о ненарушимом праве каждого народа свободно распоряжаться внутренними своими делами, не может получить осуществление по отношению к Франции до тех пор, пока полным властелином ее будет Наполеон. Высокомерное и дерзкое отношение французского императора ко всем представлениям русского правительства, произвольное нарушение трактатов, наконец, не прекращающиеся с его стороны захваты чужих владений, - все эти обстоятельства побудили Александра I войти в союз с Англией, которая с 1803 г. снова воевала с Францией, и приложить старания, чтобы и другие державы последовали его примеру и составили коалицию для общей борьбы против французских посягательств*(44).

Образовавшаяся таким образом третья коалиция (1805 г.) против Франции, из Англии, России, Австрии и Швеции, не привела, как и предыдущая, к цели, поставленной себе союзниками, несмотря на то, что к этому союзу примкнула также Пруссия. После несчастной Аустерлицкой битвы (1805 г.), Австрия заключила с Наполеоном Пресбургский мир (1805 г.), уступив Франции Тироль, Венецию и Далмацию, всего до 1000 кв. миль с 3 миллионами жителей.

Уничтожив сопротивление Австрии, Наполеон предпринял ряд мер с целью окончательно поставить в зависимость от своего произвола западную континентальную Европу и сломить противодействие Англии. В 1806 г. он основал из 16 немецких государств Рейнский союз и объявил себя протектором этих государств, находившихся в безусловном его распоряжении. При этих условиях существование Германской империи делалось невозможным, и она была фактически упразднена.

Против злейшего своего врага - Англии, Наполеон принял в 1806 г. меру, известную в истории под именем континентальной системы. Двумя декретами, Берлинским и Миланским, он объявил о блокаде Британских островов, сообщения с которыми были запрещены под страхом наказания; английские подданные, находившиеся на континенте, были объявлены военнопленными; собственность английская подлежала конфискации; торговля английскими товарами была воспрещена. Соглашениями и угрозами Наполеон заставлял европейские государства присоединяться к континентальной системе. Но Англия не смирилась. Она со своей стороны установила "систему голода", объявив о блокаде всех портов и берегов Франции и союзных с нею держав и сделав предписание о конфискации всякого корабля и груза, назначенного в один из этих портов*(45).

Между тем Россия, в союзе с Англией, продолжала войну с Наполеоном. В то же время французский император узнал о секретном соглашении, которое состоялось между этими державами и прусским королем в 1805 г. Поэтому он начал в 1806 г. военные действия против Пруссии и, после ряда решительных поражений прусских войск, занял Берлин. Русская армия не в силах была остановить победоносное движение Французов и сама потерпела поражение при Фридланде. Тогда Фридрих Вильгельм III и Александр I вступили с Наполеоном в переговоры о мире, трактат которого был подписан в Тильзите в 1807 г., при личном свидании трех монархов. Пруссия лишилась территории в 2700 кв. миль с 5 миллионами жителей. Уступленные земли были присоединены частью к Франции, частью к новым государствам, созданным Наполеоном, - Вестфальскому королевству и герцогству Варшавскому. Россия приобрела Белостокскую область, но должна была приступить к континентальной системе*(46).

В Тильзите Александр I не только примирился с Наполеоном, но и заключил с ним союз. Последний был подтвержден на конгрессе в Эрфурте (1808 г.), где оба императора согласились разделить между собой Европу, причем Россия получила полную свободу действия в отношении Швеции и Османской империи, французский же император делался распорядителем над западноевропейскими государствами.

Действительно, после Тильзитского мира Наполеон уже не видел преград своему властолюбию. Он обращался с европейскими государями, как со своими вассалами. При малейшем сопротивлении его произволу их земли занимали французские войска. При этих условиях Австрия снова взялась за оружие, не находя другого средства сохранить свою независимость от посягательств французского императора. Так началась новая война между Австрией и Францией (1809 г.). Александр I исполнил принятые на себя в Тильзите обязательства и, со своей стороны, объявил войну Австрии. Русские войска заняли Галицию. В сражении при Ваграме Австрийцы были разбиты и должны были, по Шенбрунскому (или Венскому) договору (1809 г.), отдать Франции из своих владений 2058 кв. миль с 3,5 миллионами жителей; к России отошла часть Галиции*(47).

Теперь осталось на европейском материке только одно государство, которое могло еще бороться с Наполеоном и сдерживать его честолюбивые замыслы. Для неограниченного господства в Европе Наполеон должен был покончить с Россией. После Шенбрунского мира он стал относиться с таким неуважением к своим обязательствам в отношении русского государя, что разрыв между ними сделался неизбежен. Но расчеты французского императора на легкую победу над своим союзником не оправдались. Война 1812 г. привела к совершенному разгрому французской армии и бегству его из России.

Александр I решил не заключать мира с Францией, пока она не будет введена в прежние исторические свои границы. Ближайшей задачей русской политики после изгнания Французов из России было соединить европейские государства в один союз для вооруженной борьбы за свою свободу, порядок и спокойствие в Европе*(48). К существовавшей уже коалиции против Наполеона, из Англии, Швеции и России, приступила на основании Калишского трактата (1813 г.) Пруссия. Австрия вошла в союз с Россией после неудавшегося Пражского конгресса*(49).

Лейпцигская битва заставила также другие немецкие государства выйти из союза с Наполеоном и примкнуть к коалиции. В начале 1814 г. огромная союзная армия перешла за Рейн и вторглась в пределы Франции. В Шомоне главнейшие союзные державы (Россия, Австрия, Пруссия и Англия) заключили новый между собой трактат, подтверждающий необходимость для союзников продолжать войну против французского императора, пока он не примет предложенные ему условия мира, и не входить в отдельные с ним переговоры и не подписывать мира иначе, как с общего согласия.

Война всей Европы против Наполеона окончилась вступлением союзных войск в Париж, отречением французского императора от престола, подписанным в Фонтенебло, и воцарением во Франции Людовика XVIII, представителя старой Бурбонской династии. После того был заключен между союзными державами и Францией первый мирный Парижский трактат, на основании которого территориальные ее границы восстанавливались в том виде, в котором они существовали 1 января 1792 г.; Пруссии были возвращены прежние ее владения; Австрия получала Венецию и Милан за Бельгию, которая должна была соединиться с Нидерландами в одно государство; Германия должна была организоваться в виде конфедерации.

Для окончательного определения условий мира, распределения завоеванных земель и устройства политической системы Европы был созван конгресс в Вене. Работа его уже приближалась к концу, когда распространилось известие о бегстве Наполеона с острова Эльба, высадке его во Франции и торжественном вступлении в Париж. Декларацией 13 марта 1815 г. восемь европейских держав торжественнейшим образом признали возвратившегося во Францию Наполеона Бонапарта вне покровительства "гражданских и социальных отношений, равно и врагом и сокрушителем спокойствия мира". Наполеон, говорит этот замечательный

акт, "сам предал себя общественному мщению".

В течение ста дней Наполеон опять был общей опасностью для всей Европы, и великие союзные державы вновь соединились для войны с нарушителем европейского мира. Ватерлооская битва окончательно решила судьбу Наполеона; он принужден был опять отказаться от престола и отправиться в ссылку на остров Св. Елены. Заключенный вслед за тем второй Парижский мир уменьшил французскую территорию до границ, которыми она владела в 1790 г.; Франция должна была уплатить контрибуцию в 700 миллионов франков и подверглась на пять лет оккупации 150 т. союзного войска, чтобы сделать невозможным возвращение на французский престол Наполеона и обеспечить сохранение нового порядка вещей во Франции, созданного союзниками.

§ 28. Из вышеизложенного очерка политических отношений европейских государств видно, что со времени Вестфальского мирного конгресса до начала нынешнего столетия войны и разделы чужих владений составляли исключительный предмет внимания государей и их министров. Однако сила и произвол не были единственными факторами международных отношений в этот период. Рядом с бесчисленным количеством примеров, доказывающих неуважение независимости иностранных государств и неисполнение обязательств, самым торжественным образом принятых, мы имеем доказательства, что в XVII и XVIII столетиях европейские цивилизованные народы признавали законную силу международного права не только во время мира, но и во время войны.

Укажем на некоторые наиболее важные положительные юридические начала, которые выработались в международных сношениях этой эпохи и сделались составной частью ныне действующего международного права.

Во-первых, важным результатом деятельной внешней политики европейских государств после Вестфальского мира, тех непрерывных частных и общих соглашений, в которые они входили друг с другом в этот период, было точное выяснение основных прав, принадлежащих государствам и верховной власти, как субъектам международного права. Вместе с тем, потребность в постоянных дипломатических сношениях и переговорах между государствами утвердила в сознании и практике этого времени необходимость уважать личную и имущественную неприкосновенность посланников, их экстерриториальность и другие привилегии, которые составляют содержание права посольств*(50).

Далее международное морское право достигло высокой степени развития в этом периоде. В 1780 г. 28 февраля Екатерина II обнародовала знаменитую декларацию морского вооруженного нейтралитета, в которой были провозглашены следующие обязательные во время морской войны начала: 1) война не прекращает мирные международные сношения между портами воюющих и нейтральных государств; 2) неприятельская собственность на нейтральном корабле неприкосновенна, если не составляет военной контрабанды; 3) под военной контрабандой разумеются предметы, перечисленные в ст.ст. 10 и 11 коммерческого договора России с Англией 1766 г.; 4) для действительности блокады порта необходимо, чтобы доступ к нему был фактически прекращен стоящей поблизости неприятельской эскадрой; 5) указанные начала должны служить основанием для правового производства. Декларация эта получила значение общеобязательного международного закона, ибо ее приняли и обязались защищать силой против всякого нарушителя большинство европейских держав, кроме Англии. В 1800 г. по инициативе Императора Павла I был заключен второй вооруженный нейтралитет, на началах Екатерининской декларации 1780 г. лишь с изменением определения блокады и прибавлением новых правил, касающихся осмотра кораблей*(51).

Кроме того, во втором периоде значительно изменяются к лучшему также взгляды на взаимные отношения воюющих во время сухопутной войны:

военнопленные уже не обращаются в рабство; они признаются законными врагами, относительно которых неприятель имеет известные права, но также и обязанности; на основании отдельных договоров, заключенных между государствами на случай войны, врачебный персонал и госпитали пользуются некоторой неприкосновенностью со стороны воюющих и пр. ***(52)**

Наконец, то общее начало, которое легло в основание всех дипломатических переговоров, конгрессов и войн, происходивших в XVII и XVIII столетиях, - идея политического равновесия - показывает, что государства чувствовали настоятельную потребность в международном порядке, который обеспечивал бы их национальную независимость, их законные интересы и права.

После Вестфальского мира государи и их представители уже не находят возможным, как в прежнее время, предпринимать международные акты, не мотивируя их соображениями, имеющими, по крайней мере, вид справедливости и права. Таким мотивом являлось по преимуществу равновесие государств. Во имя этого принципа государства входили в союзы и составляли коалиции; ради него объявляли войны и совершали разделы чужих территорий. В поддержании равновесия заключалась вся задача международной политики XVII и XVIII вв. Но в то же время идея политического равновесия служила оправданием для всевозможных насилий и захватов, нарушения права и основанием беззаконных притязаний со стороны монархов и их советников ***(53)**.

Отсюда видно, что равновесие государств, как оно понималось во втором периоде, если и указывало на сознание европейскими образованными народами близости своих интересов и взаимной друг от друга зависимости, то не могло служить основанием для определения взаимных их прав и обязанностей и установления международного юридического порядка. Система политического равновесия основывается на политической идее, служащей отличным орудием для всевозможных захватов и самых несправедливых нападений.

Европейская политическая система, созданная Вестфальским мирным конгрессом, была разрушена завоеваниями французской революции и империи Наполеона I. Победив соединившиеся против них европейские государства, они положили начало новому, существующему до настоящего времени международному порядку. Роль и значение, которые имела в этом отношении революционная и императорская Франция, вполне объясняются тем радикальным переустройством ее общественного и государственного строя, которому она подверглась благодаря революции 1789 г. Новые социальные и политические порядки, установившиеся в этой стране после 1789 г., оказали разлагающее действие на старый монархический режим и были причиной для тех преобразований во внутреннем быте европейских народов, которые должны были отразиться и на международных отношениях.

Рассматриваемые с этой точки зрения, войны и завоевания Наполеона имеют непреходящее международное значение. Наполеон победил Европу столько же силой оружия, сколько пропагандой новых свободных идей, провозглашенных декларацией прав гражданина и человека. Французские войска распространили эти идеи в тех государствах, которые они занимали, и везде встречали симпатию народов к свободным политическим порядкам, которые они учреждали в завоеванных землях. Наполеон отлично понимал значение такой пропаганды: в инструкциях и манифестах он постоянно объявлял, что ведет войну с ненавистными всем народам феодальными порядками и желает основывать свою власть не на порабощении народов, но на их сочувствии.

Вот почему первоначально Французы не встретили той ненависти и сопротивления со стороны западноевропейских народов, на которые рассчитывали их государи. Но характер борьбы между последними и Наполеоном изменяется с 1813 г. С этого времени в Германии, Италии и Испании народный энтузиазм

достигает небывалых размеров; вокруг монархов собираются все их народы для войны за свободу и независимость своих государств. Эта перемена объясняется с одной стороны, тем обстоятельством, что народы убедились в истинных намерениях и целях Наполеона, который стремился более к возвышению своей личной императорской власти, нежели к обеспечению блага и интересов своих подданных, с другой, теми обещаниями, которые были даны народам их государями относительно лучших политических порядков, свободного управления и законодательства, имеющих наступить по освобождению от французского ига. Борьба народов за признанные ими свободу и права привела к падению Наполеона.

Период третий. С Венского конгресса до настоящего времени

А. Международные отношения с Венского конгресса 1815 г. до Парижского мира 1856 г.

§ 29. На основании первого Парижского трактата 1814 г. договаривающиеся державы согласились созвать конгресс в Вене для окончательного определения территориальных приобретений, сделанных во время последней войны, и тех оснований, на которых должна была покоиться европейская политическая система, разрушенная завоеваниями Французской революции и империи Наполеона. Заседания этого важного конгресса были открыты 1(13) ноября 1814 г. при личном участии трех монархов - русского, австрийского и прусского - и представительстве почти всех европейских государств.

На конгрессе обнаружилось троякого рода воззрения, согласно которым уполномоченные держав полагали возможным разрешить сложные и трудные вопросы, подлежавшие их обсуждению.

Первое воззрение, представителем которого был австрийский канцлер князь Меттерних, отрицало необходимость какого-либо общего начала и твердого плана для устройства судеб и взаимных отношений европейских народов: все должно было решиться обстоятельствами, дипломатическими интригами и компромиссами. Согласно этому взгляду международные отношения и переговоры дипломатические должны определяться одним принципом случайности.

Исходной точкой второго направления был принцип законности (*principe de legitimité*). Оно стремилось устроить европейскую систему на историческом праве, на тех началах, которые господствовали в Европе до Французской революции. Главным защитником этого направления был князь Талейран, уполномоченный Франции, который удачно комбинировал новое начало с принципом политического равновесия и доказывал, что оба начала должны служить основанием прочного международного порядка Европы. Большинство государственных людей, принимавших участие в Венском конгрессе, разделяли воззрения французского дипломата как благодаря блестящей и остроумной аргументации последнего в пользу своих взглядов, так и потому, что большая часть членов конгресса боялась революционных движений и ничего так не желала, как восстановления старого законного порядка вещей.

Выше этих воззрений на задачу и значение Венского конгресса были взгляды знаменитого прусского министра Штейна, которые разделял и император Александр I. Последний хорошо выразил их в общих инструкциях 13 (25) мая 1815 г., которыми были снабжены все заграничные императорские миссии. Европейская политика, согласно этим инструкциям, должна была поставить себе задачей "изучать и сообразоваться с нравственным положением различных народов, чтобы согласно

с этой общей точкой зрения определить территориальный состав, внутренние порядки, а равно и взаимные отношения государств, соединение которых с этих пор должно было составить великую европейскую семью". Уважение к правам и интересам народов - таков принцип, которым, по мнению Александра I, должен был руководствоваться Венский конгресс. Союзные правительства должны были бы, следуя этому принципу, предоставить народам "выгоды правительственной системы"; тогда удовлетворенные народные интересы "придали бы решениям конгресса ту прочность и силу постоянства, которые не могут быть за ними обеспечены никакой иной гарантией".

Но эти возвышенные идеи далеко не были проведены последовательным образом. Действиями и распоряжениями Александра I на Венском конгрессе значительно руководило то религиозно-мистическое направление, которое ярко выразилось в акте Священного союза 14 (26) сентября 1815 г.

Предметом этого акта, как торжественно объявили государи, его подписавшие, - "открыть перед лицом вселенной их непоколебимую решимость как в управлении вверенными им государствами, так и в политических отношениях ко всем другим правительствам, руководствоваться не иными какими-либо правилами, как заповедями святой веры, любви, правды и мира"*(54).

Понятно само собой, что это решение никак не мирилось с необходимостью сообразоваться с законными интересами народов и ввести в европейских государствах конституционную форму правления. Ради поддержания мира и дружбы со своими союзниками Александр I часто отступал от тех начал, которые он считал справедливыми, и высказывался в пользу несочувственных ему принципов и мер, проводимых на конгрессе Талейраном и Меттернихом.

Однако принцип легитимности, который восторжествовал на Венском конгрессе, также не может быть применен во всей своей строгости. Вместе с дипломатическими интригами Меттерниха он привел к тому, что государства, участвовавшие в конгрессе, с трудом могли согласиться насчет наиболее важных вопросов, подлежавших их обсуждению. Твердое решение Александра I присоединить к России все Варшавское герцогство и домогательство Пруссии по отношению к королевству Саксонскому встретили такой враждебный отпор со стороны других держав, что в начале 1815 г. разрыв между союзниками был неминуем. Австрия, Англия и Франция уже заключили (3 января 1815 г.) наступательный и оборонительный союз против России и Пруссии, к которому приступили также Голландия и Бавария, и только возвращение Наполеона с острова Эльба заставило великие союзные державы вновь соединиться и окончить мирно свои занятия на конгрессе.

Акт Венского конгресса был подписан 28 мая (9 июня) 1815 г. Главнейшие его постановления, касающиеся территориальных изменений европейских государств, заключались в следующем*(55). Россия получила Варшавское герцогство, за исключением Познанской провинции, отошедшей к Пруссии. Часть Галиции, присоединенная к русским владениям в силу Венского трактата 1809 г., была возвращена Австрии; южная часть Варшавского герцогства с городом Краковом составила самостоятельную и вечно нейтральную республику Краковскую, поставленную под особенное покровительство России, Австрии и Пруссии. Она существовала до 1846 г., когда, по решению трех названных держав, была присоединена к австрийским владениям.

Австрия восстановила прежние свои владения, принадлежавшие ей до трактатов Кампоформийского, Люневильского и др., и сверх того приобрела остальную часть Венеции и обширные области, составляющие Ломбардию.

Пруссии досталась почти половина Саксонского королевства; земли, отнятые у Пруссии по Тильзитскому миру, были вновь к ней присоединены; кроме того, ее

владения увеличились многими городами и уездами, лежащими по обеим берегам Рейна, и другими немецкими землями.

Все владетельные германские государи и вольные города, а также император австрийский, короли прусский, датский и нидерландский учредили между собой вечный союз, под названием Германского союза, управляемого сеймом, под председательством австрийского уполномоченного. Бывшие бельгийские провинции были соединены с Голландией в одно государство под именем королевства Нидерландского. Оно должно было служить оплотом против завоевательных планов Франции.

Швейцария получила обратно отошедшие от нее области, и ее территория была признана вечно нейтральной.

К королевству Сардинскому была присоединена бывшая Генуезская республика. Северо-восточные провинции, принадлежащие сардинскому королю, также объявлены нейтральными, подобно Швейцарии.

На Венском конгрессе проходили переговоры также по вопросам, которые касались развития мирных и правильных сношений между народами. Сюда принадлежат вопросы: о свободе судоходства по рекам, о торге неграми и о ранге дипломатических агентов.

Что касается первого вопроса, то, принимая во внимание важное торговое значение тех судоходных рек, которые протекают через владения нескольких государств или служат им границей, Венский конгресс выработал ряд статей, на основании которых судоходство по всему течению таких рек объявлено совершенно свободным для торговли всех наций; вместе с тем были точно определены фискальные права и полицейские обязанности, которые имеют в отношении этих рек прибрежные государства. Эти постановления впоследствии получили применение ко всем главнейшим европейским рекам, которым принадлежит значение коммерческих артерий международного обмена.

Относительно торгова чернокожими державы обнародовали на Венском конгрессе декларацию, отменявшую навсегда эту бесчеловечную отрасль торговли. Декларация эта нашла развитие в особенных международных конвенциях, определяющих ближе те общие меры со стороны правительств, которые должны были способствовать действительному прекращению торгова неграми.

Наконец, Венский конгресс выработал особое положение относительно дипломатических агентов. С целью предупредить на будущее время тягостные споры между представителями различных держав в иностранных государствах, были точно определены, во-первых, классы дипломатических агентов и, во-вторых, взаимные их отношения при занятии мест, подписании и заключении трактатов.

§ 30. Общий характер международных отношений европейских государств после 1815 г. отражает на себе то настроение, которое овладело европейскими народами со времени освобождения их от французского ига. Надежды на широкие государственные реформы, возбужденные торжественными прокламациями правительств во время войны за независимость, скоро сменились всеобщим разочарованием. Венский конгресс и последующие реакционные меры, принятые сообща европейскими государями, окончательно убедили западные народы, что обещания, им данные, не будут исполнены. Естественным результатом неудовлетворенных законных ожиданий западноевропейских обществ явилось повсеместное брожение умов, стремление народов освободиться от задерживающих развитие социальной жизни феодальных тормозов и иметь участие в государственном управлении.

С точки зрения общественных интересов международные отношения этого периода представляют совокупность явлений, стоящих в причинной зависимости от целей и задач, преследуемых общественными классами внутри государств.

Так, религия не оказывает в настоящее время непосредственного влияния на международные отношения в том смысле, что различие веры не вызывает уже международных войн и не служит преградой для постоянных мирных международных сношений. Напротив, сознание общности религиозных интересов выражается в этом периоде в стремлении европейских народов охранить повсюду свободу совести, право каждого, особенно христианского, народа беспрепятственно исповедовать свои религиозные убеждения и верования. Требование полной веротерпимости в пределах своего государства заставляет образованные народы относиться с сочувствием и идти на помощь к тому народу, религиозные воззрения и верования которого подвергаются гонению или каким-либо насильственным ограничениям. История греческого восстания и отношение христианской Европы к Турции служат доказательством такого влияния религиозных убеждений и духовных стремлений.

В области интеллектуальных и духовных интересов европейские народы также сознают в рассматриваемое время известные общие связующие их задачи. По мере того как внутри европейских государств постепенно падают стеснения свободы научных исследований, печати и слова, по мере того как умственная жизнь, литературная, художественная и артистическая деятельность народов принимают все большие размеры, по мере того возрастает потребность в обмене продуктов умственного и духовного труда и возникает необходимость определить условия этого рода обмена. Ввиду этого заключаются литературные конвенции, охраняющие литературную и художественную собственность авторов.

Затем, хозяйственная и экономическая деятельность, сильно развитая в этом периоде, создает из всех европейских народов одно общество, проникнутое стремлением к преобразованию тех материальных средств, которые необходимы человеку для борьбы с окружающей его внешней природой и для развития духовных способностей и сил. Не находя на своей территории всех средств для удовлетворения законных их нужд, отдельные народы по необходимости входят в общение друг с другом, вступают в международные коммерческие сношения, заключают торговые трактаты, устраивают общие союзы - почтовые, телеграфные и т.п. Все более выясняется та великая истина, что современный человек, приобретая и увеличивая свои личные средства, пользуется результатом трудов всех народов, всего человечества. Словом, современная экономическая деятельность народов все более приобретает характер космополитической и правовой.

Наконец, сознание общего племенного и национального происхождения не только служит в настоящем периоде фактором, соединяющим различные государства, но даже рассматривается как высший принцип всего международного порядка. Силой своего внутреннего существа все изложенные общественные интересы стремятся к известной организации, конкретному внешнему порядку и определению прав: все общественные элементы имеют одну цель - влиять или господствовать над государством. Между тем государство есть член международного общения, и поэтому понятно, насколько, в особенности в нынешнем столетии, общественные стремления должны были повлиять на международные отношения.

§ 31. После Венского конгресса реакционная политика европейских правительств имела своим результатом такого рода международные акты, которые совершенно противоречили общественным нуждам и стремлениям народов. Образовав из себя так называемую пентархию (пятидержавие), великие державы приняли за правило вмешиваться во внутренние дела независимых государств в тех случаях, когда порядок, в них установившийся, представлял, по их мнению, опасность для мира в Европе. При всеобщем в то время враждебном настроении западноевропейских обществ против реакции и стремлении народов к политической

свободе, в поводах к такому вмешательству не было недостатка.

В 1818 г. вновь собрался конгресс из представителей великих держав в Аахене, на котором присутствовали монархи: русский, австрийский и прусский. Результатом совещаний этого конгресса были постановления, на основании которых сокращался срок оккупации французской территории союзными войсками и была уменьшена контрибуция, наложенная на Францию. В Аахене же были дополнены правила, выработанные на Венском конгрессе относительно дипломатических агентов, определением ранга министров-резидентов. Наконец, декларация, изданная уполномоченными великих держав по поводу переговоров, проходивших на Аахенском конгрессе, подтверждала тесный союз участвовавших в нем монархов и объявляла, что последние признают неременной своей обязанностью руководствоваться в отношениях между собой и к другим державам началами международного права. Вместе с тем пять союзных государей решили на будущее время собираться на конгрессы или конференции для обсуждения сообща как собственных интересов, так и вопросов, по поводу которых другие государства обратились бы к ним с просьбой о вмешательстве*(56).

Но Аахенский конгресс не разрешил тех вопросов, которыми интересовались европейские общества. Напротив, как совещания этого конгресса, так и последующие меры Венского кабинета, вдохновлявшего в то время европейскую политику, ясно показывали, что великие державы твердо решили не допускать в континентальных монархических государствах ни либеральных реформ, исходящих от правительств, ни тем более внутренних переворотов в пользу общественной свободы и прав народа. С целью предупредить распространение революционных идей в Германии, по инициативе Австрии состоялись в 1819 г. конференции представителей немецких государств в Карлсбаде и Вене, и здесь был выработан ряд постановлений, направленных против общественных движений в Германском союзе.

Революции в Испании, Португалии, в Неаполе и Сардинии рассматривались великими союзными державами как общеевропейские дела, требовавшие вмешательства и восстановления силой законного порядка вещей. В 1820 г. уполномоченные Австрии, Пруссии и России собрались на конгресс в Троппау и в следующем году в Лайбахе для совещания об общих мерах против революционных восстаний, вспыхнувших тогда в разных европейских государствах, и в частности о средствах подавить революцию в Неаполитанском королевстве. Лайбахский конгресс решил, что австрийские войска займут Неаполь и уничтожат конституцию, которую неаполитанский король должен был дать своему народу. Испанская революция была предметом обсуждения Веронского конгресса (1822 г.), который получил экзекуцию в отношении революционных кортесов Франции. На этот раз английское правительство формально отказалось одобрить меры, принятые конгрессом, и с тех пор постоянно защищает начало невмешательства во внутренние дела других государств*(57).

В 1821 г. вспыхнуло восстание Греков против турецкого ига. Первоначально не только Меттерних, но и Александр I относились враждебно к греческой революции и скорее склонялись на сторону султана, чем возмущившихся Греков. Но влияние общественного мнения, особенно Англии, скоро заставило европейские правительства выйти из их пассивного положения и вступить за угнетенный христианский народ. Со времени образования в Англии министерства Каннинга и восшествия на русский престол императора Николая I оба правительства, русское и английское, решились вынудить Турцию на уступки в пользу греческого народа. В Петербурге, в 1826 г., Россия и Англия подписали протокол, на основании которого обязались вмешаться в войну против Турок и предоставить Греции те права, которыми пользовались Дунайские княжества, если требования их не будут

удовлетворены султаном. Петербургский протокол был изменен в Лондоне, в 1827 г., в международную конвенцию, которую подписала также Франция*(58). Союзные державы отправили свои флоты в Архипелаг для воспрепятствования подвоза к греческим берегам амуниции и военных припасов. Наваринская битва, кончившаяся сожжением турецкого и египетского флота, привела к русско-турецкой войне 1828-1829 г. По Адрианопольскому миру с Россией, султан должен был признать независимость Греции, которая в 1830 г., на основании Лондонского протокола, была объявлена королевством и греческий престол занял баварский принц Оттон.

Греческое восстание открыло собой ряд внутренних переворотов в европейских государствах, которые уничтожили старый режим, поддерживаемый великими державами, и изменили созданную Венским конгрессом политическую систему Европы. Французская революция 1830 г. не вызвала вмешательства Австрии и России, потому что Людовик-Филипп поспешил объявить о признании им обязательной силы Венского трактата 1815 г. Пример Французов увлек соседнюю Бельгию. Одновременно с июльской революцией произошло восстание Бельгийцев против ненавистного им голландского правительства. При содействии Франции и Англии они отделились от Голландии и, в силу Лондонского трактата 1831 г., Бельгия была объявлена самостоятельным и вечно нейтральным королевством, престол которого занял принц Леопольд Саксен-Кобургский. Голландский король признал факт разделения своих владений только в 1839 г.

Новая революция во Франции, вспыхнувшая в феврале 1848 г., дала сигнал к общим смутам в Западной Европе. Народные движения в Германии вызвали попытку преобразования Германского союза, которое составило задачу франкфуртского национального собрания. В Пруссии, Австрии и Венгрии революционное движение ниспровергает принципы, провозглашенные на конгрессах в Лайбахе и Вероне. В Дании восстают герцогства Шлезвиг и Гольштейн с целью отделиться от Датского королевства. Это восстание привело к войне между Данией и Германским союзом, окончившейся, благодаря вмешательству России, Берлинским трактатом 1850 г., на основании которого оба герцогства остались под властью датского короля. В Церковной области Итальянцы изгнали из Рима папу Пия IX и учредили республику. Но последняя была уничтожена французскими войсками, которые, восстановив власть папы, в течение нескольких лет занимали Рим.

В. Международные отношения с Парижского мира 1856 г. до новейшего времени

§ 32. Восточная война 1853-1856 гг. между Россией с одной стороны, и Турцией, Францией, Англией и Сардинией - с другой, началась формально по поводу спора о Святых местах, но в действительности была вызвана тем исключительным положением, которое было создано для России в пределах Балканского полуострова еще Кучук-Кайнарджийским трактатом. После взятия Севастополя воюющие державы, при посредничестве Австрийского двора, вступили в переговоры о мире, прелиминарные условия которого, заключенные в Вене, послужили основанием для трудов Парижского мирного конгресса (1856 г.)*(59).

Парижский трактат о мире 1856 г. отнял у России исключительное право покровительства христианам, находившимся под властью Турции, и сделал его общим правом всех держав христианских, подписавших названный трактат. Затем Россия должна была согласиться на нейтрализацию Черного моря, отказавшись от содержания здесь военного флота и постройки укреплений и разрушить существовавшие по берегам этого моря крепости. Бессарабская область отошла от

России к Дунайским княжествам. Последние образовали два независимые друг от друга княжества - Молдавию и Валахию, под властью двух князей, избираемых населением княжеств и утверждаемых Портой. В такое же положение было поставлено Сербское княжество. Наконец, Парижский трактат объявил Дарданелльский пролив на вечные времена закрытым для прохода военных судов. Лондонская конвенция 13 марта 1871 г. существенно изменила постановления Парижского трактата 1856 г., насколько они касались ограничения верховных прав России на русских берегах Черного моря и нейтрализации последнего.

После подписания Парижского трактата, по предложению Франции и Англии, державы, участвовавшие в конгрессе, издали 4(16) апреля 1856 г. декларацию, имеющую своим предметом международное морское право. На основании этого важного акта: 1) навсегда отменяется каперство; 2) нейтральный флаг покрывает неприятельский груз, исключая военную контрабанду; 3) нейтральный груз, кроме военной контрабанды, не подлежит захвату под неприятельским флагом; 4) блокада признается действительной только в том случае, когда поддерживается достаточной силой, прекращающей доступ к неприятельскому берегу. Эти правила были предложены для подписания также государствам, не участвовавшим в Парижском конгрессе, и в настоящее время признаны огромным большинством цивилизованных народов всего земного шара.

После Парижского мира мало-помалу получают решение те международные вопросы, которые были созданы Венским трактатом 1815 г. Мы укажем в немногих словах главнейшие события нынешнего времени, изменившие политическую систему Европы, устроенную на началах этого трактата.

Первый вопрос, возникший вскоре по заключению Парижского мира, касался устройства Итальянского полуострова. Уже на конгрессе в Париже уполномоченный сардинского короля, граф Кавур, представил записку, в которой доказывал, что владычество Австрии на севере Италии служит предлогом для Венского кабинета к постоянному вмешательству в итальянские дела, несогласному с законными правами итальянской нации. В то время Сардиния уже вступила в соглашение с Францией насчет возбужденного итальянского вопроса. В 1859 г. сардинский король, в союзе с французским императором, объявил войну Австрии, окончившуюся в том же году прелиминарным миром между Австрией и Францией, заключенным без всякого участия Сардинии, в Виллафранке. Договаривающиеся державы согласились, чтобы границей австрийских владений в Италии была река Минчио; Ломбардия уступалась французскому императору, который должен был передать ее сардинскому королю; все итальянские государства составляли одну федерацию, под почетным председательством папы. Мир в Виллафранке был окончательно подтвержден Цюрихским трактатом (1859 г.), который подписал также сардинский король.

Но договор, заключенный в Цюрихе, не получил исполнения. Во всех итальянских государствах народ восстал против существующих правительств и потребовал соединения под властью сардинского короля. Гарибальди завоевал в пользу последнего все Неаполитанское королевство. В 1860 г. Италия фактически уже была объединена. Но формально новый порядок не мог существовать на Итальянском полуострове без согласия французского императора. Между Сардинией и Францией была заключена Туринская конвенция (1860 г.), которой император Французов признавал силу совершившихся фактов под условием уступки в пользу Франции, Савойи и Ниццы.

Объединение Италии завершилось в 1870 г. занятием итальянскими королевскими войсками Папской области и города Рима. Во владении папы были оставлены только Ватикан и Латеран.

Постепенно готовилось решение и другого общеевропейского вопроса -

вопроса об устройстве Германии. В 1864 г. открылась война между Данией с одной стороны и Австрией и Пруссией - с другой. Все три державы принадлежали к Германскому союзу, и война между ними была собственно экзекуцией, предписанной Германским сеймом против Дании из-за Шлезвиг-Гольштейнских герцогств. Последние входили в состав Датского королевства на основании трактатов, гарантировавших вместе с тем особенное устройство герцогств. Но в 1863 г. король датский Христиан IX издал конституцию для своего государства, которая распространялась и на Шлезвиг. Германский сейм увидел в этой мере нарушение прав немецкого государства, принадлежащего к Союзу, и постановил подвергнуть датского короля союзной экзекуции. Исполнение этой меры взяли на себя Пруссия и Австрия. Дания была побеждена. По Венскому договору 1864 г. она отказалась от герцогств Шлезвигского, Гольштейнского и Лауенбургского, перешедших в совместное владение держав-победительниц. Но кондоминиум Австрии и Пруссии продолжался недолго. Из-за него возник ряд споров между двумя державами, которые привели к войне.

Австро-прусская война 1866 г. окончательно разрешила вопрос, которая из двух великих держав должна иметь гегемонию в Германии. Битва при Кениггреце решила этот вопрос в пользу Пруссии. Воюющие державы заключили в Никольсбурге, в 1866 г., прелиминарный мир и в Праге окончательный. Пражский мирный трактат устранил Австрию от дальнейшего участия в Германском союзе; она отказалась также от всяких прав на Гольштейн и Шлезвиг, но относительно последнего в V ст. мирного договора было постановлено, что население северной его части будет спрошено через голосование: желает ли оно присоединения к Пруссии? Прусское правительство не находило нужным исполнить это постановление. Это обстоятельство могло служить удобным предлогом для Австрии начать войну против Пруссии. В 1878 г. Венский кабинет отказался, однако, от всяких притязаний на исполнение означенной статьи.

В войне между Австрией и Пруссией 1866 г. участвовали против первой также Италия и против второй Бавария, Виртемберг, Баден, Ганновер, Кургессен, Нассау и Саксония. По Пражскому мирному договору Австрия должна была передать Венецию Наполеону III, а последний уступил эту область итальянскому королю. Побежденные немецкие государства, за исключением Саксонии, были присоединены к Пруссии.

После австро-прусской войны Германский союз распался и вместо него был образован союз Северогерманский, с прусским королем во главе. Южногерманские государства: Бавария, Виртемберг, Баден и часть Гессена, по настоянию Наполеона III, остались независимыми государствами. Однако все они заключили тайные договоры с Северогерманским союзом, на основании которых обязались соединить, в случае войны, свои армии с силами Северогерманского союза.

Объединение Северной Германии встречено было с большим неудовольствием во Франции. Общественное мнение этой страны сильно обвиняло Наполеона, не сумевшего предупредить такое усиление соседнего государства. Чтобы исправить свою ошибку, французский император решился воспользоваться в 1867 г. Люксембургским вопросом и вступил в дипломатические переговоры насчет покупки Люксембурга, принадлежащего Голландии, но занятого прусским гарнизоном. Когда эта сделка не состоялась, французский император потребовал удаления прусских войск из Люксембурга. Пруссия медлила, и война между двумя державами казалась неизбежной. Она была предупреждена посредничеством великих держав, которые на конференции в Лондоне в 1867 г. решили, что Люксембург останется во владении Голландии, но будет вечно нейтральной областью; прусский гарнизон должен был удалиться отсюда, и люксембургские укрепления подлежали срытию.

Разрыв между Францией и Пруссией совершился в 1870 г. по поводу кандидатуры на испанский престол Гогенцоллернского принца Леопольда. Французское правительство, увидев в этой кандидатуре стремление Пруссии унижить Францию, просило короля прусского повелеть принцу Леопольду не принимать предложения, обращенного к нему из Испании. Однако добровольное отречение принца, тотчас последовавшее, не успокоило Наполеона III. Он решил требовать от прусского короля обещания, что принц никогда на будущее время не примет испанской кандидатуры. Король, конечно, отказался удовлетворить это домогательство. Это было причиной войны, объявленной Пруссии 19-го июля 1870 г. В следующем году, после ряда неслыханных поражений, Франция вынуждена была подписать Версальский прелиминарный и Франкфуртский окончательный мирный договор, подчинивший ее крайне тяжелым обязательствам. Франция отдавала Германии Эльзас и часть Лотарингии, приняла на себя обязанность уплатить 5 миллиардов франков военной контрибуции и до уплаты этой суммы подвергалась оккупации немецких войск.

Важнейшим результатом этой войны для Северогерманского союза было присоединение к нему в 1870 г. южногерманских государств и образование в 1871 г. Германской империи под властью прусского короля, принявшего титул императора Германского.

После 1871 г. Европа в течение нескольких лет пользовалась миром. В продолжение этого времени главное внимание европейских правительств было обращено на развитие путем международных соглашений торговых оборотов государств. В 1874 г., по инициативе Государя Императора Александра II, была созвана в Брюсселе конференция для кодификации обычаев и правил, обязательных во время сухопутной войны. В конференции приняли участие все европейские державы. Но выработанный ею проект законов войны, благодаря, в особенности, восточным замешательствам, возникшим в 1875 г., остался без утверждения.

Начавшееся в 1875 г. Герцеговинское восстание мало-помалу приняло размеры, потребовавшие вмешательства европейских держав. С осени 1875 г. Порты постоянно получала представления со стороны европейских правительств, побуждавшие ее изменить порядок вещей, существовавший в Боснии и Герцеговине, и удовлетворить законные требования христианского населения этих провинций, но эти настояния остались неудовлетворенными. В конце 1875 г. граф Андраши составил проект тех преобразований, которые Порты должна была обязаться перед Европой ввести в своих восставших областях. Турция согласилась исполнить предложенные реформы. Со своей стороны инсургенты выставили собственные условия, которые, однако, не были приняты во внимание великими державами. Кровавое пролитие продолжалось. В 1876 г. три соседние державы сообщили другим государствам выработанный ими "берлинский меморандум", в котором определялись те принудительные меры, которые, с общего согласия держав, должны быть применены к Порте, если она откажется ввести предложенные ей реформы. Англия отказалась присоединиться к этому акту. Между тем восстание охватило Румелию; Сербия и Черногория объявили войну Турции. В октябре, по настоянию России, Порты заключила перемирие, давшее возможность собраться в Константинополе международной конференции для определения условий окончательного мира с Сербией и Черногорией и выработки реформ, которые Порты должна ввести в Герцеговине, Боснии и Болгарии. В начале 1877 г. турецкое правительство отвергло все предложения конференции, и она разошлась*(60). Осталось одно средство сломить сопротивление Порты - война, которую и начала Россия в апреле 1877 г. Как известно, война была неудачна для Турции.

В феврале 1878 г. уполномоченными России и Турции был подписан в Сан-

Стефано прелиминарный договор о мире, по которому Порты согласилась: 1) признать окончательно независимость княжеств Черногории, Сербии и Румынии; 2) Болгария должна была образовать автономное княжество, в сюзеренной зависимости от Порты, граница которого доходила до Салоник; 3) в Боснии и Герцеговине немедленно должны быть введены преобразования, указанные Константинопольской международной конференцией; 4) размер военной контрибуции в пользу России был определен в сумме 1410 миллионов рублей, но русское правительство, взамен большей части этой суммы, именно 1100 миллионов рублей, приобретало от Турции: на Балканском полуострове - Тульчинский санджак, с правом обменять его на ту часть Бессарабии, которую она уступила, по Парижскому трактату 1856 г., Румынии; в Азии - Ардаган, Каре, Батум, Баязид и территорию до Саганлуга.

Постановления Сан-Стефанского договора, уничтожившие фактическое существование Турции на Балканском полуострове, вызвали крайнее неудовольствие в Западной Европе. Англия и Австро-Венгрия обвиняли Россию в неисполнении обязательств, принятых ею до войны и во время войны. В начале 1878 г. война между Англией и Россией представлялась неизбежной. Разрыва не произошло благодаря посредничеству Германии, которая предложила созвание конгресса для обсуждения условий окончательного мира между Россией и Турцией. Предложение это исходило из той мысли, что постановления Парижского трактата, изменяемые договором Сан-Стефанским, могут быть отменены только с общего согласия великих держав, подобно тому как это было в 1871 г., когда были уничтожены статьи Парижского мира, ограничивавшие права России по отношению к Черному морю.

Берлинский конгресс, собравшийся 13 июня 1878 г., окончил свои труды июля 13, когда был подписан трактат, долженствовавший служить основанием нового порядка вещей на Балканском полуострове. Главнейшие постановления Берлинского трактата суть следующие: Черногория признана независимым княжеством и владения ее увеличены, но пользование присоединенным к ней портом Антивари и прилегающим участком морским было значительно ограничено. Румыния и Сербия также признаны независимыми от Порты и получили территориальные приращения. Княжество Болгария не удержало тех границ, которые были назначены ему по договору в Сан-Стефано. На юг от Балканского хребта образована особая провинция, под именем Восточной Румелии, остающаяся под непосредственной политической и военной властью султана, но с широкой местной автономией. Россия приобрела от Румынии часть Бессарабской области; от Турции отошли к ней Ардаган, Каре и Батум, объявленный "порто-франко по преимуществу коммерческим" (ст. 59). Все другие земли, уступленные России по договору в Сан-Стефано, возвращены Оттоманской империи. Провинции Босния и Герцеговина отданы в управление Австро-Венгрии. Наконец, Персии уступлены город и область Котур.

Кроме территориальных изменений, Берлинский трактат определил те меры, которые должны быть приняты Портой для улучшения положения оставшихся под ее властью христиан и за применением которых будут наблюдать державы. Он провозгласил свободу судоходства по Дунаю, от Железных Ворот до устья, гарантией которой должны служить срытие крепостей на этом пространстве и запрещение плавать от Железных Ворот вниз по течению реки военным судам. Все постановления Парижского трактата 1856 г., не отмененные настоящим актом и Лондонским договором 1871 г., подтверждены.

Из новейших событий, происшедших в Америке, имела большое международное значение война северных штатов с южными (1861 г.). Она возникла благодаря социальному и политическому антагонизму, издавна разделявшему север

и юг Американской республики. Окончательный разрыв между ними произведен был вопросом об отмене невольничества, которой требовали северные штаты, экономически не заинтересованные в существовании рабства, и которой решились сопротивляться с оружием в руках земледельческие южные штаты. Последние образовали самостоятельную конфедерацию, но после поражений, нанесенных южной армии генералом Грантом, должны были, в 1865 г., опять войти в состав союза и принять власть Вашингтонского правительства.

Американским междоусобием воспользовалась Франция, чтобы устроить в Мексике империю, престол которой, по приглашению Наполеона III, занял эрцгерцог Максимилиан. Мексиканская народная партия, как известно, восстала против навязанного ей государя и, одержав верх, подвергла его суду, по приговору которого несчастный эрцгерцог был расстрелян (1866 г.).

§ 33. Международные отношения в 3-м периоде все более принимают правовой характер. Развиваются и утверждаются начала современного положительного международного права. Современные образованные правительства и народы все более убеждаются в недостаточности своих единичных сил для полного удовлетворения развивающихся государственных потребностей и в необходимости широких взаимных сношений и помощи. В сфере политических отношений интересы держав обсуждаются на конгрессах и конференциях, решения которых получают силу закона. Общественные интересы государств находят свое удовлетворение в частных и общих договорах по различным вопросам, касающимся социальных сношений народов. Результатом международных соглашений явилось установление положительных юридических начал, правил, законов, определяющих взаимные отношения государств. Таковы правила о международном представительстве, морской торговле, свободном судоходстве по рекам и т.д.

Руководящее начало международных отношений в рассматриваемое время есть принцип национальности. Он провозглашается в XIX столетии, как панацея против всех недоразумений и замешательств международных, как наиболее разумное основание для разрешения возникающих между государствами споров и столкновений и для устройства такого порядка взаимных их отношений, который в состоянии обеспечить мирное развитие каждого народа.

Принцип народности впервые был сформулирован французской писательницей, мадам де-Сталь. В одном из своих сочинений (*De l'Allemagne* 1810 г.) она высказала ту мысль, что каждое государство должно состоять из народа, проникнутого сознанием своего национального единства, имеющего один язык, одинаковые нравы и обычаи. В новейшее время эта мысль подверглась всесторонней разработке и была провозглашаема официально со стороны различных государственных деятелей (Наполеон III) как руководящее начало международной политики. По мнению Лорана, "государство обыкновенно есть случайное соединение отдельных лиц, скорее собранных, чем соединенных по собственному желанию под одной верховной властью, над ними господствующей". Человечество, говорит он, стремится поставить на место государств, явившихся произведением силы или произвольных сделок, государства, основанные на естественном элементе национальности. Та же самая идея служит исходной точкой всей современной итальянской литературы международного права.

Что же разумеют под национальностью те писатели, которые видят в ней основание современной международной системы? Наиболее удачное определение народности принадлежит итальянскому ученому Манчини. Под нацией он понимает естественное общество людей, которое, вследствие общности территории, происхождения, нравов и языка, сплотилось единством жизни и проникнуто социальным сознанием. Это социальное сознание заставляет современные народы стремиться к образованию из себя отдельных национальных политических

организмов, которые, по мнению сторонников идеи национальности, совмещают в себе все условия, необходимые для установления прочного международного порядка. Новейшая история европейских государств, - доказывают националисты, - подтверждает стремление народов к свободе и независимости. Они указывают, что восстание Греков возникло благодаря сознанию греческим народом общности своего племенного происхождения, языка, религии и нравов. На том же основании Бельгия отделилась от Голландии; Италия соединилась в одно королевство; наконец, германский народ уничтожил свое политическое разделение, созданное Венским трактатом, и организовался в единую империю.

Отсюда видно, что защитники национальной идеи противопоставляют национальное государство государству, сложившемуся исторически и обнимающему собой различные народности. Противоположение это будет совершенно понятно, если иметь в виду те способы, которыми увеличивались или уменьшались государственные владения в период неограниченного королевского самодержавия. Идея национальности явилась протестом против произвольного распоряжения судьбой данного народа, против продажи государственной территории вместе с ее населением, отдачи ее в приданое и других подобных сделок, обыкновенных в прежнее время. Она оправдывается также требованием, которое справедливо может быть предъявлено каждому современному государству, чтобы оно относилось с полным уважением к национальным элементам, к тем естественным народностям, которые существуют в его пределах. Чем менее эти народности будут находить удовлетворения своих законных потребностей в данном государстве, тем сильнее будут стремиться к освобождению из под его власти и образованию самостоятельного государства или соединению с тем государством, которое родственно ему по национальному составу и понимает разумное свое назначение. Но такую притягательную силу одноплеменное государство будет иметь настолько, насколько оно своим внутренним общественным строем и культурным состоянием дает ручательства в свободном развитии человеческой личности и в полном уважении к идеалам, сознанным цивилизованными народами.

Нисколько не отрицая влияния на международные отношения национальных связей и соглашаясь с обязанностью каждого правительства уважать права и интересы всех своих подданных, какого бы национального происхождения они ни были и на каком бы языке они ни говорили, мы все-таки не можем присоединиться к тому взгляду, что национальный состав государств служит обеспечением порядка и права в области международных отношений. Не говоря уже о том, что осуществление принципа национальности должно повести к радикальному изменению политической карты Европы и, следовательно, неминуемо вызовет международные войны, мы не имеем никакого ручательства, что сложившиеся "национальные государства" будут проникнуты не только сознанием внутреннего единства, но и уважением к юридическому порядку в области своих взаимных отношений, что они будут признавать обоюдные права и обязанности. Видеть в принципе национальности панацею для разрешения всех международных затруднений нам кажется настолько же неосновательным, насколько опасным убеждение в исключительном его превосходстве над всеми руководящими идеями нашего времени. Принцип национальности, будучи лишен исторической почвы, ничего прочного не создаст, но разрушить он в состоянии очень многое. Если он был приложен к Италии, то из этого никак не следует, что он везде приложим с пользой для народов и с уважением к неотменимым требованиям правды и справедливости.

Международная сила общности племенного происхождения всегда пропорциональна силе солидарности общих культурных стремлений. Никакие жертвы, принесенные в пользу единоплеменников, никакие исторические предания, никакие справедливые обвинения в неблагодарности не в состоянии прочно

связывать одноплеменные народы, если их в то же время не соединяют ни одинаковые культурные интересы, ни одинаковые государственные идеалы, ни одинаковое понимание политической свободы, ни вообще одинаковое уважение к высшим благам человеческой цивилизации.

IV. Развитие науки международного права

§ 34. Наука международного права и ее развитие тесно связаны с международной жизнью, с теми реальными отношениями, которые существуют в различные эпохи между государствами. Связь эта объясняется, с одной стороны, неизбежным влиянием, которое оказывают окружающая обстановка, фактически сложившиеся международные отношения на понятия и взгляды писателей, посвятивших свои труды международному праву, с другой стороны, воздействием теоретических воззрений этих писателей на взгляды и деятельность правительств.

На этом основании большинство писателей, излагая международные отношения в известную эпоху, рядом с ними приводят учения юристов, которые в то время жили. Мы не придерживались этой системы, желая дать возможность проследить тот путь, которым шло органическое развитие теории международного права. Но мы не упускаем из вида зависимости этой последней от практики международных сношений. В вышеизложенном очерке истории международных отношений следует видеть канву для исторического развития науки международного права.

С этой точки зрения, различные эпохи теоретической обработки международного права могут быть разделены на три периода, существенно отличающиеся друг от друга своим направлением.

Первый период обнимает то время, когда только что зародившаяся наука международного права отыскивала начальные основания для своих положений. Ее создатель и первые представители не находили другого масштаба, определяющего отношения между государствами, кроме абстрактной природы, существа государства. Взаимные права и обязанности государств являлись логическими выводами из этой природы; международное право было естественным правом.

Во втором периоде юристы убедились в бесплодности попыток установить какие-либо правила, обязательные для государств, путем философской абстракции. Отказавшись от естественного права, они обратились к изучению реальных отношений, в которых находились государства друг к другу, и отсюда выводили нормы, законы, действительно соблюдаемые в международной практике. Наука международного права получила чисто позитивный характер, исключавший совершенно критическое отношение к фактам и явлениям международной жизни.

Новое направление, развившееся в третьем периоде, отвергло крайности обеих предшествующих школ. Не считая возможным основывать свои учения на отвлеченных началах, стоящих в противоречии с действительностью, оно вместе с тем не придавало исключительного значения истории, преданию и существующей практике, которое приписывали им позитивисты. Напротив, последователи этого направления исходят из фактов, положительных данных, но признают за собой свободу самостоятельной их оценки, научной группировки и критики с точки зрения общих принципов. Таким образом они соединяют начала естественного права с началами права положительного. К этой школе принадлежат лучшие современные представители науки международного права.

Указанные три главные направления в научной обработке международного права вполне соответствуют тем периодам, на которые мы разделили историю международных отношений.

В первом периоде, как мы видели, отношения народов определялись физической силой, которая указывала границу взаимных их прав. Выводя права государства из его природы, представители естественного права логически пришли к тому же началу силы, как основанию взаимных отношений государств. Они учили, что наиболее могущественное государство имеет и наиболее прав. Но подобно тому как неограниченное господство грубой силы смягчалось в первом периоде международных сношений авторитетом церкви, так точно естественное право настаивало на ограничении абсолютных прав государства во имя религии, совести и чести.

Такое же соответствие между наукой и жизнью замечается во втором периоде развития международных отношений. В эту эпоху политическая система Европы зиждется на равновесии государств, согласно которому фактические отношения, раз установившиеся между государствами, не должны подвергаться ни малейшему изменению, нарушающему *status quo*. Приверженцы позитивного направления также имеют в виду только фактические взаимные отношения государств и не допускают никакой критики, которая могла бы поколебать начала, применяемые на практике и освященные историей.

Наконец, в третьем периоде рядом с принципом легитимитета, восторжествовавшим на Венском конгрессе, получает силу идея национальности. Таким образом, одновременно действуют два начала, из которых одно требует признания совершившихся фактов и исторически образовавшихся государств, а другое - уважения к естественным народностям во имя высших принципов свободы и независимости. Со своей стороны, представители науки международного права в новейшее время стараются выяснить положительные юридические начала, которыми должны руководствоваться государства во взаимных сношениях, принимая в расчет не только историю, фактические обстоятельства, реальные жизненные условия, но также требования научной истины и развивающегося правосознания образованного мира.

А. Период господства естественного права

§ 35. В нижеследующем кратком очерке истории науки международного права мы изложим в общих чертах учения и систему главнейших представителей каждого из трех направлений, в которых она развивалась, и сделаем критическую их оценку*(61).

Отцом науки международного права справедливо считается замечательный голландский юрист и государственный деятель Гуго Гроций (1583-1645 гг.). Однако этот знаменитый писатель имел предшественников, в трудах которых уже проглядывает сознание о необходимости определить международные отношения юридическим образом.

К числу юристов, ранее Гроция пытавшихся создать теорию международного права, принадлежит испанский писатель конца XVI и начала XVII столетия Франциско Суарец. В своем сочинении "De legibus ac Deo legislature" он различает право народов (*jus gentium*) от естественного права (*jus naturale*). По его мнению, христианские государства должны определять взаимные отношения трактатами и обычаями, совокупность которых составляет право, отличное от *jus naturale*. Мысли эти не были им развиты подробно и не получили ясного и точного выражения.

Гораздо выше его стоит Альберико Джентили (Alberico Gentile), итальянец, умерший в Англии в 1611 г. Ему принадлежит сочинение "De jure belli" (1583 г.), в котором он выставляет требование, чтобы государства определяли свои взаимные отношения не фактически существующими правилами и не соображениями

политики, но известными юридическими нормами, которые должны быть признаны всеми европейскими народами.

Самостоятельной юридической наукой международное право сделалось только со времени появления книги Гроция "De jure belli ac pacis" (1625 г.)*(62). На составление своего труда Гроций был вызван ужасами и бедствиями, которые породила Тридцатилетняя война. Они побудили Гроция задаться вопросом: не должны ли христианские народы, во время войны между собой, подчиняться известным законам, сдерживающим животные страсти людей? Для разрешения этого вопроса автор обратился к истории и литературе различных народов древнего мира и средних веков. Собранные им огромное количество фактов и мнений авторитетных мыслителей и юристов утвердило его в том убеждении, что если христианские народы имеют право вести войну, то вместе с тем обязаны ограничивать свой произвол и насилия уважением неотъемлемых прав, которые вытекают из человеческой природы.

Сочинение Гроция посвящено преимущественно вопросам войны. Но с целью точнее выяснить эти вопросы он входит в ближайшее рассмотрение начал, на которых основывается право вообще и в особенности международное право.

Гуго Гроций настаивает на сознании каждым государством своих юридических обязанностей в отношении других рядом существующих государств. Подобно тому, говорит он, как право отдельного государства имеет целью охрану благосостояния его подданных, так точно существует право, которое имеет предметом благо государств вообще и определяет взаимные их отношения. Это и есть международное право. Оно не только оправдывается пользой государств, но и вытекает из несомненных предписаний справедливости.

Но теоретическое обоснование международного права представляется у Гроция весьма казуистическим. Он разделяет все право на естественное (*jus naturale*) и положительное (*jus voluntarium*); последнее подразделяется на человеческое право (*jus humanum*) и божественное (*jus divinum*). Человеческое право составляет право гражданское (*jus civile*) и право международное (*jus gentium*). Обязательная сила этого последнего опирается на согласие воли всех или нескольких народов. В пользу существования юридических норм, обязательных для государств в их взаимных сношениях, Гроций приводил следующее соображение: если, говорит он, многие лица, живущие в разных местах и в разное время, сходятся в своих мнениях насчет известного предмета, то их единогласие надо приписать всеобщей причине: оно может вытекать или из соответствия законам природы, или же из всеобщего соглашения людей. Первое служит источником естественного права, второе - права международного.

Таким образом, согласно мнению Гроция, предписания международного права должны быть выводимы из обычаев и договоров международных, в которых выражается согласие народов. Но в его время не существовало таких договоров между государствами, которые могли бы считаться общеобязательными; затем, он намеренно оставил в стороне современную ему международную жизнь и политику, критическое отношение к которым могло бы навлечь на него гонения. Поэтому Гроций должен был ограничиваться только выражением желания, чтобы международное право, имея своими источниками договоры и обычаи, было в истинном смысле положительным правом. В действительности же начала международного права, им излагаемые, подтверждаются доказательствами, заимствованными из истории и литературы прошлых времен. Его книга изобилует ссылками на еврейских, греческих и латинских авторов. Но понятно само собой, что положительное международное право XVII в. нельзя было основать ни на изречениях мыслителей, ораторов и поэтов, как бы они ни были остроумны и глубокомысленны, ни на практике древнего мира и средних веков. Придерживаясь

своей методы, Гроций сам себя осудил на философские, абстрактные рассуждения, в которых, правда, выступают самым рельефным образом благородные и гуманные чувства автора, но которые не в состоянии были раскрыть положительные элементы международного права.

Что касается, системы, которой следует Гуго Гроций в своем сочинении, то едва ли можно говорить о ней, как о системе международного права. Разнообразнейшие вопросы, им затронутые, рассматриваются им исключительно по отношению к праву войны; война вызвала его труд, и ею обуславливаются порядок и существо его аргументации.

Но несмотря на все недостатки, сочинение Гроция оказало поистине изумительное влияние на современную ему жизнь. Густав Адольф всегда имел его при себе в своих походах, вместе с Евангелием, которое служило ему руководством. По изданию этого труда, в различных германских университетах были учреждены кафедры для его изучения. Наконец, книга Гроция была родоначальницей тех двух направлений - философского и позитивного, в которых развивалась наука международного права после него.

Первоначально получило преобладание абстрактное направление. Оно исходило из фикции, развиваемой Гроцием, что человеческой природе присущ определенный естественный закон, источник которого заключается в разумном существе вещей и который поэтому обязателен сам по себе, независимо ни от каких утилитарных соображений или предписаний власти. В этом направлении, носящем название естественного права, нельзя не видеть духовного стремления лучших людей XVII и XVIII столетий противопоставить материалистическим интересам, господствовавшим в политике того времени, требования нравственной природы и справедливости. Чем более произвол и насилие царили в международных отношениях, тем настойчивее юристы провозглашали обязанность государств уважать право, вытекающее из разумной их природы и обязательное помимо всяких положительных узаконений и договоров.

Первым замечательным последователем Гроция в абстрактном понимании международного права был Пуффендорф. Он довел это направление до крайности. Отрицая самую возможность существования положительного международного права, так как государства не признают никакой высшей над собой власти, Пуффендорф отождествил международное право с естественным (*praescripta utriusque eadem sunt*). Нарушение же последнего, особенно во время войны, нельзя считать нарушением каких-либо юридических обязанностей. Поэтому отношения между государствами в действительности регулируются не правом, а силой.

В этом отношении Пуффендорф сходилась со взглядами других представителей естественного права. Так, Гоббс учил, что отношения между государствами ничем не отличаются от первоначального или естественного состояния людей, когда *homo homini lupus est*. По теории Спинозы, всякий имеет настолько права, насколько силы; следовательно, и в международных отношениях сильные государства имеют больше прав, нежели слабые.

Идеи Пуффендорфа развивал его ученик Томазий.

Согласно с мнением своего учителя, он также признавал международное право частью естественного права, примененного к государствам или народам. По его учению, трактаты и обычаи международные не могут быть равносильны закону, потому что последний предполагает верховную власть, которой нет над народами. Следовательно, излагая международное право, он, собственно, оспаривал его существование.

Начиная с XIII столетия, естественное право, оставаясь все еще господствующим направлением в науке, мало-помалу воспринимает в себя начала положительного права. Международная практика находит уже некоторое внимание в

труде Вольфа, одного из видных представителей теории естественного права. Вольф применил к изложению международного права свой математический метод, которым он исследовал все вообще этические и юридические вопросы. Конечно, не этим путем можно было выяснить основные начала международного права; но благодаря этому методу, Вольф не оставил в стороне реальные факты и исторический опыт.

Вольф делит международное право на четыре вида: 1) естественное право (*jus gentium naturale*); 2) положительное право (*j. g. voluntarium*); 3) договорное право (*j. g. pactitium*) и 4) право обычное (*j. g. consuetudinarium*). Естественное право он считает возможным применить к государствам, но не смешивает его с тем естественным правом, которое определяет отношения между отдельными лицами: субъекты того и другого различны, потому неодинаковы и их права и обязанности. Еще более он отступает от господствующих воззрений естественно-правовой школы в учении о положительном международном праве. Обязательную силу его он основывает на предполагаемом согласии народов (*consensus gentium praesumptus*). Вольф делает, так сказать, осязательным это согласие фикцией всемирного государства (*civitas gentium maxima*). Если назначение жизни каждого человека, говорит Вольф, заключается в усовершенствовании своей нравственной личности, если для этой же цели образуются государства, то ради достижения полного совершенства государства должны необходимо вступить в международные отношения; они должны составить одну всемирную республику, в которой всем им вместе принадлежит верховная власть (*imperium*) над каждым отдельным государством. Из цели этой республики вытекает как собственное ее оправдание, так и обязательность действующего в ней положительного международного права. В отличие от этого последнего, международное договорное право предполагает явное согласие народов (*consensus expressus*) и основывается на договорах между государствами, которые обязательны только для заключивших их сторон. Наконец, обычное международное право имеет своим источником безмолвное согласие народов (*consensus tacitus*).

Таким образом, выработанная Вольфом теория международного права не ограничивается одними отвлеченными началами естественного права, но включает в себя положительные элементы, обычаи и договоры. Система ее показывает, что автор старался прийти к органическому, чисто научному изложению международного права. Но, вместе с тем, учение Вольфа изобилует промахами и коренными погрешностями. Прежде всего, схоластическое разделение права, им установленное, совершенно бесполезно для теоретического обоснования международного права; притом он не дает никакой возможности провести различие между положительным международным правом, основанном на предполагаемом согласии народов, и международным правом обычным, основание которого безмолвное, т.е. также предполагаемое согласие народов. Главный же недостаток теории Вольфа заключается в фикции об универсальном государстве, которое должно обеспечивать соблюдение положительного международного права. Эта фикция противоречит самому существу международных отношений, потому что с подчинением отдельных государств общей верховной власти уничтожится их независимость: самостоятельные государства войдут в состав федерации, в пределах которой будет действовать уже не международное право, но союзный государственный закон. Наконец, к недостаткам сочинения Вольфа надо отнести крайне тяжелый латинский язык, которым оно написано, растянутость рассуждений и убийственный математический метод, которому неуклонно следовал автор.

Недостатки труда Вольфа думал исправить швейцарец Ваттель*(63). Признавая вообще истинными начала и выводы своего предшественника, он задался целью сделать их, по языку и методу изложения, общепонятными. Эта цель

была вполне им достигнута. Написанное на изящном французском языке и свободное от схоластических рассуждений, сочинение Ваттеля имело огромный успех и до настоящего времени остается авторитетом в глазах дипломатов.

Сам Ваттель считает свой труд только переработкой сочинения Вольфа. Однако было бы несправедливо отказать ему во всякой самостоятельности. Если в большинстве вопросов он только развивает мысли своего учителя, то не присоединяется безусловно ко всем положениям, им выставленным. Между прочим, Ваттель отбросил Вольфову фикцию о всемирном государстве, как несогласную с основным условием международного порядка и права - самостоятельностью отдельных государств. Он создал свою теорию, оправдывающую обязательность положительного международного права. Всякий общественный союз людей, по его учению, основывается на соглашении, договоре входящих в него членов и, с их согласия, может быть изменен или даже вовсе уничтожен. То же самое относится к обществу народов: оно возникает из соглашения государств, сохраняющих полную свою свободу и независимость. Соглашение это служит источником положительного международного права (*droit des gens volontaire*). Но Ваттель, подобно Вольфу, признает существование естественного международного права, которое обязательно само по себе, независимо от воли народов: оно есть необходимое и неизменяемое право, потому что является лишь применением к отношениям между государствами естественного права, основанного на природе человека. Следовательно, Ваттель не различает естественного права от международного; с другой стороны, не видно, чем отличает он естественное международное право от положительного, так как последнее, по мнению Ваттеля, тоже вытекает из природы и, следовательно, есть опять необходимое и неизменяемое право.

Отсутствие твердых принципов и постоянные противоречия составляют существенный недостаток труда Ваттеля. Кроме того, он посвящает значительную часть своей книги рассуждениям, вовсе не относящимся к международному праву. Но при рассмотрении отдельных вопросов у него можно встретить остроумные и дельные замечания, правильное толкование известных ему фактов из истории и современной практики и вообще человеколюбивые взгляды на взаимные отношения государств во время войны. Великая заслуга Ваттеля состоит в том, что он распространил в официальных сферах и в публике знакомство с началами международного права; с научной же точки зрения он не имеет никаких достоинств, которые оправдывали бы приписываемый ему в вопросах международного права авторитет, равный Гроцию и другим корифеям этой науки.

В. Период преобладания положительного направления

§ 36. Крайности естественно-философской школы вызвали реакцию со стороны тех юристов, которые признавали единственным источником международного права обычаи, трактаты и практику международных сношений. Писатели этого направления не только безусловно отрицали естественное право, но для них всякого рода теоретические обобщения и начала, предлагаемые в руководство государствам, казались оскорблением правительственной власти, действующей совершенно самостоятельно в области внешней политики.

Позитивное направление, дошедшее до своего апогея в XVIII столетии, имело замечательных представителей уже во второй половине XVII в. В 1650 г. английский юрист Зёч издал первый учебник международного права, во многих отношениях заслуживающий внимания. Он впервые употребил термин *jus inter gentes* вместо *jus gentium*.

Под международным правом Зёч понимает право, определяющее отношения

народов и монархов между собой, тогда как *jus gentium*, говорит он, есть не что иное, как естественное право, т.е. совокупность общих правовых норм, которые основываются на природе вещей и потому встречаются у всех народов. Он различает общее международное право и особенное. Первое вытекает из общего согласия народов; второе имеет основанием договоры, связывающие конкретные государства. Существование того и другого Зёч старается подтвердить историческими фактами и положительными данными из современной ему международной жизни, чем выгодно отличается от Гроция. Он стоит выше последнего и в том отношении, что рассматривает подробно различные вопросы международного права и излагает их систематически, в порядке, заимствованном из римского частного права. Но стремясь положить в основание своих выводов преимущественно эмпирические начала, Зёч не мог ограничиться современной практикой международных сношений, потому что факты из этой области тогда не предавались еще гласности, считаясь государственной тайной. Оставалось обратиться к истории древнего мира, в особенности к римскому праву, и Зёч серьезно доказывал, что фециальное право Римлян есть источник современного международного права.

К положительной школе принадлежит также другой юрист XVII в., Рахель, который вел полемику с Пуффендорфом, защищая самостоятельность международного права.

Рахель признает троякого рода право: частное право, которое определяет отношения отдельных частных лиц друг к другу; государственное право, определяющее отношения между гражданами и правительством; наконец, международное право, которое устанавливает нормы для отношений между государствами. Так как над самостоятельными народами нет высшей власти, то источником положений международного права служат международные обычаи и договоры, которые заключают государства. Следовательно, международное право есть право произвольное в том смысле, что основывается на явном или молчаливом согласии народов; поэтому оно не может и не должно быть смешиваемо с естественным правом, как делают это Пуффендорф и его последователи. Подобно Зёчу, Рахель делит международное право на общее и особенное (*jus gentium commune et j. gentium proprium*); первое признается всеми или, по крайней мере, большинством образованных народов и вытекает из международных обычаев; второе - обязательно для двух или нескольких государств, заключивших между собой трактаты. Наконец, верховную цель международного права Рахель видит в общей пользе всех государств, и в этом отношении он может считаться предшественником Бентама и других, особенно английских, писателей, которые провозглашают интерес, материальную пользу народов главным основанием международного права.

Немаловажная заслуга Рахеля заключалась в том, что он боролся с отрицателями положительного международного права и доказывал своим трудом, что оно может быть основано на практике и данных истории. Мнения его были приняты и нашли последователей в лице Лейбница, Текстора и других мыслителей и юристов. Но Рахель, как и Зёч, не был свободен от влияния римского права, и хотя отличает международное право от *jus gentium* в смысле Римлян, но не настолько уяснил различие между ними, чтобы не смешивать оба.

Первоначальные попытки доказать самостоятельность международного права и установить его на твердых положительных данных были затруднены недостатком тех материалов, которые должны служить ему источниками. Пока международные трактаты и дипломатические переговоры не обнародовались во всеобщее сведение, положительное международное право не имело реальной почвы и его научная обработка не могла быть предпринята успешным образом. Факты из области

внешних сношений государств сделались более или менее общедоступными не ранее Вестфальского конгресса. С этого времени правительства считают полезным обращаться, путем печати, к общественному мнению своих и чужих народов и для доказательства справедливости своих притязаний и политических мер издают на французском языке всевозможного рода документы, записки, донесения, оправдания и обвинения своих противников. Благодаря в то же время развитию периодических органов печати, газет и журналов, обсуждающих политические вопросы, все более выясняются принципы, которым следуют государства в международных сношениях. Наконец, в XVII в. входит в обычай издавать мемуары, в которых государственные люди и дипломаты подробно описывают свою деятельность, ход и цель международных переговоров, в которых они участвовали или о которых имели сведения. Но главным источником для познания руководящих начал политики и современного положения международных дел были, конечно, трактаты и конвенции, которые обнародовались официально и издавались, в виде сборников, различными писателями*(64). Таким образом, накапливался драгоценный материал, из которого можно было почерпнуть положительные юридические начала, составляющие международное право.

Теперь представители позитивного направления имели твердую точку опоры для построения науки международного права на началах практики и договоров. Действительно, в XVIII столетии появляется ряд писателей, посвящающих свои силы выяснению этих начал. Но предпринятая ими разработка материала положительного международного права отличалась крайней ненаучностью; она состояла почти исключительно в собирании и констатировании фактов, без критической их оценки и вывода каких-либо заключений, достойных названия принципов международного права.

В таком духе писал Мабли. В своем сочинении о европейском международном праве он приводит массу разнообразнейших документов, относящихся к международным сношениям; но факты из этой области и постановления трактатов, составляющие все содержание его труда, не приведены им в систему и не освещены научными обобщениями и критикой.

Наиболее типичным представителем чисто позитивного направления был немецкий ученый Иоган-Якоб Мозер.

В своих многочисленных сочинениях Мозер неизменно верен принятому им методу - не заниматься "философствованием" и не входить в критическое рассмотрение совершившихся событий и правительственных актов. "Суждения частных лиц о государственных и международных делах, - говорит Мозер, - надо признать бесполезными и часто неприличными". Согласно этому, он ограничился в своих трудах, посвященных международному праву, добросовестным занесением всех известных ему фактов и договоров, заключенных между государствами, и выводом из них самых несложных заключений; нет у него ни малейшей попытки обобщить и развить далее эти заключения и связать их с какими-либо теоретическими соображениями. Его система представляет смешение начал международного права с принципами государственного права. Единственная заслуга Мозера состояла в накоплении изумительного количества материала для изучения международного права, который он почерпал не только из официальных актов, но и из периодической печати своего времени.

В лице Мозера положительное направление достигло крайних своих пределов и должно было убедить позитивистов в несостоятельности принятого ими метода. Задача дальнейшего развития науки международного права, очевидно, заключалась в органическом соединении положительного направления с философским. Уже пытался разрешить эту задачу знаменитый голландский юрист Бейнкерсгук. Он не оставил после себя цельной системы международного права, но при рассмотрении

разных частных вопросов он указывает на тот научный метод, которому должны следовать писатели по международному праву.

В самом разделении источников международного права Бейнкерсгук является несомненным предтечей нового, чисто научного направления в этой отрасли правоведения. Он считает главными основаниями международного права: во-первых, обычаи (*usus*) и нравы (*mores majorum*), во-вторых, согласие народов (*consensus populorum*), которое выражается как в нравах и обычаях, так и в международных трактатах. Все эти положительные основания международного права подтверждаются у него весьма удачно обобщениями исторических фактов и современных данных. Но Бейнкерсгук не ограничивается приемами позитивной школы; он выясняет также значение философского анализа, орудием которого служит разум (*ratio*), основывающийся на самой природе вещей. Разум должен быть естественным пособием при исследовании вопросов международного права: "*Ratio, ipsa, inquam, ratio juris gentium est aima*". Бейнкерсгук наметил тот путь, которого придерживаются современные представители науки международного права.

С. Период соединения философских начал с положительными элементами международного права

§ 37. Если абстрактное или естественно-философское направление лишило науку международного права реальной силы и кредита в глазах государственных людей, то, как мы видели, школа позитивистов впала в противоположную крайность: она обратила науку в прислужницу практики, в защитницу всех ее недостатков и злоупотреблений. Авторитет науки мог быть возвышен не иначе, как примирительным соединением того и другого метода, правильным соотношением данных опыта и философского умозрения. Таково направление третьего, современного нам, периода развития науки международного права.

Родоначальником нового, истинно научного метода исследования вопросов международного права был известный Георг-Фридрих фон-Мартенс, профессор Геттингенского университета, впоследствии представитель Ганноверского правительства при союзном сейме во Франкфурте-на-Майне. Мартенс считал бесполезными отвлеченные рассуждения о вопросах международного права, но восставал и против механического собирания фактов международной жизни, без вывода из них общих руководящих начал.

Ему казалось, что наука международного права только тогда станет на высоту своего призвания, когда путем отвлечения и критики выяснит, на основании международных обычаев, трактатов и исторических примеров, те юридические нормы, которыми современные ему государства действительно могут и должны определять взаимные свои отношения.

Мартенс признает существование положительного международного права, основываясь, согласно своему методу, на анализах многочисленных трактатов, международных обычаев, общего правосознания цивилизованных народов, доказывающих несомненно фактическое согласие народов и правительств насчет общих условий правомерной международной жизни. Нельзя не удивляться тому остроумию и учености, с которыми он, из массы исторических фактов всех стран и времен, выводит общее заключение, что международная жизнь не есть область господства произвола, но что, напротив, государства признают определенные взаимные права и обязанности, при соблюдении которых только и возможно правильное ее течение.

Своим исследованиям и выводам Мартенс придает вполне научную форму в одной стройной системе, которая превосходит системы многих современных

корифеев науки международного права. Он начинает изложение положительного международного права с учения об его субъектах, которыми являются европейские цивилизованные государства, затем переходит к рассмотрению средств приобретения международных прав и определяет права государств относительно территории и отношения между ними по обязательствам, возникающим из договоров; война же рассматривается им, как средство для разрешения международных столкновений. Наконец, огромное собрание трактатов, изданное Мартенсом, и основательная разработка некоторых специальных вопросов международного права дали ему одно из самых почетных мест в ряду авторитетных писателей по международному праву.

Однако ни труды, ни направление Мартенса не свободны от ошибок и односторонности. Так, во-первых, он имеет совершенно превратное мнение о существе философского международного права, говоря, что оно есть только применение естественного права, определяющего отношения между индивидами, к отношениям государств друг к другу. Затем, во всех сочинениях Мартенса замечается недостаток самостоятельной критики и, напротив, излишнее пристрастие к фактам. Он мало осмыслил и обобщил собранные им положительные исторические данные и дал им значительное преобладание над умозрением.

В течение первой половины настоящего столетия направление, которого придерживался Мартенс, было вообще господствующим в науке международного права. Особенно страдают недостатком критического отношения к источникам положительного международного права труды английских и американских юристов. Все внимание этих писателей устремлено на то, чтобы доказать, что то или другое защищаемое ими правило или учреждение существует издавна, и кроме того, опирается на согласные мнения авторитетов. Соответствует ли оно требованиям современной международной жизни и законам ее развития - об этом у них не возникает даже вопроса. Вместе с тем писатели англо-американской школы не отличаются объективностью исследования начал международного права: политические и патриотические соображения очень часто затемняют их взгляды и ставят их в оппозицию к гуманным и прогрессивным стремлениям юристов континентальной Европы.

Видное место в ряду замечательных представителей этой школы занимает североамериканский дипломат и юрист Уитон.

Под положительным международным правом он понимает совокупность юридических правил, выведенных из природы международного общества и необходимых для определения взаимных отношений государств, с теми ограничениями и изменениями их, которые введены обычаем или всеобщим согласием. Отсюда видно, что Уитон не замыкает свое исследование в узкую сферу договоров и практики сношений государств, но принимает в соображение "природу международного общества" (*nature of society*), которую нельзя раскрыть без уяснения сущности международных отношений. Однако, как и у Мартенса, у него нет точного разграничения философского и положительного международного права. Подобно своему предшественнику, он также дает перевес фактам над идеями, не отличаясь ни глубиной мысли, ни логичностью выводов. Но метод Уитона оригинален в том отношении, что он обыкновенно сперва выставляет какие-либо философские начала, общие положения, а затем сопровождает их подобранными фактами и обычаями международной жизни, их подтверждающими. Очевидно, что этим путем никак невозможно выяснить существо положительного международного права, потому что отвлеченные начала, выставляемые Уитоном, суть *petitiones principii*, предполагают доказанным то, что еще требуется доказать.

Несравненно выше стоит труд современного английского ученого Филлимора: "Комментарии международного права". Здесь охвачена вся область международного

права, видно основательное знакомство с континентальной литературой и континентальными международными отношениями, что не всегда можно найти в сочинениях других английских юристов; наконец, Филлимор обратил внимание на такие вопросы международного права, которые не изучались его предшественниками, например, на отношения римской курии к католическим государствам.

Весь его труд разделяется на два главных отдела: первые три тома имеют содержанием правовые отношения между государствами, нарушение которых служит законным поводом к требованию удовлетворения тем или другим способом, или к начатию военных действий. Здесь рассматриваются права государств, как субъектов международных отношений, объекты международного права, право войны и нейтралитета (публичное международное право). В IV томе излагается международное частное и уголовное право, нарушение которого, как полагает Филлимор, не дает законного основания объявить войну. Из отдельных вопросов английский юрист весьма подробно останавливается на учении об источниках международного права и, между прочим, признает обязательными положения, выведенные из самой природы международных отношений. Но он придает особенно важное значение римскому праву, называя его "written reason" - писанным разумом - и наилучшим пособием для приобретения точных и полных познаний о международном праве. Нельзя не видеть в подобном понимании римского права, которое не знало международных отношений, коренную ошибку Филлимора, невыгодно отразившуюся на всем его труде. Несостоятельно также и его разделение международного права на указанные два отдела, потому что вся область частноправовых международных отношений находится под такой же гарантией правительств, как и непосредственные отношения между государствами. Эти недостатки не умаляют, однако, высокого научного значения труда Филлимора, остающегося до сих пор одним из наиболее чтимых авторитетов науки международного права.

§ 38. Наука международного права нашла талантливых и трудолюбивых разработчиков в немецких ученых, и их исследованиям она значительно обязана своим развитием. В противоположность англо-американским юристам, германская литература первой половины прошлого века стремилась придать философский характер изучению положительного международного права. В Германии возникла философия международного права, как часть философии права вообще. Кант, Фихте и Гегель сделали международное право отделом своих философских систем, развивая его понятия из усвоенных ими высших философских принципов. Другие же немецкие ученые занялись философской его обработкой, т.е. подвергли всестороннему исследованию фактические международные отношения и на этом основании пытались создать одну органически цельную систему положительного международного права.

Из последователей первой методы замечательны: Фаллати, Гельшнер и Лоренц фон Штейн. Лучшими представителями второго направления являются: Оппенгейм, Гефтер и Блюнчли. Мы ограничимся кратким указанием на достоинства и недостатки трудов по международному праву трех последних писателей.

Оппенгейм желал изложить систему международного права, но в своем сочинении касается далеко не всех вопросов международного права; принятая им система отличается, однако, несложностью и заслуживает внимания; но успеху труда много вредят политические рассуждения автора о современной ему международной практике, совершенно неуместные в ученом трактате.

Большую и вполне заслуженную известностью пользуется учебник Гефтера*(65). Немецкий ученый обработал юридически и с полным знанием дела огромный материал положительного международного права, показав вместе с тем

основательное знакомство с обширной литературой предмета. Но с системой автора нельзя согласиться.

Гефтер делит свой труд на три главные части: 1) международное право во время мира; 2) международное право во время войны и 3) формы международных сношений, в которой излагаются права и обязанности дипломатических представителей и меры охранения социальных интересов государств. Очевидно, что эта последняя часть целиком относится к мирному состоянию международной жизни и не должна быть излагаема особо. Кроме того, сопоставляя, как отдельные части международного права, право мира и право войны, автор дает повод думать, что война есть самостоятельный порядок юридических отношений между государствами, а не средство охранения международных прав, которым она является в действительности.

Что касается Блюнчли, то в своем сочинении: "Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса"*(66), он желал дать практическим деятелям в сфере международных сношений удобное для пользования руководство, формулировав, в виде сжатых положений, основные начала международного права и приводя под каждым из них мотивы, объясняющие эти положения. Блюнчли достиг своей цели: его кодифицированное руководство сделалось общеизвестно и весьма содействовало распространению знакомства с международным правом. Труд этого симпатичного ученого (умершего в 1881 г.) проникнут в высшей степени просвещенным и гуманным взглядом на отношения между народами, но страдает тем недостатком, что в нем часто встречаются положения, формулирующие не начала действующего международного права, но *ria desideria* автора.

Литература международного права в Италии приняла в новейшее время обширные размеры. Исходной точкой ее учений является преимущественно принцип национальности, который, как мы видели выше, провозглашается лучшими итальянскими юристами - Манчини, Пьерантони, Люиджи Пальма и др., как верховное начало нового европейского международного права. Однако идея национальности, ложная в том значении, которое придают ей названные писатели, нашла противников среди самих итальянских ученых, в лице Мамиани и особенно Паделетти, которые противопоставляют ей принцип самостоятельности и независимости государств, как субъектов международного права. Как бы ни было, итальянская литература по международному праву стремится стать на высоту современных научных требований и чутко относится ко всем вопросам, возникающим в международной жизни.

В литературе французской, богатой монографическими трудами по различным вопросам международного права, до последнего времени не было попыток систематического изложения этой науки. Этот пробел думали восполнить, в 1877 г., два французских ученых: Функ-Брентано и Сорель, издав краткий учебник по международному праву.

Но их опыт нельзя назвать удачным: они скорее дали ряд публицистических этюдов о международном праве во время мира и войны, нежели научное изложение начал положительного международного права.

Наконец, в последнее время получил большое распространение труд южноамериканского юриста и дипломата Кальво. Этот труд отличается богатством приводимых им фактов из области международных отношений европейских и американских государств, но недостаточно обобщает эти факты и еще менее относится к ним критически с точки зрения общих руководящих принципов права: практике политической дано слишком много места в ущерб самостоятельной теоретической обработке предмета. Совершенно особенного внимания заслуживает по глубине мыслей, огромной учености и замечательной ясности изложения труд

известного швейцарского юриста Альфонса Ривье: "Принципы международного права" (1896 г.).

Русская литература очень бедна самостоятельными трудами, обнимающими всю систему международного права. Основные начала этой науки изложены в следующих сочинениях:

1) Д.И. Каченовского (профессора Харьковского университета) - "Курс международного права" (2 вып. 1863-1866); сочинение неоконченное, остановившееся на истории международных отношений в средние века.

2) А.Н. Стоянова (проф. Харьковского университета) - "Очерки истории и догматики международного права" (1875 г.) - изданы по запискам Д.И. Каченовского.

3) М. Капустина (бывшего профессора Московского университета и попечителя С.-Петербургского учебного округа) - "Обозрение предметов международного права", 1856 г. и "Международное право", конспект лекций, 1873 г., - первое значительно устарело, второе замечательно, как попытка самостоятельной систематизации всей науки международного права, но слишком кратко, чтобы служить руководством для ознакомления с предметом науки.

4) Бялэцкого (проф. Варшавского университета) - "О значении международного права и его материалов", 1872 г., - полезно для ознакомления с различными взглядами представителей иностранной литературы относительно международных трактатов, обычаев, распоряжений правительственных и других источников международного права.

5) Казанского. Учебник международного права публичного и гражданского (вместо литографированного издания лекций). Одесса, 1902. Автор обнаруживает большую начитанность, но его система изложения и научные выводы вызывают серьезные возражения.

V. Задача и цель науки современного международного права

§ 39. История международных отношений доказывает существование общих социальных и культурных интересов между цивилизованными народами и необходимость юридических норм, эти интересы регулирующих; историческое же развитие науки международного права приводит к убеждению, что система вырабатываемых ею правил только тогда окажет животворное воздействие на практику, когда будет основана на изучении фактических взаимных отношений, в которых находятся народы в данную эпоху под охраной созданного ими общего права. Исходя из этих данных, можно сказать, что задача науки современного международного права заключается в выяснении правосознания современных образованных народов, выражающегося в стремлении их обеспечить свои законные духовные и материальные интересы обменом услуг, взаимною помощью и согласием.

В действительности далеко не всегда разумные потребности народов являлись предметом международной политики; далеко не всегда они составляют содержание тех переговоров, юридических сделок, трактатов, которые совершаются между государствами. Но отсутствие понимания со стороны государственной власти насущных общественных и государственных нужд своего народа или недостаточное к ним уважение всегда приводит к тому результату, что международные обязательства, ею заключенные, скоро обнаруживают явную свою несостоятельность и подвергаются или изменению, или нарушению. Только те трактаты выдерживают натиск обстоятельств и служат развитию международных отношений, которые заключены государствами в сознании и ради удовлетворения права и для блага своих народов.

Точно так же и научная обработка международного права должна быть направлена не на создание искусственных систем, не имеющих почвы в настоящем или противоречащих солидарности интересов и стремлений современных образованных государств, но должна преследовать одну цель - установить, на основании данных отношений, такие начала международного порядка, которые были бы согласны с общностью культурных задач и вытекающею отсюда полною взаимностью прав и обязанностей цивилизованных народов. Такой порядок очевидно не может иметь своим верховным принципом суверенную независимость каждого отдельного государства, ибо это начало неминуемо приводит к господству и оправданию противных праву исключительных интересов в области международных отношений. В основу научной системы современного международного права должна быть положена идея международного общения, согласно которой каждое самостоятельное государство есть органическая часть единого целого, связанная с другими государствами общностью интересов и прав.

Рассматривая с указанной точки зрения современный международный порядок, наука международного права будет иметь своим предметом только положительные юридические нормы, которые выработались правосознанием современных образованных народов и которые нашли свое выражение в международных обычаях, трактатах и практике взаимных сношений государств. Личные воззрения того или другого ученого, как бы сами по себе они не были возвышенны, гуманны и достойны уважения, необходимо не смешивать с действующим международным правом. Но отделяя свои пожелания от начал и законов, усвоенных практикой, мы не исключаем критического отношения к существующему порядку. Только нельзя признать правильным масштаб для этой критики ни принцип политического равновесия, ни идею национальности, как начала, не дающие никакого основания для юридического определения взаимных отношений государств. Идея права представляется единственно возможным руководящим принципом при рассмотрении положительных начал международного права с точки зрения *de lege ferenda*. В научной системе не место политическим соображениям. Правовой принцип был принят со стороны самих государств за руководящее начало взаимных их отношений. Великие союзные державы, собранные на конгресс в Аахене, издали декларацию [3 (15) ноября 1818 г.], которая, между прочим, гласила, что "монархи, вступившие в союз, признают своею главною неременною обязанностью, во всех сношениях как между собой, так и с другими державами, следовать неуклонно указаниям международного права"***(67)**. Можно только сожалеть, что государства, провозгласившие это начало, не всегда находили нужным или возможным действительно им руководствоваться.

VI. Основные черты системы

§ 40. Каждая научная система должна удовлетворять двум главным требованиям: во-первых, она должна обнимать всю область подлежащих ее изучению вопросов, и во-вторых, привести последние в известный порядок, проникнутый одною общею идеей. Так как предметом науки международного права является совокупность жизненных отношений, существующих между современными образованными государствами, то ее система должна быть, очевидно, системой этих отношений, а не тех законов и начал, которые с течением времени выработались в международной жизни.

Большинство представителей науки международного права оставляет без внимания это существенное условие правильной систематизации международного права. Они основывают свою систему или на римском праве, или на случайных и

личных соображениях, не имеющих ничего общего с объективными основаниями науки. В сочинениях, посвященных общему очерку международных отношений и права, преобладает систематика, заимствованная из римского гражданского права. Применяя ее к международному праву, юристы желали, конечно, сообщить вполне юридический характер и придать большую определенность положениям своей науки, но на самом деле совершенно исказили смысл и самостоятельное значение межгосударственных отношений и права, к ним применяемого.

Система, которой мы намерены придерживаться, представляется в следующем виде.

Мы рассматриваем все вопросы международных отношений и науки международного права с точки зрения идеи международного общения. Она лежит в основании современного международного порядка и должна быть тем верховным принципом в науке международного права, который оправдывает и связывает все выставляемые ею положения. Установив на положительных данных это начало, мы изложим аналитически неотъемлемые права, которые принадлежат государствам, как членам международного общества, - в качестве субъектов международного права в их взаимных сношениях, - по отношению к их территориям, наконец, - как контрагентам, вступающим в международные обязательства. Все эти вопросы, как основные для международного права, составляют содержание общей части нашей системы.

В **особенной части** мы рассмотрим те реальные жизненные отношения, которые соединяют современные образованные народы и дают содержание международному управлению государств. К предметам международной администрации мы относим: во-первых, интересы как целых народов, так и различных общественных классов и отдельных лиц в области духовной жизни, религиозной, умственной и эстетической; во-вторых, международное управление в сфере физической жизни, экономической и хозяйственной деятельности государственной, общественной и индивидуальной; в-третьих, регулирование судебным порядком правоотношений гражданских и уголовных, имеющее целью охранение законных прав, принадлежащих государству и подданным в пределах чужих владений (международное частное и уголовное право). Наконец, в последнем отделе особенной части будут изложены право войны и право нейтралитета, определяющие законные средства, коими располагают государства для охранения своих интересов и прав, в качестве воюющих или нейтральных держав.

VII. Пространство действия международного права

§ 41. Современное международное право есть продукт культурной жизни и правосознания народов европейской цивилизации. Как показывает история международных отношений, общие социальные задачи, преследуемые народами во взаимных сношениях, и одинаковые усвоенные ими нравственные и правовые воззрения - эти необходимые условия международного юридического порядка - выработались первоначально в Европе и до сих пор существуют далеко не во всех государствах земного шара. Согласно с этим, пространство действия международного права ограничивается только теми народами, которые признают основные начала европейской культуры и достойны названия образованных народов*(68).

Своеобразные условия, социальные и государственные, в которых живут народы мусульманского исповедания, а также языческие и дикие племена, не дают никакой возможности применять международное право в сношениях с этими необразованными или полуобразованными народами. Международные отношения

покоятся на идее общения, которое немыслимо без солидарности интересов и общих стремлений, соединяющих народы. Между тем мусульманские земли управляются исключительно на основании Корана, который относится враждебно и нетерпимо ко всем иноверческим народам. Что касается варварских племен, то они не только не чувствуют потребности в международных сношениях, но обыкновенно не имеют даже твердой общественной организации и определенных территориальных границ. Нельзя, однако, сказать, чтобы фактически поддерживающиеся сношения между образованными и необразованными народами не подлежали вовсе определению права. Мы полагаем, что они должны подчиняться предписаниям естественного права, т.е. совокупности известных начал, вытекающих из нравственной природы и разума человека. Естественное право требует, чтобы данное слово честно исполнялось, чтобы жизнь, честь и собственность другого были уважаемы, чтобы дурные инстинкты уступали место благородным побуждениям: очевидно, что такое право, примененное к сношениям с необразованными народами, не предполагает ни солидарности интересов, ни сознания необходимости взаимных сношений и, следовательно, не тождественно с положительным международным правом. Но не подлежит сомнению, что цивилизованные государства должны подавать пример народам низшей культуры в добросовестном исполнении принятых на себя обязательств*(69).

Против исключения Турции и некоторых других азиатских государств из международного общения, существующего между европейски образованными народами, возражают, что последние не только ведут с этими государствами фактические сношения, но и заключают с ними трактаты мира, союза и торговли, что, наконец, Турция была торжественно признана на Парижском конгрессе 1856 г. полноправным членом семьи европейских народов (ст. VII Парижского трактата). Эти возражения только доказывают, что те, которые желают распространить международное право и на нецивилизованные государства, не сознают положительные основания современного международного порядка, зиждущегося на взаимности, и смешивают естественное право с положительным международным правом. Ссылка же на VII ст. Парижского договора не может считаться убедительной ввиду того, что великие державы, провозгласив равноправие Высокой Порты с другими европейскими правительствами, в то же время отклонили ее просьбу отменить консульскую юрисдикцию и капитуляции, действующие в Турции до настоящего времени и несогласные с внутренним верховенством, которое признается за каждым цивилизованным государством, членом международного общества. Юрисдикция консулов существует также в пределах Персии и Китая, так как и эти государства, подобно Оттоманской империи, не представляют всех гарантий, необходимых для действительного обеспечения интересов и прав иностранцев, в них пребывающих. Пока не произойдут существенные изменения в законах, политическом и общественном порядке, господствующих на Востоке, до тех пор означенные государства не будут в международных сношениях пользоваться правами, принадлежащими образованным народам*(70).

Настаивая на том положении, что субъектами современного международного права могут быть признаны только государства, приблизительно одинаково развитые в культурном и социальном отношении, мы не хотим этим сказать, что международное право основывается исключительно на христианских началах и обязательно только в отношениях между народами христианского вероисповедания. Нет, оно может быть признаваемо и соблюдается независимо от религиозных верований, господствующих в стране, но необходимо, чтобы причастный ему народ или руководящие им классы разделяли воззрения на разумные цели человеческого существования и назначения государства, выработанные вековой культурой цивилизованных европейских народов.

Мы не можем поэтому согласиться с мнением, которое выражает Блюнчли, что действие международного права не ограничивается одними европейскими цивилизованными народами, что область его - весь мир, что оно совпадает с правом всего человечества. Такой благородный и возвышенный космополитизм лишает международное право всякой положительной почвы и практического значения; он обращает международное право в ряд идеальных, но неосуществимых при современных условиях юридических норм. Как справедливо замечает Дж. Ст. Милль, применять европейское международное право к необразованным народам значит дурно понимать право, основанием которого служит взаимность, т.е. именно то практическое условие, которое заставляет цивилизованные государства относиться с уважением к их обоюдным правам и интересам и которое не находит места в сношениях с необразованными народами.

VIII. Отношения международного права к другим юридическим и политическим наукам

§ 42. Положение, которое занимает наука международного права среди других юридических и политических наук, определяется ее предметом, задачей и целью. Международное право служит выражением и санкцией общения, существующего между всеми сторонами индивидуальной жизни образованных народов. Соответственно этому наука международного права, при полной своей самостоятельности, связана органически с прочими отделами юриспруденции, имеющими своим предметом правовую частную, общественную и государственную жизнь.

I. Без всякого сомнения, международное право отличается по содержанию от гражданского и уголовного права. Но при современном развитии международных сношений, как гражданское, так и уголовное право находят свою высшую охрану в международном праве. Действительно, кодексы и уложения, определяющие частные правоотношения, недостаточны, чтобы гарантировать уважение к правам отдельных лиц и судебную их охрану за пределами данной страны. Для этого необходимо взаимное признание государствами обязательной силы иностранных законов в пределах своих территориальных границ. Таким образом, международное частное право является необходимым дополнением гражданского права каждого цивилизованного государства. Точно так же современные правительства вполне сознают, что юридический порядок внутри государства зависит в значительной степени от того уважения, которое находят действующие в нем уголовные законы со стороны других государств. Ради обеспечения внутреннего порядка и безопасности они вступают в соглашения о взаимной выдаче преступников и содействуют друг другу в раскрытии виновных и констатировании факта преступлений. Начала, сюда относящиеся, составляют предмет международного уголовного права.

II. В историческом очерке международных отношений мы старались указать на связь общественной жизни народов с характером международной их деятельности. Если международное общение и внутреннее родство народов основываются на общности социальных их элементов, то понятно, что отношение международного права к общественному праву самое близкое. Те внутренние законы, которые определяют социальное устройство, взаимные права и обязанности общественных классов и государства, очевидно должны оказывать влияние на право, обеспечивающее социальные интересы каждого народа в области международных сношений.

III. То же самое надо сказать о государственном праве. Внутренние государственные порядки всегда отражаются на порядке, существующем в

международных отношениях. Современное положительное международное право нельзя понять, не зная действующего государственного права образованных народов. С другой стороны, если разумная цель каждого государства заключается в установлении такого порядка внутри страны, который обеспечивал бы всестороннее развитие личных сил и способностей каждого подданного, то эта цель может быть достигнута только путем международных сношений, обменом услуг и взаимною помощью государств, как субъектов международного права.

IV. Рядом с международным правом обыкновенно ставят учение о внешних сношениях государств или политику. Предмет изучения международного права и внешней политики не одинаков: первое излагает те законы и юридические начала, которыми управляются международные отношения; вторая учит искусству удовлетворения наиболее целесообразными средствами международных интересов, созданных географическим положением, культурным строем или политической жизнью государства. Отсюда видно, в каком правильном отношении должна стоять внешняя политика к международному праву. Изыскивая надлежащие средства для достижения разумных целей государства в области международных сношений, политика должна прежде всего руководствоваться теми юридическими нормами, которые выставляет международное право, ибо несоблюдение их противоречило бы разумным интересам, ее преследуемым. Другими словами, международная политика должна быть правомерна, если она действительно желает удовлетворить не эгоистические и честолюбивые интересы, но законные потребности народа, ради которых существует само международное право.

V. Наконец, международное право не следует смешивать с дипломатией и правом дипломатии. Дипломатия существенно не отличается от внешней политики, и название ее указывает на то, что лица, посвящающие себя иностранной политике, должны основывать свою деятельность на изучении положительных данных международных трактатов (diploma, дипломов) - регулирующих взаимные отношения государств. Если же дипломатия и дипломатическое право сделались синонимами произвола и хитрости, то благодаря искажению простых и здравых понятий о цели международных сношений и задачах дипломатии, оправдываемых разумом и историей международного права.

IX. Источники международного права

§ 43. Независимые государства, образующие международный союз, не подчиняются верховной власти, которая определяла бы своими законами взаимные их отношения; они не подлежат и ответственности перед международным трибуналом за нарушенное ими международное право. Основанием юридических норм, определяющих международные отношения, служит единственно сознание цивилизованными государствами необходимости международного правового порядка и вытекающее отсюда добровольное согласие их на признание его обязательности.

Это сознание и согласие получают внешнее свое выражение (формулирование) в международных обычаях и трактатах, в дипломатических переговорах, в законодательстве, правительственных распоряжениях, наконец, в решениях судов. Насколько названные акты и обычные начала являются верным отражением правосознания государств, настолько они могут считаться источниками современного положительного международного права.

I. Международными обычаями называются те правила и порядки, которые устанавливаются в международных отношениях на основании постоянного и однообразного применения их к одинаковым по существу своим случаям. Как

нормы международных отношений, обычные начала имеют огромное практическое и юридическое значение.

Со стороны практической важное значение международных обычаев видно из того факта, что весьма многие основные институты и положения международного права не имеют иной охраны, кроме безмолвного согласия государств на их признание и соблюдение. Путем обычая возникло и утвердилось международное договорное и посланническое право. Затем права, которыми пользуются монархи и вообще представители верховной власти во время пребывания на чужой территории, равно как и этикет взаимных между ними сношений, точно так же выработались сами собою и сохраняют силу без всякой формальной санкции.

Морское международное право, начиная с правил о товароотправлении, морском страховании, об отношениях между шкипером и матросами и кончая правами центральной торговли, - все возникло в средние века, первоначально в виде обычаев, которые вошли затем в особые сборники и, наконец, сделались частью законодательства различных государств. Большинство юридических норм, составляющих право войны, до последнего времени не было формулировано ни международными соглашениями, ни государственным законодательством, оставаясь в виде обычаев. Наконец, в области международного частного права можно указать на чрезвычайно важное начало: *locus regit actum*, которое также основывается на силе обычая*(71).

С точки зрения права международные обычаи также имеют большое значение. Если обычаи, существующие в государстве, доказывают, что лица, которые им руководствуются, связаны друг с другом общностью нравственного и юридического миросозерцания и жизненных своих интересов, то то же самое надо сказать и о международных обычаях: признание и уважение их со стороны государств служит доказательством той взаимности интересов образованных наций и соединяющего их одинакового правосознания, на которых зиждется современное международное право.

Процесс же образования международных обычных норм уясняет нам самое существо международного права и высший источник обязательной его силы. В отличие от обычаев, действующих в частном и общественном быту народов и вырабатываемых темным инстинктом масс и непреложною силою обстоятельств, международные обычные правила устанавливаются более по расчету, на основании умозрения, сознательно. Часто те начала, которые мало-помалу утверждаются в международной практике в качестве обычного права, первоначально провозглашаются как разумный принцип международных отношений, каким-либо выдающимся юристом или замечательным политическим деятелем. Таким образом, возникновение международных обычаев вполне подтверждает выставленное нами выше положение, что сознание необходимости юридического порядка в области международных отношений есть истинный источник международного права.

II. Под международными договорами, в значении источников международного права, мы разумеем всякого рода обязательства, взаимно принимаемые на себя государствами, - выражены ли они в трактатах и конвенциях, или в нотах и декларациях. Такие соглашения государств представляют по преимуществу тот источник, изучение которого необходимо для полного уразумения существующих международных правовых отношений.

Международные договоры в этом смысле можно разделить на два главных рода: одни формулируют обязательные для государств юридические нормы, уважаемые на практике, как начала международного права; напротив, другие суть сделки между двумя или несколькими государствами о частных их интересах.

Признание начал международного права засвидетельствовано со стороны государств в ряде замечательных актов, имеющих силу законов для

международного общества. Сюда принадлежат: декларация Екатерины II о вооруженном нейтралитете и подтверждающая обязательность его принципов Парижская декларация 1856 г.; Женевская конвенция 1864 г. относительно облегчения участи раненых воинов во время войны; почтовый и телеграфный всемирные союзы и пр. Все подобные акты вызваны не борьбой и соглашением противоположных интересов сторон, но сознанию государствами необходимостью точного определения тех юридических правил, которые, будучи обязательными, неясно выражаются в обычаях или частных международных соглашениях.

К трактатам второго рода, представляющим собою компромиссы между различными интересами договаривающихся сторон, принадлежат: договоры о мире, коммерческие трактаты, картельные, литературные, консульские конвенции и т.д. Заключенные отдельными правительствами ради удовлетворения специально интересов контрагентов, такие трактаты, по-видимому, не могут служить источниками международного права, простирающего свое действие на все образованные государства. Однако, сравнивая друг с другом картельные конвенции или трактаты о судоходстве и другие договоры, заключенные между различными государствами, мы заметим, что они обыкновенно сходны между собою не только в своих основаниях, но часто и в подробностях. Таким образом, юридический порядок, установленный в сфере взаимных отношений между известными контрагентами, в действительности является общим порядком, соединяющим все государства, состоящие в обязательных между собой отношениях. Рассматриваемые с этой точки зрения, частные соглашения государств несомненно должны быть признаны существенным источником положительного международного права*(72).

Здесь необходимо устранить одно недоразумение. Обязательная сила международных трактатов, не охраняемая принудительными средствами, основывается, собственно, на добровольном ограничении своей воли теми государствами, которые вступают между собою в соглашение. Очевидно, что такое самоограничение не может быть предполагаемо в отношении государств, данный трактат не подписавших*(73).

III. Важным пособием для уяснения правовых порядков в области международных отношений служат также дипломатические переговоры и акты, которые готовят решение вопросов, возникающих между государствами, или определяют взаимное положение государств в данное время и при известных обстоятельствах.

IV. Национальные законы и правительственные мероприятия, поскольку они имеют своим предметом отношения, выходящие за пределы государственной территории, точно так же могут и должны быть признаваемы источником, ознакомляющим с началами международного права. В современных законодательствах образованных народов многие постановления, вызванные международными отношениями, представляются существенно одинаковыми, как, например, законы об иностранцах, пребывающих в стране, о консулах, морские законы и т.д. Весьма часто международные отношения давали первый толчок к известным законодательным работам в государстве или к изменению законодательства, несогласного с трактатами, содержание которых, в свою очередь, зависит от направления и взглядов, господствующих в управлении страны. Словом, взаимодействие между внутреннею жизнью государства и международными его отношениями есть бесспорный факт.

V. Значение судебной практики для международного права будет понятно, если иметь в виду, что гражданские и уголовные суды цивилизованных государств призваны решать не только вопросы, относящиеся к международному частному и уголовному праву, но нередко и дела, которые касаются публичного международного права, например, о пределах неподсудности дипломатических агентов, об

имущественной ответственности монархов по искам к ним частных лиц, и пр.

Некоторые специальные суды, учреждаемые в государстве, имеют прямо международный характер. Таковы призовые суды, которые учреждаются воюющим государством для разбора дел о захватах собственности подданных неприятельских и нейтральных государств (о призах), и которые руководствуются не местными отечественными законами, но международным правом. Сборники решений подобных судов дают богатый материал по всем вопросам международного права как войны, так и мира. Но не следует видеть в них, как делают это английские и американские юристы, непреложную истину, не допускающую даже сомнений. - Такое же значение имеют смешанные международные суды, которые были учреждены в 1874 г. в Египте из туземных подданных и лиц, рекомендованных европейскими правительствами, для разбора коммерческих дел, а также гражданских и уголовных процессов, в которых сторонами являются иностранцы или лица разных национальностей.

VI. Наконец, история и наука международного права служат средством выяснения истинного смысла существующих трактатов и международных обычаев; они дают возможность представить в чистом виде правосознание народов, выражающееся в трактатах и обычных нормах, и потому бесспорно принадлежат к числу источников международного права.

Х. Кодификация начала международного права

§ 44. Основанное на приведенных выше источниках, положительное международное право страдает одним существенным недостатком - отсутствием определительности и аутентичности своих положений. Между тем издание таких общеобязательных международных актов, как Парижская декларация 1856 г. или Женевская конвенция 1864 г., показывает, что этот недостаток может быть вполне устранен кодификацией международного права. Убеждение в возможности составления кодекса, определяющего взаимные отношения государств, породило различные попытки разрешения этой задачи.

Однако в последнее время эти попытки встретили сильные возражения со стороны весьма авторитетных ученых, категорически оспаривающих исполнимость и даже желательность такой кодификации.

Мы не вполне согласны с этими возражениями; по нашему убеждению, кодификация международного права не только желательна, но и необходима. В чем состоит главная задача всякой кодификационной работы? Очевидно в том, чтобы выяснить точным образом, что есть положительное право, закон и что не имеет его силы. Кодификация есть прежде всего очистительная работа, освобождающая действующее право от неясностей, противоречий и устаревших норм; затем, у всех народов она служила наилучшим средством для ознакомления с законом, с теми правами и обязанностями, которые принадлежат каждому; наконец, она всегда пробуждала и в правительстве, и в обществе уважение к праву, точно определенному и всеми известному. Эти соображения, оправдывающие кодификацию, имеют большее значение в области международного права, нежели в гражданском и уголовном праве.

В самом деле, противники кодификации международного права ставят на вид, что недостаточно признавать вообще обязательную силу международных обычаев и законов, чтобы действительно и во всех случаях ими руководствоваться; напротив, для этого необходимо основательное и близкое знакомство с международными нормами, которое, однако, менее всего распространено в тех именно сферах, которые призваны управлять международными отношениями. Если это положение

справедливо, то из него логически вытекает необходимость кодификации международного права; констатируя действующие международные законы, она даст практическим деятелям такой источник, из которого они легко почерпнут все нужные им достоверные сведения о праве, применимом к конкретному случаю. Доказательством этого может служить сочинение Блунчли, излагающее все международное право в виде кодекса: благодаря своей форме оно получило широкое распространение и, конечно, более содействовало ознакомлению с началами международного права, нежели все многотомные труды его предшественников; даже правительство Китая издало его в переводе на свой язык, дабы пользоваться удобным руководством в сношениях с цивилизованными государствами. Еще более убеждает в пользе кодификации международного права военная практика образованных народов. В войнах, которые происходили в последнее время, воюющие стороны, в принципе, признавали обязательными для себя законы и обычаи войны; но между ними постоянно возникали споры об истинном смысле и значении таковых, потому что не существует кодекса права войны, принятого всеми правительствами; многие зверства и вопиющие нарушения военных обычаев были бы избегнуты, если бы армии и населению воюющих государств были в точности известны законы войны*(74).

Но мы согласны, что кодификация международного права есть до такой степени сложное и трудное дело, что едва ли может быть выполнено удачно силами единичного лица. По крайней мере, предпринятые попытки убеждают, что даже выдающиеся и опытные в законодательных работах юристы не в состоянии были справиться с этой задачей. Для ее разрешения необходимо соединение научных юридических сил, и ввиду того, что международное право вырабатывается культурною жизнью различных народов, желательно, чтобы к общему труду были привлечены ученые представители всех образованных наций. С этой точки зрения, представляется весьма желательным учреждение в различных европейских государствах частных обществ с целью изучения вопросов международного права. Если между такими обществами поддерживается постоянная связь, если они совокупными силами и дружно будут действовать на общественное мнение цивилизованных народов в смысле его просветления и наставления, то в международных отношениях, наверное, меньше будут господствовать невежество и темные силы, ничего общего не имеющие с действительными интересами народов. В настоящее время существуют подобного рода ассоциации. В Генте, в 1873 г., был основан Институт международного права из ученых разных государств, с целью содействовать коллективными силами его членов прогрессу и постепенной кодификации международного права*(75).

Нет сомнения, что кодификация начал положительного международного права составляет именно ту задачу, в разрешении которой Институт международного права может принести наибольшую пользу. Выражая свое беспристрастное мнение о том или другом спорном международном вопросе, он может действительно служить выразителем "правовой совести" цивилизованного мира, и нравственный его авторитет никем не будет оспариваем. Все главнейшие и наиболее замечательные труды Института исключительно относятся к области кодификации.

Институт международного права, усматривая именно в кодификации международных законов главнейшую свою задачу, поставил себе целью сообщаемыми на усмотрение всех европейских правительств проектами органических международных актов вызвать в государствах сознание необходимости вступить на путь правительственной кодификации.

Часть общая

Глава первая. Право международного общения

I. Понятие и определение права международного общения

§ 45. Большинство представителей международного права до настоящего времени держится еще того взгляда, что права и обязанности, принадлежащие государствам в области внешних отношений, имеют своим единственным основанием суверенитет, взаимную самостоятельность и независимость государств. Мы отказываемся от этой точки зрения, ибо логически она приводит к неразрешимой правовым образом коллизии законодательств и интересов отдельных народов.

Идея государственного суверенитета указывает только на то, что государство есть самобытная юридическая личность; она не даст возможности выяснить, в каких отношениях государства находятся друг к другу, какие обязанности и права соединяют их между собой. С точки зрения самодержавия государства понятна вражда и неприязнь, которые обыкновенно разделяют существующие замкнутые в себя народы. Но нельзя представить себе в подобном первобытном состоянии ни одно современное цивилизованное государство. "Постоянные сношения, в которых находятся образованные народы, заставляют последних взаимно ограничивать безусловное применение своего самодержавия ради достижения общими силами тех благ, которые выходят за пределы средств или ведомства территориальной государственной власти. Другими словами, необходимость мирной и устроенной международной жизни государств вытекает из необходимости их международных сношений и оборотов; порядок и право в этой области зиждутся на международном общении, а не на суверенности государств.

Международное общение есть свободный союз государств для достижения общими действиями полного развития своих сил и удовлетворения своих разумных потребностей. Совокупность юридических норм, определяющих осуществление идеи международного общения, составляет право международного общения; это есть международное право.

Международное общение необходимо ввиду цели государства. По своему разумному назначению государство должно способствовать всем своим могуществом всестороннему развитию своих подданных. Ни одно государство не будет иметь все средства исполнить это свое призвание, ограничиваясь только сферой внутренней своей жизни. Для возможного полного преуспевания, собственного и своих граждан, государства должны входить в сношения друг с другом, искать недостающие им средства в пределах чужих владений и с своей стороны оказывать помощь каждому народу в достижении им его законных целей. В осуществлении своих жизненных задач государства зависят друг от друга. Степень их взаимной зависимости определяется степенью их культурного развития и гражданственности. Чем многосложнее и разнообразнее потребности народа, тем более он нуждается в международных сношениях: чем лучше государство сознает свою цель, тем деятельнее будет поддерживать международные обороты. Только в международном общении государства могут осуществить одушевляющую их идею и жизненное свое назначение.

Вступая в международные сношения, каждое государство естественно представляет самостоятельные интересы, правовые понятия, нравственные воззрения, вообще культуру своего народа. Оно входит в общество государств со всей совокупностью тех присущих ему особенных черт, в которых выражается его

внутренняя, личная национальная жизнь. Международное общение не уничтожает индивидуальность народов. Напротив, именно здесь они приходят к сознанию своих особенностей, своей национальной самобытности. Подобно тому как отдельное физическое лицо только в обществе с другими лицами проникается пониманием свойственных ему личных способностей и сил, так конкретный народ получает средства самопознания в международном общении. Путем постоянных сношений с другими народами он приходит к уразумению своего индивидуального характера, своих сил, своих недостатков, своих законных потребностей и средств к их удовлетворению, словом, вполне вырабатывает свою личность.

Поэтому, рассматривая государства, как субъектов международного права, не отдельно, самих по себе, отвлеченно, но в общении друг с другом, как членов "международного союза" или "международной ассоциации", мы не приписываем этому общению характера всемирного государства (*Weltstaat* или *civitas maxima* Вольфа). Международное общение есть свободное общество народов, соединенных солидарностью известных своих интересов и стремлений. Оно не только не отменяет, но дает высшую санкцию независимости отдельных государств. Без существования международного общения такие государства, как Бельгия, Швейцария, Голландия или Дания, были бы невысказанными. Незначительные в политическом отношении, они не сохранили бы национальной независимости от посягательств великих держав. Если же в настоящее время они признаются полноправными членами международного общества, а Швейцария и Бельгия даже объявлены вечно нейтральными, то, без всякого сомнения, потому, что современные образованные народы сознают себя членами единого международного общения, в котором все они одинаково нуждаются для полного развития своей самоличности.

По своему существу это общение ничем не отличается от всякого другого человеческого общества: оно основывается на соединении государством собственной своей цели с пользой и интересом других государств. С этой точки зрения, все члены международного союза самостоятельны и равноправны. Идеальный порядок их взаимных отношений установится тогда, когда каждый народ будет проникнут убеждением, что международное общение существует для государства и государство для международного общения.

II. Развитие идеи международного общения

§ 46. Развитие идеи международного общения есть собственно история международных отношений вообще и каждого цивилизованного народа в особенности. Она показывает, что народы уже давным-давно находились между собою в сношениях, но общение международное выработалось только в новейшее время.

Ни в древности, ни в средние века не существовало общества государств, потому что у народов этого времени не было сознания необходимости взаимной помощи и организованного обмена продуктами умственного труда и промышленной деятельности, не было сознания об общем праве, регулирующем международные отношения. Это сознание зародилось и развилось в условиях современной международной жизни. Оно нашло опору в особенности в широком развитии материальных интересов народов и вызванных ими международных торговых оборотах, достигших огромных размеров в новое время.

Но как ни важны сами по себе экономические интересы и отношения, соединяющие современные народы, они являются только одним из факторов, под действием которых установилось международное общение. Последнее есть

результат всей культуры и цивилизации образованных государств. Оно выработалось сознанием, все более и более укрепляющимся в народах, общности самых разнообразных стремлений и потребностей человеческой жизни, как личной, так и общественной и государственной у разных народов, неудовлетворяемых вполне в границах и собственными средствами отдельных государств. Поэтому в основании международного общения лежат не только хозяйственная деятельность и торговые сношения народов, но совокупность всех социальных интересов, которые соединяют цивилизованные государства друг с другом.

Доказательством этого служит уже известный нам факт, что международное общение обнимает собою только народы европейской цивилизации, которая отличается таким же разнообразием своих идеалов, стремлений и сторон, как и весь окружающий европейские народы внешний мир. Все эти различные стремления, духовные и материальные, отличают европейские образованные государства от восточных и мусульманских народов; вместе взятые, они составляют тот цемент, который связывает эти государства, и только их, в один международный союз.

Отсюда следует, что необходимое условие прогресса международного общения заключается в усвоении и развитии государствами всех основных элементов европейской цивилизации и культуры. Размер участия каждого народа в международном общении всегда соответствует степени его просвещения и гражданственности. Если социальная и государственная жизнь народа достигла высокой степени процветания, если она не встречает препятствий ни в гнете политического произвола, ни во всепоглощающем влиянии религиозных воззрений, ни в обскурантизме общества, то такой народ всегда проникнется сознанием необходимости не только обмена произведений природы и своего труда с другими народами, но и взаимной помощи народов во всех сферах человеческой жизни и деятельности. Только при этом условии могли установиться те разнообразные международные сношения и отдельных лиц, и общественных классов, и целых народов, которые происходят в настоящее время среди союза государств христианской или европейской образованности. Для народов нецивилизованных идея международного общения непонятна.

Иллюстрацией этого положения могут служить первоначальные отношения России к европейским народам. Как мы видели, Русское государство находилось в сношениях с иностранцами уже с начала XIII столетия. Москва заключала трактаты, отправляла и принимала посольства, позволяла Англичанам и Голландцам торговать в России и т.д. Но было бы ошибочно на этом основании считать Московское государство членом международного общения и утверждать, что русский народ и его правительство понимали уже в то время необходимость международных оборотов и сношений с западными державами. Внешние отношения России той эпохи были фактические; по своим культурным условиям, социальному и политическому строю Москва делала невозможными постоянные и правильные сношения с европейскими народами на началах равенства и взаимности. Такие сношения начались не ранее царствования Петра Великого и только при Екатерине II получили твердую почву. Что же мы видим?

Чем более в русском правительстве и народе укрепляется желание быть действительно членом международного общения, тем более они стараются пользоваться историческим опытом и плодами трудов европейских государств. Русское правительство отказывается от притязания, заявляемого Москвой, быть признанным выше и лучше всех других государств. Русский народ уже не страшится, как в былое время, что Русские, отправляющиеся за границу, "узнав тамошних государств веру и обычаи, начали бы свою веру отменять". Напротив, он приходит к сознанию своих недостатков, своей отсталости, своего невежества, проникается

самосознанием и стремится достигнуть уровня гражданской жизни и культуры, на котором стоят другие, более его просвещенные народы.

III. Основные начала права международного общения

§ 47. Международное общение есть основание всего международного правового порядка. Основные начала права, нормирующего международные отношения, вытекают из задачи и цели международного общения.

Международное общение имеет своей задачей служить удовлетворению разумных жизненных потребностей своих членов, как целых государств, так и общественных классов и отдельных лиц. Его цель заключается в устройстве такого международного правового порядка, который обеспечивал бы мирное и всестороннее развитие народов под условием полного уважения их национальных интересов.

Возможен ли такой порядок? Не будут ли интересы одного народа непременно сталкиваться с законными потребностями других народов? Существование современного международного общения доказывает, что такой порядок возможен: он добыт жизненным опытом народов и основывается на сознанной необходимости уважать чужие интересы, чтобы обеспечить уважение к своим собственным.

На основании задачи и цели международного союза государств основные начала права международного общения могут быть выражены в следующих положениях:

1) Международное общение есть правовой порядок между народами, долженствующий обеспечивать самостоятельность и полное развитие каждого государства в связи с правами и интересами других. В нем нет верховной власти, которая распорядилась бы судьбами принадлежащих к нему народов и указывала бы им жизненные цели и средства к их достижению.

2) Каждое государство прежде всего обязано иметь в виду собственную пользу и охранять всеми силами неприкосновенность своей самодержавности, ибо оно вступает в общение ради лучшего удовлетворения своих интересов и полного развития национальной самобытности. Международное общение противоречило бы цели своего существования, если бы не обеспечивало выгоды, благо своих членов и полную их независимость.

3) Поэтому государство не обязано нужные ему самому материальные средства расходовать на общую пользу международного союза. Это совершенно понятно ввиду того, что подданные жертвуют свои силы, и свое имущество на непосредственные нужды своей страны, а не для других народов. Но этот принцип нисколько не отменяет международного общения, основанного на идеи взаимной помощи и содействия, потому что только под условием удовлетворения собственных потребностей могут быть удовлетворяемы нужды других.

4) Международное общение обнимает не одни государства, но распространяется на общественные классы и отдельные лица.

5) Вся международная деятельность (управление) государств во время мира и войны мыслима и цели ее достижимы только при существовании международного общения.

6) Взаимное соглашение между государствами представляется наилучшим средством для выяснения прав, обязанностей и задач членов международного общения.

IV. Основные задачи международного общения

§ 48. Международное общение, как мы сказали, должно служить удовлетворению разумных жизненных потребностей своих членов. Различные интересы, удовлетворение которых предполагает взаимную помощь и содействие государств, могут быть сведены к трем главным группам, соответствующим троякого рода субъектам, которые являются деятелями в области международных отношений. Предметом международной деятельности государств, как членов международного союза, могут быть, во-первых, задачи, относящиеся к ведомству государственной власти каждого народа; во-вторых, те цели, которые преследуют в международной области различные общественные группы, существующие в государствах; наконец, в-третьих, интересы экономические и духовные отдельных лиц, подданных государств.

Рассмотрим отдельно каждый из этих трех разрядов задач, лежащих на государствах, как членах международного общения.

А. В области взаимных государственных отношений

Международное общение проявляет свое действие во всех функциях верховной власти, осуществляемых в пределах отдельных государств.

а) В сфере законодательства

Влияние международного общения на внутреннее законодательство государств огромно, хотя не всегда признается. Внутреннее право каждого государства, законодательное и обычное, обыкновенно рассматривается как лучшее свидетельство национальной индивидуальности данного народа, как выражение самобытной народной жизни. Но есть ли положительное право каждого народа результат исключительно его правосознания? Каким же образом можно говорить о взаимном воздействии чуждых друг другу народов в такой, по преимуществу, личной и самостоятельной деятельности каждого государства, как законодательная?

Между тем, положительные факты доказывают, что современные государства могут удовлетворительно разрешить задачи внутреннего законодательства не иначе, как сознавая себя членами международного союза. Они необходимо должны принимать во внимание разнообразные международные обороты, в которых участвуют и они сами, и их подданные; они должны регулировать законодательным образом те интересы, которые преследуются во взаимных сношениях народов. Вот почему влияние международного общения особенно рельефно обнаруживается на законодательстве тех государств, которые наиболее чутко относятся к законным потребностям своих подданных, которые понимают международные отношения, как орудие культурного развития народа.

Укажем на русский закон 10 февраля 1864 г. о принятии иностранцев в русское подданство, изданный ввиду необходимости дать определенное юридическое положение иностранцам, которые находятся в России и занимаются здесь мирною, промышленною или торговою деятельностью. Постановления нашего Устава гражданского судопроизводства относительно исполнения решений иностранных судов (ст. 1273 и след.) являются вполне отголоском законодательных постановлений и воззрений судебной практики, существующих по этому вопросу в других образованных государствах.

Вообще новейшие кодексы вырабатываются в современных государствах на основании сравнительного изучения законодательств различных цивилизованных

народов, потому что последние проникнуты более или менее одинаковыми правовыми воззрениями, выяснение которых составляет главную задачу законодательной деятельности.

Общие международные интересы, в особенности торговые, составляющие предмет постоянных сношений и сделок между подданными различных государств, вызвали попытки ввести общее международное законодательство по тем вопросам, которые наиболее часто возникают в сфере международных, в особенности коммерческих, оборотов. Настоятельность в подобном законодательстве особенно сильно чувствовалась в прежнем Германском союзе, состоявшем из множества независимых государств, из которых каждое имело свои особые законы. С целью облегчить сношения между взаимными их подданными были изданы в 1848 г. Общегерманский вексельный устав, а затем и Общегерманское торговое уложение (1861 г.). В последнее время был возбужден вопрос об издании общеевропейских законов, касающихся финансовых и торговых сделок, заключаемых подданными разных государств. Сюда относится предложение Германского правительства 1878 г., обращенное ко всем европейским государствам, об издании общего вексельного устава. Голландское правительство еще в 1874 г. предложило издать общий закон относительно исполнения решений иностранных гражданских и коммерческих судов. Оба предложения были приняты весьма сочувственно большинством держав.

В 1893 г. Голландское правительство вновь обратилось к европейским державам с предложением общим советом выработать основные начала международного частного права. Это предложение было сочувственным образом принято 13 европейскими державами, и в 1893 году состоялась первая конференция в Гааге, а в 1894 году вторая. На этих двух конференциях был подписан акт, названный *Protocole final*, в котором содержатся основные принципы относительно действия законов о браке, разводе, прав наследования, опеке и попечительстве, относительно предварительного обеспечения иска и т.д. Хотя весь Гаагский акт еще не получил обязательной силы международного трактата, но все-таки его огромное практическое и научное значение обнаружится, без сомнения, в ближайшем будущем и будет укрепляться с каждым годом, даже помимо санкционирования его формальным международным соглашением. Впрочем, в ноябре 1896 г. была подписана в Гааге международная конвенция, в которую вошла часть постановлений Гаагских конференций касательно исполнения судебных поручений, предварительного обеспечения исков и т.п. В декабре 1897 г. Россия также приступила к этому акту.

Наконец, в 1900 г. была собрана третья Гаагская конференция по вопросам международного частного права, которая составила проекты международных конвенций относительно условий заключения браков, развода, опеки над малолетними и наследства. В июне 1902 г. 10 европейских государств подписали все эти конвенции, за исключением проекта конвенции о праве наследования. Россия не подписала ни одной из этих конвенций. Летом 1903 г. должна была собраться 4-я конференция в Гааге для определения, между прочим, законов относительно конкурса, но соберется только в 1904 г.

b) В сфере администрации

Внутреннее управление есть, бесспорно, та область деятельности верховной власти каждого государства, которая должна быть совершенно свободна от вмешательства со стороны других государств. Но обязанное руководствоваться в разрешении задач управления исключительно пользой своих подданных, ни одно

правительство не обладает достаточными средствами для полного удовлетворения их законных потребностей. Недостающие ему силы оно восполняет помощью других государств, членом международного общения. Союз государств имеет своей задачей содействовать своим членам в удовлетворении как общих им всем административных интересов, так и конкретных нужд управления данной страны.

Каждое государство должно иметь те правительственные учреждения и органы, в которых оно нуждается для целей своего управления. Но по взаимному соглашению государств существуют, кроме того, международные административные учреждения, с компетенцией и средствами действия, отдельными от местной территориальной власти. Эти совершенно самостоятельные учреждения вызваны убеждением заинтересованных государств, что своими правительственными органами и властью они не в состоянии разрешить различные задачи, которые имеют международное значение и вместе с тем ставятся разумными интересами собственных их подданных. Ввиду этого они отказываются от осуществления административных своих прав, которые прежде рассматривались как неотъемлемая регалия каждого независимого государства, или же они бывают вынуждены, под давлением других правительств, признавать существование какого-нибудь устроенного международного учреждения.

К числу международных органов администрации принадлежала Рейнская судоходная комиссия, учрежденная в 1831 г. и преобразованная в 1868 г. Она имела не только чисто административные задачи, но и судебные права. В 1856 г. были учреждены Дунайская европейская комиссия и комиссия судоходства по Дунаю прибрежных государств. Первая имеет свой собственный флаг, который покрывает неприкосновенностью как служебный персонал комиссии, так и здания и имущества, ей принадлежащие; она пользуется различными полицейскими правами, может осматривать все суда, плавающие по Дунаю, налагать взыскания, взимать с них определенную пошлину и т.д.***(76)** Телеграфное и почтовое бюро ("международные секретариаты") в Берне учреждены для поддержания единства в условиях эксплуатации почтовой и телеграфной регалии всех государств, приступивших к международному почтовому и телеграфному союзам. К международным административным учреждениям относятся также отчасти Женевский "комитет для помощи раненым воинам", затем Парижская метрическая комиссия, Константинопольская санитарная инспекция и другие учреждения, действующие на основании особых международных соглашений, которые их создали***(77)**.

В особенности же необходима международная помощь государствам в исполнении различных положительных задач администрации, находящихся в ведении собственных их органов. Перечислить эти задачи нет никакой возможности. В каждой отрасли управления - в сфере духовной, физической, экономической жизни народов - возникают вопросы, которые требуют для своего разрешения участия членом международной ассоциации, их помощи и содействия.

Государство не исполнило бы своего назначения относительно духовного развития своих подданных, если бы замкнуло свою территорию для доступа образовательных средств, научных идей, произведений художественной деятельности иностранных народов, если бы оно запретило посещать учебные заведения других государств или участвовать в научных международных конгрессах. Регулирование переселений, борьба с эпидемиями и падежами, меры против голода и других физических бедствий получают силу вещей международного характера. Чем сильнее развивается промышленная жизнь народа, тем настоятельнее ее обеспечение международными трактами и учреждениями***(78)**.

Наконец, цивилизованные народы нуждаются в международных сношениях даже для возможности сохранить свое самостоятельное политическое бытие. То правительство, которое не следило бы за изобретениями и усовершенствованиями в

области военной техники и искусства, вводимыми в других государствах, и не пользовалось бы ими, лишило бы свою страну необходимых средств обороны. Кнтаизм приводит не только к пагубному застою во всех сферах жизни, но и к опасности потерять национальную независимость.

с) В области судебной власти

Взаимная помощь государств в сфере гражданского и уголовного суда с каждым днем становится необходимее. С точки зрения суверенитета государственной власти она опять необъяснима и не должна иметь места; она понятна и законна, только как выражение идеи международного общения. В самом деле, если установление и отправление правосудия составляют ближайшую задачу самодержавия государства, то, с другой стороны, усиливающиеся международные сношения и обороты все более требуют от него уступок и услуг в судебных делах на пользу других государств. Ни одно современное государство не в состоянии собственными силами охранить уважение к праву и порядку внутри страны; это - задача международного общения. Никакой местный суд не может руководствоваться только территориальными законами и ограничиваться разрешением только тех тяжб, которые возникают между туземными подданными. Столкновение национальных законодательств по уголовным и гражданским делам, весьма нередкое в современной судебной практике, не разрешимо иначе, как на основании начал международного права.

В области гражданского правосудия современные государства считают себя обязанными признавать законно существующими те юридические отношения, которые установились на основании и в пределах действия иностранного законодательства. В случае споров, касающихся этих отношений, территориальная судебная власть руководствуется началами не только отечественного, но и иностранного права. Начало взаимного признания и общения особенно обнаруживается в соглашениях между государствами относительно исполнения решений иностранных судов.

Охранение юридического порядка посредством карательной власти во многих случаях требует совместного действия государств. Для открытия преступника или для доказательства его вины часто бывает необходимо просить иностранные суды об отобрании ими свидетельских показаний или констатировании известных фактов. Затем, виновное лицо, совершившее преступление в одном государстве, может укрыться на территории другого; тогда возбуждаются переговоры о его выдаче, условия которой составляют предмет картельных конвенций, заключаемых государствами.

Наконец, учрежденная в 1899 г. в Гааге палата постоянного международного третейского суда должна служить выражением сознанной цивилизованными государствами необходимости водворить в области международных отношений господство права над произволом и правосудия над насилием. Чем чаще Гаагскому международному суду будет суждено своим третейским разбирательством разрешать международные столкновения, тем устойчивее окажется международный правовой порядок.

В. В области общественных интересов

§ 49. Если бы международное право действительно основывалось на абсолютной самостоятельности отдельных государств, то не могло бы и возникнуть

вопроса о взаимных их обязанностях в отношении различных обществ, которые существуют в их пределах. Эти общества не имели бы международного значения; их деятельность касалась бы только того государства, в котором они организовались. Но мы имели уже случай неоднократно указывать на действительную роль, которую играют социальные интересы в развитии международных сношений. Понятно само собой, что в качестве могущественных факторов международного общения общественные группы должны находить содействие и уважение к своим интересам со стороны всех образованных государств. Право международного общения определяет, какие общественные группы могут участвовать в международных сношениях, как юридические лица, и в чем заключается та помощь, на которую они вправе рассчитывать со стороны иностранной государственной власти.

Цивилизованные государства, как члены международного общения, в принципе, должны признавать законно существующими все те общества, которые признаются таковыми в своем государстве.

На этом основании никакие общества, товарищества, компании, образовавшиеся против воли своего правительства, не разрешенные законом, вообще не пользующиеся правами юридических личностей в собственной стране, не должны считаться законными союзами и на чужой территории. Члены подобных обществ всегда должны оставаться, в глазах иностранного правительства, отдельными частными лицами; в противном случае, оно явно нарушит суверенные права чужого государства.

Законно существующие в государстве социальные группы и классы имеют право на содействие своим интересам в других государствах.

Нельзя перечислить те общества, которые пользуются в этом смысле международным покровительством. Наиболее значительными из подобных союзов являются, без сомнения, церкви, существующие во всех государствах. Содействие, оказываемое их целям иноземной властью, часто принимало огромные размеры, как показывает, например, экспедиция французских войск (1848 г.) в пользу папы. Общества научно-литературные фактически, или на основании международных соглашений, имеют право принимать меры для защиты за границей интересов своих членов. Другие общества, различные торговые компании, сословия, цехи, общины также могут пользоваться покровительством в иностранных государствах и, как признанные юридические лица, могут владеть здесь имуществом, защищать свои права в судебном порядке и проч.

С. В области отношений отдельных подданных

§ 50. Международное общение представляет каждому человеку право искать удовлетворения своих жизненных и законных потребностей повсюду в области международных оборотов. На этом основании государства, как члены международной ассоциации, обязаны не отказывать в покровительстве закона и местных властей ни одному лицу в пределах своей территории, какого бы государства оно ни было подданным. Мы видели уже выше, насколько этот принцип уважения человеческой личности самой по себе служит масштабом для распознавания развития гражданственности государств и взаимных их правовых отношений.

В настоящее время образованные государства обеспечивают в своих пределах защиту закона и суда для всех иностранцев. Для лучшего охранения свободы сношений и прав своих подданных они заключают друг с другом трактаты: коммерческие, консульские, о поселении, о судоходстве и т.д. Государства нецивилизованные, как Китай, Сиам или Марокко, даже силою оружия принуждаются уважать законные интересы отдельных лиц. В случае непризнания прав человека

образованные правительства предпринимают общие международные меры. О поголовном изгнании иностранцев из пределов государства не может быть речи.

Мало того, современные государства оказывают, на основании договоров или фактически, материальную помощь тем иностранцам, которые по разным неблагоприятным обстоятельствам нуждаются в ней. Между Россией и Англией заключен трактат (9 августа 1880 г.) об охране и выдаче наследств, оставшихся после мореходцев, умерших на судне или на территории того или другого государства. На основании соглашений между Австрией и Швейцарией, Швейцарией и Францией и другими державами взаимные подданные договаривающихся сторон, впавшие в бедность, получают помощь от местной государственной казны. Но и помимо договоров современные народы считают себя связанными обязанностью взаимной материальной помощи, и в случае войны, наводнения, пожаров, голода и других бедствий спешат облегчить нужду пострадавших, жертвуя свой труд и свои средства на общечеловеческое дело.

V. Организация международного общения

§ 51. Необходимость организации международного общения вытекает из самого существа союза, ассоциации народов. Если государства сознают себя связанными общностью известных интересов, в качестве членов международного общения, если, участвуя в международных конгрессах и конференциях, державы проявляют свою волю, принимают решения и действуют, то должно заключить, что они сами чувствуют потребность изменить фактическое общение, их соединяющее, в формальный юридический порядок.

Международное общение не имело бы смысла, если бы взаимные отношения государств представляли состояние дикости (*etat sauvage* - Руссо). Но обладая всеми свойствами правового порядка, общество государств не знает и не нуждается в постоянной организованной международной власти. Оно остается и, по существу своему, должно быть свободной ассоциацией независимых государств, основанной на полном уважении индивидуальности каждого народа и определяемой началами международного права. В основании его лежит начало независимости государств. Его органами служат международные конгрессы и конференции; у него нет как у государства, органов законодательной, исполнительной и судебной власти.

Поэтому попытки организовать международное общение в смысле государственном, в форме всемирной монархии или всемирной республики, должны были оказаться тщетными. Невероятно, чтоб когда-либо международное общение организовалось по проектам и планам, составленным в различные времена по аналогии с формами государства.

В основании подобного рода проектов лежат предположения, осуществление которых немислимо и вовсе нежелательно. Все они предполагают или совершенную переделку политической карты Европы, или подчинение самостоятельных государств общей верховной власти. Они могут быть разделены на две категории: одни основываются исключительно на идеальных соображениях, с полным игнорированием существующего законного порядка вещей; другие, наоборот, исходят из реальных данных и отчасти принимают во внимание основные условия международного общения. Мы укажем на более замечательные попытки того и другого рода.

А. К проектам международной организации первого рода относятся многочисленные планы, составленные с целью обеспечить вечный мир.

Так, французский король Генрих IV, насколько известно из записок его министра, герцога Сюлли, думал для предупреждения международных войн

организовать из европейских государств одну великую "христианскую республику". В ее состав входили 15 государств с значительно измененными границами. Франция и Англия расширяли свои владения за счет Голландии. Испания замыкалась на своем полуострове, но получала Португалию. От Австрии отделялись Богемия и Венгрия, как независимые королевства. На севере Италии образовывалась из различных земель самостоятельная конфедерация. Московское государство и Турция вовсе исключались из союза. Всеми делами республики заведовал общий совет, составленный из 60 уполномоченных от государств. Он должен был заботиться не только о мирном решении споров, возникающих между христианскими народами, но и не допускать тиранического правления внутри государств и защищать терпимость к католикам и протестантам. С мусульманами должна быть вечная война республики до совершенного изгнания их из Европы. Кроме общего совета, были проектированы еще 6 местных советов из представителей известного числа соседних государств для обсуждения частных их дел.

В 1713 г. аббат Сен-Пьер представил Утрехтскому конгрессу свой проект вечного мира. Как и план Генриха I, он был построен на мысли о возможности и пользе образования из европейских государств, не исключая и России, одной лиги или союза, подобного старой Германской империи. Общий сейм должен был служить законодательным и судебным органом союза и имел принудительную власть в отношении всех его членов. Последние никогда не могли противопоставлять свои интересы общему и отделяться от союза. Взаимные их права определялись общею конституцией, изменения которой могли быть сделаны только по единогласному решению членов сейма. На основании ее разрешаются частные споры между государствами; но в вопросах об открывшихся наследствах земель сейм должен руководствоваться началом равновесия государств. Лига служит гарантией против завоеваний и внутренних революций, которые подавляются вмешательством союзных держав.

Пример Германии, говорит Сен-Пьер, как нельзя лучше доказывает, что изложенный план не есть утопия. Польза же его несомненна; он обеспечивает каждому государю его владения и права и вместе с тем устраняет все предлоги к вооруженным столкновениям государств. Но очевидно, что предложенная Сен-Пьером организация превращает международный союз в государственный; она лишает народы высшего их блага - их независимости, их права быть собственными распорядителями своих судеб внутри и вне государства.

Идеи аббата Сен-Пьера развивали Жан-Жак Руссо и многие другие писатели и мыслители XVIII и XIX столетий. Между прочим, Бентам видел средство спасения от непрерывных войн в постоянном конгрессе депутатов европейских держав, который должен решать судебным порядком все международные споры и подвергать исключению из Европейского союза всякое государство, не повинующееся приговору конгресса. Для исполнения решения конгресса каждое государство должно уступить для общего международного войска определенный контингент своих войск. Для предупреждения войн Бентам признал необходимым: 1) сократить число постоянных войск и 2) освободить колонии от метрополий.

В самом конце XVIII и в начале прошлого столетия мысль о федерации европейских государств защищалась Кантом и Фаллати. Своеобразные средства обеспечить "вечный мир" предлагали наши соотечественники - Малиновский, который доказывал, что все зло заключается в посланниках, которых надо уничтожить*(79), и князь Платон Зубов, написавший в самом конце XVIII столетия фантастический проект о разделе Европы*(80). На основании этого проекта вся Европа разделяется между 15 государствами. Австрия совершенно упраздняется; между тем как к России присоединяются вся Германия, Австрия, Дания и Швеция. Между прочим, столицами первой степени в Российской империи должны быть:

Петербург, Берлин, Вена, Константинополь, Астрахань и Москва. Города 2-й степени: Гамбург, Копенгаген, Стокгольм и т.д. Трудно себе представить что-нибудь более фантастическое.

В. К проектам второго рода, основанным на реальных данных и более соответствующим требованиям действительности, можно отнести:

а) Попытки устроить всемирную монархию. К этой цели явно стремились наиболее видные представители римско-католической церкви в средние века (папа Григорий VII, Иннокентий III и другие) и некоторые государи, например Карл V, Людовик XIV, Наполеон I.

б) Проекты организаций международного общества на началах представительства. В отличие от приведенных выше планов, авторы этих проектов не требуют ни произвольного изменения и затем насильственного охранения раз установленных границ государств, ни поглощения независимых народов в конфедерации, государственном союзе. Насколько возможно, они обращают внимание на фактические и жизненные условия, не позволяющие связывать государства подобной организацией, но допускают более свободное соединение государств с подчинением их общеевропейскому конгрессу и международному суду. Таковы проекты Сартория, Парье, Лоримера, Блюнчли и одного царствовавшего монарха.

Швейцарский ученый Сарторий доказывал, что мир и развитие цивилизованных народов могут быть достигнуты только посредством учреждения всемирной представительной республики.

Парье указал на возможность учреждения международной комиссии, составленной из представителей правительств и народных собраний отдельных государств.

Профессору Эдинбургского университета Лоримеру принадлежат два проекта. На основании первого (1871 г.) уполномоченные государств (по два от каждого) собираются ежегодно в Бельгии или Швейцарии и образуют конгресс, обсуждающий и решающий международные вопросы. Голоса депутатов не равны, но соразмеряются с реальным значением и важностью представляемых государств. Количество голосов, принадлежащих каждому государству, определяется числом его населения, величиной чистого дохода и размером ввоза и вывоза. Конгресс сам решает, имеет ли тот или другой вопрос международный или чисто территориальный характер. Свои решения он может приводить в исполнение силою оружия. Конгресс назначает членов в международный суд и отправляет сюда те дела, которые должны быть решены судебным порядком. Апелляции на приговоры суда подаются конгрессу. - По второму проекту (1877 г.) международный конгресс заседает в Константинополе и состоит из палаты депутатов и сената; здесь же находится международный суд; они распоряжаются международной исполнительской армией, составленной из контингентов различных государств.

На представительстве государств основывает свой проект также Блюнчли. По его мнению, государства могли бы быть подчинены совету, в котором заседают лично государи или их уполномоченные, и сенату, состоящему из депутатов от народных собраний; судебные дела должны разрешаться международным судом.

Наконец, один царствовавший в великой империи монарх предложил следующую организацию: для "европейской империи цивилизации или синархии" должны быть учреждены в Европе три совета: совет национальных церквей; совет национальных государств и совет национальных общин. Первый должен представить религиозную и умственную жизнь - мудрость и науку; второй политическую и юридическую жизнь - правду и справедливость; третий хозяйственную жизнь народов - цивилизацию и труд. Члены этих советов избираются.

Против всех этих проектов можно возразить, что и они придают международному общению государственную организацию и потому едва ли когда-нибудь получат практическое осуществление.

с) Устройство международных отношений на основе политического равновесия. Не выставляя определенных планов международной организации, некоторые писатели смотрят на международные отношения как на политическую систему, которая поддерживается сохранением равновесия между государствами (Гефтер, Монтэгью Бернар). Государства суть члены этой системы и обязаны сообща, материально и нравственно, противодействовать захватам сильнейшего и всякому опасному изменению существующих политических отношений. Шаткость этого принципа доказана выше.

d) Пентархия (пятидержавие). Со времени Венского конгресса во главе международного союза стали пять великих держав (Россия, Австрия, Пруссия, Англия и Франция), которые считали себя вправе не только решать международные вопросы, но и вмешиваться во внутренние дела других государств. В основе их союза и гегемонии лежала нравственная идея, что христианские народы обязаны поддерживать между собою мир и защищать законный порядок внутри государств. Но стоит только припомнить историю конгрессов в Троппау, Лайбах и Верон, чтобы убедиться, что пентархия была насилием над законными правами и интересами народов. Она доказывает только, что не все державы имеют фактически одинаковое значение и положение в международном обществе. Подавляя самостоятельность других народов, она нарушала идею абсолютного равенства государств, как членов международного общения, и потому не может быть признана справедливою и желательною формою его организации.

Ввиду того, что государственные учреждения современных народов неодинаковы, что они далеки от совершенства и что перенесение их на международный союз во всяком случае несогласно с внутреннею самостоятельностью государств, большинство писателей отказывается устраивать международное общение на начале государственном. Руководствуясь этими соображениями, многие писатели ограничивают его организацию устройством международного суда. Нельзя не сказать, что такие попытки менее последовательны, чем проекты вечного мира, потому что если должен существовать международный трибунал, компетентный для решения всех вообще международных столкновений и для самовластного исполнения своих приговоров, то нет никаких оснований устранять международный конгресс, как постоянное законодательное учреждение. Притом такой международный суд мало окажет влияния на международные отношения, если не будет располагать материальною силой, обеспечивающей принудительное исполнение его решений. Создание же международной исполнительно-арбитражной армии едва ли возможно.

На основании этих соображений можно только желать развития тех основ, на которых зиждется созданный в 1899 г. Гаагской конференцией мира международный постоянный третейский суд (*Cour permanente d'arbitrage*) для разбирательства третейским судом возникших между государствами столкновений. Весьма желательно, чтобы к этому суду обращались почаще спорящие державы. Но Гаагский третейский трибунал есть суд, к которому державы обращаются добровольно и исполнение его решений обеспечивается не специальной исполнительно-арбитражной армией, но предварительным торжественным обязательством добросовестно и безусловно подчиниться его решениям и их исполнить. Нет сомнения, что достигнуть учреждения постоянного обязательного суда над государствами едва ли возможно.

VI. Органы международного общения: конгрессы и конференции

а) Понятие о конгрессе и конференции

§ 52. Оставаясь свободною ассоциацией независимых народов, международное общение имеет известные общие учреждения, которые представляют зачатки его организации. Такое значение принадлежит международным конгрессам и конференциям, авторитет и власть которых, по добровольному соглашению государств, распространяются на весь международный союз.

Международные конгрессы и конференции суть органы международного общения, но никак не отдельных государств, пославших сюда своих представителей.

Справедливость этого положения подтверждают многочисленные исторические примеры и положительные данные. Конгрессы Вестфальский (1648 г.), Венский (1815 г.), Парижский (1856 г.) и Берлинский (1878 г.) могли состояться и привели к определенным результатам только потому, что государства, в них участвующие, сознавали свою солидарность, как члены международного общения. Установленный ими общий порядок вещей выработался взаимным согласием и уступками государств ввиду и ради удовлетворения международных интересов. Веротерпимость, свобода судоходства, отмена торгового негра, смягчение бедствий войны и другие начала современного международного права, провозглашенные различными конференциями и конгрессами, были продуктами исторической жизни всех цивилизованных народов и являются выражением общего их правосознания. Словом, ни собрание конгрессов, ни порядок их совещаний, ни их решения не будут понятны, если не иметь в виду международное общение, интересы которого они представляют.

Международные конгрессы и конференции суть международные собрания представителей независимых государств для обсуждения общих им дел и интересов.

б) Различие между конгрессами и конференциями

Большинство писателей не проводит различия между конгрессами и конференциями. Но они должны быть различаемы. На основании исторических прецедентов различие их проявляется: 1) в личности представителей государств, участвующих в тех и других международных собраниях; 2) в предметах их обсуждения и 3) в целях, подлежащих достижению.

Что касается представительства, то на международных конгрессах присутствуют или сами государи, как это было неоднократно (конгрессы: Венский, Аахенский, Троппауский, Лайбахский и др.), или же первые их министры и вообще такие представители государств, которые имеют полномочия на заключение трактатов и соглашений, составляющих предмет обсуждения конгресса. Напротив, в конференциях участвуют делегаты правительств, назначенные **ad hoc** с решающим или совещательным голосом, редко министры и никогда не участвуют государи. Предметом обсуждения конгрессов являются вопросы, касающиеся важных жизненных интересов государств и целого международного союза; конференции же обсуждают существующие обязательства и их истолковывают или же готовят решение какого-либо важного и трудного дела, как например, Брюссельская конференция 1874 г. была созвана для выяснения законов войны. Наконец, цели конгресса и конференции различны. Первый имеет задачей решение спорных

вопросов, предупреждающих войну и недоразумения между государствами, и вообще обеспечивающее сохранение международного правового порядка; вторая - не провозглашает новых начал, но только развивает существующие; не решает спорных вопросов международных отношений и права, но подготавливает их разрешение.

Должно прибавить, что в настоящее время основания, по которым конгрессы и конференции могут быть различаемы, далеко не всегда сознаются правительствами. Поэтому на практике некоторые из международных собраний, которые имели вполне характер и значение конгрессов, получили название конференций.

с) Делопроизводство конгрессов и конференций

Относительно обрядовой стороны тех и других выработались следующие главные положения.

1. Порядок созыва. Созвание международных конгрессов и конференций, как показывает история и современная практика, может исходить от разных сторон.

Во-первых, предложение о созыве международного собрания может взять на себя какая-либо третья посредничающая держава.

Этот порядок неоднократно применялся на практике. В 1779 г. Екатерина II пригласила Австрию и Пруссию, споривших о баварском наследстве, назначить уполномоченных для уложения спора на конгрессе в Тешене. Несостоявшийся Пражский конгресс 1813 г. был созван по почину Венского кабинета с целью переговоров об окончательном мире между Наполеоном I с одной стороны, и Россией и Пруссией с другой. Такую же роль играло австрийское правительство в отношении России и ее противников - Франции, Англии и Турции во время Крымской войны. При посредничестве Наполеона III в 1866 г. был заключен предварительный Никольсбургский мирный трактат между Пруссией и Австрией.

Во-вторых, почин созыва может принадлежать самим заинтересованным государствам, непосредственно участвующим в споре.

Все мирные конгрессы, прекращавшие войны без вмешательства третьих держав, устраивались по инициативе самих воюющих держав.

В-третьих, при отсутствии поводов к примирительному посредничеству вопрос о созвании конгресса или конференции может быть возбужден каждой державой для рассмотрения и решения общих международных дел.

Так, в 1863 г. французский император обратился ко всем европейским дворам с предложением собраться на общеевропейский конгресс, имеющий обсудить существующее положение дел в Европе и устранить поводы к возможным замешательствам в будущем. Этот грандиозный план, скрывавший желание Наполеона III заставить другие государства и саму Францию вмешаться в польские дела, был отклонен державами.

2. Участвующие государства. В конгрессах и конференциях могут участвовать только заинтересованные независимые государства, пользующиеся полным суверенитетом. Государства полунезависимые, например Египет, Болгарское княжество и т.п., представляются на международных собраниях теми державами, под суверенитетом которых они состоят. Кроме непосредственно заинтересованных, в конгрессах и конференциях принимают участие державы-посредницы и все другие, если предмет обсуждения являются вопросы, имеющие общенародное значение. Во всяком случае здесь должна участвовать держава, о делах которой идет речь.

Это основное правило справедливости не всегда соблюдалось. Не говоря уже о конгрессах, происходивших в начале прошлого столетия, даже в последнее время встречаются международные собрания, на которые не были допущены

уполномоченные непосредственно заинтересованных государств. Примером может служить Парижская конференция (1869 г.), которая обсуждала взаимные недоразумения между Османской империей и Греческим королевством, возникшие по случаю восстания в Кандии. Здесь участвовали представители великих держав и Турции, но греческий уполномоченный был приглашен только дать ответы на вопросы, поставленные конференцией*(81). Точно так же предварительные совещания Константинопольской конференции (1876-1877 гг.), созванной, по приглашению Англии, для обсуждения окончательных условий мира между Сербией, Черногорией и Турцией и реформы местного управления в Боснии, Герцеговине и Болгарии, происходили без участия представителя турецкого правительства. Порта имела основание считать подобный образ действий европейских держав нарушающим ее честь и достоинство. Наконец, протест Румынии против постановлений Лондонской конференции 1883 г., созванной для обсуждения вопросов Дунайского судоходства, на которую она не была приглашена, представляется вполне уважительным, потому что, как придунайская держава, она имела законное право участвовать в обсуждении порядков судоходства на Дунае.

3. Представительство. По личному составу конгрессы и конференции, как мы видели, различаются между собой. В конгрессах участвуют или сами государи, или их уполномоченные министры; на конференции правительства назначают своих делегатов или даже комиссаров, которые доводят постановления конференции до сведения своего правительства. Число представителей, посылаемых от каждого государства на те и другие собрания, зависит от усмотрения правительств.

4. Предметы совещаний. В этом отношении конгрессы и конференции также отличаются друг от друга. Перечислить все вопросы, которые могут и должны подлежать рассмотрению международных собраний, нет никакой возможности. История показывает, что обсуждению конгрессов и конференций подвергались не только взаимные отношения государств, но и внутренние государственные порядки. Нельзя оправдать подобного рода вмешательства. В принципе, как органы международного общения, конгрессы и конференции должны ограничиваться исключительно делами, касающимися союза государств.

5. Порядок совещаний. Сравнительно с прежним временем, делопроизводство современных конгрессов и конференций отличается отсутствием пустых формальностей и обрядов, так затруднявших занятия международных собраний в XVII и XVIII столетиях. В настоящее время внешняя сторона дипломатических съездов значительно упростилась.

Они открываются избранием председателя, которым обыкновенно бывает первый уполномоченный того государства, на территории которого происходит собрание. Это знак уважения к местной власти, гостеприимством которой пользуются представители других государств.

Обычное правило выбора в председатели лица, представляющего местную власть, было нарушено в новейшее время только в трех случаях: на Брюссельской конференции (1874 г.), когда уполномоченный Бельгии отказался от председательства, предложив оказать эту честь представителю России, инициативе которой конференция была обязана своим созывом; на Константинопольской конференции (1876-1877 гг.), предварительные совещания которой происходили под председательством русского уполномоченного, в качестве "doyen du corps diplomatique", и на конференции мира в Гааге (1899 г.), происходившей также под председательством русского уполномоченного из уважения к почину России.

По избрании председателя, производится обмен и проверка полномочий. Сами совещания ведутся устно и непосредственно. Иногда учреждаются специальные комиссии из членов собрания для изучения отдельных вопросов и подготовки их решения, или для окончательного формулирования уже принятых

решений. О каждом заседании составляется протокол. Если собрание созвано по предложению державы-посредницы, то ее уполномоченному принадлежит в собрании роль посредника; все совещания происходят при непосредственном его участии; ему сообщаются документы и переписка, касающиеся дела, и, при разногласии, он старается привести стороны к примирительному соглашению.

6. Принятие решений. Проекты постановлений конгрессов и конференций подлежат голосованию. Каждому государству, участвующему в собрании, принадлежит только один голос. Решения принимаются большинством голосов. Однако, мнение, принятое большинством собрания, не имеет безусловно обязательной силы для меньшинства. Навязывание его силою противоречит принципу независимости государств. Ввиду этого старания конгресса должны быть направлены к тому, чтобы убедить меньшинство отказаться от своей оппозиции и согласиться с большинством. При отсутствии единогласия цель собрания не будет достигнута и оно должно считаться несостоявшимся.

7. Исполнение решений. В международном союзе нет исполнительной власти, которая могла бы принудительно осуществлять постановления конгрессов и конференций. Исполнение их решений вполне зависит от самих государств, которые участвовали в их постановлении и их приняли. Иногда оно формально поручается одному из его участников в международном собрании или же предпринимается совокупными силами. Вопрос о средствах обеспечения исполнения решений конгрессов и конференций до настоящего времени остается открытым.

Глава вторая.

Субъекты международного права и международных отношений

I. Общие замечания

§ 53. Непосредственными субъектами международного права и деятелями в области международного общения являются независимые народы или государства европейской цивилизации.

В области международных отношений государство рассматривается как одно нераздельное целое, как юридическая личность, которая имеет относительно других государств известные права и обязанности. Государство, как целое, выступает тем деятелем, который, преследуя в общении с другими государствами поставленные себе задачи, дает направление и охрану международным отношениям. Международное право есть результат совокупных усилий и взаимодействия образованных государств. В сношениях между ними вырабатываются те формы, в которые складываются международные отношения, устанавливаются те порядки и создаются принципы, коими определяются отношения как целых народов, так и отдельных их подданных.

Ни монархи, ни частные лица, ни общества, участвующие в международных сношениях, не должны быть считаемы субъектами международного права. Монархи и дипломатические агенты (посланники) действуют на международном поприще в роли и с правами представителей или уполномоченных государства: они не имеют самостоятельных международных прав. Что касается частных ассоциаций и отдельных лиц, то они ведут свои международные обороты под контролем, покровительством и даже ответственностью государственной власти, в подданстве которой состоят.

II. Государство как международная личность

§ 54. Каждое государство, участвующее в международном общении, обладает такою же право- и дееспособностью, как и отдельное физическое лицо в сфере частных отношений. В этом смысле государство есть лицо, т.е. существо, которое не только имеет определенные присущие ему права, но может приобретать другие, охранять их и входить в различного рода юридические обязательства.

Но как субъект международного права, государство не есть какая-либо особенная личность, отличная от изучаемой в науке государственного права. Международное право берет государство, как оно есть, как оно выработалось историей и определяется государственным правом. Одним из лучших по своей точности и ясности определений государства до настоящего времени остается определение, данное Цицероном*(82). Приняв его, можно сказать, что субъектом международного права является союз людей, соединенных на одной территории и под одной верховной властью общностью своего права и своих интересов.

Международное право может удовлетвориться этим самым простым определением государства. Оно не входит в рассмотрение внутреннего устройства государств. Правда, существующие политические порядки всегда оказывают заметное влияние на международные отношения: они содействуют развитию международных оборотов или служат для них тормозом. Но не дело науки международного права определять эти порядки, выяснять их достоинства и относительные совершенства. Все государства, какую бы форму правления они ни имели, суть одинаково субъекты международного права.

Точно так же политическое могущество, фактическая сила, принадлежащая народу, нисколько не определяют совокупности его международных прав. В качестве субъектов международного права все государства равны между собой. Всем им принадлежат известные, выработанные историей и существующим международным порядком права и соответствующие им обязанности. Но, конечно, более сильное, просвещенное или экономически процветающее государство на факте всегда будет иметь более средств пользоваться своими правами, нежели слабое и культурно неразвитое государство.

Принадлежность государству прав международной личности предполагает выставленные выше основные признаки субъекта международного права. Для участия в международном общении безусловно необходимо, чтобы данный народ находился на определенной территории и подчинялся организованной политической власти. Поэтому не могут считаться субъектами международного права кочующие племена или различного рода общественные группы, как бы ни были они влиятельны в международном отношении.

Итальянский ученый Манчини доказывает, что субъекты международного права - нации, а не государства, как они определяются государственным правом. Но нация, будучи, по словам Манчини, "естественным союзом людей, связанных между собою, в силу единства их территории, происхождения, обычаев и языка, общением жизни и социального сознания", не есть государство. Если народность, понимаемая как этнографическое целое, сплотится в один политический союз, т.е. будет существовать на одной территории и под одной верховной властью, тогда она может быть субъектом международного права. Другими словами: чтобы быть субъектом международного права, нация должна сделаться народом, государством.

Наконец, государству может быть приписываема личность еще в том смысле, что оно умирает, сходит с поприща всемирной истории и выходит из международного общения. Государственное право не может предусматривать этого факта; международное право - должно. История представляет множество примеров смерти государств. Наступление этого события ставит вопрос о наследовании умершему государству в его правах и обязанностях, разрешаемый в международном

праве.

III. Разделение государств

§ 55. Все существующие цивилизованные государства суть члены международного общения и субъекты международного права; но степень их международной независимости неодинакова: одни государства обладают полным международным верховенством и не состоят ни в какой иной, кроме общей международной зависимости друг от друга; напротив, другие, не переставая быть субъектами международного права, находятся в таких отношениях между собой, которые более или менее ограничивают их суверенность. Наконец, есть еще государства, внутренне автономные, но безусловно несамостоятельные в международных отношениях: это полунезависимые государства, которые не принадлежат к субъектам международного права. Таким образом, международное самодержавие государств представляет видоизменения и оттенки, на основании которых существующие государства могут быть разделены на роды и виды.

Международное право различает простые государства, сложные и соединенные.

А. Простое государство не связано особенными международными узами ни с каким другим государством; оно есть единый политический организм, имеющий полное право международного представительства.

В. Особенность сложных государств состоит в том, что они являются соединением нескольких государств, связанных известными общими учреждениями, или одной верховной властью. Деятельность этой последней может ограничиваться одними международными отношениями или распространяться также на внутреннее управление. На этом основании сложные государства подразделяются на следующие виды:

а) Союз государств (*confoederatio civitatum*, *confederation d'Etats*, *Staatenbund*) есть такая форма соединения, в которой подчинение общим учреждениям не исключает внутренней и внешней самостоятельности соединенных государств.

б) Соединение нескольких государств под одной верховной властью (*unio civitatum*) бывает различного рода.

α) Личное соединение (*unio personalis*). Соединенные в этой форме государства связываются друг с другом личностью правящего ими суверена или царствующей династией.

β) Реальное соединение (*unio realis*). Здесь связь между государствами выражается не лицом государя или династией, но в известной общности жизни самих государств, соединенных между собой вечным образом.

γ) Союзное государство (*Etatfederal*, *Bundesstaat*). Данные государства могут войти в постоянное соединение под одной властью настолько, что образованное из них государство является само субъектом международного права. Члены такого союзного государства подчиняются общей верховной союзной власти, которая обыкновенно устанавливается взаимным их соглашением и проявляет свое действие в особенности в области международных отношений, которыми она управляет.

δ) Полунезависимые государства (*Etats mi-souverains*). Они составляют юридически часть другого государства. Более или менее самостоятельные в области внутреннего управления, они в международных отношениях совершенно зависят от власти другого государства. Сходство между ними и членами союзного государства заключается в том, что те и другие не суть международные личности,

но, в отличие от них, зависимость членов союзного государства имеет не международный, а государственный характер. Такая полунезависимость государств обнаруживается различным образом. Как мы увидим впоследствии, полунезависимые государства являются созданиями исключительно международных отношений, но не народных стремлений и сил.

Приведенные разнообразные политические формы, существенно влияя на международную дееспособность государств, должны быть приняты в соображение и выяснены положительным международным правом.

А. Простые государства

§ 56. С точки зрения международных отношений и права простые государства (Россия, Англия, Франция, Бельгия и др.) могут быть считаемы типами самостоятельных и полноправных членов международного общения. Ни во внутренних, ни во внешних своих отношениях они не зависят ни от какой чужеземной власти и действуют во всех случаях, как единые и нераздельные политические организмы.

Такие государства могут состоять из различных частей, не утрачивая через это своего органического единства в международных отношениях. Так, например, колонии часто имеют свои парламенты и войска, но, не пользуясь самостоятельным международным представительством, считаются интегральной частью своих метрополий. Поэтому все колониальные государства (как Англия, Португалия и др.) суть простые единичные международные лица. Государство может включать в себя также различные присоединенные (инкорпорированные) области, не теряя характера простого государства. Примером этого служит Великобритания, соединенная с Шотландией и Ирландией в одно королевство на основании актов 1707 и 1800 гг.

В. Сложные государства

а) Союз государств

§ 57. Союз государств есть в полном смысле слова международное соединение: оно основывается на общности интересов и уважении внутренней и международной самостоятельности государств - членов союза. Последние сохраняют право международного представительства рядом с представительством всего союза; все они могут заключать трактаты и отправлять посольства, с одним ограничением, чтобы совершаемые ими международные сделки, или инструкции, даваемые дипломатическим агентам, не противоречили интересам всего союза и отдельных его членов; что касается внутренней их автономии, то в принципе она не подлежит никаким ограничениям. Союз возникает по взаимному соглашению составляющих его государств с целью удовлетворения общих им международных интересов.

Единственная особенность союза государств не есть смешение в нем государственных и международных элементов. Союз не должен представлять этого смешения; напротив, при нормальном устройстве он охраняет внешнюю безопасность своих членов и содействует развитию самостоятельного внутреннего их управления. Образцовое устройство союза государств есть прототип той организации международного общения, о которой можно мечтать и на

осуществление которой можно надеяться при дальнейшем развитии международных отношений.

b) Соединенные государства

§ 58. (опущен)

§ 59. (Υ) Союзное государство. С точки зрения международного права союзное государство должно удовлетворять двум основным условиям: 1) обладать верховной союзной властью и быть единой международной личностью; 2) будучи единичным субъектом международного права, оно должно лишать этого характера государства, подчиненные общей союзной власти.

Прилагая это определение к нынешней Германской империи, мы должны сказать, что она не есть союзное государство, потому что не отнимает международного представительства от отдельных своих членов. Но она стоит на пути к союзному государству. История возникновения союзных государств вообще показывает, что они образуются из союза государств под давлением международных потребностей. Они - результат не только общности экономических, социальных, национальных интересов или географического положения, сколько международного положения известной группы народов, вызывающего сплочение их сил для охранения внешней безопасности. Во имя этой цели они отказываются от международных своих прав и подчиняются общей верховной власти*(83).

§ 60-62. (опущены)

IV. Условия существования государств, как международных личностей

§ 63. Известно, в чем состоят основы государства, каким коренным требованиям оно должно удовлетворять, чтобы считаться субъектом международного права: оно должно быть обществом людей, живущих на определенной территории, под одной верховной властью. Отсутствия одного из этих условий достаточно, чтобы данная организация не считалась государством и субъектом международного права. Поэтому какая-нибудь политическая партия, хотя бы воюющая (Венгерцы в 1849 г., Поляки в 1862 г.), или церковное общество не могут быть признаны субъектами международного права.

Конкретные государства, составляющие международную ассоциацию, суть продукты определенного исторического процесса; они подлежат его действию в каждый данный момент своего существования. В этом смысле каждое государство возникает, развивается, растет, чахнет и умирает. Государство "бессмертно" только в том смысле, что бытие его не зависит от существования наличных подданных: одни поколения граждан сменяются другими, но государство продолжает существовать.

Не дело международного права исследовать процесс развития государств. Но признавая членами международного общения существующие конкретные государства, оно должно иметь в виду то влияние, которое неизбежно оказывают на международное их положение, на взаимные их права и обязанности существенные перемены или изменения, которым они подвергаются в своем развитии. Такие факты, как образование новых государств, или важные изменения в территориальном или личном составе существующих, или, наконец, смерть государства, порождают определенные отношения между членами международного союза, которые должны быть нормированы международным правом.

А. Признание новых государств

§ 64. Государство, будучи продуктом развития народного самосознания, может возникнуть при самых разнообразных условиях. Оно может быть создано волей и усилиями какого-либо государственного деятеля или завоевателя; может быть теократией; может развиваться из отношений семейных в форме патриархального государства или иметь своим основанием вотчинные отношения, как феодальное государство; может быть образовано путем колонизации, восстания и т.д. Все эти формы возникновения государства не имеют международного значения и не подлежат анализу науки международного права. Они составляют предмет истории государственного права или всеобщей истории. Иное дело сам факт возникновения государства. Каждое вновь образовавшееся государство, желающее участвовать в международном общении с правами и обязанностями международной личности, должно быть признано таковым со стороны других государств; возникновение его становится вопросом международного права. Правильные международные сношения мыслимы только между признающими друг друга государствами. Необходимость этого признания вытекает из самого понятия о международном общении.

С точки зрения международного права вопрос о признании государства может возникнуть в трех главных случаях: 1) вследствие отделения части народа, образующей самостоятельный политический организм, 2) вследствие создания из нескольких областей одного государства и 3) вследствие принятия нового титула главою государства.

Так, например, отделившиеся от Англии и объявившие себя независимыми (4 июля 1776 г.) 13 штатов Северной Америки были признаны таковыми со стороны Франции в 1778 г.; южноамериканские колонии Испании и Португалии, после продолжительной войны со своими метрополиями, образовывали отдельные государства, признанные таковыми в 1825 г. Англией; Бельгия провозгласила свою независимость от Голландии и была признана великими державами в 1830 г.

Примерами государств, образовавшихся из нескольких областей, принадлежавших прежде другим государствам или составляющих отдельные государства, могут служить: Вестфальское королевство и другие государства, созданные Наполеоном I, а также Мексиканская империя, которую устроил Наполеон III для австрийского эрцгерцога Максимилиана.

Переговоры о признании новых титулов вели: Фридрих I, принявший титул короля прусского, и Петр I об императорском титуле.

Признание предполагает внутреннюю независимость вновь возникшего государства, но его не создает. Государство возникает и существует самостоятельно. Признанием его лишь констатируется его рождение. Поэтому нельзя видеть в акте признания "нравственное вмешательство" во внутренние дела другого государства, как утверждает Филлимор. Напротив, в принципе, признание есть всегда не более, как формальное засвидетельствование определенного совершившегося факта.

Так, известно, что Швейцария была торжественным образом признана независимой на Вестфальском конгрессе 1648 г., будучи в действительности самостоятельной уже с XIV в., точно так же Версальский трактат 1783 г., признавая независимость Соединенных Штатов Америки, лишь подтверждал порядок вещей, существовавший в этой стране с 1776 г.; Бельгия, удовлетворявшая всем условиям самостоятельного государства, была признана таковым Лондонской конференцией 1830 г. Напротив, Венгрия не получила, в 1849 г., признания своей независимости, по отсутствию в ней в то время элементов прочной самостоятельной политической

организации.

Признание бывает официальное (формальное) или фактическое (неформальное). Официальное признание выражается в официальных актах, как-то: в постановлениях конгрессов, в декларациях, изданных одним или несколькими правительствами, в назначениях консулов или дипломатических агентов, вообще в начатии правильных международных сношений. Фактическое признание обнаруживается в начатии правильных международных сношений с новым государством без всякого предварительного торжественного констатирования этого решения.

Каждое государство свободно констатировать международную независимость образовавшегося государства и нисколько не обязано выжидать признания ее со стороны других, более заинтересованных государств. Но, конечно, лучше, если признание будет дано ранее других тем правительством, которое непосредственно в нем заинтересовано.

История представляет много примеров, что те государства, от территории которых отделилась известная часть населения и образовала самостоятельное государство, весьма неохотно соглашались на его признание.

Так, например, Португалия вполне отделилась от Испании уже в 1640 г., но этот факт был признан испанским правительством только в 1668 г.; несмотря на это, другие державы уважали фактическую независимость Лиссабонского правительства и поддерживали правильные с ним сношения. Независимость Нидерландских Штатов была признана Испанией только на Вестфальском конгрессе 1648 г. - Лондонская конвенция (1827 г.) признала независимость Греции от Турции в то время, когда турецкое правительство продолжало еще смотреть на восставших Греков как на подданных султана. Бельгия отделилась от Голландии в 1830 г., но последняя признала этот факт только в 1839 г. - Англия признала независимость Италии в 1860 г., когда Франц II Неаполитанский был еще в Гаете и не думал отречься от престола.

Наконец, признание может быть, кроме того, условное или безусловное. Примером условного признания могут служить постановления Берлинского трактата 1878 г., касающиеся независимости Румынии, Сербии и Черногории.

Юридические последствия признания бывают двоякого рода, смотря по тому, последовало ли оно со стороны всех государств, или только некоторых. В первом случае признанное государство становится полноправным членом международного общения; во втором - правильные международные сношения поддерживаются новым государством только с державами, его признавшими. Акт признания имеет, во всяком случае, огромное нравственное значение и влияние, в особенности, если он последовал во время неоконченной еще борьбы государства с отделившейся от него частью территории. Во многих случаях он рассматривался как *casus belli* с той державой, которая его издавала; так, например, смотрело английское правительство на признание Францией сына Якова II Стюарта английским королем и, позднее, на признание ею же независимости Северо-Американских Штатов*(84).

В. Влияние внутренних государственных переворотов

§ 65. Внутренние государственные порядки несомненно определяют фактическое положение, которое занимает данное государство среди других народов; но сами по себе преобразования или перевороты в государстве не изменяют юридического его положения, его прав и обязанностей в отношении других государств.

Если все государства, какой бы ни было формы правления, входят в состав

международного общения, то разумеется, что каждое государство вольно изменять по своему усмотрению и надобности свои внутренние порядки, свое устройство и управление. Все государственные преобразования, как бы ни были они существенны и в каком бы духе они ни были предприняты, являются прежде всего вопросами внутренней политики, а не международного права. Необходимо только, чтобы данный народ существовал, как независимый политический организм, имеющий все атрибуты государства. Такой народ и при новых внутренних порядках удержит свои качества международной личности, будет субъектом международного права. Вследствие перемен, совершающихся внутри государства, он не утратит своих прежних международных прав и не приобретет новых.

Этот общий принцип выражен пятью великими державами в Лондонском протоколе 19 февраля 1831 г., давшем формальную санкцию независимости Бельгийского королевства. Здесь, между прочим, сказано: "согласно общему основному началу, трактаты не теряют своей обязательности, каким бы изменениям ни подвергалась внутренняя организация народов".

Крайняя необходимость и разумность этого правила понятны. Если бы сила международных обязательств зависела от царствования какой-либо династии или от той или другой формы правления, тогда изменение правления или свержение династии служили бы отличным средством освободить народ от обязанности исполнять заключенные им трактаты.

Из истории можно привести множество примеров, иллюстрирующих выставленное выше положение. Во время первой и второй английских революций (1649 и 1688 гг.) ни английский народ, ни протектор Кромвель, ни Вильгельм Оранский не отрицали обязательности для себя трактатов, заключенных Карлом I и вообще династией Стюартов. В свою очередь, Стюарты, реставрированные в лице Карла II (1660 г.), признавали обязательную силу трактатов, заключенных Кромвелем. Французская революция 1789 г. изменила коренным образом "старый порядок" Франции; тем не менее, Национальное Собрание 1790 г. нисколько не считало себя свободным от обязательств, наложенных на Францию международными договорами Людовика XVI и его предшественников, потому что Франция продолжала существовать как единое государство. Правда, этот принцип нашел сильных противников в Национальном Собрании 1792 г. и в деятелях Конвента (см. **Введение, § 26**), которые провозглашали необязательность для Франции трактатов, заключенных "тиранами". Но европейские державы справедливо видели в нарушении этих трактатов нарушение своих прав и соединились для вооруженной борьбы с общим врагом. Точно так же, когда Ламартин, бывший министром иностранных дел Второй французской республики (1848 г.), обнародовал декларацию, в которой в пышных фразах отвергал обязательность для Франции Венских трактатов 1815 г., великие державы энергически протестовали против такого объявления, доказывая, что означенные трактаты могут быть отменены только по взаимному соглашению государств.

Исключение составляют те международные обязательства, сила которых, по самому их существу или по соглашению между сторонами, стоит в зависимости от существования на известном престоле данной династии или данного монарха: с лишением династии престола или со смертью государя такого рода обязательства прекращают свое действие.

Так, в 1535 г. была заключена капитуляция между турецким султаном и французским королем Франциском I, продолжительность действия которой, по воле контрагентов, ограничивалась "жизнью монархов", ее подписавших. Людовик XIV заключил с Иаковом II Стюартом договор, на основании которого обязался помогать ему войсками и деньгами в борьбе с английским народом, пока Иаков II не будет снова на английском престоле: договор этот был обязателен только для двух

названных государей, как личное их дело. Такой же личный характер имели договоры, заключенные Наполеоном III с мексиканским императором Максимилианом.

На основании сказанного будет понятно влияние, которое оказывают междуцарствия на международное положение данного государства. Вновь воцарившаяся династия не может не признать обязательств международных, законным образом заключенных во время междуцарствия, если только последнее было жизнеспособно. В международных сношениях узурпатор, фактически обладающий властью, считается законным представителем своего народа. Поэтому принятые им международные акты, как акты, совершенные во имя государства, обязательны для легитимного правительства, которое восстановит свою власть.

На этом основании Карл II, король английский, признавал трактаты, заключенные Оливером Кромвелем. Бурбоны, восстановленные на французском престоле в 1814 г., должны были признать обязательными для себя многие из тех международных договоров, которые заключил Наполеон I в качестве консула и императора. Гессенский курфюрст, намеревавшийся не исполнять трактаты, заключенные Вестфальским королем, бывшим по отношению к нему узурпатором, по настоянию великих держав, которые возвратили ему (в 1814 г.) прежние его владения, должен был признать законность тех трактатов. Напротив, для законного правительства не обязательны те международные акты, которые предприняты главой восставшей против него партии или части населения, фактически не достигшей самостоятельности и не существовавшей как независимое целое. Такой характер имели восстания Костюшко в Польше (1794 г.), Манина в Венеции и Кошута в Венгрии (1849 г.).

С. Значение территориальных изменений государства

§ 66. Политическая организация, государственный строй народа составляет необходимое условие существования государства, как международной личности. Столь же реальным его основанием является его территория, то пространство земли, на которой живет народ и которая подчиняется исключительно его верховной власти. Если изменения в государственном порядке могут иметь значение в области международных отношений, то тем более оказывают влияния на взаимные отношения государств изменения, которым они подвергаются в территориальном своем составе. Порядок внутреннего управления, в принципе, есть дело каждого отдельного государства, самостоятельно им разрешаемое и касающееся только его одного. Напротив, территориальные изменения суть всегда изменения границ, разделяющих данные государства и устанавливающие между ними отношения соседства: поэтому они всегда отражаются на взаимных правовых отношениях между государствами.

Изменения в территориальном составе государств могут быть троякого рода: 1) данное государство может совершенно лишиться своей территории, прекратить свое существование; 2) оно может потерять часть своих владений; 3) оно может увеличить свою территорию присоединением новых владений. В каждом из этих случаев возникают особенные юридические отношения государств, как членом международного общения.

§ 67. 1. Государственная территория утрачивается. Государство без территории немислимо: лишаясь своей территории, государство прекращает свое существование, выходит из международного общения. Обыкновенный и главный случай этого рода бывает в настоящее время тогда, когда одно государство со всем населением присоединяется к другому таким образом, что перестает существовать,

как независимая международная личность.

История изобилует примерами таких присоединений, мирных или путем завоевания. Единодержавное Московское государство образовалось подчинением Москве удельных княжеств, присоединением Великого Новгорода и Пскова, завоеванием царств Казанского, Астраханского и т.д. Шотландия и Ирландия вошли в состав единого Английского королевства. Наполеон I завоевал многие государства и создал из них самостоятельные республики, королевства и герцогства. Король прусский прокламацией 1866 г. объявил о присоединении к Пруссии Ганновера, Кургессена, Нассау и Франкфурта-на-Майне.

Другие случаи "смерти" государства, приводимые Гефтером и Филлимором, крайне редки и едва ли возможны в настоящее время. Таковы: 1) когда все граждане, составляющие государство, вымрут или будут истреблены; 2) когда граждане данного государства перестанут составлять политический союз вследствие притеснений, выселения или изгнания из родной земли, как это было с евреями и другими народами древнего мира. Трудно представить себе, чтобы нечто подобное могло произойти в наше время.

Юридические последствия поглощения одного государства другим напоминают отношения, возникающие между частными лицами в порядке наследования: государство, присоединяющее чужую государственную территорию, занимая место "умершего" государства, вполне вступает в его юридическую личность, в его права и обязательства.

Относительно преемства международных прав и обязанностей выработались исторически и признаются теорией и практикой следующие основные начала: 1) государство, присоединяющее к себе одно или несколько государств, остается единичным субъектом международного права, с одним голосом при решении международных вопросов; 2) в принципе все международные права и обязательства, бывшие за "умершим" государством, переходят к "наследнику". Нельзя сказать, что преемство имеет место "насколько существование и продолжение таких обязательств возможно", ибо ограничение это слишком эластично. Не перейдут к присоединяющему государству только те права и обязательства присоединяемого, существование которых без независимости последнего немислимо.

Наследство, которое получает государство, присоединяющее к себе чужую территорию, состоит из активных и пассивных прав. В международном праве не имеет применения *beneficium cum inventario*, т.е. государство-наследник не может поставить условие, что оно примет на себя обязательства присоединяемого государства, насколько они соответствуют его активу. К нему переходят все обязательства и права присоединенного народа. Они заключаются в троякого рода правах и имуществах. Сюда относятся: 1) все международные обязательства и трактаты; 2) публичное достояние (*domaine public*), как то: правительственные учреждения, присутственные места, казармы, тюрьмы, пути сообщения, порты, города и т.п.; 3) собственность казенная в тесном смысле, т.е. капиталы и имущества казны.

К государству присоединяющему переходят, во-первых, все международные обязательства и трактаты. Поэтому оно обязано принять на себя долги присоединенного государства, уплачивать по ним проценты и производить их погашение в том порядке и размере, которые определены законами того государства. Все коммерческие трактаты и другие международные договоры, заключенные присоединенным государством, обязательны для присоединяющего.

Во-вторых, государство присоединяющее делается наследником публичного достояния присоединяемого народа. К нему переходит право владения и распоряжения этим достоянием, право его регламентации своими законами и

распоряжениями, словом, в сфере публичных правоотношений государство может действовать по своему усмотрению, согласно со своими интересами и пользой. Это право распространяется на все, что служит для удовлетворения государственных нужд, например, на запасы оружия, военной амуниции, находящиеся в присоединяемой стране, и т.д.

В-третьих, казенная собственность государства, прекратившего свое существование, целиком поступает в полное распоряжение государства-наследника: деньги, леса, угодья, земли, вообще недвижимые и движимые имущества старой казны становятся его собственностью.

История новейшего времени представляет несколько интересных случаев применения только что изложенных начал. Сардинское королевство, присоединив к себе в 1860 г. другие итальянские государства, приняло на себя их обязательства (все государственные долги) и получило право на их публичное достояние и казенную собственность. Прекратив (1870 г.) независимое существование Папской области, Итальянское правительство приняло на себя обязанность уплачивать проценты по государственным займам и исполнять международные обязательства, которые были заключены папами, в качестве светских государей. Точно так же Пруссия, законом 22 сентября 1866 г., уничтожившим международную независимость Ганновера, Кургессена, Нассау и Франкфурта-на-Майне, объявило себя ответственной за их долги и все международные обязательства. После трехлетней геройской борьбы Трансваальская и Оранжевая республики в Южной Африке потеряли свою международную независимость и были присоединены к Англии. В отношении этих южноафриканских республик вышеприведенные начала должны получить полное применение, без нарушения законных прав подданных нейтральных государств, имеющих правомерные интересы в завоеванных голландских республиках.

§ 68. 2. Государственная территория уменьшается. Уменьшение территории данного государства может быть более или менее значительное; во всяком случае, государство не лишается чрез это политической своей независимости и остается субъектом международного права. Поэтому как бы ни были обширны провинции, отпавшие от государства, за ним все-таки остаются все прежние международные обязательства.

Так, например, Пруссия после Тильзитского мира (1807 г.) лишилась почти третьей части своих владений, но не перестала существовать как независимое королевство и потому должна была исполнять международные обязательства, заключенные ею при других условиях. Саксонское королевство потеряло на основании Венского акта (1814 г.) половину своей территории, но не освободилось от международных обязательств, оставаясь независимым государством. Австрия лишилась после 1859 г. богатейшей своей области - Ломбардии; в 1866 г. она потеряла Венецию, но ее международные обязательства остались в прежней силе. То же самое надо сказать о Франции после 1815 г. и 1871 г., о Турции после 1829 г. или 1878 г.

Государственная территория уменьшается или вследствие несчастной войны государства, или вследствие междоусобной войны. В первом случае обыкновенно часто территория побежденного государства присоединяется к владениям победителя, во втором - отделившиеся провинции или колонии образуют новое государство или соединяются с государствами существующими. Наиболее важным и трудным для разрешения представляется вопрос о переходе международных обязательств главного государства к провинциям, отделившимся от него после междоусобной войны.

По общему правилу, междоусобная война должна оставаться делом спора исключительно между непосредственно заинтересованными сторонами. Законное

правительство имеет полное право принимать все меры для восстановления своего авторитета и противодействия стремлению мятежной области получить независимое существование. Всякое вмешательство в борьбу нейтральных держав будет недозволенным вторжением во внутренние дела данного государства. Однако междоусобная война может приобрести международное значение. Происходя в соседстве с границами другого государства, она делает необходимым принятие со стороны последнего мер, обеспечивающих неприкосновенность его территории. Междоусобием могут быть нарушены коммерческие интересы нейтральных держав. Понятно, что в этих случаях третьи государства не будут оставаться безучастными зрителями борьбы. Вопрос заключается в том, при каких условиях они имеют право объявить, что восставшая область есть независимое государство?

Существование самостоятельного государства есть вопрос факта; оно может быть констатируемо только на основании обстоятельств, в которых действительно находится данный народ. Применяя это требование к восставшей области, нейтральные правительства, прежде чем провозглашать ее независимость, должны убедиться, подтверждают ли факты то, что они намерены утверждать. Только этим путем можно проверить действительное положение борющихся сторон и добросовестным образом признать взаимную их самостоятельность.

В этом смысле решает вопрос послание президента Гранта 1875 г. относительно острова Кубы. В ответ на требование некоторых членов Вашингтонского правительства объявить восставших Кубинцев независимыми от Испании, Грант заявил, что пока продолжается открытая борьба между метрополией и колонией, он не считает себя вправе вмешиваться в междоусобие. Особенно рельефно выяснено это значение междоусобной войны в переписке между посланником Северных Штатов, Адамсом, и лордом Росселем, по поводу признания в 1863 г. Лондонским кабинетом независимости Южан. Наконец, (в 1849 г.) Вашингтонское правительство отказало в своем признании независимости Венгрии, после того как отправленный им агент (некто Манн) донес, что венгерское революционное правительство в действительности нежизнеспособно.

Таким образом, нельзя согласиться с мнением, что нейтральные правительства могут по праву немедленно признать восставшую область независимым государством и стать на ее сторону в междоусобной войне. В этом случае вмешательство было бы признанием факта, который окончательно еще не определился, и правительства взяли бы на себя не принадлежащую им роль судей справедливости междоусобной войны. Но, с другой стороны, нельзя отказать посторонним державам в праве поддерживать фактические, особенно торговые, сношения с восставшей провинцией или колонией и принимать меры для охраны в ее пределах законных интересов своих подданных.

С этой целью Англия, Франция и Россия отправили своих консульских агентов в Грецию, борющуюся за свою свободу против турецкого правительства.

Из дел Государственного архива приводим следующий, сюда относящийся, интересный случай. В 1811 г. прибыл в С.-Петербург американец Паркер с целью установить правильные коммерческие сношения между Россией и отделившимися от Испании южноамериканскими колониями Каракас, Венесуэла и Санта-Фе. Государственный Канцлер отказал в формальном признании независимости этих колоний, но все-таки внес в Государственный Совет представление в том смысле, что "открытие торговых сношений с означенными провинциями, не представляя никаких для нас (России) неудобностей, разрешено быть следует, с тем только, чтобы это решение было точно основано на общих правилах системы твердой земли, для нейтральных держав установленных" (sic!). Но Государственный Совет не согласился с мнением Государственного Канцлера. Большинством 21 голоса против 4 он постановил, "что доколе правительство трех провинций, домогающихся

о вступлении с ними в торговые сношения, не утвердится прочным образом и нами торжественно признано не будет, домогательства американца Паркера удовлетворить не следует". Император Александр I утвердил мнение большинства 27 октября 1811 г.

Такое решение Государственного Совета нельзя не признать весьма основательным. Никаких интересов русских подданных в вышеупомянутых трех отложившихся колониях не было, которые требовали бы покровительства России. При отсутствии этого условия вступление нейтральных держав в торговые сношения с восставшими провинциями справедливо будет рассматриваться законным воюющим правительством как вмешательство и политическая демонстрация.

Совершившееся отделение части территории от главного остова государства приводит к следующим юридическим последствиям. Те международные обязательства, которые лежат специально на отделившейся области, остаются за нею и отходят от государства, к которому она принадлежала. Эти обязательства могут быть местные или личные. К первым относятся, например, частноправовые обязательства по владению железными дорогами, которые находятся в отделившейся части государства. Они обыкновенно регулируются по взаимному соглашению заинтересованных государств.

Так, Франкфуртский трактат 1871 г. определил права и обязательства германской союзной власти в отношении железных дорог Эльзаса и Лотарингии: она должна была или принять на себя все частнодолговые обязательства, лежащие на этих дорогах, или выкупить их за определенную сумму.

Государственные долги переходят в известной части на отделившуюся область.

Например, Бельгия обязалась (ст. 13 Бельгийско-Голландского договора 1839 г.) уплачивать 5 миллионов ежегодной ренты в счет государственного долга Голландии, образовавшегося с 1815 по 1830 г. На основании Цюрихского трактата 1859 г. Сардиния взяла на себя уплату части австро-ломбардского долга. Болгария (ст. 9 Берлинского трактата) обязана нести на себе часть государственного долга Турции, имеющую быть определенной Портою по соглашению с державами.

Что касается личных обязательств, падающих на государство, присоединяющее к себе область, или на образовавшееся из отделившихся провинций новое государство, то они особенного значения не имеют. Права, принадлежащие населению уступаемой местности, например, относительно исповедания определенной веры или прав иностранцев, пребывающих в этой местности, должны сохранять свою силу под властью нового правительства, насколько они не противоречат интересам всего населения государства, ибо правительство всегда имеет право установить такой порядок в пределах своей территории, который отвечает пользе всего народа.

§ 69. 3. Государственная территория увеличивается. Вопрос об увеличении государственной территории находится в тесной связи с вопросом об ее уменьшении. Обыкновенно государство расширяет свою территорию за счет чужих владений, так что если одна территория увеличивается, то другая уменьшается; поэтому юридические последствия уменьшения и увеличения территорий вполне соотносительны. К сказанному об этих последствиях в предыдущем § 68 остается прибавить несколько слов.

Присоединяя к себе часть чужой территории, государство приобретает по отношению к ней все права суверенитета, как в случае присоединения целого государства; относящиеся сюда начала указаны выше (§ 67). В особенности переходят к приобретающему государству те права и обязательства, которые специально принадлежат присоединенным владениям, как, например, их долги и долговые требования. С другой стороны, присоединяемая часть получает все права

и принимает на себя все обязанности нового целого.

Присоединение чужих владений может быть безусловное или условное. Недоразумения, могущие возникнуть относительно условий присоединения, лучше всего предупреждаются взаимным соглашением заинтересованных государств, которое обыкновенно лежит в основании территориальных приобретений.

Так, в Берлинском трактате (1878 г.) подробно определены условия, на которых приобрели части оттоманской территории Сербия, Черногория и Румыния. Княжества обязались уважать религиозную свободу всех лиц в пределах своих владений (ст.ст. 27, 35, 44); Сербия и Черногория приняли на себя часть оттоманского долга (ст.ст. 33 и 42). Мы указали выше, на каких условиях Черногория присоединяла к себе порт Антивари с его округом. Точно так же в Ништадтском трактате (1721 г.) Швеция выговорила в пользу населения уступленного России Остзейского края известные льготы и права. Великое княжество Финляндское отошло к России по Фридрихсгамскому трактату 1809 г. также на известных условиях.

На практике неоднократно возбуждали вопрос о времени, в течение которого условия подобного рода обязательны для государства, и о последствиях их нарушения. Существует мнение, что государство связывается ими навсегда, и если нарушает их, то теряет право на дальнейшее владение приобретенной областью. Едва ли можно согласиться с этим взглядом; во-первых, само население присоединенной на условиях местности может своим поведением дать законный повод к несоблюдению выговоренных в ее пользу привилегий; во-вторых - и это главное - вечной обязательности этих условий противостоит естественный закон развития социальной и государственной жизни, которому подчиняются все народы.

V. Международные свойства государства

§ 70. Под международными свойствами государств мы понимаем присущие государствам качества, без которых они немислимы в области международных отношений и на которых основываются взаимные их права. Такими основными и необходимыми их свойствами являются: 1) суверенность, 2) дееспособность и 3) равноправность. Все три принадлежат каждому государству, участвующему в международном общении, и предполагаются этим общением.

а) Суверенитет. В суверенитете или верховенстве выражается независимость государства как в сфере внутреннего управления, так и в международных сношениях.

В области международных отношений суверенитет не имеет того объема, как в государственном управлении. Различие немедленно обнаруживается, как только государство вступит в сношения с другими народами и пожелает заключать с ними обязательства и пользоваться международными правами: тогда силою вещей оно вынуждено будет делать уступки, уважать законные интересы и права других народов, должно отказаться от безусловного осуществления своего верховенства. Абсолютное в смысле государственного права, начало суверенитета, определяется в международном общении взаимными отношениями, которые существуют между народами, и ими ограничиваются.

Суверенитет государств есть необходимое предположение их международной личности: правовые отношения могут установиться только между государствами, автономными во внутреннем управлении и независимыми (в указанной выше степени) во внешней своей деятельности. Полунезависимые государства являются аномалией. Народ, утративший свое верховенство, подчиняется действию не международного, но государственного права, и наоборот, общение, которое

приобрело суверенитет, становится субъектом международного права.

б) Дееспособность. Государство, как международная личность, должно изъявлять свою волю и действовать. Без дееспособности государство не может ни руководить сношениями своего народа, ни вступать в соглашения с другими государствами, ни осуществлять задачи международного управления. Правоспособность государств совпадает с их дееспособностью. Раз государство образовалось и признано членом международного общения, оно не может быть недееспособным. Ограничивающие дееспособность возрастные сроки неприменимы к государствам.

Исключения составляют полунезависимые государства, которые напоминают своей ограниченной дееспособностью физических лиц, находящихся под опекой или попечительством. Таково, например, положение египетского правительства, контролируемого в финансовых делах особо назначенным английским советником финансов, или тунисского бея, дипломатические сношения которого, на основании договора с Францией 12-го мая 1881 г., должны происходить при посредстве аккредитованного при бее французского министра-резидента. Логика и справедливость требуют, чтобы такие несамостоятельные государства ответствовали за свои действия перед иностранными правительствами настолько, насколько свободна их дееспособность. За действия правительства египетского хедива или тунисского бея должны в известной степени отвечать европейские державы, под попечительством которых они находятся.

Мнение это отчасти подтверждается и практикой. Когда в 1871 г. известный строитель железных дорог, Струсберг, заключив с румынским правительством договор о перестройке дорог, не получил ее вследствие неутверждения контракта палатой румынской, то обратился с жалобой к князю Бисмарку, который сделал по этому делу представление не только Бухарестскому кабинету, но и Порте, доказывая, что она отвечает за действия своего вассального государства. С этой же точки зрения смотрело наше правительство на ответственность Порты за пиратство подданных Варварийских владений и Аккерманской конвенцией 1826 г. формально обязало турецкое правительство к уплате вознаграждения тем Русским, которые пострадали от этих пиратов.

с) Равноправность. Подобно тому как отдельные лица, граждане, равны перед законом, так независимые государства равны перед международным правом: все они имеют определенные основные права, которыми могут пользоваться и которые должны быть взаимно уважаемы. Равноправность государств вытекает из понятия о международном общении; в этом смысле она есть "теоретическое" начало. Но было бы несправедливо не признавать за нею никакого практического значения и отрицать положительные ее основания.

Принцип равноправности государств прекрасно сформулирован североамериканцем Сомнером в заседании Вашингтонского сената 23 марта 1871 г. Вот его слова: "Не подобает совершать против маленького и бессильного народа то, что мы не решаемся сделать народу великому и могущественному и что мы не допустили бы предпринять против нас самих". Общение, соединяющее современные образованные народы, требует, чтобы они признавали взаимные равные права.

Но юридическое начало равноправности членов международного общения вовсе не исключает фактического их неравенства - неравенства по могуществу, количеству населения, богатству и пр. Частные лица точно так же должны быть равны перед законом; гражданское равенство есть великое "теоретическое" начало, завоеванное европейской цивилизацией; но не все частные лица имеют одинаковую возможность пользоваться своими законными правами, применять их. Так и государства "великие", могущественные обладают большими средствами осуществлять свои права, нежели маленькие и бессильные. Но из этого не следует,

что первые могут по праву предписывать законы бессильным народам.

Притязания некоторых государств называться "великими державами" представляются, с точки зрения международного права, ни на чем не основанными, хотя это название признается за ними ввиду особенного их политического могущества и международного значения. Но во всяком случае ничем не могут быть оправданы попытки этих государств распоряжаться судьбой остальных, вмешиваться в их внутренние дела и управлять их международными интересами*(85). Из принципа равноправности такое вмешательство не вытекает, ибо он не требует, чтобы все государства имели одинаковые порядки и осуществляли свои международные права "одинаковым образом". Государство свободно в сфере внутреннего управления и может предоставлять на своей территории более прав своим подданным, нежели иностранцам, может даровать большие преимущества подданным одних государств сравнительно с другими. Наконец, начало равенства между государствами не отменяет установленных международной практикой и в особенности постановлениями Венского и других конгрессов XIX в. ранга и титулов государств и их представителей, которые, впрочем, не обещают их обладателям никакой власти в международных отношениях.

§ 71. По началу суверенитета каждое государство вправе принять тот титул, какой только пожелает; но чтобы приобрести международное значение, оно нуждается в признании со стороны других государств. Для такого признания необходимо, чтобы достоинство и ранг, соединяющиеся с титулом, который принимает государство, соответствовали месту и положению, которые оно действительно занимает в международном общении; государство незначительное в политическом отношении не может притязать на титул и ранг, принадлежащие большим государствам.

Державы, участвовавшие в Аахенском конгрессе 1818 г., отказали в королевском титуле Гессенскому курфюрсту, находя, что просьба курфюрста об этом титуле "не оправдывается никаким достаточным основанием". Напротив, королевский титул Бранденбургских курфюрстов, принятый в 1701 г. Фридрихом I, был признан всеми державами, ибо международное значение, которым уже тогда пользовалась Пруссия, вполне соответствовало этому титулу. То же самое надо сказать о русском императорском титуле, который был принят Петром Великим в 1721 г., по заключении Ништадтского мира, и в разное время признан европейскими кабинетами*(86). В новейшее время прокламация английского правительства (1876 г.) о принятии великобританской королевой титула "императрицы Индии" была сообщена всем державам и принята ими беспрекословно. Державы согласились на признание Румынского княжества и Сербии королевствами (1881-1882 гг.). В 1897 г. корейский король принял титул императора, который еще не признан европейскими государствами.

Неопределенность ранга государей вызывала в прежнее время постоянные пререкания между представителями различных держав о первенстве или председании (*droit de presence*). История XVI, XVII и даже XVIII вв. полна примерами споров, часто комических, но иногда серьезно возмущавших мир Европы, о том, кто должен председательствовать на международном собрании, в каком порядке заседать, подписывать договор, быть принятым на аудиенции государя и т.п. Эти нескончаемые споры обращали на себя внимание пап, которые по просьбе спорящих и в силу высшей власти, приписываемой себе римскими первосвященниками, определяли ранги и титулы государей.

Совершенно ошибочно приписывают папе Юлию II изданный будто бы им в 1504 г. регламент, согласно которому первое место должно было принадлежать римскому императору; за ним следовали: римский король, король французский,

кастильский, арагонский, португальский, английский и т.д. О московском царе не упоминалось. На основании новейших исследований ни папа Юлий II, ни другие римские папы не издавали подобных регламентов с обозначенной для государств силой.

В настоящее время ранг и церемониальные права государей определяются нижеследующими обычными и договорными правилами:

1) До настоящего времени различные монархи удержали за собой религиозные титулы, которые были пожалованы их предшественникам римскими первосвященниками ввиду особенных заслуг перед церковью. Так, французский король назывался "roi tres chretien" или "filius primogenitus ecclesiae"; английский король - "defensor fidei"; император австрийский в качестве короля венгерского - "Majeste Apostolique"; испанский король - "roi catholique"; португальский - "roi tres fidele"; бывшие польские короли титуловались "rois orthodoxes".

2) Католические государства признают первенство за представителями папы, - обычай, необязательный для России и протестантских государств.

3) Первое место между самостоятельными государствами занимают те, которым принадлежат "королевские почести" (honneurs royaux). Таковы: империи, королевства, великие герцогства и великие республики - французская, швейцарская и североамериканская (в прежнее время Венеция и Голландские Штаты). К преимуществам, соединяющимся с королевскими почестями, относятся: титул "Величества" (Majeste), особые гербы, различные церемониальные права и право посылать дипломатических агентов первого класса, послов - ambassadeurs. Между императорами, королями и республиками признается полное равенство ранга и церемониальных прав. Швейцария не назначает послов по собственной воле, а не по отсутствию права. Необходимо еще заметить, что родственные и семейные отношения между суверенами, равно как и политические союзы не изменяют порядка мест и ранг государств*(87).

Императорский титул не имеет никаких формальных преимуществ перед королевским. Попытки установить различие между ними в теории и тем оправдать то предпочтение, которое на практике обыкновенно дается императорскому титулу, до сих пор не удавались.

Блюнчли видит это различие во "всемирном" значении империи и в ее господстве над "несколькими народностями". Но этому мнению противоречат как история, так и положительные факты. Англия издавна уже властвует над многими народами и, конечно, имеет всемирное значение, однако носит титул королевства*(88). Прусские короли не изменили своего титула на императорский, несмотря на то, что пользовались огромным международным значением уже со времени Фридриха II Великого. Наконец, германский император есть в настоящее время глава единого германского народа, составляющего с 1871 г. империю. Замечание Блюнчли, что "императорский ранг" не обусловлен "императорским титулом", не устраняет недоразумения.

4) Полунезависимые государства должны стоять ниже независимых государств и, во всяком случае, уступают первенство тому государству, от которого зависят.

5) Относительно взаимных сношений и переписки между государями, а также морских салютов выработались определенные правила, указывающие ранг государств.

6) Особенности соглашения между данными государствами о ранге признаются прочими державами, как например, - соглашение о председании между государями, входившими в состав старой Германской империи.

7) Изменение формы правления не изменяет ранга государства. Англия пользовалась королевскими почестями при Кромвеле, как и при Стюартах; новейшая

Французская республика остается "великою державою".

VI. Основные международные права государств

§ 72. Основные права государств неразрывно связаны с международными свойствами последних и, следовательно, со всем положением государств в качестве международных личностей. Они принадлежат каждому независимому государству, каковы бы ни были политическое его могущество, величина его территории или обязательные отношения к другим народам. Без этих прав государства не в состоянии достигнуть разумной цели международной жизни; без них они не члены международного общения. Права государств приобретаемые создаются договорами и зависят от обстоятельств и времени; права основные присущи государствам, неотчуждаемы и всегда должны быть налицо.

Государство не может отказаться от своих международных прав, не отрекаясь от самого себя, своей независимости. Поэтому трактаты, нарушающие или отменяющие основные права государств, незаконны и не имеют обязательной силы. Такие трактаты возможны только при двух условиях: 1) если государство бессильно восстановить свое нарушенное право, или же 2) находится в состоянии полнейшего разложения. Государство, обладающее задатками жизни, рано или поздно сбросит с себя подобные ограничения и восстановит свою международную личность во всем объеме. Так как основные права неразрывно связаны с существованием государств, то всякое посягательство на них есть *casus belli*.

Эти основные права суть: 1) право самосохранения; 2) право территориальности; 3) право независимости; 4) право на уважение и честь; 5) право на международные сообщения и 6) право принуждения.

§ 73. 1. Право самосохранения. Это право непосредственно вытекает из факта существования государства. Подобно человеку, государство вправе и обязано охранять свою жизнь всеми средствами, которые имеются в его распоряжении. В праве на самосохранение заключается не только право борьбы против нападающих, но и право предупреждения неминуемо грозящей опасности. Пользоваться этим правом составляет обязанность государства: народ, не желающий защищать свою жизнь, не имеет права на самостоятельность.

Из права самосохранения вытекает необходимость для государства иметь средства для охраны своей жизни. К таковым принадлежат: 1) совокупность вооруженных сухопутных и морских сил; 2) крепости и укрепления всех родов; 3) международные союзы оборонительные и наступательные. Вообще все средства обороны, не соединенные с посягательством на независимость других невраждебных народов, законны. Целью мер, принимаемых под предлогом самосохранения, не должно быть уничтожение самостоятельности другого мирного государства или нарушение основных условий его жизни.

Поведение Англии в отношении Дании в 1807 г., когда Копенгаген подвергся бомбардированию за то только, что датское правительство отказалось исполнить совершенно незаконное требование Англичан - немедленно передать в их распоряжение свой флот, который, как они думали, мог достаться Наполеону I и быть употреблен против Англии - служит примером вопиющего злоупотребления силой, прикрываемого маской самозащиты.

Условия применения права обороны государствами имеют много общего с началами, действующими в отношении самообороны частных лиц. Самооборона государства не должна быть неограниченной: она начинается с момента действительного нападения или с момента явной угрожающей опасности. С этой точки зрения, нельзя считать незаконным нападение Фридриха II на Саксонию в

1756 г., ибо ранее чем предпринять его, прусский король имел в руках доказательства враждебных против него замыслов саксонского курфюрста.

Придерживаться другого взгляда в этом вопросе значит открывать дверь всевозможным насилиям и захватам. В XVIII столетии необходимостью противодействовать нарушению политического равновесия оправдывались явно завоевательные войны. Иное дело, несомненное стремление данного народа ко всемирной монархии: в таком случае государства для самосохранения должны принять общие оборонительные меры.

Меры самосохранения могут быть приняты как в пределах территории государства, которому угрожает нападение или опасность, так и вне его пределов.

Примерами могут служить следующие случаи. В 1838 г., в английской Канаде, во время восстания, местные власти получили достоверные сведения, что на американской территории, при участии подданных Соединенных Штатов, снаряжается корабль "Caroline", который должен доставить восставшим Канадцам военные запасы и вооруженных людей. Тогда правительство Канады распорядилось об отправке через озеро военной команды, которая захватила корабль, разоружила его и затем спустила по Ниагарскому водопаду. Вашингтонское правительство подняло спор по этому делу, обвиняя канадские власти в нарушении территориальной неприкосновенности Соединенных Штатов, но отказалось от требования удовлетворения, после того как английское правительство доказало, что действия его были вызваны необходимостью обороны.

Другой случай имел место в 1873 г., когда происходило восстание на острове Кубе. Испанцы задержали в открытом море корабль "Virginius", плававший под американским коммерческим флагом, и распорядились о повешении снятых с него людей на том основании, что захваченный корабль был нанят восставшими Кубинцами для подвоза им оружия и припасов. Американское правительство протестовало против остановки своего судна и наказания его экипажа, опираясь на то, что открытое море для всех свободно, но прекратило спор, как только было доказано, что принятая мера являлась самообороной, и выяснилось, что само судно не имело никакого права поднимать американский флаг.

Предметом оборонительных мер является охрана прав и интересов или непосредственно государства, или какого-либо общественного класса, или отдельных лиц. Действие или продолжительность применения этих мер определяется значительностью и продолжительностью самого нападения или опасности.

Наконец, очевидно, что всякое ограничение права самосохранения есть положительное посягательство на существование народа и должно быть рассматриваемо, как временная несообразность.

Примеров таких ограничений встречается очень много. В XVIII столетии трактатами Утрехтским (1713 г.), Аахенским (1748 г.) и Парижским (1763 г.) Франция обязалась не укреплять Дюнкирхена; по Парижскому договору 1815 г. она же обязалась не восстанавливать укрепления Гюнингена; Россия, на основании Парижского мирного договора 1856 г., должна была срыть укрепления по берегам Черного моря, не возводить новые и не содержать в Черном море военного флота. По настоянию русского правительства ограничения эти, как известно, были отменены в 1871 г. В Берлинском трактате 1878 г. есть несколько таких ограничивающих статей: Болгария обязалась срыть в своих пределах старые крепости и не должна сооружать новые (ст. 11); от Черногории отнято право иметь военные суда и строить укрепления по реке Бояне и по побережью (ст. 29); для обеспечения свободы судоходства по Дунаю постановлено о срытии всех крепостей и укреплений по течению реки от Железных Ворот до устья и о запрещении возводить новые; на этом пространстве не могут плавать никакие военные суда,

кроме стационаров, которые имеют право подниматься только до Галаца (ст. 52).

§ 74. 2. Право территориальности (jus territorial). Оно имеет непосредственную связь с правом самосохранения и заключается в исключительном господстве государства на всем пространстве своей территории. Поэтому 1) ни одно государство не имеет права распространять свою власть на чужую территорию и предпринимать здесь какие-либо правительственные действия. Иностранная территория дает убежище всем лицам, преследуемым в своем государстве. Войска и военные суда воюющих держав останавливаются у границ иностранной территории. 2) Всякое действие государства, клонящееся к уменьшению или ограничению территориальной власти другого государства, дает последнему законный повод принять репрессивные меры.

Каждое государство вправе требовать, чтобы иностранные державы не побуждали его подданных к восстанию, к отделению от государства или выселению. Манифест Екатерины II (1763 г.), которым подданные Пруссии и других немецких государств приглашались к переселению в Россию, рассматривался германскими правительствами, как нарушение законных их прав*(89). Точно так же Австрия считала неуважением своей территориальности и своих интересов приглашение, обращенное в свое время русским правительством к австрийским Славянам о переселении их на юг России в колонию "Новая Сербия"*(90).

3) Все лица и имущество, в особенности недвижимое, находящееся на территории, подчиняются территориальным законам и юрисдикции.

4) Ни одно государство не должно нарушать естественных условий и отношений, в которые поставлено самой природой другое государство. Что природа дала всем, не может быть присваиваемо отдельным государством в свою собственность. Если, например, река протекает через владения нескольких государств, то ни одно из них не имеет права изменить ее направления к ущербу других.

Занятие или присоединение части чужой территории есть, без сомнения, существенное изменение пространства действия права территориальности данного государства, которое оправдывает отпор и требование удовлетворения. Более подробное рассмотрение права государства на территорию составляет предмет главы III.

§ 75. 3. Право независимости. Это основное международное право государства есть выражение государственного верховенства (суверенитета) и осуществляется: 1) в полной свободе внутреннего устройства и управления государством (изменение формы правления, издание законов, назначение должностных лиц, устройство местного управления и т.д.); 2) в праве самостоятельно управлять международными сношениями (направление внешней политики, назначение дипломатических и консульских агентов, заключение трактатов, развитие вооруженных сил и проч.).

Провозглашая полную внутреннюю и внешнюю независимость государства, надо помнить, что праву на собственную независимость всегда соответствует обязанность уважать чужую независимость. Одно с другим связано неразрывно. Франция при Наполеоне I сама вызвала события 1814 и 1815 г., относясь с неуважением к независимости других народов.

§ 76. О вмешательстве. Вмешательством называют непрошенное заинтересованными и находящимися в споре сторонами вступление в их дела и взаимные отношения. Если спорящие государства сами обратятся к третьей державе с просьбой о разрешении их спора, тогда мы будем иметь дело не с вмешательством, а посредничеством. Затем очевидно, что непрошенное вторжение в чужие дела, по существу самого действия, не есть право какого-либо государства; поэтому непозволительно говорить о "праве вмешательства"; допускаемое в

немногих случаях, вмешательство оправдывается совершенно исключительными обстоятельствами, но не правом в юридическом смысле.

Оно может быть: 1) вмешательством во внутренние дела другого народа или 2) во внешние отношения, существующие между конкретными державами.

Мотивы вмешательства бывают различные. В особенности часто выставляют в оправдание вмешательства необходимость самосохранения, необходимость исполнить заключенный трактат и призыв к вмешательству со стороны одной из спорящих сторон. Коль скоро обе стороны согласны на вмешательство, будет иметь место, как мы уже сказали, посредничество. Средствами вмешательства служат или дипломатические ноты, или сила оружия.

Рассмотрим отдельно оба вида вмешательства*(91).

I. Вмешательство во внутренние дела. Как относительно понятия, так и границ этого рода вмешательства в литературе об интервенции высказываются крайне разнообразные и неопределенные взгляды, которые открывают широкое поле для произвола в их истолковании и применении. Тем не менее, большинство современных писателей говорит о вмешательстве, как об исключении из нормального порядка международных отношений, и все они отрицают "право" вмешательства, которое еще в начале нынешнего столетия принадлежало к бесспорным истинам. В такой перемене взглядов нельзя не видеть великого завоевания на пользу права. Задача современной науки в этом вопросе заключается в устранении тех исключений из начала невмешательства, которые допускаются еще авторитетными публицистами и часто подрывают силу самого принципа.

При рассмотрении вопроса о вмешательстве во внутренние дела не так важно проводить различие между поводами к вмешательству, как между его субъектами и объектами. Вмешательство представляется различным, смотря по тому, применяется ли оно в сношениях между цивилизованными государствами или в сношениях этих последних с народами нецивилизованными.

а) В сношениях между цивилизованными народами вмешательство в принципе не допускается: оно всегда незаконно, ибо противоречит независимости государств. Притом, оно и не приводит к цели, унижая правительство, в пользу которого предпринято, и раздражая и оскорбляя народ, против которого направлено. История начала XIX столетия лучшее доказательство справедливости этого положения. Вот почему теперь вмешательство не защищается даже политическими деятелями.

С этой точки зрения, все исключения из принципа невмешательства представляются опасными. Однако мы не отрицаем, что возможны особые случаи, когда вмешательство во внутренние дела образованного государства может иметь место. Это именно те случаи, когда вмешательство вызывается интересами международного общения. Мы допускаем, по исключению, коллективное вмешательство и настаиваем именно на общих действиях, предпринимаемых против данного государства по взаимному соглашению не только двух или трех держав, но всех руководящих.

К случаям такого вмешательства можно отнести следующие: 1) когда вмешательство основано на трактате, например, в том случае, когда известные государства взяли на себя поручительство в обеспечении устройства данной страны. Так, гарантия *liberum veto* в сеймах Польской республики, принятая на себя Россией, Австрией и Пруссией, оправдывала вмешательство этих держав во внутренние дела Польши. Само собой разумеется, что поручительство за сохранение в другом государстве существующих порядков представляется совершенно ненормальным явлением. Но если оно основано на трактате, оно не может быть отрицаемо. 2) Если внутренний государственный переворот нарушает положительные законные права других держав: угрозой такого нарушения было,

например, объявление Ламартина 1848 г. о необязательности для республиканской Франции Венских трактатов 1815 г. Как известно, оно вызвало энергичный протест заинтересованных правительств. 3) Если вмешательство вызывается вмешательством другого государства (контрвмешательство).

б) В сношениях цивилизованных народов с нецивилизованными вмешательство находит полное применение в приведенных выше трех случаях; но, кроме того, в отношении Турции, Китая, Кореи и других азиатских государств вмешательство образованных держав по принципу законно в том случае, когда христианское население тех земель подвергается варварскому гонению или избиению. В данном случае вмешательство оправдывают общность религиозных интересов и соображения человеколюбия, т.е. начала естественного права, которые вообще определяют сношения образованных народов с необразованными. В сношениях между цивилизованными державами этот мотив, вопреки мнению Блунчли и Филлимора, не должен иметь применения, ибо народ образованный дает своим подданным законное обеспечение религиозной свободы.

II. Вмешательство во внешние отношения. Главными поводами к такому вмешательству обыкновенно служили: нарушение трактатов и в особенности необходимость сохранения политического равновесия. И здесь, в принципе, мы признаем обязанность невмешательства во всех случаях, когда отношения между конкретными державами не нарушают непосредственно интересов международного общения: иначе вмешательство уничтожит ту самостоятельность, которая должна необходимо принадлежать каждому государству в области международных отношений. Поэтому вмешательство во внешние отношения законно, если принято с целью положить конец явному стремлению данного государства основать всемирную монархию. Законным поводом к вмешательству служит также нарушение трактатов, раз только последние имеют силу общеобязательных международных законов. Другие подобные этим случаи указать трудно. Но необходимо иметь в виду, что вмешательство во внешние отношения существенно отличается от вмешательства во внутренние дела. Последнее есть почти всегда посягательство на независимость и национальную самостоятельность народа, тогда как первое само по себе такого характера не имеет, ибо существующие цивилизованные государства во взаимных своих отношениях находятся в близкой связи между собой и зависят друг от друга. Только никак нельзя признать за каким-нибудь одним государством или союзом государств, вроде пентархии, исключительное право вмешиваться во взаимные отношения других держав или иметь надзор за всеми международными сношениями, которые происходят в пределах определенной части материка или части света.

§ 77. Североамериканские Соединенные Штаты претендуют на руководство внешними отношениями всех американских государств. Известный афоризм: "Америка принадлежит Американцам" Соединенные Штаты давно уже обратили в положение "Америка принадлежит североамериканцам - янки". Они запрещают Чили, после почти двухлетней удачной войны с Перу и Боливией, присоединить к себе какую-нибудь часть перуанской территории. В ноябре 1881 г. они объявили правительству Чили, что "противно законам, долженствующим господствовать в сношениях между образованными народами, ставить как *conditio sine qua non* мира, присоединение к Чили владений, бесспорно принадлежащих Перу".

Опираясь на свое мнимое право господства в Америке, Вашингтонское правительство протестует против малейшей попытки вмешательства Европы в дела американских государств. Известно, что мексиканская экспедиция Наполеона III в 1866 г. окончилась катастрофой, между прочим, благодаря тому, что правительство Соединенных Штатов настояло на удалении французских войск из Мексики. Но Вашингтонское правительство идет еще далее и в последнее время не признает за

европейскими государствами даже права вступать между собой в какие-либо соглашения в тех артериях всемирной торговли и международных сношений, которые находятся в Америке и представляют особенную важность для держав, имеющих в Америке владения или колонии. Бывший Вашингтонский министр иностранных дел Блейн в своем циркуляре (октябрь 1881 г.) и депеше к американскому посланнику в Лондоне (от 19-го ноября 1881 г.) силится доказать, что Панамский перешеек и в частности канал, имеющий его прорезать, должны находиться под исключительным контролем Соединенных Штатов, даже вопреки трактату, который был заключен по этому именно предмету между Англией и Соединенными Штатами в 1850 г.

Наконец, в заседании от 7 января 1889 г. Вашингтонский сенат постановил пригласить президента объявить всем европейским правительствам, что всякое участие их в постройке канала через перешеек Центральной Америки признается со стороны Соединенных Штатов вредным для интересов и благоденствия этого государства. В самое последнее время, в декабре 1895 г., Вашингтонское правительство, ссылаясь на "доктрину Монро", вмешалось в старый спор между Англией и Венесуэлой относительно их взаимных пограничных владений в Гвиане. Президент Кливлэнд считал возможным учредить демаркационную комиссию из граждан Соединенных Штатов для разграничения английских и венесуэльских владений без спроса Англии. В конце концов состоялось, в феврале 1897 г., соглашение между Венесуэлой и Англией, при участии Соединенных Штатов Америки, передавшее этот запутаннейший спор на разрешение третейского трибунала.

Мы возвратимся к этому вопросу в **особенной части** нашей системы. Здесь мы коснемся только принципиальной стороны тех воззрений, которым следует Вашингтонское правительство в своих отношениях к европейским государствам в Америке.

Европейское международное право, которое Северо-Американские Штаты формально признали обязательным для себя, положительно не допускает, чтобы какой-либо один народ исключительно господствовал в пределах известного материка. В особенности не может Вашингтонское правительство исключать из Америки те европейские государства, которые владеют здесь землями или имеют колонии и которые поэтому должны считаться отчасти американскими государствами. Еще менее допустимы притязания Штатов с точки зрения международного общения. Последнее не создает ни для одного американского государства какого-либо особенного привилегированного в отношении других государств положения.

Наконец, эти претензии не находят объяснения даже в доктрине Монро.

Так называется учение о невмешательстве, сформулированное президентом Соединенных Штатов Монро в его послании к Вашингтонскому конгрессу от 2-го декабря 1823 г.: оно легло в основание всех последующих протестов Вашингтонского правительства против вмешательства европейских держав в дела Америки.

В чем же заключается эта знаменитая доктрина? Послание Монро может быть выражено в следующих трех главных положениях: 1) европейские державы не имеют права вмешиваться во внутренние дела американских государств, как вмешивалась, например, пентархия в дела Неаполя или Испании; 2) послание не определяет, в чем, собственно, будет состоять противодействие Соединенных Штатов такому вмешательству, но только заявляет, что последнее будет сочтено угрозой и опасностью для Штатов; наконец, 3) колонизация в Америке объявлена недопустимой на том основании, что весь американский материк находится уже под властью цивилизованных правительств.

Стоит только прочесть эти три положения, чтобы увидеть совершенную невозможность вывести из них заключение, будто Соединенные Штаты имеют право надзора над внешними сношениями всех американских государств. Нельзя не заметить, кроме того, что "доктрина Монро" была личным мнением главы административной власти в Соединенных Штатах в 1823 г. и хотя никогда не получала силы закона, все-таки в новейшее время направляет политику этого государства. Однако она не может иметь обязательную силу международного закона для европейских цивилизованных государств.

§ 78. 4. Право на уважение и честь. Государство, как международная личность, должно пользоваться таким же правом на честь и нравственное достоинство, как и нравственная личность человека. Всякое посягательство на эту честь дает право требовать удовлетворения. Государство, которое не в состоянии охранить свою честь, теряет право на уважение и вместе с тем на свою независимость, которые всегда совпадают.

Из права на уважение и честь государства вытекают:

1) Необходимость уважения символических знаков национальной чести государства, как-то: флага, герба, титула. Оскорбление этих знаков есть оскорбление государства.

К поруганию государственной чести относится: пользование чужим титулом или гербом: оно всегда вызывало неприязненные отношения между государствами. Так, французские короли враждебно смотрели на английских, которые во время Столетней войны и долгое время после титуловали себя "королями Франции". Мария Стюарт заимствовала герб английской королевы и поплатилась за то голову. Оскорбление флага также всегда считалось одним из тяжелых преступлений против чести государства.

Так, когда в 1784 г. австрийское судно, желавшее вопреки трактатам войти в Шельду, подверглось выстрелам голландской батареи, Иосиф II счел себя оскорбленным и требовал удовлетворения от Голландских Штатов. Поругание русского флота в Анконе Австрийцами в 1799 г. привело к полному разрыву между Россией и Австрией. Китайское правительство должно было дать удовлетворение Англии, флаг которой подвергся обстрелу со стороны Китайцев на реке Пейхо (1860 г.)***(92)**.

2) Государства требуют уважения и для лиц, которые представляют их в международных отношениях. Оскорбление монархов или дипломатических агентов может вызвать войну.

Вообще всякое действие, направленное против чести другого государства или выражающее презрение к нему, есть нарушение основного права государства на уважение и честь.

С другой стороны, честь предписывает каждому государству не позволять себе совершения бесчестных действий по отношению к другим государствам. Государства ни в каком случае не должны покровительствовать контрабандной торговле своих подданных, подделывать чужие кредитные знаки или монету, возбуждать подданных другого государства против законного правительства и т.п.

§ 79. 5. Право международных сообщений. Это право вытекает из самого существа международного общения и лежит в основании международного права; при отсутствии международных сношений, очевидно, не было бы и юридических норм, которые к ним применяются.

Вопрос о праве международных сообщений значительно утратил в настоящее время прежнюю свою практическую важность, по крайней мере, в отношении цивилизованных государств. Нельзя предположить, чтобы какое-либо современное образованное государство желало изолироваться от других народов и стремилось прекратить всякие с ними сношения. Напротив, все они находят необходимым

пользоваться своим правом: они допускают на свою территорию иностранцев, поддерживают торговые и другие международные обороты своих подданных, заключают с этой целью трактаты и т.д.

Нельзя, однако, согласиться со всеми выводами, которые делают из права международных сношений современные ученые. Так, например, Гефтер утверждает, что ни одна держава не может отказать в допущении на свою территорию подданных дружественного государства, раз удостоверена их самоличность. Нам кажется, что из права на международные сообщения никак не вытекает обязанности для государства принимать к себе иностранцев при всех обстоятельствах. Международное общение оставляет каждому правительству свободу определить те условия (паспорты, необходимость легитимации и пр.), при соблюдении которых могут происходить международные сношения в пределах его территории. Условия эти могут быть удобны и неудобны для иностранцев, но они законны, как выражение территориальной власти, и не противоречат праву международных сношений. Поэтому, в принципе, государство имеет право изгнать из своих пределов всякого иностранца, который не подчинится условиям, поставленным для пребывания его здесь местными законами.

Практически более важным является вопрос о праве международных сообщений образованных государств с нецивилизованными или полудикими народами. Спрашивается, имеют ли право образованные державы силой заставить нецивилизованное государство отказаться от своей замкнутости и открыть свои земли и гавани для сношения с иностранцами? На этот вопрос надо ответить отрицательно: между образованными и варварскими народами не существует взаимности, нет международного общения, а следовательно, не может быть и взаимных прав и обязанностей, относящихся к международным сообщениям. Естественное же право, обязательное в их сношениях, исключает всякое насилие, не вызванное собственным незаконным поведением варваров.

6. Право принуждения. Каждому государству, как международной личности, присуще право охранять всеми законными средствами свои права и интересы в отношении как других государств, так и их подданных. Право принуждения имманентно всем действиям и мероприятиям государств в области взаимных их отношений. Оно находится в латентном состоянии в мирное время, когда законные интересы и права государства уважаются. Оно вступает в действие с момента возникновения серьезного международного столкновения и исключительно господствует во время войны.

VII. Государи, как субъекты прав в международных отношениях

§ 80. В науке международного права многие авторитетные писатели выражали мнение, что государи и президенты республик являются международными личностями и, подобно государствам, должны считаться субъектами международного права. Мнение это неосновательно, так как международные отношения суть исключительно отношения, устанавливающиеся под покровительством и ответственностью государств и поэтому право, которое их определяет, имеет своими единственными субъектами самостоятельные народы.

Президенты республик занимают иное сравнительно с государями международное положение. Правда, все государства, какой бы ни были они формы правления, в международных отношениях равны между собой, и с этой точки зрения президенты республик, как представители своих государств, казалось бы, должны были пользоваться теми же международными правами, как и монархи. В этом смысле действительно и решают вопрос некоторые юристы. Однако такое

теоретически оправдываемое равенство не вполне проводится на практике и, надо сказать, по совершенно законному юридическому основанию. Дело в том, что на основании устройства республиканских государств президенты суть только представители исполнительной власти, а не всей верховной власти, которая сосредоточивается в народе. В качестве лиц, избранных на президентскую должность, они в международных отношениях являются прежде всего с характером частных лиц и только на основании и в пределах законного полномочия лицами, представляющими свой народ. Вот почему они не причисляются к членам "семьи" суверенов и не пользуются всеми принадлежащими государям почетными правами.

Что касается других международных прав, признаваемых за монархами, то они распространяются на президентов республик, насколько эти лица уполномочены быть представителями своих государств в международных отношениях. К таким правам относятся: право представительства и внеземельности.

§ 81. а) Право представительства (*jus repraesentationis omnimoda*). Право представительства государей основывается на предположении, что в лице государя сосредоточивается верховная власть государства. Понятно, что в каждом конкретном случае, когда применяется это право, должны быть налицо фактические и юридические основания, оправдывающие означенное предположение. Если данный государь не обладает суверенными правами или лишен престола, то не может и претендовать на особенные преимущества, которые соединяются с международным положением царствующего суверена: такой государь не будет представителем своего народа, и воля его не будет волею государства.

Таким образом, каждый монарх имеет настолько права международного представительства, насколько признано за ним законами его страны; внутреннее законодательство каждого государства определяет основание и пределы этого права.

Равным образом внутреннее законодательство определяет, кто должен в данное время считаться государем в стране и ее представителем? Не дело иностранных правительств разрешать этот вопрос. Какие бы чувства они ни питали к воцарившемуся монарху или к данной форме правления, они должны признавать и уважать в лице главы чужого государства законного представителя народа. Отказ в таком признании есть оскорбление государства.

В случае междоусобной войны и узурпации может возникнуть затруднение, кого считать представителем государства - главу ли восставшей партии, или узурпатора, или же прежнее легитимное правительство? По принципу невмешательства, иностранные государства обязаны воздерживаться от всякого участия в усобицах другого народа и не оказывать помощи ни одной из борющихся сторон. Они должны выжидать исхода борьбы: окончательное торжество известной партии отдает в ее распоряжение верховную власть в государстве, и тогда сам собой разрешается вопрос, кто будет его представителем в международных отношениях. Как в этом случае, так и при захвате престола ни одна иностранная держава не призвана быть судьей, на чьей стороне право, законно или незаконно воцарение государя, - это дело того народа, в котором совершился переворот. Для международных отношений важно только существование государства и фактическое его представительство. Поэтому тот, кто действительно обладает властью над народом, есть единственный его представитель в международных отношениях. Такое обладание властью предполагает, что данное правительство пользуется признанием своего народа.

Как определить, существует ли такое признание? Оно может быть фактическое, именно в том случае, когда народ беспрекословно подчиняется власти данного лица, или же формальное, когда народ (как, например, во Франции в 1852 г.) выражает согласие на подчинение посредством всеобщего голосования

(suffrage universel). И в том, и в другом случае власть лица есть несомненно действительная власть, и она признается за таковую и в области международных отношений.

Если законодательство и существующий в стране порядок одни определяют, кто должен быть признан ее представителем, то отсюда следует, что не может иметь права представительства государь, лишенный престола или отказавшийся от него. Трактаты, заключенные таким государем, не имеют для народа обязательной силы.

Каждый государь, действительно обладающий властью и признанный своим народом, пользуется в силу права представительства всеми почетными и другими правами и преимуществами, которые вообще признаются за верховным главою народа. Непризнание за ним этих прав, например титулов, принадлежащих ему по законам своего государства, или ненаименование его в переписке обычным именем "брата", есть оскорбление народа, которым он управляет.

Наполеон III не мог простить императору Николаю I, что он не назвал его, в письме своем, "братом" (Sire et bon frere), но прямо "любезный друг" (sire et bon ami), и эта обида была в действительности одною из причин, вызвавших Крымскую войну, которая привела к Парижскому трактату 1856 г.

§ 82. b) Право экстерриториальности (droit d'exterritorialite). На основании международного обычая и судебной практики за государями признается право экстерриториальности (внеземельности), в силу которого они не подлежат, находясь на чужой территории, действию местных законов и властей. В объяснение этого закона создана фикция, что государь, во время пребывания в чужом государстве, продолжают оставаться на своей территории. Фикция эта должна быть понимаема, как образное выражение того исключительного положения, которым пользуются государь за границей: она отнюдь не должна быть принимаема за основание права экстерриториальности, ибо таковым являются единственно интересы международных сношений.

Право экстерриториальности принадлежит государю при следующих условиях: 1) если он признан государем со стороны территориальной власти; 2) если ему не запрещено вступить на иностранную территорию; 3) если территориальная власть не находится с ним в войне; 4) если государь желает пользоваться этим правом: он может отказаться от него, путешествуя или пребывая за границей incognito, на правах частного лица.

Так поступил, например, Петр Великий, совершив первое свое путешествие по Западной Европе под именем дворянина Петра Михайлова.

Но государь, пожелавший остаться incognito, не теряет права во всякое время объявить свое звание и, отказавшись от incognito, пользоваться всеми преимуществами, присвоенными государю. Так, голландский король, проживавший в Веве (в Швейцарии) в качестве частного лица, был присужден по одному случаю к уплате штрафа, но не подвергся взысканию после того, как заявил официально о своем звании.

5) Никакой государь не пользуется правом экстерриториальности в том государстве, где он состоит на службе.

Из права экстерриториальности вытекают: 1) неподчинение государя местной полицейской власти; 2) освобождение от платежа податей и налогов и 3) уголовная и гражданская неподсудность местным судам.

Как основание этих привилегий, выставляют правило: "par in parem non habet potestatem"; но, как мы сейчас увидим, все они далеко не имеют безусловного характера.

1) Мера неподчинения государя полицейским распоряжениям территориальной власти зависит от требования общественной безопасности.

Поэтому и для него обязательны те распоряжения местной полиции, неисполнение которых угрожало бы этой безопасности.

2) Что касается налогов и податей, то государь освобождается только от тех, которые имеют более или менее личный характер и могут прийти в столкновение с внешним достоинством главы государства. Все другие пошлины и сборы, например, почтовые и телеграфные, с недвижимой собственности, за совершение договоров купли-продажи и др., уплачиваются государями наравне с частными лицами.

3) Относительно уголовной неподсудности монархов нет разногласия ни между представителями науки, ни в судебной практике: она всеми признается. Но в настоящее время она большого практического значения не имеет. В самом деле, трудно предположить, чтоб государь совершил на иностранной территории уголовное преступление. Скорее он может быть виновен в преступлении политическом. В таком случае между заинтересованными государствами возбуждятся дипломатические переговоры, и если дело не уладится этим путем, может возникнуть война; но преступление не будет предметом уголовного разбирательства. Суд и казнь над Конрадином и Марией Стюарт были делом политической мести.

4) Более спорны пределы гражданской неподсудности монархов. Старые писатели защищали тот принцип, что государь, в силу своего права экстерриториальности, не может быть ни ответчиком, ни истцом в иностранных судах: но в это начало положили брешь некоторые судебные решения, в особенности постановления в новейшее время. На основании этих решений в лице государя различается двойкий характер: суверена и частного лица. Как суверен, иностранный государь свободен от гражданской подсудности; как частное лицо - не свободен, например в том случае, когда иск возникает из владения им недвижимой собственностью, из совершенных им торговых сделок и т.п.

Обыкновенно гражданские суды не признавали своей компетентности в рассмотрении исков, которые были вчинены против иностранного государя, как верховного главы государства.

С другой стороны, можно привести многие случаи, когда иностранный суд признавал себя компетентным разбирать иски, предъявленные к иностранному монарху или правительству. Это именно те случаи, когда публичный характер ответчика не выступал на первый план, когда государь или правительство действовали в интересе и в качестве частных лиц.

По установившейся практике суд признает свою компетентность также в том случае, когда сам государь вчиняет иск против частного лица. В этом смысле высказалась палата лордов в 1833 г. по поводу иска, начатого испанским королем.

Приведенные решения показывают, что если суды и отдают предпочтение публичному характеру государя или правительства, против которых вчиняются иски, то далеко не склонны к признанию их безусловной гражданской неподсудности. Как ни затруднительно в каждом отдельном случае констатировать, действовал ли государь в качестве частного лица, или как представитель верховной власти, но установить это различие, как доказывает практика, все-таки возможно.

Во всяком случае, нельзя согласиться с мнением, что начало гражданской неподсудности монархов принято "единогласно" авторитетами международного права. Широкому толкованию этого начала в особенности противоречат конституционные законы государств, ибо на основании их государь не во всех своих действиях и не при всех условиях является суверенным представителем народа.

Ввиду этого большинство современных юристов допускает известные ограничения принципа гражданской неподсудности государей. Так, во-первых, никто не отрицает, что государь, владеющий недвижимостью в иностранном государстве, подчиняется, по началу *lex rei sitae*, ведомству местного суда во всех делах,

касающихся этой собственности. Но если эта недвижимость, с разрешения территориальной власти, приобретена иностранным правительством для какой-нибудь государственной надобности и ввиду этой надобности эксплуатируется, то подсудность местному суду будет исключением, а не общим правилом. Во-вторых, если государь служит в иностранном государстве или занимается здесь торговлей или промыслами, то подсуден на общем основании местным судам. Наконец, в-третьих, допускается, как сказано выше, подсудность местным судам тех исков, которые вчиняются самими иностранными правительствами.

То обстоятельство, что местные суды считают себя компетентными в случае предъявления исков самими иностранными государями или правительствами, невольно заставляет поставить вопрос: если подсудность признается в этом случае, то почему не признавать ее, когда частное лицо вчиняет иск против иностранных монархов! Вполне убедительных юридических доводов против такого признания во многих случаях просто нет. Почему, например, брюссельский суд отказался от рассмотрения иска, предъявленного к австрийскому императору, как опекуну князей Турн и Таксис? Государь, как всякое частное лицо, должен подлежать гражданской ответственности за действия опекаемых им лиц. Затем, если король есть только "глава исполнительной власти", то действия его, предпринятые вне этой роли, конечно, могут быть подсудны гражданским судам. От гражданской подсудности не изъеются, наконец, всевозможные юридические сделки, которые совершает государь, как представитель фиска.

Правительствующий Сенат, решением от 7 апреля 1893 г., по делу Агаркова, предъявившему иск к Итальянскому правительству, в лице его Военного Министерства, ценой в 10 000 руб., за незаконное завладение его землей в Таврической губернии и устройство на ней кладбища для останков сардинских солдат, умерших в Крымскую войну, признал Итальянское правительство подсудным русским судебным местам по этому делу на том основании, что все иски относительно поземельной собственности подлежат территориальному суду.

Таким образом, с точки зрения юридической, право гражданской неподсудности монархов должно быть истолковано в ограничительном смысле. Но существуют практические основания, которые оправдывают ее широкое применение: 1) постановленные против государей решения судов трудно исполнимы, и 2) могут даже вызвать неприятные последствия для территориальной власти. Эти практические соображения не устраняют, конечно, необходимости правильной юридической постановки вопроса.

Если царствующие государи неподсудны гражданским судам только как суверены, то государи, лишенные престола, очевидно не имеют никакого права на эту привилегию: она может быть признана за государями только разве из вежливости (*courtoisie*) или благосклонности территориальной власти к данным лицам, но никак не по праву.

VIII. Международное положение членов семейства и свиты государей

§ 83. Члены царствующих домов и лица, принадлежащие к свите государей, не пользуются, во время нахождения своего на иностранной территории, ни правом экстерриториальности, ни, в частности, неподсудностью, хотя некоторые писатели и утверждают, что они должны ими пользоваться в том же объеме, как и государи. В особенности защищают эти права для супруги царствующего государя и наследника престола. Но так как ни одно из этих лиц не может считаться ни верховным главой государства, ни даже представителем исполнительной власти, то нет решительно никакого основания признать за ними требуемые права. Если на практике такое

признание и имеет место, то служит лишь законом особенной дружбы к иностранному государству или к его главе, а не есть обязанность, вытекающая из начал международного права. Точно так же признание различного рода почетных титулов и прав, принадлежащих членам семейств государей, есть дело взаимных дружелюбных отношений между государствами и вежливости, которые не подлежат определению науки международного права.

Тем более не могут претендовать на внеземельность лица, которые составляют свиту государя. Но в теории и на практике возникало сомнение, в каких отношениях должны находиться эти лица к своему государю во время пребывания на иностранной территории? Не сообщает ли право экстерриториальности государю каких-либо прав над сопровождающими его лицами?

IX. Общественные классы, как субъекты прав в области международных сообщений

§ 84. Излагая учение о международном общении (гл. I), мы указывали уже на значение, которые имеют для международных сношений различного рода социальные группы, существующие в государствах, равно как и на задачи, которые лежат по отношению к ним на государствах, соединенных международным общением. Последнее требует, чтобы государства взаимно уважали те права, которые принадлежат общественным классам на основании законов места их возникновения. Таким образом, общественные группы, товарищества, компании, признанные законно существующими в своих государствах, действуют в области международных отношений, как субъекты известных прав, которые осуществляются ими повсюду, где только признано европейское международное право. Права эти могут быть охраняемы трактатами, но высшую санкцию дает им международное общение и международное право.

Права, бесспорно принадлежащие обществам в международных сношениях, не делают, однако, этих обществ субъектами международного права. Каждое общество есть субъект только тех прав, которые признаны за ними государственным законом. Последний определяет законность существования данной общественной группы; международное право - ее право и дееспособность в международных отношениях. Международное право не может признать, что данное общество существует, если оно не признано государственным законом, или принять его за самостоятельный политический организм, если оно не является таковым по началам государственного права.

Так, общество, соединенное одинаковыми религиозными верованиями, не есть государство и потому не может претендовать на одинаковую с государством независимость международную и на признание себя субъектом международного права. С этой точки зрения, совершенно неосновательны притязания римской курии на суверенитет в области международных отношений, заявляемые во имя главенства пап над римско-католической церковью, ибо последняя занимает в различных государствах юридическое положение только общества, признанного местным законом. На этом основании конкордаты, т.е. те договоры, которые заключает римская курия с правительствами, не суть международные договоры, но соглашения между государством, как субъектом международного права, и представительницей общества, за которым государство признает известные права.

Не может быть субъектом международного права также общество, соединенное узами одинакового национального или племенного происхождения. Как естественное общество, нация должна находиться под покровительством государственного закона и государственной власти: признавать за ней

самостоятельные международные права значит посягать на права государства. То же самое надо сказать и о всех других общественных союзах.

В международных отношениях каждому законному обществу принадлежат следующие основные права: 1) право на признание со стороны всех цивилизованных государств законности своего существования; 2) право на повсеместное преследование своих законных целей в условиях и пределах, поставленных территориальной властью, и 3) право на защиту своих законных прав перед судами иностранного государства. Права территориального правительства в отношении иностранных обществ определяются законами каждого государства; они во многом сходны с его правами в отношении иностранцев (см. ниже), но только должны быть интерпретируемы еще шире.

Х. Частные лица, как субъекты прав в области международных сообщений

§ 85. Подобно обществам, отдельные частные лица не суть субъекты международного права, но имеют в области международных отношений определенные права, которые вытекают: 1) из человеческой личности, взятой самой по себе; 2) из положения этих лиц, как подданных государства.

А. Права человека в международных отношениях

Все современные цивилизованные государства согласны, что человек есть лицо, т.е. субъект известных неотъемлемых прав, которые должны быть уважаемы в области взаимных их отношений. Поэтому каждое лицо, независимо от своего подданства или национальности, находит в настоящее время покровительство своей личности и собственности на всем пространстве действия международного права. В охране лица заключается конечное назначение государства и цель международных отношений.

Уважение человеческой личности есть, без сомнения, та черта, которая особенно резко отличает современные государства от древних. Тогда как в древности рабство было институтом *juris gentium* - пользовалось защитой закона и суда у всех народов, международное право провозглашает, как неотъемлемую истину, что ни один человек не может быть собственностью другого, что рабства не должно существовать. Правило: "*L'air fait libre*" получило силу закона во всех современных образованных государствах.

В области международных отношений Россия также придерживалась этого начала, и огромные заслуги ее в деле прекращения торговыми людьми неоспоримы. Но русские судебные установления крепостнической России не могли себе объяснить, каким образом вступление иностранца-невольника на русскую территорию, населенную несколькими десятками миллионов крепостных, делает его свободным. Следующее интересное дело, извлеченное из архива Министерства Иностранных Дел, может служить этому лучшей иллюстрацией. В 1820 г. негр Доминго Иванов обратился к С.-Петербургскому генерал-губернатору гр. Милорадовичу с прошением, в котором изъяснил, что он и два брата его были насильственным образом вывезены из Бразилии португальским генеральным консулом Лопесом в С.-Петербург, который отпустил его служить, но затем оставил его у себя, подвергая его всевозможным истязаниям, в качестве невольника. Ссылаясь на указ 17 августа 1815 г., "кои все выходцы из-за границы, разных наций люди свободны от рабства*(93)", негр Иванов просил признать его свободным от рабства и защитить от Лопеса. Португальский посланник, в качестве начальства генерального консула,

представил паспорт негра в доказательство, что он куплен Лопесом в Бразилии, в числе других рабов. Надворный суд признал предъявленные Лопесом доказательства достаточными, чтобы утвердить за ним право собственности над негром. Палата же гражданского суда решила в противном смысле, на том основании, что требуемые указом 1783 г. октября 20 доказательства о праве собственности не были представлены Лопесом. Наконец, Прав. Сенат утвердил решение Палаты гражданского суда, "находя, что португальский консул Лопес присваивает во владение арапа Доминга Иванова по покупке якобы его в Рионейро; но на такую покупку доказательств не представил, кроме перевода с паспорта, в коем упоминается о трех невольниках, отправленных до места назначения, а чтобы в оный помещен был и Доминго Иванов не объясняется". Итак, негр Иванов получил свободу только за отсутствием доказательств права собственности португальского генерального консула.

Для цивилизованных государств рабство настолько ненавистный институт, что они ведут против него международную борьбу. В этом отношении весьма поучительны факты, доказывающие, что современные народы солидарны в стремлении уничтожить рабство повсюду, где оно еще существует. Общие международные меры, которые были приняты государствами для достижения этой цели, несомненно подтверждают, что безусловное уважение к человеческой личности есть именно тот принцип, которым руководствуются европейские народы во внешних своих отношениях.

История мероприятий, направленных к повсеместной отмене невольничества, представляет тройного рода попытки, сделанные государствами для обеспечения прав человека в международных отношениях. Прежде всего государства приняли общие меры с целью прекратить торг европейцами, который практиковался в особенности в варварских владениях и в Средней Азии. Более настойчивой и систематической борьбы потребовала торговля чернокожими, которая имела огромное значение для самих европейских государств, благодаря колониальной политике, господствовавшей в XVIII в. Наконец, в новейшее время развивается торг китайцами (кули), который ради интересов цивилизации должен, в свой черед, вызвать решительные меры к его прекращению.

а) Борьба против торго европейцами. Мы уже имели случай упомянуть о трактатах, которые были заключены разными государствами как с варварскими беями, так и с Турцией, чтобы прекратить или, по крайней мере, парализовать, насколько можно, самое ужасное последствие корсарства на Средиземном море - продажу в рабство захваченных пиратами мореходцев. Известно, что Соединенные Штаты Америки платили алжирскому бею ежегодно дань, лишь бы освободить своих моряков от угрожавшей им участи. Но только в прошлом столетии, благодаря Англии и Франции, пиратство и торговля белыми, процветавшая у северных берегов Африки, прекращены окончательно.

Английскому правительству принадлежит честь энергичного почина в этом деле. В 1816 г. оно предписало лорду Эксмаусу, начальствовавшему английской средиземной эскадрой, поставить алжирскому бею ультиматум относительно немедленного освобождения всех белых невольников, находившихся в Алжире. Когда это требование не было уважено, лорд Эксмаус, исполняя данные ему инструкции, подверг бомбардированию прибрежные алжирские города, после чего бей согласился: 1) отменить навсегда невольничество в Алжире и 2) выдать англичанам всех европейцев, бывших рабами в этой стране. Завоевание Алжира французами в 1830 г. положило навсегда конец невольничеству белых в северной Африке*(94).

Таковую же роль играла Россия на Черном море и в самое последнее время в Средней Азии. Кавказ и Малая Азия долгое время были притонами

промышленников, которые покупали здесь невольников и невольниц и потом отправляли их в Константинополь. Насколько было возможно, русское правительство препятствовало этому ремеслу. В 1817 и 1818 гг. возникли даже серьезные недоразумения между ним и Портой по делу об остановке в Севастопольской гавани турецких судов с невольниками, которые предназначались к продаже в Константинополе. Русские власти задержали суда вместе с грузом и объявили невольников свободными. На настоятельные требования Порты о вознаграждении владельцев живого товара император Александр I категорически заявил, что всякий невольник, вступивший на его территорию, получает свободу*(95). Но Россия имела мало средств бороться со злом, пока Кавказ не перешел в ее владение.

В Средней Азии русское правительство до сих пор неустанно ведет борьбу с укоренившимся в этой стране обычаем захвата людей и продажи их в рабство. С целью обуздать набеги, которые делали на русские владения соседние варварские племена, населяющие Среднюю Азию, Россия вынуждалась к периодическим военным экспедициям в степи и завоеванию инородцев. В мирных договорах, заключенных ею с завоеванными среднеазиатскими ханствами, Хивой и Бухарой (1873 г.), имеются статьи, которые обязывают побежденные ханства к освобождению рабов и отмене невольничества на будущее время*(96). Последний поход генерала Скобелева против Туркменов также имел своим результатом, кроме освобождения нескольких тысяч рабов, обязательство, принятое этим народом, не захватывать более русских подданных и не продавать их в рабство.

b) Отмена торгова неграми. Здесь не место останавливаться на любопытнейшей истории возникновения торговли чернокожими и развития ее до размеров, вызвавших, наконец, уголовные и полицейские меры в различных государствах, с целью ее ограничения и прекращения. Мы укажем только на самые выдающиеся моменты этой истории.

Торговля неграми началась с 1443 г., когда португальцы в первый раз обменяли захваченных ими мавров на более сильных и способных к работам в колониях негров. Скоро убедилось в великой выгоде этой рабочей силы английское правительство. В течение нескольких столетий англичане употребляли все силы, чтобы сосредоточить торговлю неграми в своих руках. Наконец, на основании Утрехтского трактата (1713 г.) они получили монополию поставки негров для испанских колоний в Америке. Но в конце прошлого столетия эта унижительная для Англии роль возбудила сильнейший протест в английском общественном мнении. Благодаря агитации, поднятой такими замечательными людьми, как Кларксон, Вильберфорс, Вильям Пит, Фокс и др., английское правительство должно было согласиться не только на отмену торгова неграми в своих колониях, но приложить все старания, чтобы другие державы также решились положить ему конец.

Действуя согласно желанию своего народа, Лондонский кабинет, поддерживаемый в силу отдельной статьи первого Парижского трактата 1814 г. Францией, настоял на Венском конгрессе на том, чтобы восемь держав обязались принять меры для полной и окончательной отмены зла, которое так долго опустошало Африку, унижало Европу и печалило человечество. Сверх того, уполномоченный Англией на Венском конгрессе, лорд Кастльри, предложил уничтожить невольничество: 1) обязательство держав не позволять привоз к себе колониальных товаров из тех местностей, в которых рабство не будет отменено по истечении определенного для того срока; 2) установление надзора за африканскими берегами и признание права осмотра кораблей, подозреваемых в перевозке негров; 3) учреждение в Париже "постоянного комитета" из представителей великих держав для контроля над исполнением мер, принятых против невольничества.

Совещания об этом вопросе уполномоченных держав на Венском конгрессе

закончились подписанием декларации 27 января (7 февраля) 1815 г. Державы торжественно объявили о неотложной необходимости скорейшего прекращения торгового неграми, но не указывали ни времени, когда именно оно должно последовать, ни средств, которыми оно обеспечивалось.

Переговоры, продолжавшиеся после того между державами, привели к выработке двух совершенно противоположных систем борьбы с укоренившимся злом. Одна, которую защищали Северо-Американские Штаты и Франция, исходила из принципа полного суверенитета каждого государства и противилась контролю иностранных правительств, в особенности осмотру судов, подозреваемых в перевозке негров. Напротив, другая - английская система видела в прекращении невольничества общенародное дело; она домогалась, чтобы правительства, ради высокой поставленной для себя задачи, отказались от мелочных опасений за свою независимость и, в частности, неприкосновенность своего коммерческого флага. Убежденное в практичности своей системы, английское правительство всеми силами старалось склонить другие державы к заключению с ним таких именно договоров, которые разрешали бы взаимный осмотр кораблей.

Усилия Англии увенчались успехом. До последнего времени она заключила около 40 трактатов. Договор 1841 г. определяет особенно подробно те меры, которые должны быть применены для действительного прекращения невольничества; он был возобновлен в 1879 г., когда к нему приступила Германская империя. На основании этого же договора Англия заключила трактат с Соединенными Штатами в 1862 г.

Участие России в трактате 1841 г. может казаться непонятным, ввиду того, что трудно предположить возможность занятия русскими подданными торгов неграми. Император Александр I открыто высказался в этом именно смысле на Венском конгрессе: он согласился поддерживать из человеколюбия старания Англии, но принять на себя особенные обязательства для преследования русских негроторговцев отказался. Император Николай I придерживался того же самого взгляда. Но в 1838 г. случилось следующее происшествие. Нотой от 25 июня 1838 г. английский министр при С.-Петербургском дворе Мильбанк сообщил Министерству Иностранных Дел, что два русских судна задержаны в Гаване с грузом негров. Одно судно называлось "Голубка" или "Голубчик". По немедленно проведенному в Одессе расследованию оказалось, что "Голубка" или "Голубчик" испанское судно, купленное одесским купцом, который отрицал, что имел какое-нибудь понятие о противозаконной торговле со стороны шкипера. Почти через год, нотой 22 мая (3 июня) 1839 г., английский посланник сообщает русскому правительству, что близ Барселоны английский военный корабль остановил бриг под русским флагом "Голубчик", очевидно занимающийся торговлей невольниками. Посланник справедливо предполагал, что "Голубчик" и "Голубка" одно и то же судно. Захваченное английским крейсером судно было приведено им в Портсмут и представлено в распоряжение графа Киселева, русского посланника при С.-Джемском дворе. Граф Киселев протестовал в энергичных выражениях пред лордом Пальмерстоном против арестовывания в открытом море русского судна и приводе его в английский порт. Но лорд Пальмерстон воспользовался этим происшествием, чтобы выразить графу Киселеву надежду, что это дело наведет Государя Императора на мысль о необходимости содействия другим державам в мерах прекращения торгового неграми*(97). Эта надежда вполне оправдалась в 1841 г., хотя по расследованию дела оказалось, что продажа испанского судна одесскому купцу, испанцу по рождению, была совершенно фиктивна и что весь экипаж и шкипер судна были испанцы. Непонятным только осталось, каким образом оно получило право на поднятие русского коммерческого флага.

Главные условия трактата 1841 г. и других поименованных актов состоят в

нижеследующем: 1) дозволяется крейсерам, плавающим близ африканских берегов, останавливать и подвергать досмотру подозрительные суда; 2) задержанные с неграми суда должны быть отправлены в порт того государства, под флагом которого они плавают (или в другой порт, смотря по условию), и здесь суд должен определить следуемое неготорговцу наказание; 3) захваченное виновное судно конфискуется и из его стоимости назначается определенное вознаграждение крейсеру; 4) торг невольниками приравнивается к морскому разбою.

Заслуги Англии в прекращении торговли неграми велики. В 1808 г. она объявила этот торг незаконным в пределах своих владений. В 1824 г., по предложению лорда Брума, английский парламент издал закон, которым торговля невольниками признается пиратством. До 1838 г. Англия освободила в своих колониях 780 993 негра и выплатила за них плантаторам 20 миллионов фунтов стерлингов.

В Северо-Американских Соединенных Штатах невольничество отменено в 1865 г.; в Бразилии в 1871 г.; наконец, на острове Кубе в 1877 г.

Но несмотря на громадные жертвы, принесенные почти всеми государствами для прекращения торгова неграми, он все-таки продолжает существовать; только с западного берега Африки эта торговля перешла на восточный. И теперь еще крейсера нередко захватывают суда неготорговцев, которые везут свой товар в Египет, Аравию и другие страны и сбывают его более или менее открыто. Вот почему Германия, Австрия, Россия и Англия нашли необходимым в 1879 г. возобновить трактат 1841 г., а Лондонский благотворительный комитет, организованный для содействия отмене невольничества (Anti-Slave trade Society), все еще агитирует в пользу исполнения всеми державами декларации Венского конгресса и тех конвенций, которые он заключил для противодействия неготорговле. Самым последним и наиболее замечательным международным актом в борьбе против неготорговли является "Генеральный акт" Брюссельской антиневольнической конференции 1890 г. В нем содержится целая система мероприятий для окончательного искоренения торговли неграми. Эти меры касаются не только морских, но равным образом сухопутных сообщений. Борьба против неготорговцев перешла внутрь африканского континента, и право осмотра подозрительных судов в открытом море является только вспомогательным средством борьбы цивилизованных государств против зла, от которого еще до сих пор страдает Африка.

с) Торг кули. Он получил большое развитие в последнее время. Именем "кули" называют Китайцев, которых разные промышленники вербуют в китайских портах и отправляют в Америку и на острова Тихого океана, где они должны, исполняя подписанные ими контракты, работать в полном смысле слова как негры.

История новейшего времени представила уже множество возмутительных фактов, относящихся к вербовке и эксплуатации "китайских невольников"; но они до сих пор не вызвали достаточно сильных и общих мер, направленных к прекращению этого нового вида рабства. Правда, в 1866 г. само китайское правительство издало закон, который должен был регламентировать наем "кули" для предупреждения обманов при заключении ими контрактов; но Англия и Франция увидели в этой совершенно законной и справедливой мере нарушение своих торговых интересов, обеспеченных договорами, и противятся ее применению.

§ 86. В настоящее время все образованные государства признают за человеком, как таковым, безотносительно к его подданству или национальности, известные основные права, которые неразрывно связаны с человеческой личностью, а именно:

1) Право на существование и развитие физической личности, - следовательно, право на приобретение средств, необходимых для поддержания

жизни, трудом физическим, торговыми оборотами, занятием промыслами или иным законным образом; в этом отношении каждый человек пользуется совершенной свободой в пределах, поставленных законом.

2) Право на развитие своих духовных и умственных способностей и сил; следовательно, право пользоваться всеми средствами, которые представляет страна для образования человека и удовлетворения его эгоистических стремлений, как-то: школами, библиотеками, музеями и др.

Содействие, которое оказывают государства каждому человеку в области его экономической деятельности и духовной жизни, составляет специальную задачу международного управления (см. особенную часть, раздел I, глава II).

3) Каждому человеку принадлежит право на сообщение и свободное передвижение в пределах международного союза государств. Прикрепление к земле, освященное средневековыми обычаями и законами для *glebae adscripti*, противоречит общему порядку вещей, юридическим и нравственным понятиям, господствующим в современных образованных государствах. Согласно порядку, связывающему между собой государства, право на выселение (эмиграцию) должно быть признано неотъемлемым правом человека; отмена этого права становится вразрез с международным правом.

Из вышеуказанных прав, признаваемых за каждым лицом в области международных сношений, вытекают другие неотъемлемые права человека: право на неприкосновенность личности, жизни, чести, здоровья, право владеть собственностью, вступать в обязательства, право на заключение семейного союза и т.п. Пределы и условия пользования ими рассматриваются в международном уголовном и частном праве. Здесь достаточно заметить, что если бы государства действительно считали эти права присущими человеческой личности и санкционированными международным общением, то устранились бы сами собой многие случаи коллизии законодательств и взаимные препирательства государств, объяснимые лишь излишним преувеличенным значением, которое правительства придают территориальному закону или просто своим усмотрениям.

В. О правах государства в отношении подданных и иностранцев

§ 87. В области международных сношений человек является не только лицом с присущими ему основными правами, но также подданным государства, которое имеет по отношению к нему определенные права и обязанности, и иностранцем, по отношению к которому имеет известные права и обязанности территориальная власть. Таким образом, государству принадлежат известные основные права: 1) относительно своих подданных, находящихся за границей, и 2) относительно иностранцев, пребывающих на его территории.

а) В отношении подданных. Государство самостоятельно определяет те права и обязанности, которые оно имеет в отношении своих подданных, но насколько правоотношения между ним и этими лицами ограничиваются пределами государственной территории. Если они выходят за эти пределы - что при современном развитии международных сношений бывает весьма часто - то должны быть определены с точки зрения международного общения и права, его регулирующего. Таковы отношения государства к тем подданным, которые находятся за границей или вообще поддерживают международные обороты. С точки зрения международного права эти отношения представляются в следующем виде:

1) Во время пребывания за границей подданные остаются подчиненными верховной власти своего государства. Согласно с этим они должны и на иностранной территории исполнять отечественные законы и все распоряжения

своего правительства, насколько, конечно, это представляется фактически возможным ввиду законов, изданных местной властью и обязательных для иностранцев, пребывающих на ее территории. Если поэтому подданный совершит обыкновенное или государственное преступление вне пределов своего отечества, то может быть привлечен к ответственности в своей стране даже в том случае, если уже он судился и был наказан за преступление в иностранном государстве.

2) Из самого существа подданныческих отношений следует, что подданные ни в коем случае не могут прибегнуть к защите иностранного правительства против отечественной власти. Подобные обращения к иностранному государству составляют государственную измену и должны быть отклоняемы.

3) Государственная власть имеет право во всякое время вызвать своих подданных из-за границы (*jus avocandi*), когда найдет это нужным. Поводом к вызову может служить исполнение подданным воинской повинности или какой-либо другой законной обязанности, делающее необходимым его присутствие в родной стране; объявление войны тому государству, в котором он проживает, и т.д. Но так как иностранное правительство вообще не должно вмешиваться в отношения, существующие между данным государством и его подданными, то как бы ни были уважительны причины их вызова, они не обязаны содействовать его исполнению.

Так, во время франко-германской войны немногие прусские подданные, находившиеся в пределах России, несмотря на вызов своего правительства, не возвратились в отечество, чтобы принять участие в войне, и хотя очевидно не исполнили своей законной обязанности, но не были и не могли быть насильно отправлены в Пруссию. Обязанность такой их высылки могла бы лежать на русском правительстве только на основании специального соглашения по этому предмету с Пруссией; но подобного рода соглашения сами по себе не оправдываются ни международным правом, ни теми нормальными отношениями, которые, собственно, должны существовать между правительством и его подданными.

Правительства могут требовать от иностранцев, изъявивших желание получить натурализацию, предварительного предъявления свидетельства об исполнении ими на родине всех законных обязанностей и в особенности воинской повинности. Но такое требование может быть объяснено только желанием предупредить какие-нибудь международные недоразумения.

4) На государстве лежит обязанность охранять своих подданных и их законные интересы от посягательств иностранных правительств. Для этой цели все государства имеют за границей дипломатических и консульских агентов, главная обязанность которых быть защитниками прав и интересов своих соотечественников. Когда и в каких пределах должна быть оказана эта защита, государственные законы обыкновенно не определяют. В этом отношении каждое правительство должно руководиться главнейше сознанием своего достоинства и общей лежащей на нем обязанности представлять своих подданных в международных отношениях.

Перечислить все случаи, когда имеет место заступничество государства за своих подданных, нет возможности: каждый законный интерес подданного, нарушенный местной властью, может оправдывать это заступничество. На практике наиболее часто его вызывали следующие случаи.

Каждый подданный, находящийся за границей, должен быть защищаем местными судами против незаконных посягательств на свою личность, собственность и другие бесспорные права. Как мы уже говорили, все они вытекают из самого существа международных отношений и для бытия своего не нуждаются ни в международных трактатах, ни в постановлениях внутреннего законодательства, их предусматривающего. Отказ в их признании есть отказ в правосудии. Поэтому, если местные суды не пожелают дать им свою охрану, тогда, без сомнения, отечественная власть обязана заступиться за своего потерпевшего подданного и

требовать, чтобы иностранное правительство относилось к нему с таким же уважением, как и к подданным других государств.

Часто вызывали защиту государства коммерческие предприятия его подданных и в особенности несостоятельность какого-либо правительства в уплате процентов и погашении долга по заключенным им внешним займам. В последнем случае владельцы бумаг, выпущенных иностранным государством, нередко настаивали перед своими правительствами не только о вмешательстве в их пользу дипломатическим путем, но даже мерами принуждения. Такие заявления делали, например, английские и французские подданные по случаю несостоятельности Турции, Египта и Португалии, которая не желала платить долги, сделанные ее королем доном Мигуелем в 1832 г. Как следует относиться правительству к подобным ходатайствам, это мастерски разрешил лорд Пальмерстон в своей январской депеше 1848 г. Он говорит, что если Англичане отдают свои капиталы иностранному государству, то, разумеется, в надежде выгод, которые получают от своей сделки; но при этом они должны принять в расчет и риск, которому неизбежно подвергнутся в случае несостоятельности своего должника; не приняв в расчет это обстоятельство, они должны мириться с участью, постигающею всякого спекулянта, который ошибся в своих предположениях.

Логический вывод из этих соображений тот, что английское правительство не считает себя обязанным заступаться за тех своих подданных, которые вверили свои капиталы чужому государству и пострадали от его банкротства. Такого же взгляда держится и французское правительство. Как Англия, так и Франция, если и брали на себя в последнее время защиту своих подданных - кредиторов Турции - то только дружественными ходатайствами в их пользу перед Портою или султаном. Вмешательство Англии и Франции в дела Египта было вызвано не столько заботливостью об интересах англо-французских кредиторов Измаила-паши, сколько соображениями высшей политики. К таким же последствиям приводят и другие коммерческие предприятия, устраиваемые подданными в чужих государствах, например, сооружение железных дорог, постройка заводов и пр.: они вызовут деятельное заступничество своего правительства только в том случае, если интересы подданных будут нарушены вопреки законам той страны, где строились предприятия.

b) В отношении иностранцев. Юридическое положение иностранцев в государстве определяется как внутренним законодательством, так и международными договорами. В своем месте мы рассмотрим эти акты, здесь же постараемся выяснить общие основные права, которые имеют территориальную власть в отношении иностранцев, согласно началам международного права.

1) Каждое государство, в силу своего самодержавия, имеет, несомненно, право определить условия, при которых оно согласно допустить иностранцев на свою территорию. В этом отношении автономия местной власти ограничивается лишь следующими требованиями международного общения: не объявлять иностранцев бесправными на своей территории и вне закона, а также не подвергать их поголовному изгнанию из страны, как делалось это в Спарте (ксенелазия). Принятие государством подобных мер было бы равносильно его отказу от участия в международных сношениях и поставлению себя вне международного общения.

2) По отношению к территориальной власти иностранцы, находящиеся в государстве, являются временными подданными (*subditi temporarii*). Они подчиняются как юрисдикции этого государства, так и всем порядкам, обязательным вообще для туземных подданных и специально для иностранцев. Порядки эти могут быть невыгодны и стеснительны; могут коренным образом расходиться с порядками, действующими в других государствах; могут быть даже несостоятельны с точки зрения политики и государственного хозяйства; но раз они не противоречат

международным трактатам, иностранцы обязаны им подчиняться; это уже их дело предвидеть свое юридическое положение в стране, в которой они желают находиться.

С этой точки зрения, нельзя признать основательным протест, заявленный английским правительством по делу о высылке из Петербурга в 1881 г. английского подданного еврея Левисона, который нарушил законы о евреях, действующие в России. Лондонский кабинет первоначально называл меру, принятую русским правительством относительно Левисона, несогласной ни с трактатами, заключенными между Россией и Англией, ни с началами международного права, ни с условиями правильных международных сношений, которые должны существовать между образованными государствами. На это можно возразить, что каждое государство свободно принимать в отношении иностранцев все меры, которые оно найдет целесообразными, лишь бы они не нарушали заключенных им трактатов и не исключали безусловно международных с ним сношений*(98).

Территориальным законам и властям, по исключению, не подчиняются: монархи, дипломатические агенты, военные суда и вспомогательные войска, которые, в качестве органов или представителей своих государств, пользуются правом экстерриториальности. В этом именно вопросе заключается существенное различие между государствами цивилизованными и нецивилизованными: в последних иностранцы в значительной степени не подчиняются ни территориальной власти, ни местному суду. (См. Особ, часть, глава I, § 24-26.)

3) Как временные подданные, иностранцы обязаны не нарушать местного юридического порядка. В случае нарушения ими уголовных или полицейских законов страны они подвергаются всем последствиям, установленным за правонарушение в законе, и не могут претендовать ни на какие в этом отношении привилегии сравнительно с туземными подданными. Так, они подсудны за преступления местным уголовным судам, даже экстраординарным, если таковые существуют в государстве. Они могут быть на общем законном основании подвергнуты аресту и содержимы в обыкновенных местах заключения. Об особенных тюрьмах для иностранцев или об обязанности местной власти доносить подлежащему правительству об аресте тех или других его подданных не может быть и речи.

Политические эмигранты по меньшей мере не пользуются никакими преимуществами сравнительно с другими иностранцами: нет никаких оснований требовать для них особенного покровительства территориальной власти. Так смотрит на политических выходцев, например, швейцарское правительство, которое, в особенности в последнее время, неоднократно напоминало эмигрантам, укрывающимся в Швейцарии, что они могут пользоваться гостеприимством страны только под условием полного уважения законов и правительственных мер, которые обязательны для всех без исключения лиц, проживающих на швейцарской территории. Точно в таком же положении находятся политические эмигранты в Англии.

Но не все повинности, исполняемые местными подданными, могут быть распространены на иностранцев. Пребывая временно на чужой территории, иностранцы остаются по закону подданными своего государства. Потому они должны быть свободны от всех тех местных повинностей, которые несогласны с законными их отношениями к своим государствам или которые предполагают именно местное подданство, как, например, воинская повинность, служба по выборам и пр.

4) Все иностранцы имеют право на свободный выезд из государства, если только выполнили свои обязательства в отношении частных лиц и местной власти.

Глава третья. Государственная территория и пути международных сообщений

I. О государственной территории вообще

§ 88. Территория есть пространство земли и воды, подчиняющееся исключительно верховной власти государства. Государственная власть в отношении территории есть территориальная власть: она обнаруживается в верховном господстве над определенной территорией и над всем, что на ней находится. *Quidquid est in territorio est etiam de territorio**(99).

Нет надобности доказывать, что и территория, и исключительная власть над нею определенного народа безусловно необходимы для существования государства: без них, как и без граждан, населяющих территорию, государство немислимо и не может быть субъектом международного права.

Из понятия о государственной территории следует, что она включает в себя не только сушу, но и водные пространства - моря, озера, реки, - которые подчиняются власти государства. Состав территорий бывает различен и в другом отношении: владения одних государств образуют компактную массу, одно неразрывное целое, у других, напротив, представляют разрозненные части, более или менее отдаленные от общего государственного центра, например, колонии. Это не изменяет принципа: все территориальные владения государства, где бы они ни находились, рассматриваются в международном праве как одно нераздельное целое под одною верховной властью. Здесь не место указывать на стратегическое и вообще политическое значение, которое имеют для государства географическое положение его территории и его топография, целостность или дробность его владений, геометрическая их форма: все это вопросы военной науки и политики, но не международного права.

Территориальной власти принадлежит верховное и исключительное господство над всеми своими владениями. В этом смысле территория есть объект международной собственности государства: каждое государство одно распоряжается и пользуется своей территорией, не допуская вмешательства других государств. По отношению к частным имуществам, которые находятся на территории, государству принадлежит верховное право покровительства и распоряжения, т.е. совокупность публичных прав, но отнюдь не собственность на началах частного права, не *dominium*, но *imperium*. В отличие от этой собственности, право территориальной власти на имущество своих подданных и иностранцев, пребывающих в государстве или владеющих здесь недвижимостью, называется *dominium eminens*. Из него вытекает: 1) право государства облагать налогами частную собственность; 2) право отчуждать ее в видах общественной пользы (право экспроприации); 3) в крайней необходимости, например во время военных действий, право совершенно ее уничтожить, даже без вознаграждения собственника.

Наконец, в отношении тех земель, которые входят в состав территории, но не принадлежат никому, которые не заселены или покинуты своими владельцами, территориальная власть имеет право завладения (оккупации): она не только распоряжается такими землями на праве государственной власти, но и владеет ими, как частный собственник. Поэтому присвоение незанятых земель без разрешения государства не должно иметь места; такие земли не "безхозяйные вещи" (*res nullius*), которые, по учению римских юристов, принадлежат в собственность "первому ими завладевшему". Как часть государственной территории, они принадлежат прежде всего территориальной власти, от которой уже зависит определить, на каких условиях она согласна отдать их во владение частных лиц.

Этот взгляд имеет огромное практическое значение для тех государств, которые, подобно С.-А. Соединенным Штатам, занимают до такой степени обширную территорию, что полное занятие всего ее пространства может совершиться только в течение многих лет. Придерживаясь того начала, что земли, составляющие североамериканскую территорию, подлежат верховной власти Штатов, Вашингтонское правительство совершенно последовательно распространяет свою власть и на те из них, которые находятся во владении Индейцев: оно или приобретает эти земли покупкою, или отнимает без вознаграждения владельцев.

II. Границы территории

§ 89. Важность точного определения границ государства не требует особенных объяснений. Граница территории обозначает пределы господства территориальной власти и действия закона данной страны: она указывает, где кончается власть одного государства и начинается власть другого. Следовательно, уже с точки зрения внутреннего управления нельзя не желать такого разграничения между государствами, которое не возбуждало бы сомнений. Еще более необходимым представляется оно для мирных и устроенных международных сношений, ибо пограничные столкновения, вызываемые неопределенностью границы, не только порождают недоразумения между государствами, но и служат тормозом, препятствующим развитию международных пограничных оборотов.

Границы государственные обыкновенно разделяются в науке международного права на два рода: 1) границы физические или естественные и 2) условные или договорные (искусственные).

1) К естественным границам относят моря, реки, горы, степи и мели.

В прежнее время полагали, что естественные границы установлены самой природой, что они всегда и безусловно разделяют государства и не должны находиться в пределах их территорий. Вместе с тем их принимали и за наилучшее очертание территориальных владений, такое, которое дает народу все средства удовлетворить свои потребности и развить свои силы. Поэтому сложилось мнение, что каждый народ, достигнувший естественных пределов своей территории, не будет уже иметь ни оснований, ни права к дальнейшему ее расширению, и, наоборот, должен всеми силами стараться о приобретении новых земель, если его владения не совпадают с чертою, предназначенной ему природой. На основании такого взгляда выработалась известная теория об "естественных границах" государств, нашедшая талантливых защитников, в особенности во Франции. Насколько состоятельна эта теория, лучше всего показывает то обстоятельство, что сами ее разработчики решительно не могли согласиться, какие, собственно, границы установлены самой природой, как окончательные, хотя бы только для их отечества: мнения насчет "естественных границ" французских, не говоря уже о других, сильно расходятся между собой.

В положительном международном праве господствуют следующие начала, применяемые к естественным границам государств.

Относительно морских границ принято, как общее правило, что прибрежные государства простирают свою власть над морем на расстоянии пушечного выстрела с берега. Это начало выражается афоризмом, который высказал еще Бейнкерсгук: "terrae dominium finitur, ubi finitur armorum vis" или "quousque man e terra imperari potest". Предполагают, что на таком пространстве моря государство в состоянии поддерживать свою власть. Но так как ширина этого пространства при непрерывных усовершенствованиях в артиллерии не может быть постоянной, то государства или

должны издавать законы, или вступать в соглашения между собой, на основании которых морская граница принимается на расстоянии определенного количества миль от берега. Если прибрежные государства сталкиваются в морской границе, то должны провести среднюю линию, которая и будет их разделять.

В древности и в средние века море в особенности считалось препятствием, созданным самой природой для разъединения людей. Но при современном развитии морских сношений можно сказать, что море "воздвигает стену между врагами и возносит мост, соединяющий друзей".

Вторую естественной границей считают реки. Если государства разделяются рекою, то за пограничную между ними черту принимается линия, проходящая по середине реки. На судоходных реках эту линию проводят по тальвегу (фарватеру). Понятно, что с изменением русла реки не изменяется положение речной пограничной черты. При полном изменении направления реки границей остается старое русло.

Реки, собственно, никогда не служили естественными преградами, разделяющими народы. Напротив, расселение народов по бассейнам главнейших рек прямо показывает, что они издавна уже были средством для сближения между людьми. Еще более рельефно выступает такой их характер в новейшее время, когда судоходные реки, протекающие по территориям различных государств, являются в полном смысле слова артериями международных сообщений. На этом основании о пограничных реках можно сказать: 1) что они самой природой предназначены к соединению, а не разделению государств; 2) что свобода судоходства по ним, обеспечиваемая трактатами, уже сама собою вытекает из трудности разграничить на них территориальное ведомство прибрежных государств; 3) для такого разграничения безусловно необходимо соглашение между пограничными государствами. Все это доказывает, что в действительности река может служить лишь искусственной, договорной границей, но никак не естественной. Впрочем, стратегическое значение рек несомненно.

Если государства отделяются друг от друга горами, то границей считается линия, образующая хребет гор, или линия водораздела. Как и моря, горы не являются в настоящее время естественной стеной, которая разобщает государства: благодаря прорытию тоннелей и железным дорогам, даже высочайшие горы не служат более неодолимым препятствием для международных сообщений.

Наконец, степи и отмели, без сомнения, стесняют сообщения между государствами и в этом смысле могут и теперь еще считаться естественными границами, но для бесспорности той черты, которая именно разделяет государства на этих пространствах, безусловно необходимо их соглашение.

Остается заключить, что так называемые "естественные" границы не составляют сами по себе пограничной, разделяющей государства черты, а имеют это значение только на основании трактатов, решающих, в каком направлении должна идти граница. Другими словами, естественные границы получили теперь договорный, искусственный характер. В настоящее время признаются только условные границы и о них справедливее, нежели об естественных границах, можно сказать, что они установлены самой природой, силою вещей, тем естественным порядком международных отношений, которому подчиняются все современные образованные государства.

2) Искусственные или договорные границы определяются в демаркационных актах, которые заключают государства, и состоят из условной математической линии, точки и направление которой назначаются названиями урочищ, номерами пунктов, нанесенных на карту, линиями водоразделов и т.п. Внешними знаками границы служат столбы, рвы, плавучие бочки и пр. Точное ее определение и в особенности поддержание знаков, по которым она может быть распознана, весьма

важно, ибо из-за них происходят постоянно споры и столкновения между населением и пограничными властями.

В последнее время публицисты указали еще на особенные, так называемые "социальные" границы, разделяющие государства. Они показали, что при проведении границ между государствами необходимо обращать внимание на экономические и общественные условия, в которых находятся жители разделяемой области. Нельзя отделять от государства часть какой-либо местности, представляющей в целом, со всем своим населением, одну хозяйственную единицу. Естественным последствием такого разделения является уничтожение благосостояния края, не оправдываемое мудрой политикой государств; притом насильственно разделенные части будут всегда стремиться к своему соединению и могут дать повод к столкновениям, весьма нежелательным и опасным для международного мира. В пользу теории "социальных границ" можно привести много разумных доводов, вполне заслуживающих серьезного внимания правительств.

III. О способах приобретения территориальных владений

§ 90. Государство, как международная личность, имеет право на приобретение и отчуждение территориальных владений и всякого рода собственности, ему принадлежащей. В каких пределах государство осуществляет это право - это вопрос, разрешаемый внутренним законодательством каждой страны.

Способы приобретения международной собственности можно разделить на два рода: первоначальные (*acquisitio originaria*) и производные (*acquisitio derivativa*). И к тем, и другим вполне или отчасти применимы начала, выработавшиеся в римском праве.

1) Первоначальные способы приобретения. Так называются все способы, которыми одно государство увеличивает свою международную собственность, не лишая другое его владений. К ним относятся: приращение, давность и завладение.

а) Приращение (*accessio*). Этот способ приобретения не имеет большого значения для государства. В тех крайне редких случаях, когда государственная территория увеличивается приращением, основанием могут служить, вообще говоря, начала, принятые в гражданском праве. К таким случаям принадлежат: поднятие морского дна, образование на реке острова и нанос (*alluvio*). Все подобного рода естественные приращения составляют собственность прибрежного государства.

Поэтому, когда в устьях реки Миссисипи образовался остров и Англия объявила его своим на том основании, что первым увидело его английское судно, вашингтонское правительство справедливо восстало против этих притязаний, так как остров находился в устье реки, принадлежащей Соединенным Штатам. Приращение территории может быть последствием также человеческого труда, например таких работ, какие издавна уже ведутся в Голландии, с целью осушения земли, покрытой озерами или морскими водами.

б) Давность (*usucapio*). В отличие от частного права, международные отношения допускают действие давности в весьма ограниченных пределах. Значение ее в этой области может быть выражено в следующих положениях:

1) Международное право не признает давностного срока, ибо государство владеет данной территорией, пока может и намерено поддерживать над нею свою верховную власть.

2) В области международных отношений нет случаев нарушения течения давности. Государственная власть может фактически лишиться своего владения, но

может всегда стараться возратить его тем или другим образом.

3) В международных отношениях действительное значение имеет только одна незапамятная давность (*antiquitas, vetustas, cujus contraria memoria non existit*). На ней покоится вся политическая карта, все существование фактическое цивилизованных и нецивилизованных государств. Сила времени и санкция истории заставляют умолкнуть все претензии и обвинения, которым в свое время могли давать повод насилия и несправедливости, совершенные государствами для расширения своих территорий. В этом смысле к государствам как нельзя более применимы слова: "*beati possidentes*"! Совершившийся факт, покрытый незапамятной давностью, законен перед международным правом.

с) Завладение (*occupatio*). Под именем завладения понимается занятие государством никому не принадлежащей земли, т.е. территории, не состоящей под властью других государств. История применения этого способа весьма поучительна, так как им было создано политическое могущество и значение финансовое, промышленное и торговое многих современных народов.

В XV и XVI столетиях, когда совершались самые значительные открытия новых земель, государства, овладевшие этими землями, расходились между собой в решении вопроса, какое, собственно, пространство должна обнимать власть правительства, в пользу которого делалось открытие. По большей части открытия происходили с морского берега и не шли в глубь страны: однако государства, от имени которых были заняты прибрежные пункты, объявляли себя господами не только береговой полосы, но всей земли, им совершенно неизвестной, которая лежала внутри новооткрытого континента или острова. На этом основании Португальцы претендовали на всю Африку, Испанцы на Южную Америку, Англичане на Северную Америку; последние вследствие того, что венецианец Кабото прошел в 1496 г. с их кораблями вдоль американского берега с 56° по 38° северной широты.

Весьма естественно, что при таком широком толковании завладения правительства нередко сталкивались на той или другой территории, которую каждое из них считало своей по праву первоначального открытия. За разрешением своих споров иногда они обращались к папам, которые не стеснялись присуждать в пользу различных народов целые страны. Так, буллой 1454 г. папа Николай V отдал Португальцам всю Гвинею в Африке, с правом покорять обитающие там варварские племена, и запретил другим европейским народам предпринимать здесь завоевания. На основании буллы папы Александра VI, изданной в 1493 г., Испанцы получили в собственность как все открытые ими, так и могущие быть открытыми земли на расстоянии 100 миль на запад и юг от Азорских островов и Зеленого мыса. Трактатом, заключенным в 1494 г. между Испанией и Португалией, была проведена пограничная линия с северного полюса к южному, на расстоянии 370 миль на запад от острова Зеленого мыса с целью разграничения испанских и португальских владений и претензий. Что же касается до рискованных распоряжений римских пап насчет вновь открытых земель, то они постоянно оспаривались с разных сторон уже в XVI столетии.

До самого последнего времени вопрос о завладении имел исключительно исторический интерес. Но с 1878 г., благодаря возрождению колонизаторских стремлений во Франции, Германии, Англии и в особенности деятельности "Международного Африканского Общества", учрежденного королем Бельгийцев Леопольдом II, весьма значительные земли были заняты европейцами в Африке, в особенности на берегах Конго и на островах Тихого океана. Возникшие отсюда столкновения привели к сознанию необходимости определить взаимные территориальные претензии и сами условия действительности оккупации. С этой целью была созвана в октябре 1884 г. Берлинская африканская конференция, окончившая свои занятия в феврале 1885 г. подписанием замечательного

международного акта.

На основании постановлений Берлинской конференции и современного международного права, для действительности завладения, как способа приобретения международной собственности, должны быть налицо следующие условия*(100).

1) В субъективном отношении необходимо, чтобы завладение последовало от имени и с согласия государственной власти. Если оно совершается должностными лицами, органами государства, то не может быть сомнения, какой народ должен считаться собственником занятой земли. Завладение, предпринятое частными лицами, требует утверждения со стороны правительства, в пользу которого оно последовало.

2) Завладение действительно, если государство недвусмысленно намерено подчинить землю своей власти и пользоваться тем пространством, которое открыто, занято и присоединено к его территории. Внешним образом такое намерение (*animus possidendi*) выражается водружением государственного флага или герба и иными символическими актами новооткрытой земли: установлением в ней правительственного порядка, посылкой войск, возведением укреплений и т.п.

3) Объектом завладения могут быть только никому не принадлежащие земли и области, обитаемые варварскими племенами. Надо сознаться, что в отношении последних цивилизованные государства, к своему стыду, редко когда действовали с правдой и справедливостью, достойной образованных и христианских народов. Как свидетельствует история колонизации Южной и Северной Америки, европейские правительства, в большинстве случаев, были убеждены, что стоит только какому-нибудь искателю приключений прибыть в страну, населенную дикарями, чтобы *ipso facto* она перешла в "собственность" государства, от имени которого это лицо заблагорассудит действовать. Исключение составляет вашингтонское правительство, которое, как мы уже говорили, обыкновенно вознаграждает тех Индейцев, земли которых отходят к территории Штатов и которые, таким образом, лишаются своей бесспорной собственности.

4) Пределы завладения определяются фактической возможностью для правительства поддерживать свой авторитет на занятом пространстве. Где не проявляются власти государства, там нет завладения, ибо оккупация обязательна, насколько действительна. Какие признаки доказывают действие государственной власти - это вопрос, разрешаемый для каждого отдельного случая согласно с местными условиями и теми средствами, которые находятся в данное время в руках оккупанта.

Нельзя поэтому выставить, как делает это Блюнчли, общее начало, что оккупант вправе считать своими владениями не только действительно занятые им пункты, но и все земли, которые вместе с этими пунктами, "по своей природе", составляют одно органическое целое. Так, например, государство, завладевшее только устьем реки, овладевает, по мнению Блюнчли, и всем ее течением.

Факты, однако, могут противоречить этому утверждению, и в таком случае то, что выделяется за безусловное правило, не найдет никакого применения: только действительное завладение создает для оккупанта известные права и налагает на другие государства соответственные обязанности.

5) Держава, занимающая какую-нибудь область с целью завладения, обязана довести об этом дипломатическим путем до сведения других государств. В этом акте объявления (*acte de notification*) должны быть приблизительно обозначены границы завладеваемой области.

Эти правила подтверждаются различными примерами из истории международных отношений. Таковыми могут служить: 1) спор между Испанией и Соединенными Штатами относительно Луизианы; 2) спор между Англией и

Соединенными Штатами из-за Орregonской территории: он окончился в 1846 г. заключением конвенции; 3) занятие в 1879 г. французскими войсками острова Матаконг на западном берегу Африки (Англия и Франция); 4) спор между Россией с одной стороны, Англией и Соединенными Штатами - с другой, по поводу указа, изданного императором Александром I, от 4 (16) сентября 1821 г. На основании этого указа объявлялось русской территорией все пространство, порты и заливы по всему северо-западному берегу Америки, начиная от Берингова пролива до 51° северной широты, также и Алеутские и Курильские острова, начиная от Берингова пролива до южного мыса острова Урупа, т.е. до 45°50' северной широты (§ 1). Иностранцам судам воспрещалось даже приближаться к этим русским берегам на расстояние менее 100 английских миль.

Этот указ встретил энергичный протест со стороны вашингтонского и английского правительств, которые доказывали, что распоряжение русского правительства нарушает "все общепризнанные принципы международных законов и обычаев". Русское же правительство оправдывало указ необходимостью охранять интересы Русско-Американской Компании и основывало его на "праве первого открытия, первого занятия и непрерывного владения" означенными островами и водным пространством. Но император Александр I, желая предупредить столкновение с Соединенными Штатами, отдал русским крейсерам приказание не удаляться слишком в море для преследования контрабандной торговли и подвоза оружия. Вместе с тем он заявил согласие вступить в переговоры по этому предмету.

В 1824 г. Россия отказалась от чрезмерных своих притязаний и заключила конвенции как с Соединенными Штатами, так и с Англией, в 1825 г., которые существенно парализовали действие указа 1821 г.***(101)**

§ 91. 2. Производные способы приобретения. К способам приобретения международной собственности, называемым производными, принадлежат все способы, посредством которых одно государство приобретает от другого часть его территории, свободно или принужденно им уступаемую. Свободные уступки территорий широко практиковались в прежние времена, когда монархи смотрели на государственные владения как на свою вотчину. Отдача территорий в дар, обмен их на другие владения, продажа или назначение в приданое были самым обыкновенным явлением в средние века и в начале нового времени. "Счастливые" австрийские браки вошли даже в пословицу. В современных государствах, и конституционных и абсолютных, государственная территория не признается более "собственностью" государя: она есть нераздельная собственность всего народа и может быть отчуждена не иначе, как на основании закона. В государствах с представительным образом правления для уступки владений необходимо согласие палат.

Общий признак производных способов приобретения заключается в договоре, взаимном соглашении между государствами приобретающим и отчуждающим известную территорию. К производным способам относятся: покупка, добровольная уступка и приобретение по праву завоевания.

а) Купля-продажа. В настоящее время она является способом приобретения совершенно исключительным и редко практикуемым в международных отношениях. Во всяком случае, она допустима только при одном условии: чтобы покупка не распространялась на население. В случае продажи территории жители, ее населяющие, получают право выселиться из нее в течение определенного срока.

Примерами покупок территории, имевших место в недавнее время, служат: приобретение С.-А. Соединенными Штатами русско-американских владений, проданных Россией за 7 200 000 долларов, и покупка ими же, в 1868 г., датских островов Св. Фомы и Св. Иоанна (за 1 500 000 дол.). Последняя покупка не была утверждена Вашингтонским сенатом***(102)**. В 1901 г. между Соединенными Штатами

и Данией была заключена новая конвенция относительно продажи этих островов. Но в октябре 1902 г. датский ландстаг 32 голосами против 32 голосов отверг эту конвенцию, и острова остались за Данией.

b) Добровольная уступка и обмен. Они также редко случаются в настоящее время. В 1863 г. Греческое королевство приобрело таким образом от Англии Ионические острова. Как на добровольную уступку можно отчасти смотреть и на передачу Франции в 1860 г., согласно Туринской конвенции, графств Ниццы и Савойи. На основании конвенции 1890 г. остров Гельголанд был уступлен Англией Германии в обмен за приращение английских владений в Африке за счет Германии.

c) Завоевание (*debellatio*). Этот древнейший способ приобретения до настоящего времени остается наиболее часто применяемым. Для действительности передачи владения, вынужденной завоеванием, необходимы: 1) согласие договаривающихся сторон, выраженное в мирном трактате; 2) фактическое завладение уступленной областью, которое доказывается занятием ее и подчинением управлению приобретающего государства; наконец 3) фактическая покорность населения, живущего в передаваемой местности.

В последнее время это третье условие толковалось в том смысле, что для законности уступки и присоединения, основанных на завоевании или требуемых какими-либо другими обстоятельствами и соображениями, необходимо формальное согласие народонаселения отчуждаемой территории (плебисцит). Беспристрастная оценка доводов, которые были приведены как в защиту, так и в опровержение этого мнения, убеждает, однако, в полной юридической его несостоятельности.

Необходимость плебисцита при уступке и присоединении земель выставляется, прежде всего, как непреложное требование европейской цивилизации и прогресса международных отношений. Безвозвратно миновало то время - говорят защитники плебисцита - когда государи произвольно распоряжались достоянием народов и своими подданными, когда их личная воля была единственным законом для государств. При настоящем уровне образованности немыслимо, чтобы население какой-либо территории рассматривалось как стадо или как крепостные, которых можно уступить другому государству вместе с их землей, помимо их воли и согласия. Если народ свободно устанавливает форму своего правления, если через своих выборных он принимает участие в законодательстве и управлении своей страны, то справедливо ли насиловать его свободу актом уступки, подчиняя его правительству, не им созданному, и законам, в издании которых он не участвовал? Избежать этой несправедливости можно только одним путем: предоставив самому населению отчуждаемой области высказаться, желает ли оно присоединения к чужому государству? Если большинство голосов ответит отрицательно, то такое присоединение не должно иметь места.

Факты из новейшей практики, по-видимому, доказывают, что сами правительства настолько убеждены в справедливости только что приведенных соображений, что находили нужным, при передаче владений, действительно обращаться к плебисциту. На основании Туринской конвенции 1860 г. население Ниццы и Савойи всеобщим голосованием выразило свое согласие на переход под власть французского императора. Население Ионических островов, уступленных в 1863 г. Греческому королевству, также было спрошено о желании подчиниться этому государству. Наконец, в ст. 5 Пражского мирного трактата 1866 г. постановлено условие, что Пруссия не присоединит к себе северной части Шлезвига против воли ее населения, выраженной плебисцитом.

Однако ближайшее ознакомление с обстоятельствами, при которых были заключены подобного рода трактаты, делают очевидным, что если государства соглашались на плебисцит, то или в тех случаях, когда не было никакого сомнения в его результате, или когда вынуждались к тому обстоятельствами.

В самом деле, относительно Ионических островов, состоявших под властью Англичан, было уже известно до 1863 г., что они желают соединения с Грецией; в Ницце же и Савоие, симпатии которых были на стороне Италии, заранее были приняты нужные меры, чтобы исход голосования не оказался противным присоединению. В этих двух случаях всеобщее голосование было пустой формой, или комедией, не делавшей чести ни ее участникам, ни европейской цивилизации. Что касается пресловутой 5-й ст. Пражского договора, то навязанная Пруссии посредничеством Наполеона III, она, как известно, не получила исполнения, а в 1878 г., по соглашению с Австрией, была и вовсе отменена. Затем, ни во Франкфуртском договоре 1871 г., ни в Берлинском трактате 1878 г. нет постановлений о плебисцитах, относящихся к какой-либо из тех областей, которые были присоединены к Германии, России и другим государствам.

Таким образом, факты не доказывают, что государства сознавали необходимость оправдывать плебисцитом свои территориальные приобретения, или чтоб само это средство являлось надежной гарантией, обеспечивающей народную свободу. Не выдерживают критики и теоретические соображения, приводимые в его защиту. С точки зрения права всякий трактат, в том числе и об уступке территории, раз он заключен компетентной властью, обязателен для всего государства: это основной принцип современного публичного права, и он не терпит никаких исключений. Население той части территории, которая присоединяется, на основании договора, к другому государству, должно подчиниться своей судьбе, не имея никакого права противопоставлять свою волю решению государственной власти. Если же согласиться, что плебисцит есть необходимое условие для уступки территории в том случае, когда она является последствием неудачной войны, то не значит ли это признать, что часть населения вправе своим "нет" компрометировать судьбу всего государства? Наконец, с практической точки зрения возникает масса неразрешимых недоразумений относительно применения плебисцита. В каких формах должен происходить плебисцит? Как устроить голосование? Что если население уступленной области скажет "нет"?

Одно несомненно: если воюющий знает, что от свободного голосования населения зависит исход войны, то он заставит население сказать "да"; он будет вести военные действия не только против войск, но также мирного населения, и силой принудит его согласиться на присоединение.

Нам кажется, что соображения эти должны убедить в неосновательности мнения о необходимости плебисцита в международных отношениях. Не имея за собой никаких юридических оснований, он остается в устах публицистов - фразой, а в руках политических деятелей - мишурой, прикрывающей обыкновенно эгоистические цели.

В международном праве существует другое средство, могущее вполне удовлетворить законные чувства населения присоединенной области, именно - населению, которое должно отойти к другому государству, дается свобода в течение определенного срока сделать выбор (Option) между прежним правительством и новым. Уже в XVII и XVIII столетиях встречаются примеры предоставления права такого выбора. В новейшее время оно вошло в обычай. Так, на основании ст. 2 Франкфуртского мира, жителям Эльзаса и Лотарингии, присоединенных к Германии, дозволялось до 1-го октября 1871 г. выселиться во Францию и остаться ее подданными. В трактате Константинопольском (1879 г.) жителям турецких областей, отошедших к России на основании Берлинского трактата, предоставлен трехгодичный срок, со дня ратификации трактата (3 февраля 1879 г.), в течение которого они могут свободно удалиться отсюда, "продавая свои недвижимые имущества" (ст. 7). Последнее ограничение, обыкновенно не встречающееся в других мирных трактатах новейшего времени, справедливо можно назвать

"устарелым условием" (une clause surannée).

IV. О способах отчуждения и утраты территории

§ 92. В принципе территориальные владения составляют неотчуждаемую собственность государства. Но на практике ни один народ не обеспечен от таких обстоятельств, когда он, добровольно или вынужденно, должен отказаться от части своих владений или даже утратить всю свою территорию. На этом основании можно говорить о способах, которыми государства отчуждают или теряют свою международную собственность.

Вообще все производные способы приобретения владений для одного государства суть способы потери для другого. Чаще всего государство утрачивает свою собственность помимо своей воли. К случаям такой утраты относятся: завоевание и отложение части народонаселения.

Гораздо реже встречаются примеры добровольного отказа со стороны государств от принадлежащих им владений. Мы уже приводили их, говоря о производных способах приобретения. Сюда же следует отнести и добровольное оставление государством на произвол судьбы какой-либо своей области или острова, их покинутие (*derelictio*). Оставленные владения считаются утраченными государством и подлежат завладению как вещи, никому не принадлежащие.

§ 93. (опущен)

V. Ограничения права территориальности

§ 94. Каждое независимое государство, в принципе, имеет неограниченное право собственности в отношении своей территории. Отсюда следует, что государственная власть вольна распоряжаться своей международной собственностью и не только ею пользоваться, но и ограничивать ее разного рода обязательствами.

Право территориальности может быть ограничено установлением ренты, лена и ипотеки, которые практиковались особенно часто в прежнее время.

Пожизненные ренты, уплачиваемые из доходов казны, часто устанавливались в старой Германской империи в пользу различных медиатизированных и немедиатизированных немецких князей. Так, решением имперского сейма 1803 г. рейнская судоходная пошлина была предоставлена архиепископу примасу германскому. Ограничения территориальной власти ленными отношениями, как известно, составляли общее правило в средние века. Теперь ленов не существует. В прежнее время были в большом употреблении также ипотеки, т.е. залого государственной территории, обеспечивающие обязательства государства. Например, Генуэзская республика заложила в 1768 г. Франции остров Корсику, который и остался окончательно французским владением, после того как Генуя перестала существовать, как государство. Точно так же город Висмар был отдан, в 1803 г., Швецией в залог герцогству Мекленбургскому за сумму в 1 258 000 талеров, с правом выкупа через 100 лет, т.е. в 1903 г., если Швеция уплатит проценты и проценты на проценты со ссуженной суммы. Эта сумма превышала в 1903 г. 250 миллионов рублей. Швеция отказалась от выкупа и от всяких прав на Висмар в пользу Мекленбурга. В настоящее время такие залого не встречаются*(103).

Более частыми и важными являются те ограничения территориальной власти, которые имеют характер повинности или сервитутов.

В области международных отношений территориальное верховенство

ограничивается уже самым фактом существования и сообщества государств. Сама природа, естественные отношения соседства, в которых они все находятся, не дают им возможности полного, неограниченного распоряжения своей территорией. Поэтому говорят об естественных международных повинностях (*servitutes juris gentium naturales*), которым подчинены все государства вследствие неизбежных условий своего физического существования рядом друг с другом.

Так, река, протекающая через владения двух государств, ни одним из них не должна быть отклоняема от своего естественного направления ко вреду другого.

В отличие от этих повинностей, международные повинности договорные (*servitutes j. g. voluntariae*) устанавливаются по взаимному согласию государств и вытекают из факта международного общения. Мы остановимся только на последнем ввиду того, что естественные повинности в большинстве случаев также регулируются трактатами: если же существуют сами по себе, то тогда к ним применимы начала гражданского права. Самостоятельный юридический характер имеют одни международные договорные повинности.

Ограничения, налагаемые на государства этого рода повинностями, заключаются или 1) в том, что они лишаются возможности осуществлять в полном объеме свою территориальную власть (*in non faciendo*); или же 2) в допущении на своей территории действий чужой власти (*in patiendo*). Первого рода ограничения составляют содержание отрицательных международных повинностей (*s. j. g. negative*); вторые являются предметом положительных международных сервитутов (*s. j. g. affirmative*).

Как отрицательные, так и положительные международные повинности могут иметь своими субъектами только государства.

Мнение Гефтера, что международные повинности устанавливаются также в пользу "частных лиц - иностранцев", ошибочно, потому что частные лица, так же как и общественные классы, не пользуются в международных отношениях властью, публичными правами, которые служат предметом международных повинностей. В подтверждение своего мнения Гефтер приводит в пример почтовую регалию, обеспеченную актом Германского союза за княжеским домом Турн и Таксис. Между тем, в действительности князь Турн и Таксис (баварские подданные) имели лишь поручение заведовать почтовой частью в Союзе, были не более как поверенные в этом деле различных германских правительств, находивших удобства в сосредоточении почтового управления в одних руках: суверенитет немецких государств нисколько не умалялся таким поручением и потому его нельзя считать международной повинностью.

Предметом международных повинностей могут быть только права верховенства, осуществляемые государством в отношении своей территории. Частные права и имущества подданных не могут быть предметом этих повинностей. Имея своим объектом исключительно международную собственность, сервитуты международные все реального характера. Личные сервитуты, которые допускает Филлимор, не имеют смысла в области международных отношений, потому что государство само, как юридическая личность, не может быть объектом сервитутного права.

По своему происхождению международные договорные повинности бывают двоякого рода: основанием их может служить или формальное согласие государства, вынужденное или добровольное, т.е. трактат; или же незапамятная давность, т.е. молчаливое признание государством данного сервитута. Прекращаются они также различным образом: по взаимному соглашению заинтересованных держав; вследствие одностороннего отказа пользоваться сервитутом - формального или молчаливого; наконец, уничтожением самого предмета повинности. С переходом территориальных владений к новому

государству, лежащие на них повинности не прекращаются, но падают на нового владельца, если только он не был их субъектом.

Как *jura in re aliena*, международные повинности, по общему правилу, распространяющемуся на все без исключения подобного рода права, должны быть толкуемы в ограничительном смысле. Сервитут не может уничтожить независимости государства. Вообще можно сказать, что только те сервитуты имеют разумное основание, которые вызваны общностью экономических или политических интересов государств. Такие меры, как устройство станций железных дорог на чужой территории, или запрещение прохода через Дарданеллы и Босфор военных судов всех наций, оправдываются международным общением. Для лучшего уяснения сущности и объема международных суверенитетов мы приводим ниже различные примеры их, сгруппированные по видам тех прав, на ограничение которых - отрицательное и положительное - они направлены.

§ 95. а) Отрицательные международные повинности. Содержанием отрицательных международных сервитутов являются обязательства государства не пользоваться теми или другими из принадлежащих ему территориальных прав. Примерами таких ограничений, принимаемых на себя государством по договору, могут служить нижеследующие.

1) Ограничение права государства увеличивать свыше определенного числа свою армию, строить крепости и содержать военные суда.

Одна из статей Берлинского трактата, именно 59, касающаяся России, возбуждает сомнения. Она гласит, что Е.В. Император всероссийский намерен сделать Батум "порто-франко, по преимуществу коммерческим". Ввиду такого постановления имеет ли Россия право возводить и морские укрепления для защиты Батума? Принимая во внимание протоколы Берлинского конгресса, разъясняющие обстоятельства, при которых последовало объявление Батума порто-франко, можно сказать только одно: порт этот не должен быть обращен в военную гавань и лишен значения свободного порта. Но отсюда никак не следует, чтоб Батум не мог быть охраняем русской вооруженной силой, как охраняется всякая другая область, входящая в состав России. Необходимо, кроме того, не упускать из вида, что ст. 59 Берлинского трактата только повторяет сделанное на конгрессе добровольное заявление русского Государя, - заявление, в котором не было никаких оговорок относительно территориальных прав России над портом. Права эти всегда предполагаются за государством, и так как в настоящем случае формального отречения от них со стороны компетентной власти не последовало, то, очевидно, они были сохранены за собой правительством русским и продолжали существовать в полной силе.

Впрочем, известно, что Высочайшим указом от 23 июня 1886 г. на имя министра финансов Государь Император объявил, что ввиду неудобств, вызванных существованием порто-франко в Батуме, порто-франко отменяется. Это распоряжение вызвало серьезное возражение только со стороны Англии. Но в настоящее время ст. 59 Берлинского трактата отменена.

2) Обязательство государства ограничивать свое неотъемлемое право юрисдикции в отношении иностранцев.

Примеры таких обязательств представляют договоры европейских государств с восточными. В силу капитуляций, заключенных с Турцией, Китаем, Персией и другими азиатскими странами, подданные европейских держав, находясь в этих землях, подчиняются не местному суду, но своим консулам, которые руководствуются отечественными законами. Договоры России с Китаем - Тяньцзинский 1858 г. (ст. 7), Пекинский 1860 г. (ст. 8) - толкуют в том смысле, что они налагают подобного же рода повинность на наше отечество в отношении подданных Поднебесной империи: китайцы, совершившие преступление на русской территории,

должны быть, будто бы, препровождаемы на китайскую границу и выданы, для суда над ними, китайским властям. Но обстоятельства и условия, ввиду которых были заключены названные договоры, заставляют отрицать существование подобной повинности, ныне положительно отмененной указом 8 июня 1882 г.

3) Ограничение государственной власти в отношении какой-либо церкви или вероисповедания в пределах территории.

В этом отношении представляется интересным то положение, которое занимают папа и Ватикан на итальянской территории. На основании закона о гарантии, изданного в Италии 13 мая 1871 г., папа имеет "почести суверена" (ст. 3); дворец папы и все помещения, которые занимают лица, служащие при папском дворце, пользуются правом экстерриториальности; в 7 ст. закона, между прочим, определено, что "никакое итальянское должностное лицо не может войти в Ватикан". Все эти существенные ограничения территориальных прав итальянского правительства вызваны, разумеется, совершенно особенным международным значением, которое бесспорно принадлежит первосвященнику римско-католической церкви, и желанием, ввиду этого значения, отклонить от итальянского королевства всякие нарекания в стеснениях папы.

4) Ограничение государства на свободное отчуждение своих территориальных владений.

На основании конвенции 1895 г. Бельгия обязалась, в случае продажи государства Конго, признать за Францией право первой покупки. Сверх того, Бельгия приняла обязательство никому не уступать и не дарить владений государства Конго.

§ 96. b. Положительные международные повинности. Под международными сервитутами положительными понимаются обязательства государства позволять (терпеть) в своих пределах различные действия, совершаемые чужой, обыкновенно соседней, государственной властью. Наиболее часто государства выговаривали в свою пользу следующие права, которые они могли осуществлять на иностранной территории:

1) Право предпринимать в пределах другого государства известные правительственные действия, исполняемые посредством собственных должностных лиц.

Сюда относится право государства преследовать дезертиров на чужой территории. Обыкновенно державы пользуются этим правом взаимно, определяя ближайшие его условия в договорах о выдаче преступников. Так, например, в карательной конвенции, заключенной между Россией и Австрией в 1808 г., было постановлено (ст. 8), что отряды, посылаемые для преследования дезертиров, должны остановиться на границе, и если дезертир скрылся за нею, могут отправить для его розыска "не более одного или двух человек" с паспортами до ближайшего места, где эти люди обращаются к начальству с требованием выслать команду для отыскания и задержки беглеца*(104).

Иногда государства заключают договоры даже о переходе, в известных случаях, своих войск на чужую территорию. Такой договор был заключен в 1833 г. между Россией и Австрией, ввиду борьбы, которую вели в то время обе соседние державы с революционерами в польских своих областях. В трактате определено (ст. 5), что если одной из договаривающихся держав необходимо, для успеха своих действий против мятежных Поляков, перевести свои войска на территорию другой державы, то такой переход, по ее требованию, будет ей дозволен*(105).

К числу правительственных же действий, совершаемых на чужой территории, принадлежит устройство в иностранном государстве, по соглашению с ним и распоряжению заинтересованной державы, необходимых для нее таможенных станций, пристаней, мостов, амбаров и т.п. сооружений. Право подобных построек выговорили себе, например, Россия на левом берегу Аму-Дарьи, в пределах

владений Хивы и Бухары (см. договоры 1873 г. с Хивинским ханом, ст. 6 и 7, и с эмиром Бухарским, ст. 4).

Государство может простирает свою власть также на чужие территориальные воды. В подобном положении находились по отношению к Австро-Венгрии турецкие гавани Клек и Суторина, в южной Далмации. Они принадлежали прежде Рагузской республике, которая уступила их Турции. В начале нынешнего столетия обе гавани были заняты Французами и потом перешли под власть Австрийцев. Возвратив их опять Порте, Австрия оставила, однако, за собой власть над всей бухтой и прилегающим к ней турецким побережьем и содержала здесь стационара, который не пропускал к турецкому берегу даже военные суда, принадлежащие Туркам. Во время недавнего восстания в Албании турецкое правительство только после долгих дипломатических переговоров с Венским кабинетом получило разрешение доставить свои войска к месту восстания через Клекскую бухту. В настоящее время следует считать Клек и Суторину австрийскими владениями. - На основании 29-й ст. Берлинского трактата Австро-Венгрия имеет полицейский, морской и санитарный надзор также вдоль всего черногорского побережья.

2) Право государства пользоваться путями сообщения в другом государстве.

В данном случае речь идет не о дружеских услугах или вежливости, оказываемой одним государством другому, но о международном обязательстве, сервитуте проезда по чужой территории. Так, например, по Тильзитскому трактату 1807 г. (ст. 16) Пруссия обязалась не препятствовать военным сообщениям, проходящим через ее территорию между королевством Саксонским и Варшавским герцогством. По Франкфуртскому акту 1819 г. (Reces de Francfort) австрийские, прусские и баварские войска получили право прохода (droit de passage) через владения баденские, гессенские и ольденбургские (ст.ст. 6, 23, 32).

3) Право государства занять чужую территорию при наступлении известных обстоятельств или постоянное занятие войсками чужой территории или города.

VI. Об открытом море

§ 97. В настоящее время признается бесспорной аксиомой положительного международного права, что открытое море совершенно свободно и что на нем не может господствовать ничья государственная власть, хотя бы фактически она и имела возможность предписывать здесь законы другим государствам. Из этого положения следует, что все находящиеся в открытом море суда подлежат исключительно власти того государства, под флагом которого они плавают; отсюда вытекают многие другие важные юридические правила как публичного, так и частного и уголовного международного права, которые имеют неоспоримо громадное значение для международных морских сношений и оборотов.

На чем же основывается этот принцип? Оправдывается он весьма различным образом. Одни писатели говорят, что море, как стихия, не может подчиняться чьей-либо исключительной власти и по самым естественным своим свойствам или природе есть общее достояние всех народов. Другие, в особенности, указывают на невозможность в открытом море оседлости и точного определения границ, разделяющих на нем государства.

Но все эти объяснения мало убедительны. При современном развитии морских вооруженных сил и техники обороны не подлежит никакому сомнению, что обширные части морей и даже океанов могут быть фактически заняты государством. Нет никакого сомнения, что черта такого занятия, раз оно совершилось, могла бы быть определена не менее точно, чем сухопутные границы. Единственным юридическим основанием свободы открытого моря следует признать ее

необходимость для развития международных оборотов. Принцип свободы моря вытекает из общности и солидарности интересов всех народов. Установила его не природа, но сознание всеми народами, что море есть та естественная связь, которая всех их соединяет, что от свободы его зависит благосостояние, развитие их сил, все положение их, как членов международного общества. Вот почему посягательство на эту свободу есть посягательство на неотъемлемые права народов, есть преступление против всех государств, и общий их отпор такому правонарушению совершенно законен.

Начало: "море свободно", общепризнанное в настоящее время, расходится с теми воззрениями на открытое море, которые господствовали прежде в законах и практике морских государств. Несмотря на то, что уже римское право отрицало возможность права собственности в отношении открытого моря, все-таки как в средние века, так и в новое время до XVII столетия не было недостатка в претензиях на исключительную собственность в открытых морях и целых океанах. Объявив то или другое море под своей властью, государства преследовали и захватывали иностранные корабли, плавающие в его пределах, требовали от них морских салютов в знак подчинения, облагали их пошлиной и подчиняли своей юрисдикции. Такие притязания заявляли: Венецианская республика на Адриатическое море; Генуя - на Лигурийское; Португалия на Индийский океан и часть Атлантического к югу от Марокко; Испанцы - на Мексиканский залив и Тихий океан; Англичане на моря, окружающие Соединенное Английское королевство, и на Северное море; Дания и Швеция на Балтийское море; наконец, Турция на Черное море. Трудно было разрешить на основании какого-либо общего бесспорного начала те пререкания государств, которые возникали из этих притязаний, и нет ничего удивительного, что единственным их судьей был признан папа, который и присуждал моря и части океанов кому и как находил нужным.

С XVII столетия во взглядах на открытое море постепенно происходит перемена. Претензии отдельных народов на монополию морской торговли и судоходства мало-помалу были оставлены, встретив живую критику со стороны различных писателей и, наконец, отпор самих государств. Одним из первых поборников свободы моря выступил Гуго Гроций в своем сочинении "Mare liberum", изданном в 1609 г. Противоположные воззрения защищал англичанин Джон Сельдей, опровергавший Гроция в рассуждении, озаглавленном: "Mare clausum" (1635 г.).

Современные юристы и законодательства единогласно признают, что открытое море свободно, и ни один народ не может считать его своей собственностью. В настоящее время не только океаны, но и части их, соединенные с открытым морем, признаются свободными и общедоступными, хотя бы они были окружены владениями одного государства. Некоторые ограничения этого принципа, допускаемые на практике, оправдываются лишь требованиями безопасности прибрежной страны.

Поэтому с современной точки зрения нельзя расширять территориальную власть государства над прилегающими к нему морями до пределов, которые уничтожали бы свойственный им характер открытых морей. С этой точки зрения, не имела основания претензия Швеции на собственность в Балтийском море, которое, находясь в соединении с океаном, должно всегда оставаться свободным для всех государств. Не более основательны были притязания Порты на Мраморное море и Черное, даже когда оно было окружено владениями Турок. То же самое надо сказать о домогательствах Венецианцев в отношении Адриатического моря, Англии - на окружающие ее моря (Narrow-Seas) и др. В отличие от этих морей, Азовское море, хотя и соединяется с Черным и Средиземным морями, скорее закрытое море, нежели свободное: во-первых, связь его с океаном весьма отдаленная; во-вторых,

оно не только окружено со всех сторон владениями России, но и вход в него находится под русскими пушками; наконец, в-третьих, по своей величине оно должно считаться собственно заливом, а не морем.

Напротив, Карское море нельзя признать русским. Некоторые из наших публицистов, защищающие противоположное мнение, ссылаются, в подкрепление своего взгляда, на географическое положение этого моря, на те климатические условия, в которых оно находится, наконец, на исторические данные. Рассмотрим эти доводы в отдельности. Что касается географического положения, то один взгляд на карту убеждает, что Карское море непосредственно связано с Северным океаном и совершенно открыто для доступа судов. Если затем говорят, что Карское море в продолжение 9 месяцев покрыто льдом, который составляет как бы продолжение русской территории, то на это можно возразить, что лед еще никем не приравнивался к суше и, кроме того, свобода Карского моря может интересовать другие государства, главным образом, с точки зрения судоходства на нем, а оно бывает возможно только в те 3 месяца, когда это море свободно от льда. Неубедителен, наконец, и тот довод, что уже царь Михаил Федорович издал в 1620 г. указ, касавшийся рыболовства на Карском море, и что этот указ не встретил никаких возражений со стороны западных держав. Очевидно, при этом забывают, что в то время ни Россия, ни тем более Карское море нисколько не интересовали европейские государства, которые поэтому едва ли и знали о существовании московского указа. Впрочем, вопрос о принадлежности Карского моря России, надо полагать, и донныне мало занимает европейские государства, потому что распоряжения об этом море, изданные русским правительством в 1833 и 1869 гг., не вызвали ни с чьей стороны протеста. На этом основании - и только на этом - можно утверждать, что Карское море фактически до сих пор принадлежит России, но с юридической точки зрения оно открытое и свободное море.

В совершенно другом сравнительно с открытыми морями положении находятся те моря, которые не только окружены территориальными владениями одного и того же государства, но и не имеют никакой связи с океанами. Это - закрытые моря: они состоят под властью того государства, в пределах которого лежат.

Каспийское море также закрытое, и хотя оно омывает берега, принадлежащие России и Персии, но должно считаться русским, так как в Туркменчайском договоре с Россией (1828 г.) персидский шах, из особенного уважения к Русскому императору, согласился (ст. 8) предоставить ему на вечные времена исключительное право содержать на Каспийском море военные суда, и "никакая другая держава не может иметь на нем судов военных". Согласно с этим Каспийское море подчиняется исключительно русским законам и властям.

§ 98. Из принципа свободы открытых морей вытекают весьма важные юридические и практические последствия. Открытые моря свободны для судоходства и сообщений всех народов. Равным образом ни одному народу не может быть воспрещено в открытом море заниматься рыболовством и другими мирными промыслами. Затем, если все народы имеют одинаковое право пользоваться открытым морем, то отсюда следует, что никакое государство не должно подчинять другие своим законам относительно условий и пределов этого пользования, ни подвергать суду иностранных мореходцев или задерживать и осматривать плавающие в открытом море чужие корабли. Все суда, находящиеся в открытом море, подлежат юрисдикции исключительно своих государств. Корабли и в особенности военные суда и флоты рассматриваются в открытом море, как оторванные части государственной территории; отсюда, однако, ошибочно выводить не только право судна на место, им занимаемое в воде, но также на пространство моря, его окружающее на расстоянии пушечного выстрела. Такой вывод ничем не

оправдывается. - Государства отвечают за действия своих подданных, совершенные в открытом море. Ввиду этого каждое государство обязано принять все меры к тому, чтобы морские сношения, рыболовство и иные промыслы, производимые на море, велись его подданными правильным и безобидным для других народов образом. И так как, с другой стороны, в развитии морских оборотов равно заинтересованы все государства, то общие соглашения их относительно мер к поддержанию порядка в открытом море, облегчению судоходства и устранению различного рода препятствий, его стесняющих, представляются столь же желательными, сколько и необходимыми по самому существу морских международных сношений. Поэтому-то морские законы и трактаты о мореплавании разных образованных народов отличаются таким сходством между собой. Относящиеся сюда законодательные и договорные постановления будут приведены в **особенной части**.

VII. О Береговом или территориальном море

§ 99. Под береговым или территориальным морем вообще разумеется та часть моря, которая омывает владения прибрежного государства. Она признается собственностью этого государства, считается продолжением прибрежной территории и подлежит его власти. Необходимость такого признания сознавалась издавна и может быть оправдана многими разумными соображениями.

Прежде всего, собственная безопасность государства требует, чтобы оно принимало в открытом море, на известном расстоянии от берега, все меры, могущие предупредить внезапные нападения на него извне и служить ему защитой во время войны. Располагая властью над территориальным морем, государство получает также возможность отправлять необходимый для него полицейский и санитарный надзор над судами.

Далее, господство в прибрежных водах дает государству средства успешно бороться с контрабандной торговлей и удовлетворять свои фискальные интересы. Для жителей морского берега исключительная власть прибрежного государства обеспечивает возможность существования рыболовством. Наконец, порядок и безопасность самих торговых оборотов, производимых иностранцами морским путем, вполне оправдывают допущение власти государства на прибрежной полосе моря: в прежнее время государства, с помощью этой власти, могли охранять береговое море и вообще морские сообщения от пиратов, которые безнаказанно совершали разбои, оставаясь в открытом море.

В силу господства над береговым или территориальным морем, государство подчиняет своим законам, своему суду и распоряжениям все, что находится и что совершается в пределах этого моря. Все таможенные и полицейские меры, им установленные, обязательны для иностранцев, пребывающих в этой черте. Преступления, совершенные ими в портах государства, преследуются и наказываются по его законам. Все сделки, в которые они вступают между собой или туземными подданными во время пребывания в водах государства, ведаются по принципу местным судом. Словом, для этих лиц и для их юридических отношений закон прибрежного государства столь же обязателен, как обязателен вообще территориальный закон для всех иностранцев, которые находятся на чужой территории.

Ввиду широких прав, которыми пользуется государство в отношении территориального моря, чрезвычайно важно определить, на какое расстояние оно простирается. Где оканчивается власть прибрежного государства и начинается открытое море? Понятно само собой, что с увеличением протяжения берегового моря в той же мере суживается открытое море и стесняется свободное мореходство.

Между тем, насколько свобода открытого моря составляет общий интерес для всех государств, настолько же отдельные государства бывают заинтересованы в возможно большем расширении своего берегового моря. Чем шире его границы, тем лучше обеспечены доходы казны, тем прибыльнее для подданных занятие морскими промыслами, к которым, в береговых водах, иностранцы обыкновенно не допускаются. Вот почему и до настоящего времени некоторые государства объявляют береговыми морями такие пространства, которые в действительности переходят уже в открытое море и этим нарушают его свободу.

Примером чрезвычайных в этом отношении притязаний может служить приведенный уже выше указ императора Александра I от 4 (16) сентября 1821 г. Указ гласил, что все пространство моря от Берингова пролива до 54° сев. широты, на расстоянии 100 ит. миль от Азиатского и Американского материков, признается русским морем, и иностранным судам, под страхом конфискации, запрещалось заниматься на этом пространстве рыболовством. Встретив решительный протест со стороны С.-А. Соединенных Штатов и Англии, Александр I должен был согласиться на изменение своего указа. Впрочем, русское правительство также и в прошлом столетии высказывало такое понимание границ берегового моря, которое не оправдывается ни международными обычаями, ни теорией международного права. Так, 26 января 1779 г. Адмиралтейств-Коллегий был дан указ устроить крейсерство двух военных кораблей и двух фрегатов в Северном море "от Белого моря до Кап-Норда и в окружности оною, составляя из эскадры своей такую цепь, дабы без ведома его ни одно судно прокрасться не могло". Эта мера была вызвана нападениями американских корсаров на русские суда. Напротив, "Высочайше утвержденные правила для партикулярных корсаров" 31 декабря 1787 г. (П.С.З. N 16599) признают власть нейтрального государства на расстоянии пушечного выстрела от берега*(106). Наконец, старые "Правила о призах и репризах" 1869 г. определяют, что "под именем свободного моря разуметь должно воды, не находящиеся под пушечными выстрелами береговых батарей, или отстоящие от берега на расстоянии трех морских миль" (ст. 21).

При определении границы берегового моря теория международного права исходит из того положения, что власть прибрежного государства кончается там, где она фактически не может быть поддержана. "Terrae dominium finitur ubi finitur armorum vis". На этом основании Бейнкерсгук и за ним другие юристы говорят, что граница береговых вод определяется пушечным выстрелом с берега. Но, как мы имели уже случай заметить, такой масштаб, при постоянных усовершенствованиях в огнестрельном оружии, представляет величину весьма изменчивую и неопределенную. Поэтому практически вопрос лучше всего разрешается посредством международных соглашений. В настоящее время многие трактаты, заключенные государствами, равно и многие писатели по международному праву принимают за крайнюю черту берегового моря линию, простирающуюся на 3 англ. мили от максимального предела отлива.

Это определение было принято в последнее время также законами разных западноевропейских государств. Так, английский закон 1878 г.: "Territorial Waters Jurisdiction Act" ограничивает пространство береговой юрисдикции королевства расстоянием в 3 англ. мили. Обстоятельства, вызвавшие названный акт, показывают, насколько важно в практическом отношении знать, где именно кончается береговое море государства.

Поводом к изданию английского закона послужило столкновение, случившееся недалеко от английского берега, между германским судном "Franconia" и английским кораблем "Strathclyde", который, получив пробоину, затонул. Против капитана германского корабля было возбуждено уголовное дело, вследствие гибели при столкновении одного пассажира английского судна. Английские трибуналы не

могли согласиться между собой относительно вопроса о подсудности. Суд второй инстанции признал себя некомпетентным, ввиду отсутствия в английских законах определения пространства берегового моря. Судебная же практика представляла множество совершенно противоречивых толкований относительно пространства действия английской территориальной власти в открытом море. При таких обстоятельствах правительство взяло на себя законодательный почин в этом вопросе и добилось принятия парламентом закона 1878 г.

Однако совершенно ошибочен окончательный вывод, делаемый из постановлений некоторых трактатов и мнений писателей в том смысле, что будто общеобязательным законом должно считать 3-х мильное пространство берегового или территориального моря. Такого обязательного международного закона нет и быть не может. Напротив, правило Бейнкерсгука есть единственно верный масштаб для определения власти прибрежного государства над частями открытого моря, омывающего его берега. При современном развитии артиллерии должно сказать, что власть прибрежного государства, распространяющаяся на пушечный выстрел от берега, простирается наверно на 10 миль от берега. К этой истине приблизился Институт международного права, объявив в 1894 г., на Парижской своей сессии, что территориальное море простирается на 6 миль. Такое положение несравненно разумнее мнимо-обязательного закона о 3-х мильном расстоянии. Наконец, нельзя не заметить, что на основании новейших международных соглашений 1892, 1893 и 1894 г. Россия, Англия и Соединенные Американские Штаты, с целью предупредить истребление породы котиков в северной части Тихого океана, согласились между собой признать на 10 миль от берега право особенной охраны за прибрежными русскими и американскими властями, и на расстоянии 60 миль от берега установить особый общий режим для наблюдения и преследования незаконного убоя котиков.

§ 100. Иногда территориальным морем, в тесном смысле, называют заливы, рейды, бухты и вообще морские воды, которые окружены владениями одного государства*(107). Что такие части моря должны считаться под властью прибрежного государства, это едва ли требует доказательств, так как даже часть моря, прилегающая к берегам государства, береговое море, подчиняется законам прибрежной страны. Но для этого необходимо, чтобы заливы, бухты и рейды были действительно окружены владениями одной державы. Поэтому если даже вход в залив находится под властью данного государства, а над остальным побережьем господствует другая держава, то господствующее над входом государство не имеет права собственности над всем заливом.

Согласно сделанному определению к территориальным морям можно причислить: Финский и Рижский заливы, Зюдерзее, море между Англией и островом Уайтом (The Solent). Во времена владычества Швеции над Финляндией залив Ботнический был территориальным морем этой державы. В 1872 г. английское правительство издало распоряжение, на основании которого залив в Нью-Фаундлэнде (Bay of Conception), вдающийся на 40 м в остров и имеющий 15 м ширины, объявлен территориальным морем Англии. Но нельзя признать территориальными морями так называемые King's (или Queen's) Chambers, т.е. части моря, заключающиеся между английским берегом и умственной линией, проводимой между двумя ближайшими мысами этого берега, а также заливы Мексиканский и Гудзонский.

Необходимо заметить, что власть прибрежного государства как над береговым, так и над территориальным морями не должна быть понимаема в смысле полного исключения этих вод из числа естественных артерий международных оборотов. Даже не все суда, находящиеся в этих водах, подчиняются законам и юрисдикции прибрежных государств. Если какое-либо

купеческое судно только проходит через линию берегового или территориального морей, то не становится еще через это подсудным прибрежным властям. Для такой подсудности необходимо, чтобы судно продлило здесь свое пребывание, бросило якорь или приступило к разгрузке товаров.

В этом смысле и разрешило наше правительство два относящихся сюда случая, имевшие место в Черном море. В 1836 г. на расстоянии более чем 10 миль от Кавказского берега было задержано местными властями английское судно "The Lord Ch. Spencer", которое обвинялось в контрабандной торговле. По распоряжению правительства оно немедленно получило свободу на том основании, что русская территориальная власть не простирается на 10 миль. Вместе с тем русское правительство заявило английскому, что, нисколько не желая препятствовать законным и мирным сношениям в пределах русских вод или открытого моря, оно, однако, не допустит, чтобы морским путем подвозили населению Кавказа оружие или возбуждали его к борьбе с русской властью. Согласно с этим в 1837 г. английский пароход "Vixen", задержанный вблизи Сухум-Кале и уличенный в подвозе Кавказским горцам военной контрабанды, подвергся конфискации, несмотря на все протесты Англии и даже угрозы войной*(108).

Как видно из всего сказанного, власть прибрежного государства над береговым и территориальными морями должна рассматриваться не как право собственности, частного владения, но как право владычества, господства, оправдываемого интересами государственными и международными.

VIII. О проливах

§ 101. Нет необходимости объяснять значения проливов для международных оборотов. Ввиду беспрепятственного сообщения через проливы государства издавна и много раз вступали в международные соглашения, в особенности относительно проливов, соединяющих открытые моря. В современной теории и практике установились следующие главные начала, определяющие власть прибрежных государств над проливами.

Если пролив находится под пушечными выстрелами одного и того же государства, то считается под властью последнего и рассматривается как территориальное его владение; если же пролив разделяет два государства и имеет не более 6 английских миль ширины, то линия, проводимая через середину пролива, служит границей между обоими государствами.

Так, Дарданеллы и Босфор, окруженные владениями Оттоманской империи, должны быть признаны турецкими проливами. Керченский пролив принадлежит России.

Но нам кажется правильнее, с точки зрения свободы судоходства, различать проливы, соединяющие два свободных моря, от тех, которые соединяют закрытое море со свободным. Пролив, которым соединяются открытые моря, должен быть свободен для коммерческих судов всех государств, независимо от того, окружают ли его владения одной державы, или нет. Только для военных судов может быть запрещен проход, если того требует безопасность владеющего проливом государства. Напротив, пролив, ведущий в закрытое море, подчиняется неограниченной власти прибрежного государства. Различие, проводимое нами, является естественным последствием общего начала - свободы открытых морей.

Принимая во внимание это различие, понятно, почему державы согласились настоять на отмене пошлины, взимавшейся Данией со всех судов, которые проходили через Зундский пролив. В данном случае пошлина стесняла свободу судоходства между открытыми морями - Балтийским и Немецким - и противоречила

этой свободе. По почину Вашингтонского правительства, державы, по Копенгагенскому трактату 1857 г., выкупили Зундскую пошлину за определенную сумму, на счет которой Датское правительство обязалось содержать маяки и другие учреждения, необходимые для безопасности прохода судов через Зунд.

Босфор и Дарданеллы также соединяют открытые моря и потому, несмотря на то что принадлежат Турции, должны оставаться свободными для торговых сношений. Эта свобода формальным образом была обеспечена в первый раз Лондонским договором 1841 г. и затем подтверждена трактатами: Парижским 1856 г., Лондонским 1871 г. и Берлинским 1878 г., которые вместе с тем дали Порте право не пропускать через проливы военные суда.

IX. О реках

§ 102. В науке международного права вполне справедливо проводится различие между реками, протекающими по территории одного государства, и теми, которые протекают по территориальным владениям разных государств. Относительно первых все согласны, что они на всем своем протяжении, от истоков до устьев, подчиняются исключительно власти того государства, на территории которого находятся. Что касается вторых, то *stricto jure* каждое из государств, по владениям которых протекает одна и та же река, вольно распоряжаться и пользоваться принадлежащей ему частью ее по своему усмотрению. Однако многие государства до такой степени злоупотребляли этим своим правом, что сделали почти невозможными торговлю и судоходство по международным рекам. Для устранения вредных для торговли последствий, проистекавших как от злоупотребления территориальной властью над подобными реками, так и от разнообразия правил, применяемых к одной и той же реке в пределах различных государств, были предприняты попытки подчинения всех рек, протекающих по разным территориям, одному режиму и более или менее постоянным правилам.

На основании Венского акта 1815 г. державы, по владениям которых протекает или которым служит границей одна и та же судоходная река, обязались, с общего согласия, установить правила для судоходства по этой реке (ст. 108), причем в основание уставов, которые таким образом должны быть выработаны, имеют войти известные общие начала, предначертанные в Венском трактате. Эти начала, обеспечивающие полную свободу судоходства по международным рекам, получили применение к Рейну, Эльбе и Шельде. Парижский трактат 1856 г. распространил их также на Дунай, и кроме того, для развития судоходства на этой реке, постановил об учреждении "Европейской Дунайской комиссии", облеченной по отношению к судоходству на нижнем Дунае такими правами, которые во многих отношениях становятся вразрез с верховенством территориальным прибрежных государств и нисколько не вытекают из постановлений Венского конгресса. Впрочем, Европейская Дунайская комиссия, как учреждение, существование которого нисколько не оправдывается пользою судоходства, давно должна была закрыться и уступить свое место "прибрежной комиссии". Уважение к свободе речного судоходства нисколько не требует принятия мер, явным и бесполезным образом нарушающих законные права и интересы прибрежных государств. Между тем, Берлинский трактат 1878 г. не только подтвердил постановления Парижского относительно Дуная, но еще развил их в смысле, прямо нарушающем постановления Венского акта 1815 г. Лондонской конвенцией 10 марта 1883 г. существование Европейской Дунайской комиссии продолжено на 21 год.

Международные договоры

I. О международных договорах

§ 103. Международный договор есть соглашение воли двух или нескольких государств. Он устанавливает известные обязательные отношения между государствами, которые его заключили, и всегда служил одним из лучших средств для выяснения и определения правовых отношений, даже принципов права, которые должны господствовать в области международных сношений. Наконец, не подлежит никакому сомнению, что трактаты должны быть соблюдаемы договаривающимися сторонами: "Pacta sunt servanda".

Таковы общие основные начала, которые выставляются в учении о международных договорах всеми юристами. Но разногласие немедленно обнаруживается, если спросить: на чем основывается обязательная сила трактатов? Некоторые писатели присваивают трактатам по преимуществу обязательность нравственную, утверждая, что честь и достоинство государств, подписавших договор, требуют добросовестного его исполнения. Другие выводят эту обязательность из предписаний религии, или говорят, что законы природы предписывают народам определять взаимные отношения договорами, которые поэтому должны быть соблюдаемы. Затем, в последнее время подробно развивается теория, основывающая силу трактатов на "самоограничении воли" заключивших их государств. Наконец, по мнению Блунчли, обязательная сила международных договоров вытекает из "правосознания человеческого рода".

Все эти объяснения мало доказательны. Так, прежде всего, положение, выставленное Блунчли, до того растяжимо, что с одинаковым правом может быть отнесено и к обязательствам международным, и ко всему другому виду юридических отношений, существующих не только между государствами, но и между отдельными лицами и обществами. Не более убедительно и то мнение, что обязательная сила трактатов вытекает из "самоограничения воли" государств. Ведь если, подписывая трактат, государство находит нужным ограничить свою волю, то, нарушая его, может сослаться на то, что такое ограничение оно находит излишним. Наконец, ни нравственность, ни религия, ни законы природы, очевидно, не составляют юридических оснований, оправдывающих соблюдение договоров.

Обязательность и, следовательно, значение юридическое международных договоров основывается единственно на признании правоспособности одного государства другим. Государства должны признать друг друга субъектами права; они должны признать взаимные права: иначе никакие сношения между ними невозможны. Другими словами, обязательность международных договоров вытекает из понятия о международном общении. *Ubi societas, ibi jus est.* Вступая в международные сношения, государства подчиняются действию непреложных жизненных потребностей и отношений, определяющих уже условия, при которых государства в состоянии достигнуть свои разумные цели. Эти условия принимают вид юридических норм, а так как международные договоры являются формулированием жизненных отношений, существующих между государствами, то нормы эти и должны составлять содержание договоров, заключенных государствами, и насколько они обязательны, настолько же обязательны сами договоры.

Отсюда следует, что цели и отношения, из коих слагается международная жизнь, должны отражаться на международных обязательствах или трактатах. Ввиду этого изучение трактатов не только желательно, но и необходимо для ознакомления с внешними отношениями государств. Мало того, заключаемые ради обеспечения

интересов государств трактаты служат показателем, на какой степени развития находится гражданская и культурная жизнь народов, которые их заключили, и насколько правильно устроен государственный их порядок. Если в устройстве государства нет гарантий для полного уважения интересов народа, то и трактаты, именем его заключенные, будут выражением, может быть, гениальных мыслей, может быть, произвола тех лиц, которые имели возможность распоряжаться его судьбою, но никак не потребностей и стремлений народа.

Очевидно также, что если жизненные отношения и цели определяют содержание международных договоров, то исполнение их тем лучше обеспечивается, чем более будут уважены в заключаемых обстоятельствах те правила, нормы, которые устанавливаются самими жизненными взаимными отношениями государств. Интерес, собственная польза заставляют государства заключать международные договоры, и интерес, польза обеспечивают признание их обязательности. В европейском международном союзе не существует суда, который обязывал бы принудительно к соблюдению трактатов. Что же касается нравственной силы обязательств, то ее значение в международных отношениях не следует преувеличивать.

Вообще обязательная сила трактатов, как и всякого закона нравственного или юридического, зависит не столько от фактической их охраны, сколько от той силы обязательности, которую мы им приписываем и за ними признаем. На этом основании можно поставить правилом, что степень обязательности и исполнимости международных договоров определяется мерой их соответствия действительным разумным потребностям государств и их взаимных отношений.

Положение это объясняет, почему так часто нарушаются международные договоры. В оправдание непрочности трактатов, вошедшей в поговорку, обыкновенно указывают на то обстоятельство, что интересы и польза государств, лежащие в основе трактатов, часто бывают противоположны и приходят в столкновение. Мне кажется, что подобные "коллизии интересов", если они не фраза - являются результатом не столько действительного порядка вещей, сколько последствием взаимного недоверия и подозрений, разделяющих государства, и в особенности личных страстей и предубеждений, которыми проникнуты люди, руководящие международными сношениями и заключающие международные сделки. Истинная причина частого нарушения трактатов не "коллизия интересов", но то обстоятельство, что трактаты нередко заключаются без знания и достаточного уважения взаимных разумных отношений и пользы контрагентов.

Доказательством служит Парижский трактат 1856 г. в тех своих постановлениях, которые касались России и шли вразрез с ее основными правами, как независимой державы. Россия могла и должна была отказаться от этих постановлений, и она поступила, как о том предсказывали заранее и как было отлично известно самим договаривающимся на Парижском конгрессе державам.

Насколько сама жизнь налагает свою печать на международные договоры и дает им свое содержание, это можно видеть из всех трактатов, которые были заключены Россией с народами европейскими и азиатскими. Так, например, договоры России с Пруссией, начиная с 1517 г., когда был заключен первый союзный между ними трактат, и до настоящего времени, находятся в тесной связи как с географическим положением обоих государств, так и целями национальной политики, которые оба они преследовали. Точно так же трактаты между Россией и Китаем отражают на себе фактические условия, в которых происходили сношения между ними: соседство обеих держав, общие торговые интересы и т.д.

При отсутствии законодательной власти, регулирующей международные отношения, договоры государственные получают особенное значение, как источник международного права (см. **введение, § 43, II**).

II. Условия заключения и юридической силы трактатов

§ 104. Чтобы быть действительными, международные договоры должны удовлетворять известным основным условиям, которые относятся: 1) к лицам, заключающим обязательства (субъективные условия), и 2) к самому предмету договоров (условия объективные). В обоих отношениях выработались и признаются в положительном международном праве нижеследующие главные начала.

А) Субъективные условия

Первое существенное субъективное условие для действительности международных договоров заключается в том, чтобы они были совершены между государствами вполне независимыми. Полунезависимые государства не обладают правоспособностью к заключению договоров и если в действительности обязывались или обязываются ими, то благодаря своему ненормальному, с точки зрения международного права, положению. Соглашения между независимыми государствами и римской курией (конкордаты) не суть международные договоры, потому что представительница римско-католической церкви - римская курия - не может считаться субъектом международного права. Напротив, договоры между необразованными государствами и государствами европейской культуры и цивилизации называются трактатами, но к ним должны быть применены начала не европейского международного права, но права естественного.

Второе субъективное условие, делающее международный договор обязательным, выражается в требовании, чтобы он был заключен лицами, уполномоченными обязываться от имени данного государства и при соблюдении порядков, существующих у него на этот случай.

В абсолютной монархии государь имеет неограниченное право обязывать свой народ трактатами. В государствах же представительных осуществление этого права весьма часто обставлено известными предусмотренными в законе формальностями, и глава государства, без согласия народных представителей, не всегда может считаться дееспособным к подписанию международных обязательств. Поэтому правительство должно знать внутренние порядки того государства, с которым желает вступить в договор.

Международные договоры заключаются от имени верховной государственной власти, которая одна имеет право обязывать свой народ и представлять его в области международных отношений. В некоторых случаях бывает трудно решить, кто должен считаться обладателем верховной власти в государстве, например, в случае узурпации, междоусобной войны, при существовании двух кандидатов на открывшийся престол и т.п. Вообще только то правительство вправе вступать в международные договоры, которое **de facto** является представителем государства и которому народ действительно подчиняется. Вопрос о происхождении данной государственной власти не относится к области международного права.

Обыкновенно монархи уполномочивают к заключению договоров тех или других лиц, которые и действуют от имени государства. Каждый трактат, заключенный правильно лицом на то уполномоченным, обязателен для государства по утверждению его в установленном порядке, и наоборот, не имеет никакой обязывающей силы, если заключен лицом, не уполномоченным или превысившим свои полномочия. В последнем случае трактат будет простым обещанием (*sponsio*), за исполнение которого государство не отвечает.

Так, например, главнокомандующие войсками и начальники эскадр во время войны не пользуются правом заключать, без формального уполномочия со стороны верховной государственной власти, прелиминарные условия мира. Поэтому если бы они вступили в подобного рода обязательства, то таковые не имели бы никакой юридической силы. Но в полномочия этих лиц обыкновенно входит право заключения перемирий и различного рода других военных конвенций (например, картелей о выдаче или размене военнопленных): подписанные ими, они получают непосредственно обязательную силу.

§ 105. Третье субъективное условие заключается в необходимости утверждения или ратификации международных договоров. Под ратификацией разумеется формальное принятие верховной государственной властью трактата, заключенного уполномоченными к тому лицами. Авторитеты международного права согласны между собой, что ратификация необходима для обязательной силы и действия договора. Раньше чем подписать трактат, уполномоченные на его заключение обмениваются своими полномочиями и подписывают его на основании данных им инструкций. Тем не менее, он не будет связывать контрагентов, если затем не будет ратифицирован компетентной государственной властью. Право такого утверждения принадлежит исключительно верховной государственной власти каждой из договаривающихся сторон, кем бы ни осуществлялась эта власть, одним ли монархом, или государем вместе с другими учреждениями. При каких условиях и в каком порядке должна последовать ратификация, это определяется внутренним устройством каждого государства. Но если она дана, договор считается начавшим свое действие обыкновенно не с момента его утверждения, но подписания уполномоченными лицами: "*Ratihabitio retrotrahitur ad initium negotii*". Согласно с этим в договоре обозначается число и год его заключения и заносится отдельная статья, которая гласит, что договор будет ратифицирован и обмен ратификаций последует в такой-то срок.

§ 106. Приведенные правила выставляются всеми писателями, как бесспорные и освященные обычаем. Разногласие начинается с вопроса о том, при каких условиях отказ от ратификации должен быть признан основательным, законным и справедливым? Можно ли утверждать, что государство вольно всегда и при всех обстоятельствах не давать своей санкции договору?

Одни писатели, как, например, Гроций и Пуффендорф, полагают, что такой отказ незаконен, раз уполномоченные не вышли из пределов своих полномочий. Другие, как Бейнкерсгук, Ваттель, Мартенс, высказываются в том смысле, что государство связывается договором, заключенным его представителями, если они не нарушили данных им секретных инструкций. Отказ в ратификации при наличии последнего условия хотя и будет, по мнению этих писателей, "нарушением чести и добрых отношений", но его нельзя назвать неосновательным. Наконец, новейшие юристы - Гефтер, Блюнчли, Холл, Филлимор - находят отказ в ратификации вообще "опасным" ввиду "огромной важности международных актов" и потому думают, что произвольный отказ, если не с юридической, то с нравственной точки зрения, несправедлив и не должен быть допущен.

Для правильного разрешения поставленного вопроса необходимо, как нам кажется, исходить из понятия о прерогативах верховной государственной власти. Как принцип, должно быть защищено общее положение, что договор международный до ратификации не есть собственно договор, акт, имеющий какую-либо обязательную силу. Для обязательности договора ратификация настолько же необходима, насколько необходима санкция верховной власти для юридической годности любого проекта закона, и как верховная власть может отказаться от утверждения всякого законоположения, выработанного и принятого палатами или государственным советом, так же точно она всегда и при всех обстоятельствах

вправе не утвердить трактата, который подписали ее уполномоченные.

Но ошибочно мнение, что верховная власть никогда не может передать это свое право никакому другому лицу. В исключительных случаях осуществление права ратификации может быть поручено известным должностным лицам или особым поверенным. Так, например, во время войны главнокомандующему дается иногда полномочие не только на самостоятельное заключение картелей, но и предварительного мира, даже право привести предположенные мирные условия в исполнение, не дожидаясь утверждения государя. Право санкции договоров иногда вверяется управителям пограничных и дальних провинций, например, у нас пользовался этим правом туркестанский генерал-губернатор в отношении договоров, заключаемых им со среднеазиатскими властителями, а в Англии вице-король Ост-Индии.

В возможности подобного рода уполномочий и состоит, собственно, различие между санкцией законопроектов и ратификацией трактатов. Впрочем, в настоящее время все международные договоры обыкновенно утверждаются лично государями, не исключая и тех, которые заключаются губернаторами отдаленных областей, тем более что развитие телеграфных сообщений вполне позволяет контролировать в этом отношении действия уполномоченных лиц.

В редких случаях ратификация не была вовсе необходима для приведения в исполнение договоров. Так, например, на Лондонской конференции 1840 г., определившей меры для улаживания турецко-египетского столкновения, особой секретной статьей, подписанной уполномоченными держав, было постановлено, что выработанные меры немедленно будут приведены в исполнение, не дожидаясь их ратификации. Такая поспешность действия союзников вызывалась совершенно исключительными обстоятельствами, в которых находилась в то время Турция, благодаря победам над нею Мегемета-Али. Понятно, что нет никакой надобности в ратификации и тогда, когда государи сами непосредственно заключают друг с другом договор, не требующий, по форме управления в их государствах, согласия на него какого-либо законодательного учреждения. В этой форме заключили между собой весьма важный оборонительный и наступательный союз Екатерина II и Иосиф II, обменявшись письмами от 12 апреля и 18 мая 1781 г., в которых подробно изложены условия договора.

§ 107. Отказ в ратификации не только дозволителен, но и безусловно необходим в следующих главных случаях: когда уполномоченные, подписавшие договор, превысили свои полномочия, - когда компетентное государственное учреждение - парламент, конгресс или государственный совет - не дает согласия на принятие договора; когда произошло существенное изменение в обстоятельствах, при которых договор был подписан (если, например, государь, от имени и по полномочию которого велись переговоры, лишился престола или если уничтожился сам предмет договора и т.п.); наконец, когда окажется, что подписание трактата было результатом насилия над волей уполномоченных лиц или состоялось вследствие их обмана или ошибки.

В особенности важное значение имеет согласие палат: неодобрение ими договора всегда рассматривается как законная причина отказа от ратификации. Но необходимо, чтобы палаты или другое компетентное учреждение были поставлены в возможность высказать свое мнение, т.е. действительно были спрошены насчет договора. Это иногда упускается из вида.

Вышеупомянутая конвенция 1868 г., заключенная между Данией и Соединенными Штатами, о продаже последним за сумму в 1 500 000 долларов принадлежащих Дании островов св. Фомы и св. Иоанна не была утверждена. В обоих государствах конвенция, как было условлено, должна была получить утверждение в течение шести месяцев после ее подписания. Датское правительство

действительно в назначенный срок ратифицировало трактат, по утверждению его в установленном законодательном порядке, и даже приступило к его исполнению, обнародовав прокламацию о передаче островов под власть Соединенных Штатов. Между тем, председатель комитета по иностранным делам Вашингтонского сената, известный Сомнер, своевольно отказался представить его на обсуждение сената. Правительство вашингтонское должно было уговориться о новом сроке для ратификации.

С другой стороны, если верховная власть утверждает договор без спроса компетентного учреждения, то контрагент имеет право требовать его исполнения, ибо не его дело входить в рассмотрение, насколько содоговаривающееся правительство, утверждая трактат, нарушает свои законы.

Поэтому вашингтонское правительство, заключив в 1831 г. договор с Францией об уплате ею 25 миллионов франков убытков, причиненных Штатам еще во время Наполеоновских войн, и выдать на часть этой суммы вексель, после того, как французское правительство приступило к исполнению договора и его ратифицировало, считало себя вправе настаивать на уплате по векселю, несмотря на то, что французские палаты не утвердили этого договора.

Но если трактат не ратифицирован одним из контрагентов, то другой не вправе так поступать, как будто ратификация действительно последовала.

На этом основании Соединенные Штаты поступили бы незаконно, если бы согласились с предложением своего правительства считать обязательным для Испании договор, заключенный между нею и Штатами в 1819 г., игнорируя то обстоятельство, что трактат этот, не утвержденный кортесами, не получит ратификации испанского правительства.

Как мы сказали, без ратификации договор не имеет обязательной силы. Если бы до утверждения его одна из сторон приступила к его исполнению, а ратификации не последует, то она может возвратиться к прежнему положению вещей. Отказом в ратификации восстанавливается *status quo ante*, насколько, конечно, это фактически возможно. Поэтому благоразумнее не совершать ничего из постановленного в договоре раньше, чем он не будет окончательно утвержден.

Если право отказа от ратификации международного трактата несомненным образом принадлежит верховной власти государства-контрагента, то, с другой стороны, не менее несомненно, что такой отказ должен относиться ко всему трактату, а не к той или другой его части. Подобная частичная ратификация в форме заявления о признании обязательности только некоторых статей подписанного трактата не допускалась до последнего времени и была бы явной бессмыслицей.

Однако французское правительство, под давлением пустозвонных речей членов палаты депутатов, отказалось в 1891 г. ратифицировать весь Генеральный Акт Брюссельской конференции о торговле неграми 1890 г. Из 100 статей оно исключило 24 и только 76 статей были ратифицированы французским правительством. Весьма желательно, чтоб этот прискорбный и беспримерный факт не нашел подражания в будущем. С точки зрения здравого смысла и практики допустим только полный отказ от ратификации подписанного уполномоченными международного акта.

§ 108. Относительно действия ратификации установилось правило, что она имеет обратную силу, именно - делает договор обязательным с самого момента подписания его уполномоченными. *Ratihabitio retrotrahitur ad initium negotii**(109).

Это общепризнанное правило, провозглашаемое как аксиома всеми писателями по международному праву, вполне несостоятельно. Если международный договор до своего утверждения есть не более, как проект обязательства или простое обещание, не имеющее юридической силы, то, очевидно, невозможно относить его действие к моменту подписания, которое не делает

договор обязательным. Действие договора может и должно начинаться только с момента ратификации.

В заключение приведем несколько случаев, когда государства отказывали в ратификации. Из русской истории можно указать на следующие относящиеся сюда примеры: 1) Трактат 2 марта 1711 г. между Россией и Пруссией не был утвержден королем прусским, как доносил о том Головкин: "Поелику трактат оный выгодам Прусского двора не полезен, да и опасно восстать против Шведов, дабы тем не раздражить их, для того оный и должен остаться недействительным"*(110). 2) Союзная конвенция с Пруссией 13 (24) сентября 1712 г. опять не была ратифицирована Фридрихом I, который теперь ссылался на превышение уполномоченным своей власти. Действительная причина, как и в первом случае, заключалась в боязни прусского короля вступить в открытую борьбу против Шведов*(111). 3) Трактат 13 декабря 1732 г. между Пруссией, Австрией и Россией о содействии избранию на Польский престол португальского принца Эммануила и в Курляндские герцоги прусского принца, а также о присоединении к Пруссии некоторых Германских земель, не был ратифицирован Карлом VI, на том основании, что будто бы цезарский посланник не имел никакого уполномочия на заключение подобного договора. Вследствие того трактат не получил юридической и обязательной силы ни для которой из договаривающихся сторон*(112). 4) Союзный трактат между Россией (Петром III) и Пруссией (Фридрихом II) от 8 (19) июня 1762 г. остался не ратифицированным вследствие государственного переворота, происшедшего в том же году в России 28 июня (восшествие на престол Екатерины II)*(113). 5) Трактат 20 июля 1806 г., заключенный между Россией и Францией, не был утвержден Александром I, так как Государь нашел, что уполномоченный его, Убри, превысил данные ему полномочия. 6) "Ливадийский" трактат России с Китаем, заключенный в С.-Петербурге 20 сентября 1879 г. при посредстве китайского посла Чунхоу и ратифицированный русским императором, не получил силы вследствие неутверждения его Пекинским правительством, которое обвинило своего посла в превышении власти.

Кроме того, замечательны нижеследующие три случая неутверждения заключенных трактатов, имевшие место в новейшее время: 1) В 1841 г. между Англией, Францией, Россией, Австрией и Пруссией был заключен трактат относительно общих мер для прекращения торгового неграми. Не добившись согласия на него французских палат, которые считали выговоренное англичанами право осмотра купеческих судов несогласным с честью и достоинством коммерческого флага французского, правительство Луи-Филиппа отказало в его ратификации. Этот отказ, не заключающий в себе ничего незаконного, был уважен другими державами, но бывший в то время первый министр Франции, Гизо, предпослал ему такие соображения, с основательностью которых положительно нельзя согласиться. Гизо доказывал, что каждое правительство вольно давать или не давать свою санкцию подписанному его уполномоченными трактату, совершенно по своему усмотрению и не мотивируя отказа никакими благовидными доводами.

Защищать это мнение едва ли возможно, потому что если право ратификации составляет бесспорную прерогативу верховной государственной власти, то все-таки осуществление этого права предполагает достаточные разумные основания, оправдывающие его применение в глазах других контрагентов; отказ же в ратификации по произволу или капризу не будет справедливым и не достоин государства.

§ 109. Четвертое субъективное условие составляет свободная воля договаривающихся сторон. Для силы трактатов необходимо соглашение, единство воли контрагентов относительно тех обязательств, которые они взаимно или односторонне на себя принимают. Ошибка и обман, уничтожая это единство, делают

международное соглашение недействительным. В этом отношении государственные договоры ничем не отличаются от договоров частноправовых. Но они существенно различны в другом отношении: в юридических сделках между частными лицами принуждение всегда уничтожает обязательную силу договора; напротив, международные договоры, заключенные вынужденным образом, в принципе обязательны, как, например, все договоры о мире.

Это положение основывается на общей презумпции о свободе действия государств в их взаимных отношениях. Государство, побежденное в войне с другой державой и под давлением своего несчастья подписывающее мирный трактат, в действительности не располагает полной свободой, но формально остается свободным, имея выбор между продолжением войны и заключением мира. Притом, объявляя войну, оно должно предвидеть неизбежные последствия поражения и знает, что в случае неудачи должно будет согласиться на те условия мира, которые поставит победитель. В этом смысле мирные трактаты суть договоры, вынужденные правомерно, и должны быть соблюдаемы.

Но трактат не будет действителен, если физические лица, уполномоченные к его заключению, или государь подвергнутся насилию или устрашению и под влиянием этого обстоятельства подпишут договор. В данном случае воля тех лиц, которые действуют от имени государства, находится под давлением принуждения, исключающего возможность свободного решения, и потому договор не может быть обязательным.

Таковыми вынужденными и потому недействительными были обязательства, подписанные испанским королем Фердинандом VII в 1807 г. в Байонне об отречении от престола и другие, к которым его принудил своими угрозами Наполеон I. Напротив, мирный договор, который заключил французский король Франциск I, находясь в плену в Мадриде, в 1526 г., а также акт об отречении от престола, подписанный Наполеоном I в Фонтенебло (1814 г.), являясь последствием давления обстоятельств, но не физической силы или угроз, направленных лично против этих государей, и следовательно, не могли считаться не имеющими обязательной силы.

Наконец, пятое субъективное условие есть взаимность изъявления воли. Для действительности трактата необходимо, чтобы предложение, сделанное одной стороной, было принято другой. Только при этом условии можно говорить о единстве воли контрагентов, которое предполагается договорами. Но нет надобности, чтобы предложение непременно предшествовало его принятию. Можно указать на редкие, правда, случаи, когда согласие давалось ранее самого предложения.

В. Объективные условия

§ 110. Предметом (*causa*) международных обязательств может быть все, что только принадлежит к области международных отношений и оборотов. Но само собой разумеется, что каждое государство может обязываться только относительно тех вещей и прав, которые фактически или юридически состоят в его распоряжении и власти. Таким образом, предмет международного договора определяется дееспособностью заключивших его государств. В частности, в отношении своего объекта международные договоры подчиняются следующим требованиям.

Во-первых, необходимо, чтобы существовала физическая и нравственная возможность исполнения международного договора. Обязательства, неисполнимые физически и безнравственные, не имеют юридической силы. Разумно можно желать только возможного фактически; должно - только возможного нравственно.

Если многие трактаты в действительности явно нарушали эти условия, в особенности обязывая к действиям безнравственным, то это не доказывает, чтобы

они были возможны и допустимы с юридической точки зрения.

Блунчли перечисляет те случаи, когда договоры должны быть признаны недействительными по своему предмету. Именно не имеют силы трактаты, устанавливающие рабство или ему покровительствующие; объявляющие иностранцев *ex-lex*; отменяющие свободу открытого моря; предписывающие религиозные гонения; наконец, договоры, устанавливающие всемирное владычество. Конечно, подобные трактаты не могут считаться обязательными. Но многие из них в настоящее время уже немыслимы и, кроме того, едва ли они исчерпывают все случаи юридической негодности договоров в отношении их содержания.

Как общее правило, обнимающее все подобного рода договоры, можно выставить положение, что всякий трактат, ограничивающий или уничтожающий основные права государства, для него нравственно необязателен настолько, чтоб не сделать попытки к его отмене. Напротив, отяготительность договора, его невыгода или *laesio enormis* не должны служить основанием к отказу от его исполнения.

Во-вторых, по существу договор обязателен только для заключивших его сторон. Никакое государство, вступающее в договор, не может, без уполномочия, обязывать таковым третью державу. Как ни важны по своему предмету и содержанию коллективные трактаты, но обязательны они только для контрагентов.

В-третьих, право, уже уступленное по договору известному государству, не может быть вновь уступлено другому государству.

III. Об участии третьих держав в договорах

§ 111. По общему правилу трактат обязателен только для контрагентов. Об участии в нем третьей державы возникает речь вследствие вступления или присоединения к главным сторонам постороннего государства, на которое распространяются через это заключенные ими обязательства. Это присоединение бывает добровольное или принужденное, формальное или неформальное (официозное) и обнаруживается: 1) в виде дружеских услуг; 2) посредничества; 3) присоединения; 4) приступления, и 5) вмешательства.

1) Дружеские услуги (*bons offices*). Они оказываются по доброму желанию третьей державы или по просьбе договаривающихся сторон, и состоят в улаживании соглашения между последними, в склонении их к миролюбивому окончанию спора или в ходатайстве перед одним контрагентом в пользу другого. Правительство, оказывающее "добрые услуги", не участвует в договоре и не есть сторона в обязательстве. Примеров заключения международных сделок при посредстве "дружеских услуг" постороннего государства очень много, и приводить их излишне.

2) Посредничество (*mediation*). Сравнительно с предыдущим, этот вид участия в договоре третьей державы представляет гораздо больше определенности. Посредничающая держава участвует в переговорах формальным образом, обыкновенно по приглашению обеих сторон или одной из них, в редких случаях самостоятельно, и старается устроить соглашение на основе своих предложений. Роль ее прекращается только после заключения договора или вследствие полной неудачи переговоров. Исполнение принятого при ее посредничестве обязательства она не обеспечивает, но может стать стороной на основании особого акта приступления к договору.

3) Присоединение (*adhesion*). Это есть формальное заявление со стороны какой-либо державы о признании обязательности для нее известного трактата, уже заключенного государствами. Такое заявление делается обычно по приглашению договаривающихся сторон и распространяется лишь на известные принципы,

выставленные в договоре, или на часть обязательств, принимаемых третьим государством безусловно или с оговорками. Вообще присоединение есть менее торжественное принятие трактата, нежели приступление, и часто переходит в это последнее.

Так, например, к декларации императрицы Екатерины II 28 февраля 1780 г. о началах морского международного права многие державы сперва "присоединились", заявив, что они признают эти начала согласными как со своими интересами, так и с правосознанием цивилизованных народов; но затем, по предложению Екатерины, те же державы заключили формальные акты (трактаты и конвенции) с Россией и обязались взаимно охранять принципы, провозглашенные в декларации, всеми своими морскими и сухопутными силами (первый Вооруженный нейтралитет). Это было уже "приступление" к акту, изданному Екатериной.

Парижская декларация 1856 г., подписанная восемью державами на Парижском конгрессе, была затем сообщена всем другим государствам, которые почти все "присоединились" к ней, но не "приступили", ибо между ними не было заключено особых трактатов, определяющих (подобно трактатам Вооруженного нейтралитета) условия, при которых эта декларация должна быть соблюдена. Из этого, конечно, не следует, чтобы Парижская декларация имела менее обязательной силы, нежели декларация Екатерины II, так как форма признания ни в чем не изменяет существа юридического обязательства.

4. Приступление (accession). Под этим актом разумеется формальное и торжественное вступление третьей державы в договор, принятие его целиком на совершенно равных с главными договаривающимися сторонами правах. Для действительности такого акта необходимо, чтобы он был принят первыми договаривающимися державами.

В этой форме последовало признание различными государствами обязательности для них Венских трактатов 1815 г., акта Священного союза и др.

5. Вмешательство (intervention). Мы уже говорили (§ 76), что вмешательством, в отличие от посредничества, следует считать всякого рода нежелаемое сторонами вторжение в происходящие относительно заключения трактата переговоры или в состоявшееся уже соглашение. Оно всегда имеет насильственный характер и, в принципе, не должно иметь места. Оно правомерно в одном только случае: когда заключенный трактат или переговоры нарушают законные права посторонней державы.

IV. О внешней форме международных договоров

§ 112. Для международных договоров внешняя форма далеко не имеет такой важности, какая придается ей в частном обязательственном праве. Собственно, об обязательности той или иной формы трактатов не может быть и речи, ибо в области международных отношений нет верховной власти, которая могла бы предписывать соблюдение каких-либо форм. И действительно, международные обязательства заключаются в самых разнообразных формах.

Вообще можно сказать, что внешняя форма международных договоров определяется важностью их содержания и способами их заключения. Но будут ли они называться трактатами или конвенциями, протоколами или дипломатическими нотами, они одинаково обязательны для подписавших их государств.

Поэтому несостоятельно мнение, выражаемое некоторыми государственными деятелями, что декларация не есть международный акт, равнозначный договору, и не имеет его обязательности. Они утверждают, что декларация провозглашает известные общие начала, разумность которых государства, к ней

присоединяющиеся или ее издающие, констатируют своими подписями, нисколько, однако, не обязываясь к неременному их соблюдению.

Но факты противоречат такому мнению.

Обязательность Парижской морской декларации до сих пор не оспаривается еще ни одним государством. Вообще признана также Петербургская декларация 1868 г. о неупотреблении во время войны разрывных пуль весом менее 400 г и уважается, как всякий договор, заключенный государствами. Несомненна также обязательность декларации 1 (13) января 1885 г. относительно выдачи преступников между Россией и Пруссией.

Как показывает практика, международные договоры могут быть заключены даже обменом письмами между государями. В такой именно форме заключили важные обязательства относительно политических интересов императрица Екатерина II и германский император Иосиф II*(114).

Согласно сказанному, различные названия международных договоров не оказывают никакого влияния ни на характер обязательств, принимаемых на себя государствами, ни на их силу. Обыкновенно трактатами называются те международные договоры, которые заключаются в особенно торжественных формах и случаях, как, например, по окончании войны (трактаты о мире).

Они начинаются воззванием: "Во имя Св. Троицы", если заключены между христианскими державами, или - в договорах с Портой - "Во имя Всемогущего Бога". Затем следует изложение обстоятельств и поводов, вызвавших заключение трактата, и наименование уполномоченных держав, которые участвовали в переговорах. При этом исчисляются должности, титулы и ордена, принадлежащие этим лицам. Сам трактат излагается в виде отдельных статей и подписывается уполномоченными. Ратификация дается по заключении трактата собственноручным подписанием главы государства.

Что касается конвенций, то по форме своей они менее торжественны, начинаются прямо с изложения мотивов, за которыми излагаются статьи и следуют подписи уполномоченных. Ратификация необходима и дается в той же форме, как и для трактатов.

Все международные договоры пишутся в настоящее время на французском языке. Только Англия остается верна своему языку и на нем дает все инструкции своим уполномоченным и сообщает ноты.

В сочинениях по международному праву был спор относительно вопроса, может ли государство обязываться словесными договорами? Так как общеустановленной для международных договоров формы не существует, то обязательства государств, принимаемые словесно, вполне возможны и должны выполняться так же свято, как и обязательства письменные. Нет никаких юридических оснований оспаривать их допустимость и обязательность в области свободных международных отношений.

На практике иногда заключались такие договоры. В 1697 г. состоялся в этой форме союз между Россией и Пруссией. Петр Великий и курфюрст Бранденбургский Фридрих III, при личном свидании в Пилау дали торжественное обещание, "чтоб в удобной и потребной случай, друг другу против всех неприятелей, а особливо против Шведа вспомогать всеми своими силами". Затем, подав друг другу руки, государи обменялись поцелуями и скрепили свой договор клятвой*(115).

Впрочем, хотя словесные международные договоры возможны и в настоящее время, тем не менее конституционные порядки в современных государствах мало благоприятны для их заключения.

V. Виды международных договоров

§ 113. В науке международного права неоднократно делались попытки разделить (классифицировать) международные договоры на известные виды. Но сделанные до сих пор опыты этого рода не были особенно удачны.

Уже Гуго Гроций пробовал установить такое деление трактатов, которое отвечало бы особенному существу международных обязательных отношений. Таким делением было, по его мнению, разделение трактатов: 1) на договоры, коими определяются обязательства, сами собой вытекающие из естественного права, и 2) договоры, дополняющие те обязательства новыми, естественному праву неизвестными. Но какие именно обязанности имеют своим источником естественное право, это определить едва ли возможно вследствие неясности самого понятия естественного права.

В новейшее время Гефтер разделил трактаты на следующие три вида: 1) договоры установительные (Constitutiv-Vertrage), на основании которых государства приобретают известные права, таковы: договоры о границах, о разделе, о займе и т.п.; 2) договоры определительные (Regulatorische Verträge), коими регулируются политические и социальные отношения государств, например, договоры об условиях взаимных сношений между государствами; наконец, 3) договоры о товариществе или союзные (Gessellschafts-Verträge), обязывающие государства к общим действиям ради достижения определенной цели.

Но это деление крайне сбивчиво. Собственно, все договоры, как установительные, так и другие, одинаково создают известные права и налагают обязанности, а также все они, а не одни только определительные трактаты - как полагает Гефтер - регулируют "условия взаимных сношений государств".

По мнению Блюнчли, трактаты можно разделить: 1) на обязательства, заключаемые непосредственно между двумя или несколькими государствами, и 2) на договоры и сделки, которые совершаются между подчиненными должностными лицами и местами. Деление это еще неудачнее, ибо государства сами, очевидно, не могут заключать договоров; таковые же от его имени заключаются разными уполномоченными; но все договоры, кем бы они не были заключены, обыкновенно утверждаются верховной государственной властью.

Весьма многие писатели делят международные договоры просто на трактаты и конвенции. Различие между трактатами и конвенциями они усматривают в том, что первые требуют постоянного, непрерывного действия со стороны государства; напротив, вторые исполняются совершением одного определенного акта.

Этой классификации придерживаются, например, Ваттель, Мартенс, Уитон и из русских ученых профессор Стоянов. Последний говорит, что из всех разделений договоров это представляется наиболее простым и целесообразным, и прибавляет, что, в отличие от трактатов, конвенциями "устанавливается чье-нибудь реальное право на вещь".

Относительно этого деления можно заметить, что оно вообще основано на случайном факте большей или меньшей торжественной формы и способа заключения договоров, а не на различном характере их содержания. Кроме того, деление это, в особенности как понимает его Стоянов, совершенно несостоятельно с юридической точки зрения. Нельзя согласиться, чтобы все конвенции осуществлялись "единовременно", ни тем более, чтобы ими "устанавливалось реальное право на вещь". Так, например, картели о выдаче преступников называются конвенциями, но никакого вещного права, понятно, не устанавливают. Не создают ничего подобного также конвенции, заключаемые в интересах правосудия, охранения литературной и художественной собственности, натурализации и многое другое.

Наконец, есть еще мнение, что международные договоры могут быть

разделены на реальные и личные. Под первыми разумеются договоры, связывающие государства, как юридические личности; под вторыми - договоры, коими обязываются только монархи, их подписавшие. Эта классификация не имеет большого практического значения, так как в настоящее время огромное большинство трактатов заключают государства, как субъекты международного права; число же личных договоров, касающихся интересов одних государей, весьма ничтожно.

По содержанию, независимо от внешней своей формы, международные договоры могут быть, по нашему мнению, разделены только на политические и социальные*(116). Под эти две категории, имеющие точно определенный и вполне отличный друг от друга характер, подходят все международные обязательства, какой бы формы они ни были и как бы они ни назывались.

К договорам политическим принадлежат все трактаты, касающиеся интересов и прав государств, как, например, договоры о территориальных владениях государств, о международных повинностях, о правах и обязанностях в отношении открытого моря, все мирные трактаты и др. Договоры социальные имеют в виду удовлетворение социальных интересов и культурных потребностей как целых народов, так и отдельных общественных классов и лиц. К ним должны быть отнесены конвенции о литературной собственности, выдаче преступников, натурализации, правах и обязанностях различных духовных обществ, в особенности же международные торговые договоры, о судоходстве и мореплавании.

Ввиду вышесказанного о влиянии социальных интересов на международные отношения понятно, что увеличение числа социальных международных договоров есть лучшее доказательство развития международных сношений и оборотов. Мнение известного английского юриста и политического деятеля, Монтэтью Бернара, что вообще число трактатов уменьшается и что чем меньше их будет, тем лучше для международного мира, это мнение более парадоксально, чем основательно. Не уменьшение числа вообще договоров показывает развитие мирных международных отношений, но сокращение только трактатов с политическим содержанием. Действительно, число политических международных договоров, сравнительно говоря, уменьшается в последнее время. В особенности это можно видеть на союзных договорах, которые заключались в XVII и XVIII столетиях в огромном множестве. Некоторые монархи того времени находились в союзе чуть не со всеми государствами. Заключались оборонительные и наступательные союзы, на срок и без срока, против определенных государств или всех держав. Союзные договоры часто нарушались и потому редко служили делу мира и развитию международных отношений. Исключение составляют первый и второй Вооруженные нейтралитеты, заключенные с прямой целью охранения мирных коммерческих сношений от посягательств морских воюющих держав, в особенности Англии. В настоящее время формальные союзы представляют редкое и исключительное явление. Современные государства проникнуты тем сознанием, что союзы между ними установятся сами собой через связывающие их взаимные интересы, а не какими-либо политическими комбинациями, лишенными реальной почвы.

VI. Исполнение международных договоров

§ 114. Подобно частным обязательствам, международные договоры должны быть исполняемы добросовестным образом. Без этого условия они не имели бы решительно никакого значения и смысла. Исполнение *bona fide* предполагает согласие его не только с буквой, но и духом договора. Допускаемое некоторыми писателями различие в исполнении главных и второстепенных постановлений трактата несостоятельно. Так как все статьи договора одинаково подписаны и

утверждены верховной властью, то все они одинаково обязательны, и нарушение одной, хотя бы и не важной, равносильно нарушению целого трактата. Ввиду первостепенной важности международных договоров, нельзя достаточно категорически настаивать на положении: "Pacta sunt servanda". Приостановка в их исполнении или совершенное их неисполнение может быть допущено, но только с согласия всех договаривающихся сторон.

Это начало было выражено и скреплено подписью главнейших европейских держав на Лондонской конференции 1871 г., в приложении к протоколу заседаний 5 (17) января. Здесь сказано: "Уполномоченные Северной Германии, Австро-Венгрии, Великобритании, Италии и Турции, собранные сегодня на конференции, признают за существенное начало международного права, что ни одна держава не может освободить себя от обязательств трактата, ни изменить его постановлений иначе, как с согласия договаривающихся сторон, достигнутого посредством дружественного соглашения".

Таковы основные принципы, относительно которых теория и практика согласны между собой. Что касается средств и форм исполнения международных обязательств, то они определяются внутренним законодательством и администрацией каждой страны. Во всяком случае государство, подписавшее договор и давшее ему свою ратификацию, обязано его обнародовать и вообще принять все меры, посредством которых может быть достигнуто и обеспечено его исполнение.

В конституционных государствах те договоры, которые для своей действительности требуют согласия палат, не подлежат публикации ранее, нежели оно не последует. Договоры, не нуждающиеся в такой согласии, обнародуются в порядке издания административных распоряжений. У нас все трактаты публикуются во всеобщее сведение Правительствующим Сенатом точно так же, как законы или Высочайше утвержденные мнения Государственного Совета.

Необнародование договоров может быть равносильно их неисполнению. Поэтому каждая сторона в обязательстве вправе требовать от другой, чтобы договор, заключенный между ними, был доведен до сведения тех, которые обязаны его исполнять. Секретные статьи и договоры не публикуются, но, конечно, и они должны быть сообщены всем местам и лицам, которых могут касаться.

VII. Международные способы обеспечения договоров

§ 115. Отсутствие международного суда и невозможность применения к государствам принудительных средств для исполнения ими принятых на себя обязательств издавна уже побуждали изыскивать способы наилучшего обеспечения заключенных трактатов. Как показывает история и международная практика, с этой целью прибегали к различным средствам, из которых некоторые применяются до настоящего времени, другие же вышли из употребления и имеют лишь исторический интерес. Рассмотрим главные из способов этого рода и покажем, насколько они действительны с юридической точки зрения.

1. Присяга. Это был обыкновенный способ обеспечения международных договоров в средние века, но практиковался и в новое время.

Так, словесный договор 1697 г. между Петром Великим и курфюрстом Бранденбургским Фридрихом III был скреплен обоюдной торжественной присягой этих государей. В последний раз присяга была применена к договору между Швейцарией и Францией, заключенному в Солотурне в 1777 г.

Практическая несостоятельность этого средства очевидна. Как чисто религиозный обряд, присяга может связывать только лиц, которые ее принесли, но

ни в каком случае не государство, как юридическую личность, которая есть единственный субъект международного обязательства. Впрочем, уже в средние века это средство сильно дискредитировали разрешения пап, даваемые за деньги.

2. Заложники (otages). Как и присяга, представление заложников в обеспечение трактатов было обычным явлением в средние века.

Последний известный случай применения этого средства относится к 1748 г., когда для исполнения Аахенского трактата, заключенного в том же году между Францией и Англией, потребовалось отправить в Париж, в качестве заложников, двух английских пэров.

Теперь это средство не употребляется, ибо нисколько не достигает цели. В самом деле, государство, которому даны заложники, имеет по отношению к ним только одно право - удерживать их у себя до исполнения договора. Подвергать их каким-либо мучениям или казнить их оно не может. Да и что выиграет оно от лишения жизни заложников по отношению к заключенному обязательству?

Теперь заложники берутся иногда в военное время при совершенно особых условиях, о которых мы скажем при рассмотрении права войны.

3. Заклад и залог (оккупация). Заклады вещей (движимости) с целью обеспечить исполнение договора встречались редко даже в прежнее время. Едва ли не единственный пример такой сделки представляет заклад Польшей своих коронных бриллиантов Пруссии. Залог же имеет некоторое практическое значение и теперь. Он состоит в занятии войсками одного государства части территории другого, пока последнее не исполнит своего обязательства.

Залог употреблялся часто в прежнее время, но признается действительным средством и поныне. В 1713 г. Петр I отдал завоеванный Штетин со всей Шведской Померанией прусскому королю с условием, чтобы он открыто стал на сторону России в войне со Швецией и охранял бы эти владения от Шведов. В 1808 г. Пруссия вынуждена была отдать в залог Наполеону I крепости Штетин, Кюстрин и Глогау до уплаты 140 миллионов франков контрибуции. На основании второго Парижского трактата 1815 г. союзные войска должны были занимать восточные департаменты Франции, пока она не уплатит 700 миллионов франков контрибуции. Версальский мирный трактат 1871 г. также постановил, что обеспечением уплаты Францией в пользу Германии 5 миллиардов контрибуции будет служить оккупация германскими войсками части французской территории.

Бывают, кроме того, случаи, когда правительство предоставляет частным лицам - своим кредиторам - в виде залога тот или другой источник государственных доходов, обеспечивающий исправное погашение займа и уплату процентов. Такими залогами пользуются, например, английские и французские кредиторы Турции и Египта.

Юридические отношения между государствами - залогодателем и залогодержателем не вполне подходят под понятие о залоге гражданского права. Различие выражается как в предмете, так и в действии этого рода обязательств. Предметом международного залога является территория государства, а не частная собственность. Затем, тогда как в частноправовых отношениях просроченный залог обыкновенно подлежит продаже, в отношении международных, в случае неисполнения обязательства, заложенная (занятая) территория присоединяется к владениям оккупанта. О положении частных лиц - кредиторов государства - мы уже говорили выше (гл. I, § 87): предоставление им залога со стороны правительства ни в чем не изменяет этого положения.

Право на залог прекращается с выполнением обязательства, которое им обеспечивается, или же и ранее по взаимному соглашению сторон.

4. Поручительство (гарантия). Из всех международных способов обеспечения договоров - этот наиболее удовлетворяет своей цели. Он основывается на

действительном сознании государствами солидарности своих интересов, ввиду которой они принимают на себя обязательство обеспечить отдельно или сообща исполнение данного трактата, защищать права данного народа или охранять известное положение вещей (status quo). По существу своему акт гарантии есть дополнительный договор и судьба его связана с главным.

По своему содержанию международное поручительство представляет следующие три главные вида.

1) Поручительство в пользу охранения известного порядка вещей. Так, например, европейские державы до настоящего времени гарантируют вечный нейтралитет Швейцарии, Бельгии, Люксембурга, Ионических островов и государства Конго.

2) Поручительство за исполнение известного действия, например, за уплату долга. Так, греческий заем 1833 г. был гарантирован Францией, Англией и Россией; турецкий 1855 г. - Англией и Францией.

3) Поручительство в охранении известного внутреннего строя народа. Например, конвенцией 1775 г. между Россией, Австрией и Пруссией была гарантирована неприкосновенность старой польской конституции. За исполнение органического устава Восточной Румелии поручились державы, делегаты которых принимали участие в его составлении.

Нельзя не заметить, что этот третий вид поручительства ненормален, ибо каждое государство должно оставаться независимым во внутренних своих делах. Поручительство за охранение данного государственного порядка у народа обыкновенно служило предлогом к вмешательству в его дела.

В отношении формы различаются простая и сложная гарантии.

Простое поручительство бывает в том случае, когда какое-либо третье государство одно ручается за исполнение данного договора. Так, например, Мария-Терезия гарантировала союзный трактат 4 мая 1758 г. между Францией и Данией. В данном случае государство-поручитель самостоятельно определяет, когда наступит момент для настаивания на исполнении гарантированного договора.

Сложная форма поручительства является, во-первых, в виде взаимной гарантии государствами неприкосновенности своих владений или прав.

Примером может служить Мюнхенгрецкая конвенция 1833 г., на основании которой Россия и Австрия обоюдно гарантировали друг другу спокойное и мирное владение польскими провинциями (ст. 1). В 1807 г. Россия и Франция Тильзитским трактатом взаимно поручились за целостность принадлежащих им владений.

Во-вторых, коллективная гарантия есть общее поручительство нескольких государств за сохранение известного порядка вещей или неприкосновенности владений и прав данного народа.

Трактатом 1832 г. Англия, Франция и Россия поручились сообща за сохранение независимости Греции. Трактаты Венский 1815 г. и Лондонские 1831, 1839 и 1867 гг. постановили о вечном нейтралитете Швейцарии, Бельгии и герцогства Люксембургского. В 1856 г. Австрия, Франция и Англия заключили между собой договор о гарантии неприкосновенности Османской империи.

Поручительство вызывается или интересами только непосредственно участвующих в нем держав, или интересами всего международного общения. В первом случае акт гарантии есть обыкновенно дополнительный договор к главному, во втором - это самостоятельный акт. Обстоятельства и условия возникновения гарантии могут быть выяснены только изучением истории ее заключения в каждом отдельном случае.

Действие поручительства различно. Если гарантия вызвана только интересами государств-поручителей, то они обязаны исполнить свой долг или отдельно, или вместе, по требованию государства, за права которого они

поручились. Если между поручителями не состоится соглашения насчет общих действий, то каждый поручитель может исполнить свой долг отдельно. Относительно действия коллективной гарантии ни в теории, ни на практике нет единогласия.

В 1867 г., по случаю принятия на себя правительством английским поручительства в вечной неприкосновенности Люксембурга, лорд Дерби, в палате пэров, разрешил вопрос о последствиях этого акта для Англии. По его мнению, Англия взяла на себя обязанность, в случае посягательства на Люксембург, действовать сообща с другими гарантами, но отнюдь не обязана одна жертвовать собой в пользу исполнения поручительства. Такое толкование противоречит, однако, фактам.

Во время франко-прусской войны, когда нейтралитет Бельгийского королевства подвергался опасности, английское правительство обратилось ко всем державам, поручившимся за целостность Бельгии, с предложением вновь подтвердить ее формальным актом. Заинтересованные кабинеты отклонили это предложение, находя, что существующие обязательства достаточно ясны и не требуют нового определения. Однако Англия этим не удовольствовалась и заключила особые договоры с Францией и Пруссией, постановлявшие, что в случае нападения на Бельгию одной из этих держав войска английские соединятся с другой для совместного действия против нападавшего.

Действительно, при коллективной гарантии, принятой на себя державами ввиду общенародных интересов, все они обязаны вместе исполнить поручительство, но в случае разногласия каждая отдельно сохраняет за собой право вмешательства и даже обязана одна содействовать осуществлению гарантии на собственный страх и риск.

В чем состоят меры, принимаемые поручителем для выполнения своего обязательства, это чисто вопрос факта. Ни в каком случае нельзя требовать от поручителя, чтобы он жертвовал своей жизнью для охраны чужой независимости. *Ultra posse nemo tenetur*. От него нельзя также требовать совершения какого-либо безнравственного или физически невозможного действия.

Поручительство прекращается по соглашению между гарантами: вследствие отказа от поручительства того государства, в пользу которого оно заключено; истечением срока действия договора, наконец, с уничтожением объекта гарантии.

VIII. О толковании международных договоров

§ 116. Старые писатели весьма подробно останавливались на тех правилах, согласно которым должны быть толкуемы договоры неясные или возбуждающие сомнение. Правила эти они заимствовали из римского права.

Соглашаясь вполне, что начала гражданского права применимы к интерпретации трактатов, все-таки должно избегать опасности слишком распространять их на международные договоры, так как субъекты, объекты и действие этих последних отличны от частноправовых обязательств. Мы ограничимся приведением главнейших правил, безусловно применимых к толкованию трактатов.

Все международные договоры должны быть толкуемы *bona fide*: всегда необходимо предполагать, что государства, его подписавшие, имели в виду добросовестное его толкование и исполнение. Лучшими толкователями договоров являются сами государства-контрагенты, если они между собой согласны.

Интерпретация трактатов заключается в истолковании: 1) слов и 2) элементов, мыслей, содержания договора.

Толкование слов состоит в выяснении: а) буквального смысла слов, б) их грамматической конструкции и с) логической связи между словами и предложениями.

Содержание договоров истолковывается определением: а) исторического происхождения трактата; б) согласия его постановлений с господствующими началами международного права и с) намерения, цели, духа договора.

Само собой разумеется, что при интерпретации слов должно понимать их в обыкновенном смысле, а не в каком-нибудь странном и невозможном. Противоречия между отдельными статьями устраняются применением логики и выяснением намерения договаривающихся сторон. Понятно также, что всякое специальное постановление договора отменяет или ограничивает действие общего; что сомнительное постановление должно быть интерпретируемо в смысле наименее отяготительном для обязанной стороны и т.д.

Примеров применения этих правил на практике очень много. Приведем один, взятый нами из дел архива Министерства Иностранных Дел.

В 1845 г. Австрия обратилась к императору Николаю I с просьбой быть третейским судьей в споре ее с Сардинией, возникшем из конвенции, заключенной между ними в 1751 г. Сардинское правительство разрешило провоз транзитом из Генуи в Тессинский кантон 4000 центнеров соли. Австрия протестовала, ссылаясь на акт 1751 г., который запрещал торговлю солью между Сардинией и швейцарскими кантонами. Когда же сардинское правительство стало доказывать, что транзитная торговля не запрещена договором 1751 г., который, кроме того, уже потерял обязательную силу, Австрия увеличила пошлины на пьемонтские вина. Император Николай не взял на себя обязанности третейского судьи, но выразил мнение, что по духу спорной конвенции право на стороне Сардинии, по букве - на стороне Австрии.

IX. Прекращение действия и обязательности международных договоров

§ 117. Обязательная сила трактата уничтожается, если при его заключении нарушено какое-либо из субъективных или объективных условий его юридической годности, о которых сказано выше. Так, например, явный обман, ошибка или насилие над личностью уполномоченного делают договор ничтожным. В этом отношении к международным договорам приложимы начала гражданского обязательного права. Но трактаты не подчиняются никаким предписаниям гражданского права относительно обязательных форм заключения договоров.

Действие международного договора по праву прекращается: 1) вследствие совершения акта, установленного договором, если только последний не обязывает к постоянному действию; 2) вследствие наступления резолютивного условия; 3) вследствие наступления срока, на который договор заключен; 4) в силу обоюдного или, если это разрешено договором, одностороннего отказа от договора; 5) вследствие гибели объекта; 6) вследствие смерти обязавшегося субъекта. В последнем случае предполагается, что договор заключен государем и касается личных его интересов. Выше мы заметили, что договоры, лично заключенные монархами, почти не встречаются в настоящее время. Наконец, 7) договор утрачивает обязательность по причине существенного изменения обстоятельств, ввиду или ради которых он был заключен.

Из перечисленных случаев требуют некоторого объяснения: во-первых, заключение договоров на срок, во-вторых, перемена в условиях, при которых государства принимают на себя обязательства.

Трактаты, заключенные на срок, обыкновенно отличаются определенностью взаимных прав и обязанностей сторон и добровольностью самого соглашения. По

истечении срока такие договоры весьма часто возобновляются, причем возможность их возобновления большей частью специально оговаривается в отдельной статье, гласящей, что оба контрагента вправе продолжить действие договора, и та сторона, которая не желает этого, обязана предупредить о том другую по крайней мере за год до истечения срока; в противном случае договор считается молчаливо продолженным еще на год.

Подобного рода условие имеется, например, в конвенциях о литературной собственности, заключенных Россией с Францией и Бельгией на 10 лет. По истечении 9 лет русское правительство, кажется, желало заявить о своем отказе от этих конвенций, но только в 1895 г. оно объявило Франции и Бельгии, что отказывается от соблюдения как конвенции, заключенной с первой державой в 1861 г., так и конвенции, заключенной в 1862 г. с Бельгией.

К срочным договорам принадлежат все торговые трактаты, договоры о мореплавании, о выдаче преступников и др. Напротив, мирные трактаты все заключаются "на вечные времена". Условие это - вместе с характеристической чертой мирных договоров - вынужденностью их заключения - приводит к тому, что такие договоры обыкновенно скоро по их подписании нарушаются. Ввиду этого нельзя не согласиться, в принципе, с предложением Дж. Ст. Милля, который, по поводу отказа России в 1870 г. от исполнения известных статей Парижского трактата, доказывал, до какой степени нелепо связывать государство "вечными" обязательствами. Он высказал то мнение, что разумно можно обязать народ только договором, заключенным на определенный срок, не превышающий жизни одного поколения.

Действительно, нет смысла ограничивать, тем более вовсе отменять мирным трактатом какое-нибудь основное право государства "на вечные времена". Но выставить более или менее точный срок для обязательности таких договоров все-таки трудно. Лучше заранее предвидеть возможность их пересмотра и поставить время его в зависимость от каких-нибудь условий.

Относительно перемены обстоятельств, при которых последовало заключение трактата, необходимо заметить, что последний всегда подписывается с молчаливым предположением, что он будет иметь силу, пока останутся неизменными условия, при которых он был подписан. Это так называемая "*clausula rebus sic stantibus*", правда, часто прикрывала произвольное нарушение договоров и понималась в том смысле, что всякое изменение обстоятельств влечет на законном основании прекращение действия договора. Но злоупотребления не доказывают, конечно, чтоб само правило не имело никакого значения. Из существа международных договоров следует, что государство может разумно обязываться только ввиду государственной цели, и всякое заключенное им обязательство существует, пока согласно с этой целью. Поэтому действие трактата прекращается при таком изменении взаимного положения сторон, которое делает означенную цель недостижимой, а дальнейшее признание трактата ставит государство в опасность.

Х. Прибавление: международные обязательства из дозволенных и недозволенных действий

§ 118. Гефтер первый перенес учение гражданского права об обязательствах *quasi ex contractu* и *ex delicto* в сферу международного права. Заслуга его в этом отношении неотрицаема. Действительно, в международных отношениях не только формальные соглашения, но и различного рода действия, по-видимому, ничего общего с договорами не имеющие, приводят к тем же последствиям, как и трактаты. Теория Гефтера в этом вопросе страдает только тем недостатком, что смешивает

гражданское право с международным.

I. Обязательства *quasi ex contractu*. Они встречаются чрезвычайно редко в международных отношениях. В числе примеров подобных обязательств Гефтер приводит, между прочим, случай *negotiorum gesto* с международным характером, дающий право на вознаграждение, именно - когда какой-либо иностранный государь или республиканское правительство примут на себя регентство в стране по причине малолетства или неспособности ее государя. Едва ли что-нибудь подобное может иметь место в настоящее время. Примером международного обязательства *quasi ex contractu* скорее может служить обязанность вознаграждения государства за занятие войсками и управление чужой территорией, вызываемое обстоятельствами военного времени.

Так, например, русские войска и чиновники, по окончании последней восточной войны, больше года оставались в Болгарии и в Восточной Румелии с целью охранения этих провинций и поддержания в них порядка. Факт этот создал в пользу России право на вознаграждение, признанное Берлинским трактатом; но оно существовало бы и без такого признания.

II. Обязательства *ex delicto*. Преступление дает право потерпевшему на вознаграждение за причиненный ему материальный ущерб и нравственную обиду. Хотя в области международных отношений нельзя говорить о преступлениях, совершаемых народом, но и здесь возможны нарушения права, устанавливающие, как и в частных отношениях, обязательство виновной стороны вознаградить материально, возратить вещь или дать нравственное удовлетворение потерпевшему государству.

Нарушение чужого права в международных отношениях может быть совершено: 1) самими государствами или суверенами; 2) должностными лицами и 3) частными лицами.

Из этих случаев наиболее простыми являются первые два. Нет сомнения, что если права государства будут нарушены другим государством, его главой или чиновниками, то потерпевший народ имеет право требовать возмещения убытков и удовлетворения с виновной стороны.

Когда русский посланник в Лондоне, Матвеев, был в 1708 г. остановлен на улице, вытасен из кареты и посажен в тюрьму за неплатеж долга в 50 фунтов стерлингов, то Петр Великий немедленно потребовал удовлетворения. Английское правительство ничего не возражало против этого требования и не только сейчас же освободило Матвеева, но и издало закон о неподсудности дипломатических агентов английским властям, список которого был препровожден к Петру с торжественным посольством.

Более спорной представляется ответственность государства за преступления, совершенные его подданными. На основании общепризнанных начал права частное лицо, в принципе, само отвечает за все преступления или нарушения права, в которых будет виновно. Оно подлежит суду иностранного государства, если находится и совершило правонарушение в его пределах; если же удалится в свое отечество или будет виновно в преступлении против чужого государства, совершенном на отечественной территории, то наказуется по своим законам. Об ответственности государства за действия своего подданного может быть речь только в том случае, если по требованию заинтересованной стороны оно не примет никаких мер к преследованию и наказанию виновного. В таком случае устанавливается солидарность между государственной властью и частным лицом - правонарушителем. Тогда вопрос получает международный характер и улаживается дипломатическим путем. Наконец, в области международных отношений существуют еще такие недозволенные действия, которые одинаково нарушают интересы всех народов и поэтому должны преследоваться повсеместно. Сюда

относятся: морской разбой, торговля невольниками, разрушение морского кабеля и вообще повреждение средств международных сообщений.

Мартенс Ф.Ф.

---

* (1) Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1898. Т. 2. С. 6. Статья о Ф.Ф. Мартенсе в этом издании была составлена на основе сведений, представленных им самим.

* (2) Лесмент Л. Новые сведения из жизни Ф.Ф. Мартенса // Советское право. Таллинн, 1975. N 5. С. 359.

* (3) Именем "Фромгольда, Федорова сына" Мартене назвал себя в прошении о зачислении на государственную службу по ведомству Министерства иностранных дел, датированном 21 декабря 1868 г. См.: Пустогаров В.В. Федор Федорович Мартене - юрист, дипломат. М., 1999. С. 95.

* (4) После образования Эстонской республики Антс Пийп (1884-1941) занимал здесь в разное время посты министра иностранных дел, военного министра, государственного старейшины (главы государства).

* (5) См.: Лесмент Л. Новые сведения из жизни Ф.Ф. Мартенса. С. 358.

* (6) Там же. С. 359.

* (7) Кох О.Б. "Одинокий человек с книгой" - Ф.Ф. Мартене и Русско-японская война 1904-1905 гг. // Немцы в государственности России. СПб., 2004. С. 133.

* (8) См. о происхождении Ф.Ф. Мартенса: Пустогаров В.В. Федор Федорович Мартенс - юрист, дипломат. С. 11-13, а также: Иваненко В.С. Юрист Ф.Ф. Мартенс - великий ученый, педагог, дипломат // Немцы в государственности России. С. 117.

* (9) Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета. С. 7. Профессор И.И. Ивановский имел ввиду немецкого правоведа и дипломата Г.Ф. Мартенса (1756-1821) и его племянника К.Ф. Мартенса (1790-1863). См.: Дипломатия, или руководство к познанию внешних государственных сношений для посвящающих себя дипломатической службе барона К. Мартенса. М., 1828.

* (10) См.: Мартенс Ф.Ф. **О праве частной собственности во время войны**. СПб., 1869.

* (11) В том же году текст данной лекции вышел в свет отдельной брошюрой.

* (12) Ее текст был издан в том же году отдельной книгой. В 1874 г. докторская диссертация была опубликована в Германии на немецком языке.

* (13) Таубе М.А. Ф.Ф. Мартенс (1845-1909). Некролог. СПб., 1909. С. 8-9.

* (14) Мартенс Ф.Ф. Брюссельская декларация о законах и обычаях войны // Военный сборник. СПб., 1875. N 6. С. 213-293.

* (15) На это обстоятельство указал в своей статье, посвященной Мартенсу, барон Б.Э. Нольде. По словам Бориса Эммануиловича, "официальное положение" Мартенса "само по себе не давало ему на то никаких особых прав", его авторитет как советника определялся его "личным достоянием" (Нольде Б.Э. Ф.Ф. Мартенс // Русская мысль. 1909. Декабрь. С. 20-21).

* (16) См.: Мартене Ф.Ф. Гагская конференция мира: культурно-исторический очерк // Вестник финансов, промышленности и торговли. СПб., 1900. N 3. С. 5-28; Martens F.F. La Conference de la Paix a la Haye: Etude d'histoire contemporaine. Paris, 1900.

* (17) См. об этом: Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917) / Научный редактор У.Э. Батлер, ответственный редактор В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2005. С. 400.

- *(18) Цит. по: Пустогаров В.В. Федор Федорович Мартенс - юрист, дипломат. С. 268.
- *(19) Название "droit des gens" означает более теорию международного права.
- *(20) Грабарь В.Э. Римское право в истории международных правовых учений. Юрьев, 1901.
- *(21) Известно классическое определение jus gentium у Гая (Inst. 1,1): "Quod vero naturalis ratio inter omnes homines constituit, id apud omnes populos peraeque custoditur vocaturque jus gentium, quasi quo jure omnes gentes utuntur. Et populus itaque Romanus partim suo proprio, partim communi omnium hominum jure utitur".
- *(22) Случаи нарушения рыцарями данного слова и совершения бесчеловечных жестокостей против врага не опровергают, конечно, нравственного и культурного значения самого института рыцарства. Срав. также: бар. Таубе. История зарождения современного международного права (Средние века). СПб., 1894.
- *(23) Ср.: Бережков. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879, гл. III и след.
- *(24) В течение пяти лет продолжались комические переговоры насчет того, кому первому надлежало въехать в Мюнстер и в какие ворота; кто первый поднимется по лестнице и войдет в зал совещаний; кого посадить справа от председателя и кого слева; какие титулы давать представителям различных государств и т.д.
- *(25) Вот ответ Людовика XV парижскому парламенту 3 марта 1766 г.: "C'est en ma personne seule que reside l'autorite souveraine... C'est a moi seul qu'appartient le pouvoir legislatif sans dependance et sans partage. L'ordre public tout entier emane de moi...".
- *(26) Это постановление Утрехтского трактата получило новое подтверждение в дипломатической переписке между Англией и Францией, происходившей с 1842 по 1847 г., по поводу женитьбы французского принца герцога Монпансье на сестре испанской королевы Изабеллы.
- *(27) Ср.: Брикнер. Русские дипломаты - туристы в Италии в XVII столетии. Москва, 1878, с. 6 и след.
- *(28) Мое "Собр. трактатов", т. X. Трактаты с Англией. Введение. Толстой. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией 1553-1593 гг. СПб., 1875. Введение.
- *(29) Впрочем, иногда затрагивались также вопросы иного свойства. В 1569 г. в Лондон был отправлен посланником Совин, которому было приказано обратиться к королеве Елизавете, между прочим, со следующим вопросом: "Что если ему, государю, случится какая невзгода от недругов, то дозволено ли будет ему приехать в Англию? Равным образом ежели то же и с королевой воспоследует, то и она может приехать свободно в Россию".
- *(30) См. подробности относительно исторического развития сношений России с Австрией во **введении** к т. 1 моего "Собрания трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами" (СПб., 1874).
- *(31) См. мое "Собрание трактатов и конвенций", т. V. Трактаты с Германией. СПб., 1880. Введение.
- *(32) См. мое "Собрание трактатов и конвенций", т. XIII. Трактаты с Францией. 1902. **Введение**.
- *(33) См.: **Введение** к т. X моего "Собрания трактатов и конвенций". 1892. Трактаты с Англией. Срав. также: Александренко. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. Варшава, 1897. 2 тома.
- *(34) "Сей король, - писал канцлер гр. Воронцову 1 августа 1744 г., - будучи ближайшим и наисильнейшим соседом сей империи (России), потому натурально и наиопаснейшим, хотя бы он такого непостоянного, захватчивого, беспокойного и

возмутительного характера и нрава не был, каков у него (Фридриха II) суще есть". См. мое "Собрание трактатов, заключенных Россией", т. V, с. 337 и след.

*(35) Мое "Собрание трактатов", т. I, N 17 и 20.

*(36) Мое "Собрание трактатов", т. I, N 29; т. V, N 215.

*(37) То же, т. V, с. 389 и след.

*(38) См. историческое введение к N 30, в моем "Собрании трактатов", т. II.

*(39) Мое "Собрание трактатов", т. II, N 30, 31, 32, 33, 34, 44, 45, 48, 49, 50, 51, 52.

*(40) Мое "Собрание трактатов", т. II, N 35.

*(41) См. мое "Собрание трактатов" т. II, с. 281 и 282.

*(42) Милютин. История войны 1799 года между Россией и Францией. СПб., 1857. 5 томов.

*(43) Мое "Собрание трактатов", т. II, N 54 и 56.

*(44) См. мое "Собрание трактатов", т. II, с. 374 и след. - Срав. в особенности для истории сношений России с Францией в эту эпоху изданный в 1902 г. XIII-й том моего "Собрания трактатов".

*(45) Мое сочинение **"О праве собственности во время войны"**. СПб., 1869, с. 249.

*(46) Мое "Собрание трактатов", т. XIII, с. 276 и след.

*(47) Мое "Собрание трактатов", т. III, с. 33 и след.

*(48) В русском правительстве тогдашнего времени были два противоположных мнения относительно политики России после изгнания Французов. См. мое "Собрание трактатов", т. III, с. 93 и след.

*(49) Мое "Собрание трактатов", т. III, с. 111 и след.

*(50) Всеобщее негодование, возбужденное в Европе коварным убийством французских посланников на Раштаттском конгрессе 1799 г., укрепило сознание в неприкосновенности дипломатических агентов.

*(51) Мое соч.: **"О праве частной собственности во время войны"**, с. 251 и след.

*(52) Мое "Собрание трактатов", т. II, N 37 и 38. См. в особенности т. IX моего "Собрания трактатов", с. 259 и след. Также мое соч. **"О праве частной собственности во время войны"**, с. 241 и след.

*(53) В первый раз упоминается о "политическом равновесии" в Утрехтском трактате 1713 г. Но в течение времени понятие о равновесии постоянно изменялось и было определяемо весьма различно.

*(54) Мое "Собрание трактатов", т. IV, часть 1, N 99.

*(55) См. мое "Собрание трактатов", т. III, N 79-96.

*(56) Мое "Собрание трактатов", т. VII, N 288-296.

*(57) Срав. мое "Собрание трактатов", т. XI, с. 242 и след.

*(58) Срав. мое "Собрание трактатов", т. IV, ч. 1, NN 130 и 131. Мое "Собр. тракт.", т. XI, с. 344 и след.

*(59) См. исторический очерк дипломатических переговоров, предшествовавших началу Крымской войны, в моем "Собрании трактатов", т. XII (1898), N 456.

*(60) Очерк дипломатических переговоров, предшествовавших войне, см. в моем соч. **"Восточная война и Брюссельская конференция 1874-1878 гг."** (СПб., 1879), глава IV.

*(61) Даневский. Очерк новейшей литературы по международному праву. СПб., 1876.

*(62) Гуго Гроций. О праве войны и мира. Три книги. М., 1956.

*(63) Эмер де Ваттель. Право народов. М., 1960.

*(64) Первая попытка собрания международных договоров была сделана во

Франции, в XVI столетии, Tillet; в XVII и следующих столетиях: число таких сборников было уже очень велико.

*(65) Русский перевод барона К. Таубе, 1880.

*(66) Русский перевод под редакцией гр. Комаровского, 1876.

*(67) См.: Памятники дипломатических сношений, т. II, с. 370. Мое "Собрание трактатов", т. VII, N 291.

*(68) Вот почему до настоящего времени говорят еще о европейском международном праве, хотя эта квалификация неверна в том отношении, что современное международное право распространяет свое действие также на цивилизованные государства Америки, которые, по примеру Северных Соединенных Штатов, объявили его обязательным для себя.

*(69) Относительно этого кардинального вопроса о пространстве действия положительного международного права господствует в современной литературе полное смешение понятий: один автор списывает у другого или ссылается на "авторитет" другого, без всякой критики.

*(70) Более подробно доказывается это положение в моем сочинении: **"О консулах и консульской юрисдикции на Востоке"** (СПб., 1873), с. 513 и след. См., кроме того, мое соч.: "Россия и Англия в Средней Азии" (СПб., 1880), с. 10-23.

*(71) Главнейшие сборники международных обычных начал следующие: *Rooles d'Oleron* (XII ст.); *Consolato del Mare* (XIV ст.); *Guidon de la mer* (XVI ст.)

*(72) С этой точки зрения, собрания трактатов получают особенное значение. Укажем на главнейшие: Россия - мое "Собрание трактатов", 13 томов. Также Сборник действующих трактатов и конвенций, имеющих отношение к военному мореплаванию. Изд. Морского Министерства. СПб., 1885. Сборник действующих тракт., и конв. (изд. МИД), 1889, 4 тома.

*(73) Поэтому мнение Блунчли, что постановление "европейского конгресса" обязательно для всех государств, даже для тех, которые формальным образом к нему не приступили, совершенно неправильно.

*(74) См. развитие этих аргументов в моем соч.: **Восточная война и Брюссельская конференция**, с. 47 и след.

*(75) Учрежденная в 1873 г. "Association pour la reforme et la codification du droit international" преследует отчасти те же цели, как Институт: членами ее могут быть все интересующиеся вопросами международного права. Никакого умственного ценза не полагается.

Наконец, в 1880 г. учреждено в С.-Петербурге русское "Общество международного права", также поставившее себе целью "покровительствовать всем попыткам кодификации принципов международного права".

*(76) Мое "Собрание трактатов", т. IV, ч. II, N 160 (с. 751).

*(77) Мое "Собрание трактатов", т. IV, ч. II, N 174 (с. 1050); Казанский. Всеобщие административные союзы государств. Одесса, 1897, 3 тома.

*(78) Развитие этих идей см. в части Особенной, **глава II** и след.

*(79) Его соч.: Рассуждение о мире и войне. 1803.

*(80) Лебедев. Графы Никита и Петр Панины. 1863, с. 301 и след.

*(81) Князь Горчаков имел полное основание возмущаться таким нарушением "основного принципа справедливости".

*(82) "Respublica est coetus multitudinis juris consensu et utilitatis communione sociatus". De republica, lib. I, с. 25.

*(83) Подробное рассмотрение примеров опущено.

*(84) Признание нового титула обыкновенно давалось только под условием неуменьшения титула и почетных прав других государей. Срав., например, "декларацию от 8 июля 1742 г. Российского Двора о том, что признание Венским Двором Императорского титула за Русскими государями не изменит ни в чем

существующего церемониала и прав Австрии". Мое "Собр. трактатов", т. I, N 15; т. V, N 20.

*(85) На основании протокола, подписанного в Гроппау 19 ноября 1820 г., уполномоченные трех северных великих держав объявили, что "союзные державы" (т.е. Австрия, Россия и Пруссия) исключат из Европейского союза всякое государство, которое во внутреннем своем устройстве вследствие "мятежа" подверглось бы изменениям. См. мое "Собрание трактатов", т. IV, ч. 1, N 122.

*(86) Прежде других признали Голландия и Пруссия, в 1722 г. (см. мое "Собрание трактатов", т. V, N 204), Венский двор (Австрия) в 1744 г., Франция в 1762 г., Польша только в 1764 г.

*(87) Положение Венского конгресса 7 (19) марта 1815 г. относительно дипломатических агентов, ст. VI. См. мое "Собрание трактатов", т. III, с. 529 и след. Срав.: Rivier. Principes, t. I, p. 286; t. II, p. 22 et suiv.

*(88) Термин "British Empire" (Британская Империя) выражает принцип международного единства всех английских владений.

*(89) В донесении (необнародованном) князя Долгорукова из Берлина, от 14 (25) октября 1763 г., говорится, что выселение прусских подданных в Россию задерживается всеми способами со стороны прусского правительства, которое приказало всем пограничным властям не пропускать переселенцев. Даже были приняты меры, чтобы манифест не сделался известным.

*(90) Австрийский посланник в С.-Петербурге, барон Претлак, даже обвинял русского посланника при Венском дворе в подстрекательстве Сербов к переселению и требовал, чтоб ему это было возбранено. См. мое "Собрание трактатов", т. 1, с. 184.

*(91) Литература этого весьма спорного в свое время вопроса очень богата. В русской литературе: Гр. Камаровский. Начало невмешательства. Москва, 1874.

*(92) Мое "Собрание трактатов", т. II, с. 372. Милютин. История войны 1799 г. между Россией и Францией, т. II, с. 447 и след.

*(93) Такого указа от 17 августа 1815 г. в Полном Собр. Зак. не имеется.

*(94) По конвенции, заключенной 2 марта 1882 г. между Англией и Персией, английские суда получили право останавливать суда под персидским флагом, если можно их заподозрить в торговле рабами. Захваченные невольники освобождаются, а персидские мореходцы, торгующие невольниками, передаются персидскому суду.

*(95) Из Архива Министерства Иностранных Дел.

*(96) Ст. 17 трактата с Бухарой: "В угодую Государю Императору Всероссийскому и для вящей славы Е.И. Величества, высокопочтенный эмир Сеид-Музефар постановил: отныне в пределах бухарских прекращается на вечные времена постыдный торг людьми, противный законам человеколюбия". Такого же содержания ст. 17 мирного трактата с Хивой.

*(97) Нота графа Киселева графу Нессельроде от 29 августа (10 сентября) 1839 г. Вот слова лорда Пальмерстона из ноты его графу Киселеву от 15 августа 1839 г.: "this case may be thought by the Emperor to afford valid reasons to induce His Imperial Majesty to concur with the other Powers of Europe in a Treaty, which will prevent the Russian flag from being hereafter used for purposes of Slavetrade". (Все это дело извлечено из архива Министерства Иностранных Дел). См. мое "Собрание трактатов", т. XII, с. 168 и след.

*(98) Впрочем, как видно из депеши лорда Грэнвилля к английскому послу в С.-Петербурге от 28 (16) декабря 1881 г., само английское правительство убедилось, по новом внимательном изучении этого дела, что английские евреи не могут иметь в России больше прав, чем пользуются сами русские евреи в Империи, и что статьи 1 и 11 действующего коммерческого трактата 1858 г. могли предоставить британским подданным только права, которые русские законы признают за русскими

подданными.

*(99) Шалланд Л. Юридическая природа территориального верховенства, т. I. СПб., 1903.

*(100) Симеон. О завладении по междунар. праву. СПб., 1894.

*(101) Из бумаг архива Министерства Иностранных Дел, относящихся к этому интересному делу, заслуживают особенного внимания депеши гр. Нессельроде к русскому посланнику в Вашингтоне, г. Полетике, и инструкции барону Туилу, назначенному для улажения этого спора в Вашингтон, от 27 июня 1823 г. См. мое "Собр. тракт.", т. XI, с. 304 и след.

*(102) Вашингтонское правительство, вопреки законам Соединенных Штатов и началам международного права, не находило нужным представить заключенную конвенцию к ратификации со стороны Сената.

*(103) Справ. мое "Собрание трактатов", т. V, § 187 и 195.

*(104) Мое "Собрание трактатов", т. III, с. 15.

*(105) Мое "Собрание трактатов", т. IV, ч. I, с. 457.

*(106) Любопытное рассуждение о рассматриваемом вопросе составил барон Бруннов в январе 1837 г. под заглавием: "De la jurisdiction qu'une puissance, qui possede le rivage, est en droit d'exercer sur la mer circonvoisine". (Архив).

*(107) Примечание. Весьма часто публицисты смешивают "береговое" и "территориальное" море, обозначая и то и другое или одним общим названием территориального моря, или же не соединяют ни под каким общим термином заливы, бухты, рейды и т.д.

*(108) Из дел архива Министерства Иностранных Дел. Всеподданнейшие отчеты за 1836 и 1837 гг., ср. мое "Собр. тракт.", т. XII, с. 62 и след.

*(109) Мое "Собр. тракт.", т. V, с. 88, приложение § 1 (с. 379).

*(110) Мое "Собр. тракт.", т. V, с. 90, приложение § 2 (с. 386).

*(111) Мое "Собр. тракт.", т. I, с. 64, приложение § 1 (с. 311 и след.).

*(112) Ibidem, т. V, прилож. § 3. Справ.: Соловьев. История, т. XXV, с. 88 и след.

*(113) Ib., т. XIII, приложение. - Garden. Histoire generate des traites, t. IX, p. 308 et suiv.

*(114) См. мое "Собрание трактатов", т. II, § 36.

*(115) Мое "Собрание трактатов", т. V, § 182, с. 52.

*(116) Jellinek. Von den Staatenverbindungen, S. 106 исходит из тех же основных положений и пришел совершенно самостоятельно к тем же выводам. Он разделяет международные договоры на административные (Verwaltungs-vertrage) и политические (politische) договоры. Первые совпадают с "социальными" договорами по нашему разделению. Еллинек, сочинение которого вышло несколькими месяцами позже появления первого русского издания настоящего тома и до появления немецкого его издания, не мог знать принятой нами системы.